DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
кабинет 26

Телефон: 8 (3022) 35-24-79

Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE

“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Transbaikal Territory,
Russia, 672007

Phone: 8 (3022) 35-24-79

Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 15, № 6
2020

Vol. 15, No. 6
2020

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Исторические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающие редакторы

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, OAJI, CiteFactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Co-цонет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Тематика журнала связана с *ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Идейная канва контента становится основанием для осмысления социокультурных проблем в рамках всемирной, отечественной и региональной истории. Также в журнале представлены статьи по востоковедению, освещающие проблемы материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы выпуска будут интересны широкой научной общности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2020

Редактор Е. В. Валюкова, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 17.12.2020. Дата выхода в свет 21.12.2020.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 20193

Усл. печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Historical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal
in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikalian State University (Chita, Russia)

Main Handling Editor

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor,
Transbaikalian State University (Chita, Russia);

Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute
for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian
Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude,
Russia);

Goncharov, Yuri M., Doctor of History, Professor, Altai State
University (Barnaul, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals
Directory, OAJI, CiteFactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google
Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon,
IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The dominant subject matter of the journal is connected
with *key meanings, values and artifacts of culture*. This ideolo-
gical outline of the journal's content becomes the basis for
understanding of a wide range of sociocultural problems within
world, national and regional history. The issue also presents
papers on oriental studies covering the issues of material and
intellectual culture of Oriental countries.

Materials will be interesting to the wide scientific com-
munity, university lecturers, postgraduate students, students,
workers in culture and education.

© Transbaikalian State University, 2020

Editor E. V. Valyukova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 17.12.2020. Date of publication 21.12.2020.

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 20193.

Conv. quires 23,9. Ed.-print quires 21,7. Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikalian State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеевас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовице, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гралья Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрон**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжун-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, Elmira M.**, Doctor of Philology, Chief Researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of History, Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

АКСИОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Дозморов В. А. Культурно-историческое направление в русской медиэвистике рубежа XIX–XX столетий	8
Лясевич В. И. Актуальные направления в новейших исследованиях пьяноборской и кара-абызской археологических культур	14
Шевцов В. В., Вячистый Д. Д. Взаимоотношения советской власти и технической интеллигенции в 1917–1919 годах	23
Юрганова И. И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века)	34

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Бреславский А. С. Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989–2019)	44
Мамкина И. Н. Организация школьного образования на Забайкальской железной дороге в начале XX века	54
Плотникова Е. В. Вторая волна национализации банковской сферы в Иркутской губернии в начале 1920 года	62
Беспалько Д. Н. Нормативно-правовые акты Дальневосточной республики (1920–1922), регулирующие правила охотничье-промысловой деятельности населения	72

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Гончаров Ю. М., Дмитриева Л. М. Семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX века	81
Жукова А. Е. Прислуга в земских медицинских учреждениях России второй половины XIX – начала XX века	91
Крайнева И. А. Николай Андреевич Чинакал: личность в науке	101
Митрофанов В. В. «Летом очень доволен...»: переписка С. Ф. Платонова из Валуек	114
Яковлева Е. Л. В поисках города рождения Галы Дали	123
Ярославцева Т. А. Регистрация актов гражданского состояния: история и современность (на примере Хабаровского края)	132

СМИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Автаева Н. О., Бейненсон В. А., Болдина К. А. Эволюция роли женщины в семье и общественной сфере (на примере отечественной женской периодики конца XIX – начала XXI века)	139
Горячева Е. А. Становление и распространение общенационального телевизионного вещания в Японии (от экспериментального вещания до 60-х годов XX века)	151
Дроботушенко Е. В. Иностранная пресса об изменении отношения советской власти к православию в 1943 году (по материалам ТАСС)	162

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

Базаров А. А., Хартаев В. В. Трактат Кенсур Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма»: генезис буддийской монастырской системы в Северо-Западном Китае	172
Полянская О. Н. Монголоведение в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов	180
Цыренов Ч. Ц. Четыре высших клана эпохи Восточная Цзинь (317–420 гг. н. э.)	189

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. СУДЬБЫ

Курас Л. В. От концепции фатума к теории поколений (к 75-летию со дня рождения профессора Цымжит Пурбуевны Ванчиковой)	198
---	-----

CONTENTS

AXIOLOGY OF RUSSIAN HISTORY

Dozmorov V. A. Cultural and Historical Direction in Russian Medieval Studies of the Turn of the XIX–XX Centuries	8
Lyasovich V. I. Actual Trends in the Latest Research of the Pianobor and Kara-Abyz Archaeological Cultures	14
Shevtsov V. V., Vyachisty D. D. Relations Between the Soviet Government and the Technical Intelligentsia in 1917–1919	23
Yurganova I. I. Christianization and Execution of Orthodox Rites on the Eastern Outskirts of the Empire (the Second Half of the XVIII Century)	34

THE BAIKAL REGION IN THE GEOPOLITICAL AND HUMANITARIAN DIMENSION

Breslavsky A. S. Dynamics of Urbanization Processes in Zabaikalsky Krai (1989–2019)	44
Mamkina I. N. Organization of School Education on the Trans-Baikal Railway in the Beginning of the 20th Century	54
Plotnikova E. V. The Second Wave of Nationalization of the Banking Sector in Irkutsk Province in the Early 1920s	62
Bespal'ko D. N. Normative Legal Acts of the Far Eastern Republic (1920–1922) Regulating the Rules of Hunting and Fishing Activities of the Population	72

HISTORY OF EVERYDAY LIFE: EVENTS AND DESTINIES

Goncharov Yu. M., Dmitrieva L. M. Family Life of Poles in Western Siberia in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Century	81
Zhukova A. E. Servants in Russian Zemstvo Hospitals in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries	91
Krayneva I. A. Nikolai Andreevich Chinakal: a Personality in Science	101
Mitrofanov V. V. “I’m Very Happy in the Summer ...”: S. F. Platonov’s Correspondence From Valuyki.....	114
Yakovleva E. L. In Search of Gala Dali’s City of Birth	123
Yaroslavtseva T. A. Registration of Acts of Civil Status: History and Modernity (The Case of Khabarovsk Territory)	132

THE MEDIA: THE PAST, THE PRESENT, THE FUTURE

Avtaeva N. O., Beynenson V. A., Boldina K. A. The Evolution of the Role of Women in the Family and the Public Sphere (The Case of Domestic Women’s Periodicals of the Late 19 th – Early 20 th Century)	139
Goryacheva E. A. History of Television Broadcasting Development in Japan (From Experimental Broadcasting to Nationwide Broadcasting in the 1960s)	151
Drobotushenko E. V. The Foreign Press about the Change of Attitude of Soviet Power to Orthodoxy in 1943 (According to TASS)	162

ARCHEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

Bazarov A. A., Khartayev V. V. Kensur Nawang Nima’s Treatise “The Lamp of Collected Quotations from Classical Works of the Buddhist History”: the Genesis of the Buddhist Monastic System in Northwest China	172
Polyanskaya O. N. Mongolian Studies in the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945	180
Tsyrenov Ch. Ts. The Four Highest Clans of the Eastern Jin Era	189

PEOPLE. EVENTS. FATES

Kuras L. V. From the Concept of Fate to the Theory of Generations (to the 75th Anniversary of the Professor Vanchikova Tsymzhit Purbuevna)	198
---	-----

АКСИОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

AXIOLOGY OF RUSSIAN HISTORY

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-8-13

Валерий Александрович Дозморов,
Керченский политехнический колледж
(г. Керчь, Россия),
e-mail: Dozmorov-Valeriy@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8027-7277>

Культурно-историческое направление в русской медиевистике рубежа XIX–XX столетий

В статье рассматриваются взгляды русских учёных, занимавшихся изучением средневековой западноевропейской культуры, а именно представителей культурно-исторической школы в медиевистике рубежа XIX–XX вв. Взаимоотношения исторической науки и современности – важная проблема: только через раскрытие многообразных влияний современности на историческую науку возможно подлинное понимание её действительного развития. Цель статьи – создание целостного образа культурно-исторического направления русской медиевистики начала XX в. в контексте эпохи; демонстрация взаимодействия и взаимоотражения русской историографии начала XX столетия с культурной средой Серебряного века. Задачи исследования – представить основные проявления культуры Серебряного века; рассмотреть проблемы западноевропейской культуры в работах русских историков начала XX столетия. Методы исследования – холистический (позволяющий познать явление в контексте эпохи); историко-сравнительный (отечественная историография начала XX в. на фоне общеевропейского контекста); генетический (связь русской медиевистики начала XX в. с предшествующей традицией). Автор приходит к выводу, что в целом отечественная медиевистика начала XX столетия развивалась в традициях общеевропейской медиевистики своего времени. Многие моменты, о которых так или иначе идёт речь в трудах историков этого времени, находят (за некоторым исключением) отражение в дальнейших разработках периода второй половины XX в.

Ключевые слова: культура Серебряного века, русская медиевистика, русская философия XX века, ренессансная ситуация в России

Valery A. Dozmorov,
Kerch Polytechnic College
(Kerch, Russia),
e-mail: Dozmorov-Valeriy@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8027-7277>

Cultural and Historical Direction in Russian Medieval Studies of the Turn of the XIX–XX Centuries

The article discusses the views of Russian scientists who studied medieval Western European culture, namely the cultural-historical school in medieval studies at the turn of the 19th–20th centuries. The relationship between historical science and modernity is an important issue. Only through the disclosure of the diverse influences of modernity on historical science, a genuine understanding of its actual development can be possible. The goal is to create a holistic image of the cultural and historical direction of Russian medieval studies of the early XX century in the context of the era. Demonstration of interaction, interrelation of Russian historiography of the beginning of the XX century with the cultural environment of the Silver Age. The objectives of the study: firstly, to present the main manifestations of the Silver Age culture; secondly, to consider the problems of Western European culture in the works of Russian historians of the early XX century. We used the following methods to achieve the goal: first, a holistic method that allows you to know the phenomenon in the context of the era. In order to understand a certain part (the cultural-historical direction in Russian medieval studies of the beginning of the 20th century – in this case), it is necessary to understand the era as a whole, the cultural environment (culture

© Дозморов В. А., 2020

of the Silver Age), which affects its constituent parts. Further, a historical-comparative method that allows us to present Russian historiography in the beginning of the 20th century against the backdrop of a pan-European context. A genetic method that allows you to determine the relationship between Russian medieval studies of the beginning of the 20th century and the previous tradition, in this case, the development of medieval studies in the second half of the 19th century. Overall, domestic medieval studies of the beginning of the 20th century developed in the traditions of pan-European medieval studies of the same time. Many of the points that, one way or another, are discussed in the writings of historians of this time were found, with some exceptions, reflected in further developments already during the second half of the 20th century.

Keywords: culture of the Silver age, Russian medieval studies, Russian philosophy of the XX century, the Renaissance, the situation in Russia

Введение. Место науки в обществе зависит от того, насколько эффективно она способствует удовлетворению тех или иных общественных потребностей. Науки, призванные изучать человеческое общество в различных его аспектах, могут претендовать на определённое значение в этом обществе лишь в том случае, если их результаты отвечают актуальным общественным интересам своего времени. Всякая общественная наука должна быть современна.

В данной работе будут рассмотрены взгляды русских учёных, занимавшихся изучением средневековой западноевропейской культуры, а именно культурно-историческая школа в медиевистике на рубеже XIX–XX столетий. Взаимоотношение исторической науки и современности – это важная проблема. Только через раскрытие многообразных влияний современности на историческую науку возможно подлинное понимание её действительного развития. Для отечественной историографии последней четверти XIX – начала XX в. было характерно особое внимание к западной истории. Стимулом к изучению истории Западной Европы эпохи Средневековья было их стремление понять некоторые общие закономерности и опереться на опыт стран, которые прошли тот же путь, который предстояло пройти России [4]. Цель работы – в целом соответствует названию работы: создание целостного образа культурно-исторического направления русской медиевистики начала XX столетия в контексте эпохи. Задачи исследования: во-первых, представить основные проявления культуры Серебряного века; во-вторых, рассмотреть проблемы западноевропейской культуры в работах русских историков начала XX в.

Методология и методы исследования. Методы, позволяющие достичь поставленной цели: прежде всего, это метод холистический (от англ. *whole* – целый, весь), позволяющий познать явление в контексте эпохи. Для того чтобы познать определённую часть (в данном случае – культурно-историческое направление в русской меди-

евистике начала XX в.), необходимо понять эпоху в целом, культурную среду (культура Серебряного века), которая влияет на свои составные части и во многом формирует их. Далее историко-сравнительный метод, благодаря которому, можно увидеть русскую историографию начала XX столетия на фоне общеевропейского контекста. Генетический метод даёт возможность представить связь русской медиевистики начала XX в. с предшествующей традицией, в данном случае – развитие медиевистики во второй половине XIX столетия.

Результаты исследования и их обсуждение. Издавна утверждают, что XIX столетие было главным периодом в складывании исторической науки в России. Особая роль принадлежала в этом Т. Н. Грановскому. Именно он, историк западного мира, доказал своим слушателям, что современность есть необходимый результат разумного развития. Обращаясь в своих лекциях и трудах к XIV–XV вв., Т. Н. Грановский находил в них ответ на многие вопросы современности [11, с. 64].

На рубеже XIX–XX вв. среди русских историков выделяется группа, специализирующаяся на изучении идейной жизни и культуры средневековья. В Московском университете В. И. Герье (1837–1919) был одним из первых представителей культурно-исторического направления русской медиевистики. Его привлекали сюжеты из истории церкви и религии [1, с. 364]. Именно ему принадлежит заслуга в ведении в практику университетских занятий в России исторических семинаров. Эти семинары, где преподавание основывалось на углублённом изучении источников, были хорошей школой исследовательского мастерства. Любимым учеником В. И. Герье был один из наиболее талантливых представителей русской культурно-исторической школы, профессор московского университета М. С. Корелин (1855–1899). Он единственный из учеников В. И. Герье избрал своей основной специальностью историю культуры. Наибольший интерес представляют работы М. С. Коре-

лина, посвящённые ренессансной теме и гуманизму. Заслуга состоит в том, что учёный сумел по-иному осветить характерные черты гуманистической культуры [10, с. 6].

Интерес к проблемам средневековой культуры в начале XX столетия пробуждается и в Петербургском университете. Здесь инициатором в разработке этой тематики и главой культурно-исторической школы выступал И. М. Гревс (1860–1941), профессор Петербургского университета. Предметом его научных изысканий стали средневековые города Италии и Франции, он много раз ездил в эти страны и изучал их памятники. И. М. Гревс вырабатывал у учеников навыки владения методами исторического анализа и работы с первоисточниками, широкий исторический кругозор, умение видеть за строками документа живую жизнь ушедших веков, что только и создаёт настоящих историков [7, с. 217]. В целом И. М. Гревс явился родоначальником той культурно-исторической школы в Петербургском университете, которая выдвинула на первый план комплексное изучение духовной жизни средневековья как некоего культурного единства. Среди близких учеников И. М. Гревса в разное время были: Н. А. Сергиевская, Н. П. Анциферов, Н. М. Соколов, Н. П. Оттокар, Л. И. Новицкая, О. А. Добиаш-Рождественская, В. Э. Крусман, А. Я. Закс, С. Ф. Знаменская, Л. П. Карсавин, Н. С. Врасская, Т. Б. Лозинская и др.

Ученик И. М. Гревса, один из выдающихся учёных отечественной медиевистики, упрочивший положение отечественной исторической науки в мировом научном движении – Л. П. Карсавин. В 1913 г. он защитил магистерскую, а в 1916 г. – докторскую диссертации. Обе были посвящены итальянскому средневековью, а именно его религиозной стороне. В 1922 г. был избран ректором Петроградского университета, однако в том же году вместе с другими деятелями культуры Л. П. Карсавин был выслан из страны. К проблемам религии в конкретно-историческом и философском смысле Л. П. Карсавин обращался в течение всей своей жизни. Строго говоря, лишь десятилетие (1905–1915) было отдано Л. П. Карсавиным медиевистике в собственном смысле этого слова. История, философия, религия были для Л. П. Карсавина разными этапами рефлексии, ступенями познания самого себя, погоней за разгадкой собственного существования [5, с. 62]. Его постоянно тревожил вопрос о сущности духовной субстанции. Средневековая религиозность для Л. П. Карсавина – инструмент

самовоспитания. Он словно всматривается в духовный опыт прошлых поколений и постоянно берёт что-то из него для себя [8]. Основная теория Л. П. Карсавина заключается в том, что представление о творении и воплощении сходятся в идее кенозиса. То, что их объединяет – это процесс жертвенного саморазъединения и восстановления единства, которые также определяют его мнение о Троице [12, с. 83].

Весьма самобытным учёным в области средневековой культуры была О. А. Добиаш-Рождественская (1874–1939). Она ученица И. М. Гревса с Бестужевских женских курсов в Петербурге. Стала первой женщиной в России магистром и доктором всеобщей истории. Её можно считать одной из пионеров в разработке в русской медиевистике проблем социальной психологии применительно к средневековому периоду. Главный вклад О. А. Добиаш-Рождественской в отечественную медиевистику связан с трудами по латинской палеографии [2]. Каждая рукопись для неё была, прежде всего, памятником духовной и материальной культуры той или иной отдельной эпохи, на широком фоне которой она всегда рассматривала этот памятник.

Западноевропейской культурой повседневности интересовался так же К. А. Иванов (1858–1919) – российский поэт и историк. Работы Константина Алексеевича Иванова предоставляют возможность представить, чем жили люди в эпоху Средневековья. В своих исторических работах он так сумел показать средневековый замок, средневековый город, средневековую деревню, что появляется впечатление причастности к жизни средневековых персонажей [3; 6]. Работы К. А. Иванова не переиздавались с начала XX в., хотя и были весьма популярны в своё время.

Следует обратить внимание на то, что интерес к проблемам средневековой культуры в России возник в прямой связи с культурной обстановкой конца XIX – начала XX в. Это особое время: величайший взлёт русской культуры, получивший название Серебряного века [14]. Это время, когда происходил тектонический ментальный сдвиг, характер которого раскрывается не в политических и экономических документах, а в памятниках духовного наследия. Обращение к духовному наследию делает более объёмным наше историческое зрение. Подлинно глубокое и всестороннее осмысление самых судьбоносных исторических процессов, отношений между людьми, социальны-

ми группами невозможно без учёта контекста духовной жизни общества.

Культурное явление – это не просто второстепенный элемент общественной жизни, возникающий на определённом историческом фоне. Это неотъемлемая составляющая истории, её непосредственное и наиболее адекватное выражение, основной показатель психологического климата, состояния умов и нравов людей. Изучение культурных феноменов даёт возможность многогранного осмысления порождающих и сопровождающих контекстов [17, с. 85].

Облик процессов, протекающих во всех сферах общественной жизни, определяется характером мировидения, менталитетом тех или иных социальных групп и общества в целом. Внешние события сопровождались переломом в сознании. Характер ментальных процессов влиял на определение путей дальнейшего развития России. Выбор, предопределивший всю историю России в XX в., зависел, прежде всего, от состояния умов, от самосознания общества. Так, Аврил Пайман указывает, что задолго до бедствий XX столетия уже давало о себе знать в обществе какое-то гнетущее чувство, возрастающее ощущение тревоги. Среди многих причин исследователь называет одну из важнейших – кризис веры. Когда речь идёт именно о России, следует помнить, что крайний восточный бастион Европы пережил эпоху веры, не был затронут Ренессансом, но зато в лице образованных высших классов общества был подвержен влиянию Просвещения. Данная аномалия создала своеобразный разлом в культуре, который просуществовал до революции 1917 года [13].

Самосознание – движущая сила духовной жизни. Это совокупность психологических, нравственных, интеллектуальных процессов, выражающихся в политических убеждениях, иерархии нравственных ценностей, эстетических символах. Особый смысл приобретает самосознание культурной элиты общества, наиболее мыслящей и образованной среды. Сюда, естественно, следует отнести не только философов, общественных деятелей, но и представителей интеллектуального сообщества – русских учёных-историков.

Самосознание культурной элиты – ведущий компонент духовного творчества [16]. Роль крупного явления в истории культуры определяется не только общими признаками, оригинальностью созданных произведений, спецификой стиля, но и главными действующими лицами – теми, кто его

представлял и прославил, выделившись из общего ряда свойствами характера и темперамента. Именно к ним обращались последующие поколения в поисках образцов для подражания и источников вдохновения [9].

Рассматривая наиболее характерных представителей культурно-исторического направления в русской медиевистике рубежа XIX–XX вв., предпочтение было отдано учёным Москвы и Петербурга. В связи с тем, что в эпоху Серебряного века (начало XX столетия) можно наблюдать дихотомию Москвы и Петербурга, проявившуюся в философии, искусстве, мировоззренческих установках населения этих городов, то о чём писал в своём очерке «Три столицы» Г. П. Федотов [15, с. 56]. Однако на историографическом материале подобную дихотомию проследить сложно.

Проблематика исследований, методологические установки московской и петербургской школ были в целом схожи. Процесс создания в университетах Москвы и Петербурга интеллектуальных сообществ происходил вокруг учёных-основоположников (В. И. Герье – в Москве и И. М. Гревс – Петербурге), оказавших большое влияние на развитие исследований, связанных с историей культуры.

На рубеже XIX–XX столетий отечественная медиевистика развивалась самым динамичным образом, во многом опережая своих коллег из Франции, Германии и других европейских государств. Так, французская медиевистика в это время достигла определённых успехов в области частных локальных исследований и в области создания более широких по тематике обобщающих трудов, посвящённых разным сторонам средневековой истории. В Германии интерес к идейной истории средневековья так же проявился во второй половине XIX в. Наряду с политической и дипломатической историей, а также историей права, теперь активно разрабатывается история культуры.

Представители культурно-исторического направления в русской медиевистике начала XX в. сделали много для развития исторической науки. В условиях новой социально-политической реальности (особенно после 1917 г.) те, кто не сумел перестроиться на новый марксистско-ленинский «лад», были высланы из страны и пополнили ряды русской эмиграции за рубежом, продолжая там создавать научные шедевры. Получилось так, что к историографии Серебряного века в советское время обращались мало, но это и понятно. Положение стало менять-

ся только в наши дни. С начала 1990-х гг. активно переиздаются исторические сочинения эпохи русского модерна.

Обострившийся интерес к эпохе столетней давности, вероятно связан с тем, что сегодня ситуация в России во многом повторяется: новые политические и идеологические лозунги, но состояние духовной и душевной смятенности – сходное. Духовное самоопределение требует осмысления отечественной традиции, т. к. очевидно, что без прошлого нет будущего.

Заключение. Следует сделать следующие выводы: культурно-историческое направление в отечественной медиевистике начала XX в. имеет определённые традиции, идущие из предшествующего XIX столетия, исключительное значение здесь принадлежит творческому наследию Т. Н. Грановского. Отечественная медиевистика начала XX в. развивалась в рамках общеевропейской медиевистики своего времени. Во Франции заметно усилились протест против эмпиризма и тяга к историческим обобщениям, принявшая форму исканий «культурно-исторического синтеза». Наиболее энергичным посредником между идеями социологической школы

и собственно историографией стал А. Берр, создатель теории «исторического синтеза», оказавшей значительное влияние на развитие французской исторической мысли XX в. В Германии влияние на культурно-историческую школу оказал Я. Буркгардт, профессор Базельского университета, который впервые создал в историографии вполне определённую и законченную схему развития европейской культуры, оказавшую большое влияние на последующую историографию этой области. Многие моменты, о которых так или иначе идёт речь в трудах историков этого времени, находят, за некоторым исключением, отражение в дальнейших разработках второй половины XX столетия. Западные исследователи, в частности французские историки М. Блок и Л. Февр, обращались к изучению сознания, идеологии, бытия людей средневековья – всему тому, что составляет социальную психологию эпохи, а в более широком плане – его культуру. Интерес к изучению культуры и социальной психологии средних веков особенно заметен в современной западной медиевистике. В 70–80-е гг. XX в. подобный интерес проявился и в советской медиевистике (А. Я. Гуревич).

Список литературы

1. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М.: Высш. шк., 1985. 480 с.
2. Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. М.: Книга, 1987. 320 с.
3. Дозморов В. А. Западноевропейская средневековая культура повседневности в русской медиевистике начала XX века (на примере трудов Константина Алексеевича Иванова) // Высокие технологии и инновации в науке: сб. ст. Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2020 г.). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 236–241.
4. Дозморов В. А. К вопросу о взаимоотношениях исторической науки и современности (на примере культурно-исторического направления в русской медиевистике начала XX столетия) // Наука через призму времени. 2020. № 6. С. 46–52.
5. Дозморов В. А. Концепция средневековой культуры в работах Л. П. Карсавина // Signum IV: сб. науч. тр. Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. С. 34–38.
6. Иванов К. А. Многоликое средневековье. М.: Алетейя, 2001. 425 с.
7. Каганович Б. С. И. М. Гревс – историк средневековой городской культуры // Городская культура: средневековье и начало нового времени: сб. ст. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. С. 206–223.
8. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг.: Науч. дело, 1915. 360 с.
9. Корелин М. С. Очерки итальянского Возрождения. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1910. 248 с.
10. Левандовский, А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Изд-во МГУ, 1989. 251 с.
11. Лесур Ф. Переписка Льва Карсавина с Густавом Веттером // Философский политолаг: журнал Междунар. центра изучения рус. философии. 2019. № 1. С. 83–95.
12. Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 2000. 415 с.
13. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: О. Г. И., 2000. 152 с.
14. Федотов Г. П. Три столицы // Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. С. 38–47.
15. Хейзинга Й. Осень Средневековья // Сочинения: в 3 т. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. Т. 1. 416 с.
16. Цвален Регула М. Лев Толстой и русская религиозная философия // Вестник Российский институт дружбы народов. Серия «Философия». 2018. № 1. С. 85–92.

Статья поступила в редакцию 11.06.2020; принята к публикации 20.07.2020

Сведения об авторе

Дозморов Валерий Александрович, преподаватель, Керченский политехнический колледж; 298306, Россия, г. Керчь, ул. Войкова, 1; e-mail: Dozmorov-Valeriy@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8027-7277>.

Библиографическое описание статьи

Дозморов В. А. Культурно-историческое направление в русской средневековедении рубежа XIX–XX столетий // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 8–13. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-8-13.

References

1. Gutnova, E. V. Historiography of the history of the Middle ages. M: Higher school, 1985. (In Rus.)
2. Dobiash-Rozhdestvenskaya, O. A. History of writing in the Middle ages. M: Kniga, 1987. (In Rus.)
3. Dozmorov, V. A. Western European medieval culture of everyday life in Russian mediaeval studies of the early XX century (see the example of the work of Konstantin Alekseevich Ivanov. High technologies and innovations in science: collection of articles of the international scientific conference. Saint Petersburg: Humanities research Institute "National Development", 2020: 236–241 (In Rus.)
4. Dozmorov, V. A. On the relationship between historical science and modernity (on the example of the cultural and historical direction in Russian medieval studies of the beginning of the XX century). Science through the prism of time, no. 6, pp. 46–52, 2020. (In Rus.)
5. Dozmorov, V. A. The concept of medieval culture in the works of L. P. Karsavin. Signum IV: Collection of scientific papers. Signum IV. Perm: Publishing house of Perm state University, 2005. (In Rus.)
6. Ivanov, K. A. Many-faced middle ages. M: Aletaya, 2001. (In Rus.)
7. Kaganovich, B. S. I. M. Graves is a historian of medieval urban culture. Urban culture of the Middle Ages and the beginning of modern times. Leningrad: Nauka: Leningr. department, 1986: 206–223. (In Rus.)
8. Karsavin, L. P. Fundamentals of medieval religiosity in the XII–XIII centuries, mainly in Italy. Petrograd: The scientific case, 1915. (In Rus.)
9. Korelin, M. S. Essays on the Italian Renaissance. Moscow: Printing house of A. Poplavsky, 1910. (In Rus.)
10. Levandovskiy, A. A. T. N. Granovskiy in the Russian social movement. M: Publishing house of Moscow state University, 1989. (In Rus.)
11. Lesur, F. Correspondence between Lev Karsavin and Gustav Vetter. Philosophical political scientist, no. 1, pp. 83–95, 2019. (In Rus.)
12. Payman, A. History of Russian symbolism. M: Republic, 2000. (In Rus.)
13. Ronen, O. The silver age as intent and fiction. M: O. G. I., 2000. (In Rus.)
14. Fedotov, G. P. Three capitals. Sud'ba i grekhi Rossii. Saint Petersburg: Sofia, 1991: 38–47. (In Rus.)
15. Huizinga, Y. Autumn of the Middle Ages. Vol. 1. M: Publishing group "Progress" – "Culture", 1995. (In Rus.)
16. Tsvalen Regula M. Leo Tolstoy and Russian religious philosophy. Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Philosophy, no.1, pp. 85–92, 2018. (In Rus.)

Received: June 1, 2020; accepted for publication July 21, 2020

Information about author

Dozmorov Valery A., Teacher, Kerch Polytechnic College; 1 Voykova st., Kerch, 298306, Russia; e-mail: Dozmorov-Valeriy@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8027-7277>.

Reference to the article

Dozmorov V. A. Cultural and Historical Direction in Russian Medieval Studies of the Turn of the XIX–XX Centuries // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 8–13. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-8-13.

УДК 902

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-14-22

Всеволод Игоревич Лясович,*Институт истории, языка и литературы**Уфимского федерального**исследовательского центра РАН**(г. Уфа, Россия),**e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>*

Актуальные направления в новейших исследованиях пьяноборской и кара-абызской археологических культур

Понимание состояния изученности пьяноборской и кара-абызской археологических культур является достаточно актуальным для археологов Приуралья и Прикамья. Разнообразие научных подходов к осмыслению природы и характера указанных культур породили массу вопросов и проблем в научной литературе, касающихся реконструкции древней истории Южного Урала. В статье приводятся и анализируются последние работы, касающиеся истории изучения древностей пьяноборской и кара-абызской археологических культур Южного Урала эпохи раннего железа. На их основе выделены тематические историографические блоки и определены концептуальные направления в изучении упомянутых культур. Сегодняшняя ситуация показывает, что в сфере изучения лесостепных культур Приуралья эпохи раннего железа сложились определённые научные тренды, в которых развивается теоретическое знание древнейшей истории данного региона. Причём, в каждом из них затрагивается конкретная особенность функционирования кара-абызской и пьяноборской археологических культур в эпоху раннего железа на Южном Урале. Автором обозначено шесть актуальных линий развития исследований обозначенных культур: 1) историография; 2) естественно-научные методы в археологических исследованиях; 3) анализ торговых связей; 4) введение в научный оборот материалов раскопок; 5) проблемы хронологии; 6) проблемы генезиса и исторических судеб археологических культур. Во многих случаях данные теоретические разработки учёных перекликаются, формируя круг проблем и интересов, создавая дискуссии или же дополняя научные концепции друг друга. Последняя тенденция позволяет сформировать единую систему знаний и особенностей в понимании исторического развития пьяноборской и кара-абызской археологических культур.

Ключевые слова: ранний железный век, пьяноборская культура, кара-абызская культура, Южный Урал, лесостепное Приуралье, историография

Vsevolod I. Lyasovich,*Institute of History, Language and Literature**Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences**(Ufa, Russia),**e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>*

Actual Trends in the Latest Research of the Pianobor and Kara-Abyz Archaeological Cultures

Today, an understanding of the state of knowledge of the Pianobor and Kara-Abyz archaeological cultures is quite relevant for archaeologists of the Urals and Prikamye. A variety of scientific approaches to understanding the nature of the above cultures gave rise to a lot of questions and problems in the scientific literature relating to the reconstruction of the ancient history of the Southern Urals. This article cites and analyzes recent works related to the history of studying the antiquities of the Pianobor and Kara-Abyz archaeological cultures of the Southern Urals of the early Iron Age. Based on them, thematic historiographic blocks are identified and conceptual directions in the study of the above-mentioned cultures are determined. Today's situation shows that in the field of studying the forest-steppe cultures of the Ural region of the Early Iron Age, certain scientific trends have developed, in which theoretical knowledge of the ancient history of this region is developing. Moreover, each of them touches upon a specific feature of the functioning of the Kara-Abyz and Pianobor archaeological cultures in the Early Iron Age in the Southern Urals. The author outlines six actual lines of development of studies of the above-mentioned cultures: 1) historiography; 2) natural science methods in archaeological research; 3) analysis of trade relations; 4) the introduction into the scientific circulation of excavation materials; 5) problems of chronology; 6) problems of the genesis and historical fate of archaeological cultures. In many cases, these the-

© Лясович В. И., 2020

oretical developments of scientists overlap, forming a circle of problems and interests, creating discussions, or complementing each other's scientific concepts. The latter trend allows us to form a unified system of knowledge and characteristics in understanding the historical development of the Pianobor and Kara-Abyz archaeological cultures.

Keywords: Early Iron Age, pianoborskaya culture, kara-abyzskaya culture, South Ural, Pre-Ural, forest-steppes Pre-Ural, historiography

Введение. Выделение тематических направлений в истории изучения археологических культур представляется важным для конкретизации теоретического знания. Классификация научных работ позволяет разделить изучаемую литературу на определённые смысловые блоки, которые позволят увидеть особенности изучения археологических культур, выделить взаимосвязи между исследованиями. С момента возникновения археологии на Южном Урале и до сегодняшнего дня археологами накоплена огромная источниковая база, опубликовано множество статей и монографий, в которых решаются те или иные проблемы жизнедеятельности пьяноборской и кара-абызской археологических культур эпохи раннего железа.

Требуется отметить, что историографических работ, посвящённых данным культурам, крайне мало. Поэтому первым шагом для выполнения данной работы считаем необходимым:

а) выделить концептуальную направленность новейших археологических исследований пьяноборской и кара-абызской археологических культур;

б) на основании последних работ разделить историю изучения пьяноборской и кара-абызской археологических культур на соответствующие тематические разделы.

Информация по изучению пьяноборской и кара-абызской культур содержится в самой разнообразной литературе: начиная от периодических изданий, заканчивая объёмными монографиями. Однако в этой статье хотим ограничиться самыми последними работами археологов по данной теме, а именно, работами, выпущенными с 2018 г. по настоящее время. Именно в них содержатся самые свежие данные по изучению обозначенных археологических культур.

Методология и методы исследования. В данной работе применяются три метода, типичные для историографических исследований. Во-первых, задействован историко-генетический метод, раскрывающий причинно-следственную связь между периодами в историографии. Во-вторых, используется проблемный метод, заключающийся в исследовании данной темы по име-

ющимся в научной сфере теоретико-методологическим проблемам. Критический анализ привлекается с целью оценки источников и их соответствию объективности изучаемых в них явлений.

Результаты исследования и их обсуждение. *Историографические работы.* В работе С. Л. Воробьевой собрана информация, которая демонстрирует ход изучения кара-абызской археологической культуры. Большое внимание уделено изложению взглядов учёных о происхождении кара-абызской археологической культуры. В меньшей мере затронуты вопросы хозяйства, выделения кара-абыза в отдельную археологическую культуру, а также её хронологическое деление на отдельные этапы существования.

Не совсем понятной является теоретическая и методологическая периодизация истории изучения кара-абызской археологической культуры [2, с. 269–278]:

1. Простое собирание древностей – до М. С. Смирнова.

2. Научная деятельность А. Х. Пшеничнюка с 1962 г.

3. Осмысление массива накопленных источников с 2003 г.

Здесь важно заметить, что подобное деление истории изучения кара-абызской археологической культуры не совсем обосновано. Под простым собиранием древностей автором подразумевается сбор археологического материала без каких-либо существенных научных предположений. Однако одной из первых исследователей кара-абызской культуры стала В. В. Гольмстен, которой были проведены аналогии погребальному обряду Уфимского могильника с культурой Чуди и Костеносными городищами Прикамья, в том числе совершался поиск аналогий и в вещевом инвентаре данного памятника с сибирскими и скифскими древностями. Более того, на основе проведённых исследований В. В. Гольмстен одна из первых сделала вывод, что Уфимский могильник – это некое своеобразное культурное образование. Он имеет ряд сходств в некоторых элементах материальной культуры, как и ряд значительных отличий, а население же, оставившее данный некро-

поль, – свои неповторимые черты. Но даже на основе анализа работ только В. В. Гольмстен периодизацию истории изучения кара-абызской культуры С. Л. Воробьевой нельзя назвать правильной. Кроме этого, открытыми остаются вопросы о перспективных направлениях в исследованиях древностей кара-абызской археологической культуры, т. к. в целом работа развивается в русле историописания, а не историографии.

Естественно-научные методы в археологических исследованиях. Объективные данные, касающиеся развития климатических условий в эпоху раннего железа, принесли работы уфимских учёных В. В. Овсянникова, Н. С. Савельева, Р. Г. Курманова, И. Р. Галлеева и Р. Р. Сулейманова. Им принадлежит цикл статей, посвящённых реконструкции климатических условий, в которых существовали общества эпохи раннего железа. Данные исследования осуществляются с 2017 г. с анализа почвы Бирского селища. На основе изучения грунта с Бирского селища, удалось выяснить, что в предкара-абызскую эпоху (V–IV вв. до н. э.) в Прибелье наблюдалось увлажнение климата. Однако в IV в. до н. э. в этом же регионе наступает масштабная аридизация, которая подтверждается аналогичными результатами исследований Акбердинского-II (5), и Шиповского городищ [13, с. 100].

В плане реконструкции климатических условий существования кара-абызской археологической культуры стало ясным, что территория городища Акбердинское-II (5) в самом начале своего функционирования была покрыта смешанными хвойно-широколиственными лесами. Немногим позднее, фиксируется увеличение открытых пространств с луговым разнотравьем. Пик иссушения климата приходится на середину IV–II в. до н. э. [14, с. 41]. Об этом же и говорят результаты по изучению флоры Предуралья. Упомянутыми авторами (снова на основе анализа почв с кара-абызских памятников) выявлены восемь этапов смены растительности: от широколиственных лесов и открытых пространств со злаками на севере до хвойных лесов с примесью широколиственных элементов на севере и открытых пространств на юге [13, с. 100].

Также была восстановлена последовательность смены климата в Предуралье от тёплого и прохладного (вторая половина суббореала), до сухого и прохладного (конец субатлантика). Примечательно то, что период суббореала и субатлантика разделён временем аридизации [14, с. 41]. Иссле-

дования климата позволили беспристрастно объяснить феномен «сарматизации» населения кара-абызской археологической культуры. До работ названных авторов рассуждения на данную тему основывались на стратиграфии материалов с поселенческих памятников кара-абызской культуры и хронологии материалов из могильников.

Значительную ясность в решение этой проблемы принесла статья Н. С. Савельева, Р. Г. Курманова и Р. Р. Сулейманова, им удалось убедительно синтезировать естественно-научные и исторические данные из раскопок Шиповского городища 2017 г. Повторимся, сарматизация кара-абызского населения объяснялась с помощью стратиграфии инокультурных находок. Теперь для анализа этого же феномена были взяты и археологические артефакты, и пробы почвы из шурфов с территории Шиповского городища [19, с. 242]. Поэтому, подтверждая рассуждения о сарматизации населения, результаты почвоведческого анализа Шиповского городища показали, что в IV–III вв. до н. э. происходит постепенное иссушение климата, а также сокращение площади лесов почти в два раза. Элементы хозяйства кочевников прослеживаются в городище в виде «зольных пятен» с большим количеством керамического материала и гомогенных отходов, свидетельствующих о стойловом содержании скота. Нижние горизонты шурфа № 4, по сравнению с верхними, демонстрируют разнообразие керамического материала, появление костей лошади, увеличение костей МРС [Там же, с. 243].

Сравнивая систему хозяйства населения Шиповского городища эпохи раннего железа с особенностями хозяйства на соседнем памятнике кара-абызской археологической культуры, городище Акбердинское-5 (II), приходим к аналогичным выводам. Работы по анализу почв помогли подойти вплотную к созданию системной картины развития древних обществ в Предуралье в эпоху раннего железа. Археологические материалы и научные гипотезы подтверждаются естественно-научными данными.

Важная информация о палеодемографии пьяноборской культуры была представлена В. В. Куфтериним и С. Л. Воробьевой. Ими был исследован ряд могильников пьяноборской культуры: Ошкинский (I–III вв.), Ново-Сасыкульский (I–III вв.), Тарасовский (Ныргындинская стадия I–II вв.) [10, с. 373–380].

В ходе анализа антропологического материала приходим к выводу, что в пьянобор-

ской среде женское население преобладало над мужским. Пик женской и мужской смертности приходился на 15–19 и 20–29 лет [10, с. 377]. Если первый пик обусловлен периодом активной репродуктивности у женщин, то второй боевыми столкновениями между мужским населением, более того, позднее пьяноборское население находилось в условиях неблагоприятной демографической ситуации. В ходе исследования также подтвердилась идея В. Ф. Генинга о родовом формировании могильников пьяноборской культуры [11, с. 174].

Анализ торговых связей. В 2019 г. вышло первое диссертационное исследование, посвящённое анализу торговых связей пьяноборской культуры: Р. Р. Саттаровым изучаются импортные предметы в контексте характеристики материальной культуры пьяноборья. Сам автор объясняет характер поступления импортов в пьяноборскую среду с позиций односторонней культурной диффузии в виде инфильтрации отдельных предметов материальной культуры, доказывая это тем, что имеющиеся импортные предметы никаким образом не могли появиться в ходе исторического развития пьяноборцев, т. к. не было соответствующих культурных и технических условий [20, с. 3]. Их поставщиками выступали либо сарматы, либо представители кара-абызской культуры, либо население, оставившие памятники писеральско-андреевского типа.

Выстраивание хронологии некоторых видов находок дало почву для выделения характерных этапов развития торговых связей пьяноборья. Первый – южный (II в. до н. э. – I в. н. э.) [20, с. 136]. Импорты, хоть и в небольшом количестве, поступают через сармат. Второй – южный, юго-восточный, западный [Там же, с. 137]. Объём импорта значительно растёт. Он всё так же поступает через сармат, но добавляются посредники в виде кара-абызского и писеральско-андреевского населения.

Отдельное место занимает метод картографирования. С его помощью удалось описать географическую неоднородность импортных вещей в разных частях пьяноборской археологической культуры, которые доказывают обозначенный автором характер поступления импортов к населению пьяноборской культуры.

А. А. Красноперов выдвинул гипотезу о существовании миграций населения азелинских культурных традиций на восток. К примеру, три прогнутые обувные застёжки, найденные в пьяноборских могильниках

Кипчаково I и II, Старый Чекмак I, не характерны для пьяноборья, а показательны для азелинцев [8, с. 131]. В том числе две скульгамы из могильника Афонино и Нырғында I также говорят о попадании азелинских предметов в пьяноборскую среду [Там же, с. 131]. На торговые связи с кочевниками указывают и декорированные сердоликовые бусы. Примечательно, что они не встречаются в пьяноборских погребениях, но замечены в кара-абызских. Родиной этих бус считается Иран [17, с. 67].

Введение в научный оборот материалов раскопок. А. С. Проценко опубликовал результаты своих раскопок северо-восточной части городища Кара-Абыз (2018) Помимо обнаружения кара-абызских артефактов им были найдены материалы XII–XIV вв., которые были атрибутированы с культурой поздних кочевников Башкортостана и Чияликской археологической культурой. Не совсем понятна интерпретация полученной в ходе раскопок исторической информации. На основании находок кара-абызской археологической культуры автор строит вывод о наличии на данном памятнике Кремля и предместий [16, с. 241]. Предместье, в понимании А. С. Проценко, – это широкое жилое кольцо вокруг укрепленной части городища. Однако в 2017 г. им обозначен факт отсутствия жилищ в исследованной неукрепленной части городища, так же как и в исследованиях А. В. Збруевой [17]. Тогда же высказано сомнение по поводу типологии жилищ, и в 2018 г. А. С. Проценко снова приходит к уже упомянутым выводам [16, с. 241].

Последнее исследование В. В. Овсянникова и Н. С. Савельева, затрагивающее предметы вооружения кара-абызской культуры стало «новым» взглядом на проблемы военного дела кара-абызской культуры. Оружие здесь рассматривается не только для анализа морфологии и поиска аналогий. Авторами проделана попытка отобразить духовные практики населения эпохи раннего железа, связанные с оружием. Летом 2017 г. ими были проведены археологические раскопки на городище Акбердинское-II. В ходе работ выяснилось, что на данном памятнике выделяется и реконструируется воинское святилище, характерными признаками которого являются: наличие комплекса металлических вещей (заранее погнутые мечи, чекан с зооморфной глиптикой, фигурка птицы), скопление каменных плит, две столбовые ямки и ряд других находок [15, с. 211].

Авторами высказана гипотеза о том, что именно в среде кара-абызского населения

практиковались культы и верования, заимствованные из кочевой среды [Там же]. Безусловно, эти артефакты появились на окраине городища Акбердинского-II не случайно. Но сказать точно о том, кто и как именно оставил данные материалы, нельзя в силу неспособности восстановить связь между данным объектом и деятельностью конкретных людей или конкретного человека.

В работе А. Г. Колонских была поставлена точка в атрибуции одного из памятников кара-абызской археологической культуры «Курочкино городище» – селище Курочкина гора-I. Используя личные наблюдения окружающего ландшафта, а также поверхности памятника, учёный пришёл к выводу, что данный памятник археологии, скорее, относится к поселению, нежели городищу [7, с. 73]. Сравнивая топографические особенности памятников, было сделано осторожное заключение о выполнении данными памятниками разных поселенческих функций в раннекара-абызском обществе. Также, сравнивая керамический материал с данных памятников, за 2017 и 2015 гг. (В. И. Ляскович), А. Г. Колонских подтвердил их культурную принадлежность.

Проблемы хронологии. Временная атрибуция вещей в пьяноборских и кара-абызских археологических памятниках зачастую строится на сарматских артефактах. В том числе на таком хрономаркере, как наконечники стрел. Наиболее дискуссионным является вопрос датирования процесса смены бронзовых наконечников стрел на железные как среди самих сармат, так и среди пьяноборцев. К примеру, А. С. Скрипкин считает временем утверждения железных наконечников стрел у сармат II в. до н. э., М. Г. Мошкова – конец II – начало I в. до н. э., А. М. Хазанов – I в. до н. э. [5, с. 210].

Бронзовые наконечники стрел в пьяноборских погребениях Юлдашевского могильника А. Х. Пшеничнюк определил III в. до н. э. Более того, некоторые исследователи (Б. Б. Агеев, В. А. Иванов, А. А. Красноперов, Д. Г. Бугров) выдвигали гипотезы «запаздывания» смены бронзовых наконечников стрел на железные вплоть до I в. до н. э. [5, с. 213]. Прибегнув к вещеведческому и планиграфическому анализу погребений, а также к статистической обработке материала, Р. Р. Саттаров и С. Э. Зубов проанализировали наконечники стрел с курганно-грунтового могильника Кипчаковское-I. Им удалось установить, что могильник делится на две части: с погребениями, где имеются только бронзовые наконечники

стрел, и с только железными. Между ними – полоса погребений с обоими вариантами наконечников стрел [5, с. 213]. Принимая во внимание взгляды М. Г. Мошковой на процесс смены процесс бронзовых наконечников железными, Р. Сайтаров и С. Зубов пришли к выводу, что пьяноборское население заимствовало уже готовые технологические схемы изготовления железных наконечников стрел. Поэтому внедрение железных наконечников стрел произошло достаточно быстро: в середине – второй половине I в. до н. э. [Там же, с. 214].

Проблемы генезиса и исторических судеб археологических культур. В комплексной работе Р. Д. Голдина (2018) использует историко-генетический метод для объяснения эволюционной смены культурных маркеров пьяноборского общества. Ей проанализированы застёжки с крючком, выделены их типы и описана практическая значимость. Выдвинута гипотеза об их практическом применении. Преемственность, а также схожесть элементов костюма пьяноборской, кара-абызской и мазунинской культур стали основой эволюционных взглядов автора на развитие археологических культур в Прикамье и Приуралье на рубеже эр. Р. Горлдина доказывает местный характер изготовления металлических элементов костюма (из свинцово-оловянистой бронзы) [3, с. 167]. В рамках исследования торговых связей ей выдвинуто предположение, что сарматские зеркала из свинцово-оловянистой бронзы – это прикамское изделие, поставляемое в сарматский мир [Там же]. Примечательно то, что данная гипотеза полностью противоречит версии о характере торговых связей пьяноборцев с сарматами, описанной в диссертации Р. Р. Саттарова. Анализируя хронологию существования застёжек с крючком, им обоснованы такие временные рамки их существования у оседлых племён Прикамья эпохи раннего железа, как II в. до н. э. – II в. н. э. [Там же, с. 169].

А. А. Красноперовым на примере погребений Бирского и Тарасовского могильников показано единовременное сосуществование носителей пьяноборских и мазунинских культурных традиций. Интересным представляется утверждение, основанное на анализе планиграфии Тарасовского могильника, что мазунинская и пьяноборские части данного памятника – это два самостоятельных могильника [9, с. 58]. На основе картографирования пьяноборских вещей автор пытается реконструировать судьбу пьяноборской культуры III в. Он указывает,

что целые блоки пьяноборского культурного комплекса фиксируются: на западе (азелинский круг памятников и рязано-окские древности); на юге (среди носителей кара-абызских культурных традиций); на востоке (миграция ремесленников в Зауралье, которые принесли с собой традиции изготовления эполетообразных застёжек).

Особенность погребального обряда населения, оставившего Ново-Сасыкульский могильник, выделила С. Л. Воробьева: большое количество парных погребений со взрослыми и детьми в одной могиле и расположение костяков головами в противоположные стороны в коллективных могилах [1, с. 203].

Подтверждая эволюционные трансформации Прикамских и Приуральских культур раннего железного века в культуры раннего средневековья, Р. Д. Голдиной и Н. А. Лещинской проведён анализ вещевого инвентаря нескольких могильников пьяноборской историко-культурной общности [4, с. 17–53]. В первую очередь постулируется, что Тарасовский могильник убедительно демонстрирует плавное развитие населения Среднего Прикамья от пьяноборья к мазунино [Там же, с. 18]. Однако А. А. Краснощёков утверждает, что пьяноборская и мазунинская части Тарасовского могильника – это два разных могильника, волей случая оказавшихся на одном холме. Более того, в мазунинское время могильник был заложен заново. Данный вывод подкреплён планиграфическим анализом погребений могильника. Доводы Р. Д. Голдиной опираются на анализ вещевого инвентаря погребений. Авторы выделяют наиболее распространённые и схожие категории находок внутри всей пьяноборской историко-культурной общности: височные подвески, шейные гривны, керамика, перстни, браслеты, бляшки и др. Анализ данных категорий находок позволил предположить исследователем наличие генетического родства между культурами раннего железного века и раннего средневековья, но не без определённого своеобразия в развитии.

Сходство культур эпохи раннего железа в Прикамье и Приуралье объясняется их общей ананьинской основой при сохранении определённого своеобразия [Там же, с. 30], которое проявляется в характере внешних импульсов и контактов, обусловленных территориальной локализацией культур. Но упускается из виду ряд ответов на важные вопросы: Почему пьяноборские культурные традиции сменились на мазунинские? Что стало причиной данному явлению? Ответы

на них позволили бы действительно точно определить характер развития указанных культур.

Относительно изучения пьяноборских и кара-абызских древностей работу Р. Р. Руслановой (2018) нужно отнести к исследованиям, посвящённым изучению генезиса и исторической судьбы археологических культур. Тем не менее, в ней обозначен товарный контакт между кара-абызом и Ближним Востоком. Особенность этого исследования – синтез между двумя философскими подходами к пониманию процесса возникновения мазунинской и бахмутинской археологических культур: эволюционизм и диффузионизм. Бахмутинская культура возникла благодаря заимствованию и распространению одних культурных элементов на другие. Происхождение пьяноборской, кара-абызской и бахмутинской археологических культур объясняется как результат взаимодействия местного населения с пришлым. К примеру, пьяноборская и кара-абызская культура сложились в результате взаимодействия последних с сарматами [18, с. 14] (данное предположение идёт вразрез с взглядами В. Ф. Генинга, Е. М. Черных и Р. Д. Голдиной).

В II–III вв. пьяноборско-кара-абызские племена, благодаря приходу новой группы населения, трансформируются в бахмутинскую культуру [Там же, с. 14]. Исходя из данного тезиса, трансформация данных обществ раннего железного века в общества эпохи раннего средневековья – это диффузионистский процесс. Прямо противоположного мнения придерживается Р. Д. Голдина (2018), которая считает, что притока нового населения в Прикамье в III в. не наблюдалось, а мазунино – это плавная эволюция пьяноборья и кара-абыза [4, с. 18]. Помимо этого, происхождение мазунинской (раннебахмутинской) археологической культуры Р. Р. Русланова пытается объяснить и преемственностью между пьяноборско-кара-абызскими комплексами и раннебахмутинской культурой [18, с. 15]. Эта преемственность подтверждается деталями погребального обряда и наличием в ранних погребениях Уфимско-Бельского междуречья находок позднего пьяноборья (I–III вв.) [Там же]. Если говорить о преемственности культурных элементов, то мы имеем дело с эволюционизмом.

Ещё одним доводом эволюционного развития кара-абыз-пьяноборье-мазунино, противоречащим названным, служит то, что многие детали мазунинского погребального

обрядов и инвентаря восходят к пьяноборскому времени: конструкция могил, украшения в виде бронзовых шейных подвесок из круглых щитков с петелькой и двумя-тремя кружочками, ременные накладки, костяные втульчатые наконечники стрел и др. [18, с. 15].

В диффузионистском понимании истории значительное влияние на формирование бахмутинской культуры оказало влияние извне. В качестве доказательной базы здесь приводится Старомуштинский курганно-грунтовый могильник, где, по мнению уже Ф. А. Сунгатова, Г. Н. Гарустовича и Р. М. Юсупова, отдельно в курганах захоронены пришлые племена, а в грунтовых – местные. Развивая эту мысль, исследователи выдвигают тезис, что Бирский могильник генетически восходит к культуре местного (пьяноборского и кара-абызского) населения эпохи раннего железного века, с некоторым влиянием культуры кочевников южно-уральской лесостепи [Там же, с. 19].

Продолжает тему диффузионизма описание контактов оседлого и кочевого населения, начиная с пьяноборской и кара-абызской археологических культур. Предметы, которые стали объектом импорта в местную среду, – крупные коллекции бус, раковин каури, фибул, бронзовых зеркал, оружия, рим-

ской бронзовой посуды с памятников Ика и Белой начала I тыс. н. э. (Новосасыкульский могильник, Камышлытамакский). Диффузионистского взгляда на сложение мазунинской культуры придерживается В. А. Иванов. Влияние «извне» на пьяноборскую культуру он отождествляет с поздними сарматами, оставившими Тураевские, Старомуштинские и Харинские курганы [6, с. 30]. Роль представителей позднесарматского этнокультурного мира в формировании мазунинской культуры носит культурологический характер и отразилась только в изменении облика материальной культуры [Там же].

Заключение. Таким образом, в истории изучения пьяноборской и кара-абызской археологических культур можно выделить шесть узкоспециализированных научных трендов, отражающих особенности существования указанных культур в эпоху раннего железа на Южном Урале. Становятся всё более популярными и востребованными междисциплинарные комплексные исследования, связанные и с естественно-научными методами и анализом археологического материала. На наш взгляд, они дают наиболее полные ответы на изучаемые учёными проблемы. В меньшей степени в этом вопросе развивается историография.

Список литературы

1. Воробьева С. Л. История изучения и особенности погребального обряда Ново-Сасыкульского могильника эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 201–204.
2. Воробьева С. Л. Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 268–291.
3. Голдина Р. Д. Застёжки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 150–177.
4. Голдина Р. Д., Лещинская Н. А. О пьяноборской историко-культурной общности // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 17–53.
5. Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214.
6. Иванов В. А. Отображение этнических процессов на Южном Урале в эпоху средневековья в археологических материалах (проблема аутентичности и доверительности) // Этнос. Общество. Цивилизация: V Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Диалог, 2018. С. 28–33.
7. Колонских А. Г. Археологический комплекс на Курочкиной горе. // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. 2018. Вып. 3. С. 71–74.
8. Краснощёров А. А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 130–178.
9. Краснощёров А. А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времён в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–86.
10. Куфтерин В. В. К палеодемографии Ново-Сасыкульского могильника // Этнос. Общество. Цивилизация: V Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Диалог, 2018. С. 373–380.
11. Куфтерин В. В., Воробьева С. Л. К палеодемографии пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 164–179.
12. Овсянников В. В. Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участие. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 232–234.

13. Овсянников В. В., Курманов Р. Г. Палинологические исследования культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 88–102.
14. Овсянников В. В., Курманов Р. Г., Савельев Н. С., Галлеев И. Р. Реконструкция растительности и климата Южного Урала в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44.
15. Овсянников В. В., Савельев Н. С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.
16. Проценко А. С. Кара-Абызское городище в лесостепи Предуралья: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 240–242.
17. Проценко А. С. Некоторые итоги изучения кара-абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 127–135.
18. Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энц., 2018. 376 с.
19. Савельев Н. С. Курманов Р. Г., Сулейманов Р. Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 242–244.
20. Саттаров Р. Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2019. 324 с.

Статья поступила в редакцию 25.07.2020; принята к публикации 28.08.2020

Сведения об авторе

Лясович Всеволод Игоревич, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального Исследовательского центра РАН; 450054, Россия, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, лит. У8; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Библиографическое описание статьи

Лясович В. И. Актуальные направления в новейших исследованиях пьяноборской и кара-абызской археологических культур // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 14–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6.

References

1. Vorob'eva, S. L. The history of study and the features of the funeral rite of the Novo-Sasykul burial ground of the Early Iron Age. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation. Samara, 2018: 201–204. (In Rus.)
2. Vorob'eva, S. L. Forest-steppe part of the Southern Urals in the Early Iron Age: the history of the study of the issue and prospects for research. Archeology of the Eurasian steppes, no. 2. pp. 268–291, 2019. (In Rus.)
3. Goldina, R. D. Clasps with hooks of the Tarasov burial ground. Volga archeology, no. 1, pp.150–177, 2018. (In Rus.)
4. Goldina, R. D., Leshchinskaya, N. A. About the Pianobor historical and cultural community. Archeology of the Eurasian steppes, no. 1, pp.17–53, 2018. (In Rus.)
5. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. Arrowheads of the Pianobor culture as chronological markers (based on materials from the Kipchakovsky I burial ground burial complexes. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation. Samara, 2018: 210–214. (In Rus.)
6. Ivanov, V. A. Reflection of ethnic processes in the Southern Urals in the Middle Ages in archaeological materials (the problem of authenticity and trust). Ethnicity. Society. Civilization: Fifth Kuzeev Readings. Proceedings of the all-Russian Scientific and Practical Conference Ufa, 2018: 28–33. (In Rus.)
7. Kolonskih, A. G. Archaeological complex on Kurochkina Gora. ArchLab. Archeology of the Urals: time, monuments, people. Collection of scientific articles, no. 3, pp. 71–74, 2018. (In Rus.)
8. Krasnoperov, A. A. Azelino: move east. Finds of Azelin things east of the main area. Archeology of the Eurasian steppes, no. 1, pp. 130–178, 2018. (In Rus.)
9. Krasnoperov, A. A. Nachronisms among funerary inventory. Pianobor things in Mazunin burials: the process of changing times in the Kama region. Archeology of the Eurasian steppes, no. 1, pp. 56–86, 2018 (In Rus.)
10. Kufferin, V. V. To paleodemography of the Novo-Sasykul burial ground. Ethnicity. Society. Civilization: Fifth Kuzeev Readings. Proceedings of the all-Russian Scientific and Practical Conference Ufa, 2018: 373–380. (In Rus.)
11. Kufferin, V. V., Vorob'eva, S. L. To paleodemography of Pianobor culture. Volga archaeology, no. 1, pp. 164–179, 2019. (In Rus.)

12. Ovsyannikov, V. V. Natural science studies of the cultural layer of settlements of the Gulf of the early jelly era. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation, 2018: 232–234. (In Rus.)
13. Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. Palynological studies of the cultural layer of the Birsky settlement. Volga archaeology, no. 3, pp. 88–102, 2018. (In Rus.)
14. Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G., Savel'ev, N. S., Galleev, I. R. Reconstruction of vegetation and climate of the Southern Urals in the subboreal and subatlantic (based on materials from the monuments of Kara-Abyz culture). Geological Bulletin, no. 1, pp. 35–44, 2019. (In Rus.)
15. Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S. The military sanctuary on the Akberdinsky II settlement. Archeology of the Eurasian steppes, no. 2, pp. 201–226, 2019. (In Rus.)
16. Protsenko, A. S. Kara-Abyz settlement in the forest-steppe of Prsduralie: new materials. XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation. Samara, 2018: 240–242. (In Rus.)
17. Protsenko, A. S. Some results of the study of the Kara-Abyz settlement (based on the materials of reconnaissance works in 2015). Archeology of the Eurasian steppes, no. 4, pp. 127–135, 2018. (In Rus.)
18. Ruslanova, R. R. Beads of the South Urals based on materials from necropolises of the III–VIII centuries. Beads of the South Urals based on materials from necropolises of the III–VIII centuries. Ufa: Bashk. encikl., 2018. (In Rus.)
19. Savel'ev, N. S., Kurmanov, R. G., Suleimanov, R. R. The first results of comprehensive research of the Shipovsky settlement in the forest-steppe of the Southern Urals. XXI Ural archaeological meeting: 242–244. (In Rus.)
20. Sattarov, R. R. Imported objects in Pianobor culture (end of II century BC – II century AD). Cand. sci. diss. Kazan, 2019. (In Rus.)

Received: July 25, 2020; accepted for publication August 28, 2020

Information about author

Lyasovich Vsevolod I., Research Assistant, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences; 8 lit. U st. 71, Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russia; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Reference to the article

Lyasovich V. I. Actual Trends in the Latest Research of the Pianobor and Kara-Abyz Archaeological Cultures // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 14–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-14-22.

УДК 323.329(47+57)"1917/1919"

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-23-33

Вячеслав Вениаминович Шевцов,*Национальный исследовательский Томский государственный университет**(г. Томск, Россия),**e-mail: totleben@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>***Дмитрий Дмитриевич Вячистый,***Национальный исследовательский Томский государственный университет**(г. Томск, Россия),**e-mail: DimDimvyachisty@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-5326-0373>*

Взаимоотношения советской власти и технической интеллигенции в 1917–1919 годах

В статье представлен обзор обоснований ряда политических мероприятий советской власти по маргинализации социально-профессиональной группы технической интеллигенции в 1917–1919 гг. Охарактеризован процесс формирования отношения советского правительства к социальной группе технических специалистов в условиях свершившейся Октябрьской революции и гражданской войны в стране. Произведена характеристика политических сочинений В. И. Ленина как лидера партии большевиков и главы страны относительно места специалистов технического профиля в социальном пространстве нового государства. Обозначены мотивы властей в рамках осуществления того или иного изменения социального статуса технических специалистов. Посредством использования историко-генетического метода в рамках исследования осуществлён анализ последовательных заявлений В. И. Ленина относительно данной социально-профессиональной группы, в результате чего была сконструирована периодизация развития их взаимоотношений. Построение подобной хронологии и характеристики представляется востребованным, поскольку даёт возможность оценить мотивы действий представителей большевистского правительства с точки зрения конкретного целеполагания и реализации решения проблемы интеграции специалистов не с позиций классовой борьбы, а в рамках поиска наиболее эффективного способа её преодоления. Изначально настроенные прагматично в отношении инженеров власти, видя их отказ от сотрудничества, взяли курс на стигматизацию и маргинализацию их как социальной группы. В результате проведённой дискредитации единственным покупателем их услуг осталось советское правительство, централизованно использовавшие их в наиболее востребованных областях производства и экономики. От дальнейшей маргинализации власти были вынуждены отказаться в условиях тяжёлой обстановки на фронтах гражданской войны, малого числа оставшихся специалистов и низкой эффективности их труда. В связи с этим был начат процесс реабилитации инженеров, санкционированный В. И. Лениным на VIII съезде партии большевиков. Глава государства за сравнительно небольшой период времени сумел организовать кампанию по дискредитации специалистов, после чего последние были вынуждены отказаться от антисоветской риторики и начать интегрироваться в общество на предложенных большевиками условиях.

Ключевые слова: инженеры, технические специалисты, интеллигенция, В. И. Ленин, большевики, классовая борьба

Vyacheslav V. Shevtsov,*National Research Tomsk State University**(Tomsk, Russia),**e-mail: totleben@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>***Dmitry D. Vyachisty,***National Research Tomsk State University**(Tomsk, Russia),**e-mail: DimDimVyachisty@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-5326-0373>*

Relations Between the Soviet Government and the Technical Intelligentsia in 1917–1919

The article presents an overview of the political measures of the Soviet government to marginalize the socio-professional group of technical intelligentsia in 1917–1919. The article describes the process of forming the attitude of the Soviet government to the social group of technical specialists in the conditions of the accomplished October revolution and the Civil war in the country. The political writings of V. I. Lenin as the leader of the Bolshevik party and the head of the country regarding the place of technical specialists in the social space of

© Шевцов В. В., Вячистый Д. Д., 2020

the new state were characterized. The motives of the authorities in implementing a change in the social status of technical specialists were identified. Through the use of the historical-genetic method, the study analyzes the consecutive statements of V. I. Lenin regarding this socio-professional group was carried out. As a result of this, the periodization of the development of their relationships was constructed. The construction of such a chronology is relevant, because it makes possible to assess the motives of the actions of the Bolshevik government from the point of view of a specific goal setting, not from the standpoint of the class struggle, but in the search for the most effective way to overcome it. At the beginning, the authorities tried to create pragmatic relations with engineers, but seeing their refusal to cooperate, they took a course to stigmatize and marginalize them as a social group. As a result of this discrediting, the only buyer of their services became the Soviet government, using them centrally in the most important fields of production and economy. The authorities were forced to abandon further marginalization in the face of the difficult situation on Civil war, the small number of remaining specialists and the low efficiency of their work. In this regard, the process of rehabilitation of engineers was initiated, authorized by V. I. Lenin at the VIII Congress of the Bolshevik party. The head of state in a short period managed to organize a campaign to discredit the specialists, after which they were forced to abandon the anti-Soviet rhetoric and begin to integrate into society on the terms proposed by the Bolsheviks.

Keywords: engineers, technical specialists, intellectuals, V. I. Lenin, Bolsheviks, class struggle

Введение. Осуществление процессов государственного переустройства без соответствующей поддержки населения представляется крайне тяжёлой задачей. Очевидно, что ради достижения этой цели правительство в первую очередь пойдёт навстречу той части электоральной базы, чью лояльность и интересы почитает для себя ключевыми. Однако подобный разворот властей может в свою очередь подорвать доверие к ней других социальных слоёв и групп, в силу несовместимости декларируемых целей и установок. В случае такого развития ситуации государство приобретает доверие той социальной группы, в жертву которой были принесены взаимоотношения с другой, однако лишается дивидендов, поступавших при бытовавшем лояльном отношении последней. Данная потеря может быть выражена как в переходе этой социальной группы в оппозицию режиму, так и в отказе от исполнения своих профильных обязанностей, вплоть до изменения к ней отношения со стороны государства. Подобный конфликт был ярко продемонстрирован в первые годы существования советской власти, заключался он в противостоянии большевистского правительства и интеллигенции как социальной группы. Данный исторический период до сих пор представляет живейший интерес для изучения, особенно в плане описания процессов построения диалога между новой властью и обществом, органической частью которого и является интеллигенция.

Безусловно, некоторая часть интеллигенции приняла новую власть, утвердившуюся в результате Октябрьской революции у руля страны [13, с. 38]. Однако подавляющее большинство представителей интеллигенции выступили против свержения Временного правительства как в силу под-

держки его политики, так и в рамках неприятия нового строя, его целей и установок. На последнем стоит остановиться более подробно – дело в том, что большевики изначально позиционировали себя как партию, представляющую интересы рабочих в первую очередь. Интеллигенция в связи с этим была отнесена к угнетающим рабочим буржуазным классам. По мнению партийных лидеров, её классовой целью являлось идеологическое оправдание бесправного положения рабочего класса, притеснение его как в социальном, так и в экономическом плане [15]. В связи с этим, была начата кампания по лишению интеллигенции привилегированного положения в обществе, в официально декларируемых интересах рабочих и крестьян. Однако очень скоро оказалось, что немалая её часть была незаменимой, как минимум на этапе становления советской государственности. В связи с этим, правительство было вынуждено скорректировать свой курс по отношению к интеллигенции, в попытке поставить её представителей на службу новому строю. В этом контексте интересна судьба технической интеллигенции. С одной стороны, она выступала прямым антагонистом рабочему классу – выражалось это в абсолютно несопоставимом уровне жизни тех и других, что было недопустимо по мнению правительства. Однако с другой стороны, без высококлассных специалистов невозможным стало развитие промышленности и экономики страны. Разразившаяся гражданская война ещё сильнее обострила кадровый дефицит инженеров, поставив большевистское правительство перед фактом – экономике были необходимы высококвалифицированные технические специалисты, которые смогли бы восстановить разрушенное производство. Для характеристики этого процесса полезным было бы обраще-

ние к политическим сочинениям В. И. Ленина, задававшего тон всей внутренней политике страны, в том числе и её социальному аспекту. Актуальным представляется привлечение его публицистических трудов и последующее использование их в исследовании не с позиций классовой борьбы (подход, характерный для историографии советского периода), а с точки зрения осуществляемого главой государства формулирования, постановки и решения текущих социально-политических проблем страны.

Исходя из этого, характеристика процесса изменения отношения большевистского режима к техническим специалистам в первые годы существования советской власти – и есть цель данного исследования. Для достижения поставленной цели был сформулирован и решён ряд задач: произведён тематический отбор политических сочинений В. И. Ленина (в которых бы в качестве темы поднималась судьба отечественной технической интеллигенции), осуществлено их расположение в хронологическом порядке, проанализированы заявления главы государства относительно места инженеров в советском обществе в различные, на основании чего оформлены выводы исследования.

Нижняя хронологическая рамка исследования – октябрь 1917 г., когда в результате Октябрьской революции большевики утвердились у власти и начали воплощение в жизнь своего политического, экономического и социального курса. Верхняя хронологическая рамка – март 1919 г., когда в ходе VIII съезда партии её лидер В. И. Ленин своим выступлением обозначил коренной перелом в политике по отношению к технической интеллигенции.

Источниковая база исследования включала в себя политическую публицистику и публичные выступления В. И. Ленина как лидера страны и главы большевистского правительства. Данный тип источников был использован для создания периодизации развития взаимоотношений между властями и техническими специалистами. В ленинской публицистике напрямую прослеживаются изменения курса властей, затрагивавшего материальное и социальное положение технической интеллигенции (как в сторону маргинализации, так и реабилитации) [11, с. 218].

Начать стоит с выступления лидера большевиков на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 17 ноября 1917 г. – с первой публичной речи после Октябрьской революции, в которой

содержался призыв к инженерам перейти на службу советскому государству¹. Однако призыву главы государства никто не внял, и тогда его линия на взаимодействие с инженерами стала жёстче – в статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» они были отнесены к враждебным пролетариату слоям населения². Можно утверждать, что, начиная с этого момента государство санкционировало меры по стигматизации (т. е. навешивание социальных ярлыков через использование того или иного признака, выделяющего дискриминируемую группу, в данном случае признаком послужила декларируемая буржуазность и антисоветизм специалистов) и маргинализации инженеров. Аналогичное этому заявление В. И. Ленин сделал в рамках своего доклада на «Третьем Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», проходившего в январе 1918 г.³ Далее, в статье «Как организовать соревнование?» глава государства однозначно высказался о примате рабочих над инженерами, что подразумевало лишение последних их привилегированного положения⁴. Наконец, в своей программной работе «Очередные задачи советской власти» он окончательно закрепил и оформил протекавшую стигматизацию технических специалистов, отказав им в праве не быть буржуазными по своей сути⁵. Ещё раз В. И. Ленин подтвердил это в ходе своей речи на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства⁶.

Об определённом переломе в сформировавшемся отношении свидетельствует статья лидера большевиков «Шесть тезисов об очередных задачах советской власти», в которой он обозначил временную заинтере-

¹ Ленин В. И. Речь на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтowymi представителями 4 (17) ноября 1917 г. // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 62–64.

² Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 191–194.

³ Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. Доклад о деятельности совета народных комиссаров 11 (24) января. // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 261–279.

⁴ Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 195–205.

⁵ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 165–208.

⁶ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 377–386.

сованность в инженерах в связи с тяжёлой обстановкой в стране¹. Чтобы ликвидировать эту обременяющую зависимость, он предложил в работе «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» начать учиться у инженеров и специалистов, таким образом подготовив собственные лояльные кадры². Осуществить это требовалось как можно скорее, в связи с нехваткой квалифицированных инженеров в стране, о чём В. И. Ленин открыто заявил на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства³.

С течением времени позиция большевистского правительства продолжила смягчаться, труд инженеров в условиях развала экономики становился всё более востребованным. В. И. Ленин охарактеризовал это явление на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 г., впервые заявив о преобладании практической полезности инженеров над их классовой природой⁴. Чуть позднее, в статье «Успехи и трудности советской власти» глава государства призвал оставить в покое занятых на производстве специалистов, утверждая, что так они принесут больше пользы, чем вреда⁵. Но по-настоящему коренной перелом во взаимоотношениях властей и специалистов произошёл в ходе VIII съезда РКП(б), где В. И. Ленин произвёл сравнение между появлением социализма из капитализма путём соответствующей борьбы и созданием новой технической интеллигенции из старой аналогично⁶. Соответственно, использование дореволюционной интеллигенции и прекращение репрессий по отношению к ним становилось оправданным – ведь по ленинской аналогии для перехода к социализму необходимо крепкое капиталистическое основание.

Методология и методы исследования. В основе методологии исследования лежит историко-генетический метод. Посредством его применения были раскрыты

изменения во взглядах правительства (чьё точку зрения по поводу изучаемой проблемы олицетворял В. И. Ленин) относительно уместности использования дореволюционных технических специалистов за весь рассматриваемый хронологический период. Посредством анализа представленных в исследовании публичных выступлений и работ главы государства была осуществлена последовательная характеристика его отношения (а равно как и официальной точки зрения советского государства) к техническим специалистам. Исходя из этого, были выделены качественно отличные друг от друга этапы формирования отношения властей к технической интеллигенции (на основании изменения тональностей и смыслов в речах и сочинениях В. И. Ленина).

Результаты исследования и их об- суждение. Историография темы представлена рядом работ как советского, так и постсоветского периода. При этом необходимо отметить их тематическую специфику. Так, зарубежные исследования в основном сосредоточены на характеристике взаимоотношений большевиков и интеллигенции в целом, без разделения последней на творческую и техническую. В качестве примера можно привести работы Давида Манделя, посвящённые данной проблеме [15]. Другой чертой западных исследований является их акцентирование на роли личности в истории, сосредоточение вокруг той или иной исторической фигуры и через его судьбу описание реалий эпохи – подобный анализ в отношении Л. Б. Красина осуществил Т. Э. О'Коннор [10]. Что касается историографии советского периода, то она была сосредоточена на обзоре протекавших социально-политических процессов с позиций классовой борьбы (хотя нельзя не отметить качественную фактическую составляющую таких исследований), характерный пример здесь – А. Е. Бейлин [2]. В современной историографии непосредственно проблемой взаимодействия технической интеллигенции и советской власти занималась Е. В. Слонимская [11; 12], А. Н. Николаев [9] и М. В. Добрынина [5]. Большинство же исследований сосредоточено на круге вопросов по вовлечению дореволюционной интеллигенции в целом в строительство молодого государства [3; 6–8; 13; 14]. Посредством перечисленных научных трудов стало возможным сформировать контекст эпохи, в рамках которой и развернулось противостояние технических специалистов и советского правительства. Дополнительно были

¹ Ленин В. И. Шесть тезисов об очередных задачах советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 277–280.

² Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 283–314.

³ Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 37. – С. 394–401.

⁴ Ленин В. И. Заседание Петроградского совета // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. – С. 1–21.

⁵ Ленин В. И. Успехи и трудности советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. – С. 39–73.

⁶ Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. – С. 125–215.

привлечены труд И. Л. Волчкевича по истории Московского высшего технического училища [4] и хроника деятельности ЦК партии в 1917–1918 гг., составленная и прокомментированная В. В. Аникеевым [1].

Итак, когда в результате Октябрьской революции новая политическая сила – большевики – утвердилась у руля страны, перед нею встала проблема государственного строительства. Для решения этой задачи власти попытались привлечь всех лояльных представителей любых социальных групп, пусть даже и враждебных (исходя из теории классовой борьбы) новому строю. Соответствующее заявление о готовности принять всех желающих сотрудничать было адресовано и к техническим специалистам.

Сама социальная группа технической интеллигенции на 1913 г. включала 46 502 человек, так или иначе занятых на промышленном производстве. В профессиональном плане самыми многочисленными группами являлись специалисты горнозаводской (11 164 человека) и металлообрабатывающей промышленности (10 732 человека) – ведущих отраслей в Российской империи. Далее, согласно промышленной переписи 1918 г., в предприятиях, бесперебойно действовавших с начала Первой мировой войны, численность инженерных кадров постепенно возрастала – с 11 343 в 1913 г. до 15 379 человек в 1917 г. Что касается соотношения численности рабочих и инженеров на предприятиях, то на 1913 г. оно приблизительно составляло 18 инженеров на 1 000 рабочих. Таким образом, социально-профессиональная группа технических специалистов не являлась многочисленной, однако демонстрировала достаточно устойчивый рост в годы войны, и представляла ценность для советского правительства как с точки зрения навыков управления предприятиями, так и непосредственно прикладными умениями [2, с. 40–42].

В связи с этим, 17 ноября 1917 г. на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов В. И. Ленин кратко и ёмко выразил чаяния новой власти: «Для производства нам нужны инженеры, и мы очень ценим их труд. Мы их будем охотно оплачивать. Мы не собираемся лишать их пока их привилегированного положения. Всякий, кто хочет работать, нам ценен, но пусть он работает не как начальник, но как равный под контролем рабочих. У нас нет ни тени озлобления против лиц, и мы приложим усилия, чтобы помочь им перейти на новое положение»¹.

¹ Ленин В. И. Речь на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с

Как уже было отмечено, ключевым антагонизмом между рабочим классом и технической интеллигенцией выступал разный уровень жизни, заработных плат и т. д. В данном воззвании В. И. Ленин предложил временно сохранить статус-кво в этом вопросе – с одной стороны, инженеры больше не должны были возглавлять производство, с другой – основные привилегии за ними сохранялись. Таким образом лидер большевиков пытался достичь сразу двух целей – обеспечить приток квалифицированных кадров старого режима, с одной стороны, и частично удовлетворить чаяния рабочих, социально уравнивая с ними инженеров (но пока – не экономически). При этом данное ленинское выступление было составлено именно в форме добровольного предложения к сотрудничеству, об использовании принуждения к труду пока речи не шло.

Однако с ростом оппозиционных настроений по отношению к правящей власти большевики начали пересматривать своё отношение к интеллигенции. Дело в том, что с марта 1917 г. в стране действовал Всероссийский союз инженеров – организация, ставящая своей целью объединение и защиту интересов одноимённой профессиональной группы. Наблюдая с одной стороны произвол на местах, и будучи несогласными с внедряемыми изменениями в политической, социальной, экономической и духовной сферах, её члены инициировали несколько съездов, на которых ставилась задача выработать общую политику по отношению к большевистскому правительству. Так был организован и проведён московский областной делегатский съезд Всероссийского союза инженеров, по итогу которого в резолюциях была отражена следующая позиция [4, с. 148–160]. Официально союз не выступал против властей, однако было постановлено, что его члены не могут участвовать в осуществлении управления предприятиями наравне с рабочими. Съезд постановил, что в случае «когда рабочими организациями или назначенными комиссарами присваиваются себе распорядительные функции инженеров предприятия, инженеры должны, по постановлению местного С. И. покидать свои места». Таким образом, хоть в резолюциях и не содержались политические призывы по противодействию большевистскому режиму, само их содержание не давало иной

фронтными представителями 4 (17) ноября 1917 г. // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 64, 65.

возможности их трактовать кроме как контрреволюционными.

В связи с этим, первичное лояльное отношение и готовность сотрудничать уступили место классовой борьбе с буржуазией, с которой теперь стали отождествляться инженеры. Уже в конце 1917 – начале 1918 г. В. И. Ленин писал: «Когда буржуазия и привыкшие служить ей чиновники, служащие, врачи, инженеры и прочие прибегают к самым крайним мерам сопротивления, это ужасает интеллигентов»¹. Аналогичное заявление он сделал и на Третьем Всероссийском съезде советов: «Они своё знание – профессора, учителя, инженера – превращают в орудие эксплуатации трудящихся, говоря: я хочу, чтобы моё знание служило буржуазии, а иначе я не буду работать»². Здесь лидер советского государства воспроизвёл классическую характеристику буржуазии как класса угнетателей, распространив её и на технических специалистов. Данные заявления можно считать отправной точкой в развернувшейся кампании по дискредитации этой социально-профессиональной группы. Выразилось в начавшихся изменениях во взаимоотношениях инженеров и рабочих на производстве – отныне здесь окончательно должна была возобладать классовая модель отношений. Если и следовало работать с интеллигенцией, то только под полным контролем со стороны пролетариата, поскольку «без руководящей роли практиков-организаторов из “народа”, из рабочих и трудящихся крестьян ни в коем случае не обойтись»³. Если раннее это ленинское предложение носило мирный и компромиссный характер, то к концу 1917 г. оно стало по своей сути принудительным по отношению к специалистам. В связи с этим, положение последних резко ухудшилось, началось их обобщение в официальном дискурсе с другими декларируемыми контрреволюционными слоями – офицерством, творческой интеллигенцией, священниками и т. д. [3, с. 109].

Тем не менее, внутри ЦК партии относительно политики, проводимой к специалистам, не было единого мнения [6, с. 235].

¹ Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 193.

² Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. Доклад о деятельности совета народных комиссаров 11 (24) января. // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 272.

³ Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 202.

Так, на партийном заседании 31 марта 1918 г., часть присутствующих выступали за сотрудничество и повсеместное использование дореволюционной интеллигенции, указывая на то, что революция завершена, борьбу против классов угнетателей следует приостановить, и необходимо сосредоточиться на построении нового государства. Их оппоненты указывали на неразрешимый характер классовых противоречий между рабочими и инженерами, в рамках которого последние могли осуществлять саботаж производства. Прийти к единому мнению не удалось, и вопрос был перенесён на 7 апреля [1, с. 241]. На этом заседании присутствовал и высказался уже сам В. И. Ленин, в целом выступив за использование специалистов там, где это было необходимо, для решения текущих задач, стоящих перед государством и экономикой [Там же, с. 244]. Однако аспекты этого взаимодействия он описал чуть позже.

Произошло это спустя несколько дней, когда вышла статья «Очередные задачи советской власти». В ней В. И. Ленин писал: «Специалисты неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами»⁴. Данной формулировкой он фактически оформил протекавший процесс стигматизации всей социально-профессиональной группы инженеров, отказав им в праве не быть буржуазными по своей сути. Взяв буржуазность как социальный признак, трактуемый однозначно негативно новой властью (и как следствие – народом, выразителем воли которого она формально и являлась), В. И. Ленин наделил им каждого специалиста, чья лояльность не была доказана. Подобная дискриминация преследовала несколько целей. Во-первых, она отвечала программным установкам правящей партии, и данный сигнал был послан её электорату, рабочим и крестьянам, обозначая, что большевики действуют в их интересах как угнетаемых классов. Во-вторых, эта установка соответствовала большевистскому мировоззрению и укладывалась в систему классовой борьбы против эксплуататоров. В-третьих, превращение интеллигенции как таковой в изгоев на политическом и социальном поле означало, что только власть сможет изменить её статус обратно, т. е. таким образом правительство пыталось поставить специалистов в зависимое

⁴ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 178.

от себя положение, по сути, одновременно выступая как главный дискредитирующий их субъект и как основной заказчик их услуг. Соответственно, специалисты могли изменить свой статус только через активное сотрудничество с властью [2, с. 7]. Последний тезис несколько раз повторён у В. И. Ленина в этой статье. Он ещё раз прямо указал, что исходя из задекларированной буржуазной, т. е. антипролетарской и антисоветской сущности инженеров, им отказывалось в праве влиться в новое общество, единственной возможностью существования для них оставалась «продажа» услуг и знаний новой власти¹. Таким образом, лишённые средств к существованию из-за развивавшейся кампании по дискредитации, представители технической интеллигенции рано или поздно должны были перейти на службу к государству, что автоматически влекло за собой по крайней мере видимый отказ от антибольшевистских установок. Это, в свою очередь, означало готовность инженеров быть интегрированными в советское общество на условиях большевистских властей. Стоит отметить, что аналогичные идеи высказывал и первый нарком страны А. В. Луначарский, предлагавший технической интеллигенции на договорных началах оказывать услуги советскому режиму [12, с. 191].

При этом в перспективе использование таких специалистов правительство демонстративно объявило нецелесообразным. Оценивая возможные перспективы такого сотрудничества, В. И. Ленин писал: «Чем скорее мы сами, рабочие и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплине и высшей технике труда, используя для этой науки буржуазных специалистов, тем скорее мы избавимся от всякой «дани» этим специалистам»². Таким образом, согласно плану главы государства, в скором времени необходимость в использовании дореволюционных специалистов отпадёт сама собой, в связи с притоком новых кадров. Это в свою очередь было своеобразным сигналом маргинализированным ныне инженерам, призыв им быстрее включиться в работу, пока властям были нужны их услуги. Делая подобные заявления, правительство достаточно сильно рисковало, поскольку полноценная подготовка новых, лояльных технических специалистов в условиях разгоравшейся гражданской войны была крайне затрудни-

тельна. Впоследствии властям даже пришлось издать ряд нормативных актов, чтобы запустить этот процесс, и принять меры, чтобы обеспечить стабильный выпуск инженеров³.

В связи с этим, курс на стигматизацию дореволюционной технической интеллигенцией был сохранён и далее. Так, соответствующее заявление В. И. Лениным было сделано в мае 1918 г. на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства: «...Нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, даже в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом»⁴. Снова было произведено олицетворение инженеров как полноценных членов антисоветского буржуазного общества. При этом В. И. Ленин отдельно обозначил тех их представителей, которые, по его словам, полностью погружены в свои профессиональные занятия. Таким определением он выделил аполитичных и незаинтересованных в происходящих вокруг переменах специалистов. Несмотря на свои воззрения и исключительное сосредоточение на своей профессиональной деятельности, они также были отнесены к враждебным элементам для советского строя [7, с. 7].

Постепенно в отношении правящих элит к технической интеллигенции с течением времени наметился определённый перелом в пользу прагматизма, пусть и стеснённого классовыми установками, обусловлено это было плачевным состоянием экономики и острой необходимостью технических специалистов [8, с. 39]. Кроме того, в октябре 1918 г. состоялась Вторая московская

³ Постановление СНК о продлении до 1 июля 1921 г. действия постановления СНК от 24 марта 1920 г. о срочном выпуске инженеров высшими техническими учебными заведениями, о сохранении в силе постановления СНК от 13 августа 1920 г. о порядке приёма в высшие технические учебные заведения в 1920 году и об изменении его п. 4 // Декреты Советской власти. Т. 12: декабрь 1920 – январь 1921 г. – М.: Политиздат, 1986. – С. 175, 176.

⁴ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 382, 383.

¹ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 179, 180.

² Там же. – С. 181.

областная конференция Всероссийского союза инженеров, на которой было постановлено, что отныне данное объединение преследует исключительно профессиональные цели, официально объявлялась его аполитичность [4, с. 160]. Это означало, что сопротивление инженеров было сломлено, они были готовы сотрудничать с правительством на любых условиях [14, с. 118]. Поэтому власти санкционировали определённое облегчение условий их существования – ещё в мае 1918 г. был сохранён высокий уровень зарплат для ряда специалистов. В. И. Ленин признал это необходимой уступкой буржуазии для отправления ими профессиональных функций¹. Тогда же им было объявлено о возможной преемственности рабочих и инженеров, о необходимости и возможности первых перенимать знания и умения вторых: «Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа “Главкожи” или “Центротекстиля”, сидят рядом с капиталистами, учатся у них, налаживают тресты, налаживают “государственный капитализм”, при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма»². Этот процесс должен был осуществляться исключительно мирно и в рамках профессиональной деятельности, что даёт основания утверждать о постепенном налаживании полноценных контактов между интеллигенцией и рабочим классом.

На фоне этих мер стало возможным частично дезавуировать заявление о подготовке собственных кадров, поскольку дореволюционные спецы включались в производство. Так, в декабре 1918 г. в речи на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства В. И. Ленин отметил, что из-за внутрисполитической обстановки и нехватки специалистов, которые могли бы выступить педагогами, полноценное обучение новых инженеров временно свёрнуто. Он заявил, что «капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми мы должны непременно воспользоваться и воспользоваться в широком, массовом размере, пустив всех их в ход. Тратить время на подготовку специалистов из наших коммунистов нам совершенно некогда, потому что сейчас всё дело в практической работе, в практических

результатах»³. Обозначая необходимость использования дореволюционных специалистов, В. И. Ленин указал и тот факт, что обучение нового персонала откладывается на неопределённый срок, послав таким образом своеобразный знак инженерам, что их будущее, как минимум, в среднесрочной перспективе будет определённым и обеспеченным советской властью.

В начале 1919 г. точка зрения большевистского руководства по проблеме использования буржуазных специалистов продолжала сохраняться без изменений. Подтверждается это рядом заявлений В. И. Ленина. В ходе своих выступлений он не отказывался от своих заявлений о буржуазной сущности инженеров, однако признавал их полезность. Он снова актуализировал тезис о рабочем контроле на производстве, т. е. уравнивании инженеров и рабочих в социальном плане: «Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определённые рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их»⁴. Здесь глава государства обозначил зависимость специалистов от правительства, однако чуть позднее он пошёл им навстречу: «Мы говорим, что лучше отдадим лишний миллион или миллиард в год только бы воспользоваться всеми специалистами, какие есть, – они большему научат рабочих и крестьян, чем стоит этот миллиард»⁵. В этом месте В. И. Ленин обозначил готовность государства инвестировать в носителей технических знаний, дав понять, что их практическая полезность временно возобладала над их классовыми недостатками [5, с. 16, 17].

При этом из-за гражданской войны правительство было вынуждено сосредоточиться на вопросах обеспечения собственной безопасности и стабильности, оставив на самотёк вопрос практического использования технической интеллигенции. Где оставались старые специалисты – там они продолжали работать, будь то армейские чины или представители технической интеллигенции, у властей не было времени и ресурсов, чтобы заменить их лояльными себе людьми⁶. Инженеры, движимые частично как внутрен-

¹ Ленин В. И. Шесть тезисов об очередных задачах советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 279.

² Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – С. 311.

³ Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 37. – С. 400, 401.

⁴ Ленин В. И. Заседание Петроградского совета // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. – С. 6.

⁵ Там же. – С. 19.

⁶ Ленин В. И. Успехи и трудности советской власти // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. – С. 58.

ним долгом, так и не имевшие другого выхода, старались качественно осуществлять свои функции, в попытке реабилитировать себя и вернуть утраченный социальный статус. Всё это подвигало большевистское руководство к пересмотру взаимоотношений с данной социальной группой.

Говорить об изменении политики властей к техническим специалистам можно в контексте проходившего с 18 по 23 марта 1919 г. VIII съезда партии, где В. И. Ленин предложил новую концепцию восприятия буржуазной интеллигенции в советском государстве. Он ещё раз подтвердил, что опыт и знания специалистов необходимо использовать, но на этот раз предложил принципиально иное обоснование этого: «Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»¹. Таким образом, использование инженеров было вписано в классовую борьбу – как социализм должен родиться из капитализма, так и новая наука должна появиться из старой, и гражданское сопротивление технической интеллигенции и её неприятие советской власти в этом контексте выглядели логичным явлением. Фактически лидер партии большевиков сопоставил два явления – революцию в рамках перехода от одной формации к другой и неповиновение буржуазных специалистов. Как социализм должен возникнуть не на пустом месте, а на мощном базисе капиталистических отношений посредством революции, так и новая интеллигенция должна сохранить преемственность к старой, через слом её сопротивления и активного использования. Слом и подчинение технических специалистов уже произошли – теперь необходимо обеспечить преемственность. Данный ленинский тезис можно считать одним из важнейших в деле первоначальной реабилитации дореволюционных специалистов на практике. Этим же В. И. Ленин оправдал и сохранение высоких зарплат инженерам – поскольку для формирования новой науки и нового общества требуется преемственность с их старыми аналогами, необходимо спонсировать буржуазных специалистов, чтобы их усилиями обеспечить данный переход. Наконец, тогда же В. И. Ленин впервые прямо озвучил идею того, что необходимо обеспечить

инженерам условия труда лучшие, чем они были в дореволюционный период².

С этого момента был начат постепенный процесс реабилитации технической интеллигенции, нашедший своё отражение как в дальнейшей публицистике главы государства, так и непосредственно в нормативно-правовых актах правительства, направленных на улучшение положения специалистов [9, с. 85]. Уже в декабре 1919 г. увидел свет Декрет СНК об улучшении положения научных специалистов, посредством которого поручалось обеспечить занятым в ключевых областях производства инженерам соответствующее материальное довольствие и жилищные условия³. Помимо этого, с подачи правительства деятельность технических специалистов начали освещать в полужительном ключе, их стали активно привлекать к реализации глобальных инженерных проектов [10, с. 129]. Однако гражданская война и дискриминационная политика правительства повлияли на численность данной социально-технической группы: согласно учёту, проведённому Народным комиссариатом труда в 1922–1923 гг. (т. е. в тот период, когда шла активная реабилитация специалистов, был организован их дополнительный выпуск и т. д.), на промышленности и транспорте были заняты 27 393 человек, (против 46 502 в 1913 г.) и ещё 10 992 человека безработных [2, с. 43].

Заключение. Таким образом, на основании политической публицистики В. И. Ленина и его публичных выступлений возможно составить следующую картину периодизации, характеризующую взаимоотношения правительства и инженеров. Изначально, в период с октября по декабрь 1917 г. власти пытались выработать компромиссный подход к инженерам как социально-профессиональной группе. Экономическое положение предлагалось сохранить, однако в политическом и социальном плане технические специалисты утрачивали своё положение. В целом такой подход предполагал добровольное сотрудничество между властью и инженерами, однако в силу слабости, неустойчивости и непопулярности (в первую очередь, в среде интеллигенции) первой и антибольшевистского настроения вторых, от подобных попыток по налаживанию взаимодействия правительство отказалось.

² Там же. – С. 165, 166.

³ Декрет СНК об улучшении положения научных специалистов // Декреты Советской власти. Т. 7: 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. – М.: Политиздат, 1975. – С. 427, 428.

¹ Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38. – С. 142.

Вследствие провала политики по привлечению специалистов на свою сторону, власти начали планомерный и всеохватывающий процесс по стигматизации и маргинализации специалистов, как в социальном, так и в профессиональном плане. Он увенчался успехом: инженеры были дискредитированы, утратили своё положение на производстве, происходил их отказ от участия в политических процессах страны в пользу исполнения своих обязанностей, что фактически означало победу правительства в этом противостоянии. Данный подход доминировал в дискурсе политической элиты весь 1918 г. С ухудшением же внутриполитической обстановки вследствие гражданской войны и в связи с развалом экономики (а также в связи с достигнутой целью по ней-

трализации антибольшевистских настроений в инженерской среде) правительство пересмотрело свои взгляды на специалистов: их знания и умения были нужны здесь и сейчас.

Перемены произошли в марте 1919 г., когда на VIII съезде партии В. И. Ленин объявил, что дореволюционные специалисты являются безальтернативным и важным элементом в советском обществе, без которого невозможно создать новых, лояльных специалистов. Соответственно, сотрудничество с ними было необходимым при дальнейшем развитии советской государственности. Это послужило отправной точкой для начавшегося процесса по реабилитации инженеров, и дальнейшей их интеграции в советское общество.

Список литературы

1. Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий). М.: Мысль, 1974. 557 с.
2. Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М.: Союзоргучёт, 1935. 419 с.
3. Волков С. В. Трагедия русского офицерства М.: Центрполиграф, 2001. 507 с.
4. Волчков И. Л. Очерки истории Московского высшего технического училища. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. 326 с.
5. Добрынина М. В. Послереволюционная политика Советской России в отношении инженерного образования: борьба политических романтиков и социально-экономических прагматиков // Вопросы управления. 2019. № 3. С. 16–26.
6. Емтыль З. Я. Политический курс советской власти в отношении старой интеллигенции (1917 г. – 1920-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 234–238.
7. Золотарев О. В. НЭП, власть и интеллигенция // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2019. № 3. С. 5–13.
8. Калинин И. В. Практика подбора управленческих кадров в период 1917–1924 годов // Акмеология. 2004. № 3. С. 37–44.
9. Николаев А. Н. Становление и трансформация советской технократической элиты // Технолог. 2018. № 2. С. 83–95.
10. О'Коннор Тимоти Эдвард. Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики, 1870–1926 / пер. с англ. А. В. Чудинова, Е. В. Полевщиковой, Я. Я. Юрцабы. М.: Наука, 1993. 270 с.
11. Сломинская Е. В. Теоретико-методологические вопросы изучения российской технической интеллигенции // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 211–224.
12. Сломинская Е. В. Техническая интеллигенция в отечественной исторической науке в первое послеоктябрьское десятилетие (1917–1927 гг.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 184–195.
13. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 471 с.
14. Щербакова О. М. В. И. Гриневецкий о путях развития страны в 1918 году (к столетию написания книги «Послевоенные перспективы русской промышленности») // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 115–125.
15. Mandel D. The Intelligentsia and the October Revolution. Текст: электронный // Historical Materialism. 2017. 31 August. URL: <http://www.historicalmaterialism.org/blog/intelligentsia-and-october-revolution-david-mandel> (дата обращения: 14.07.2020).

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; принята к публикации 25.08.2020

Сведения об авторах

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет; 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36; e-mail: totleben@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>.

Вячистый Дмитрий Дмитриевич, магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет; 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина 36; e-mail: DimDimvyachisty@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5326-0373>.

Вклад авторов в статью

В. В. Шевцов – основной автор, является организатором исследования, сформулировал выводы и провёл редактирование текста статьи.

Д. Д. Вячистый – провёл подбор, систематизацию и анализ материалов исследования, осуществил оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Шевцов В. В., Вячистый Д. Д. Взаимоотношения советской власти и технической интеллигенции в 1917–1919 годы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-23-33.

References

1. Anikeev, V. V. Activities of the Central Committee of the RSDLP(b) – RCP(b) in 1917–1918 (chronicle of events). M: Mysl', 1974. (In Rus)
2. Bejlin, A. E Staff of specialists of the USSR, their formation and growth. M: Soyuzorguchet, 1935. (In Rus)
3. Volkov, S. V. The tragedy of Russian officers. M: Centropoligraf, 2001. (In Rus)
4. Volchkevich, I. L. Essays on the history of the Moscow higher technical school. M: MG TU im. N. E. Bauman, 2016. (In Rus)
5. Dobrynina, M. V. Post-revolutionary policy of Soviet Russia in relation to engineering education: the struggle of political romantics and socio-economic pragmatists. Management issue, no. 3, pp. 16–26, 2019. (In Rus)
6. Emtyl', Z. Y. Political course of the Soviet government in relation to the old intelligentsia (the 1917s–1920s). Theory and practice of social development, no. 4, pp. 234–238, 2010. (In Rus)
7. Zolotarev, O. V. The NEP, the government and the intelligentsia. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences, no. 3, pp. 5–13, 2019. (In Rus)
8. Kalinin, I. V. The practice of selecting managerial personnel in the period 1917–1924. Acmeology, no. 3, pp. 37–44, 2004. (In Rus)
9. Nikolaev, A. N Formation and transformation of the Soviet technocratic elite. Technologos, no. 2, pp. 83–95, 2018. (In Rus)
10. O'Konnor, Timoti Edvard. Engineer of the revolution: L. B. Krasin and the Bolsheviks, 1870–1926. M: Nauka, 1972. (In Rus)
11. Slominskaya, E. V. Theoretical and methodological issues of studying the Russian technical intelligentsia. Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences, no. 1, pp. 211–224, 2011. (In Rus)
12. Slominskaya, E. V. Technical intelligentsia in Russian historical science in the first post-October decade (1917–1927). Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences, no. 2, pp. 184–195, 2011. (In Rus)
13. Fedyunin, S. A. Great October and the intelligentsia: from the history of the involvement of the old intelligentsia in the construction of socialism. M: Nauka, 1972. (In Rus)
14. Shcherbakova, O. M. V. I. Grinevetsky on the ways of development of the country in 1918 (to the centenary of the book "Post-War prospects of Russian industry"). Bulletin of the Moscow State Regional University, no. 2, pp. 115–125, 2018. (In Rus)
15. Mandel, D. The Intelligentsia and the October Revolution // Historical materialism. 2017. 31 August. Web. 14.07.2020. <http://www.historicalmaterialism.org/blog/intelligentsia-and-october-revolution-david-mandel>. (In Engl.)

Received: July 6, 2020; accepted for publication August 25, 2020

Information about author

Shevtsov Vyacheslav V., Doctor of History, Professor, National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, Russia 634050; e-mail: totleben@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>.

Vyachisty Dmitry D., Master Student, National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, Russia 634050; e-mail: DimDimVyachisty@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5326-0373>.

Contribution of authors to the article

V. V. Shevtsov – the main author, the organizer of the research, formulated the conclusions and edited the text of the article.

D. D. Vyachisty – conducted the selection, systematization and analysis of research materials, carried out the design of the article.

Reference to the article

Shevtsov V. V., Vyachisty D. D. Relations Between the Soviet Government and the Technical Intelligentsia in 1917–1919 // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 23–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-23-33.

УДК 271.2-9(571.5)"17"

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-34-43

Инна Игоревна Юрганова,*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера,
Якутский научный центр СО РАН**(г. Якутск, Россия);**Институт российской истории РАН**(г. Москва, Россия),**e-mail: inna.yurganova@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>*

Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века)

В статье рассматриваются процесс христианизации и вопросы исполнения православной обрядности на восточных окраинах Российской империи во второй половине XVIII в., реконструируемые на основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников. Рабочая гипотеза исследования содержит тезис о христианизации Восточной Сибири как одном из средств государственной политики с целью экономико-административного освоения края и этнокультурного трансфера, когда власть создавала условия для привлечения иноверцев в государственную религию и предлагала административно-взыскательную нормативную базу в случае неисполнения ими христианских обязанностей. Проведённое исследование даёт основание утверждать, что во второй половине XVIII столетия отмечается активизация христианизации народов Восточной Сибири. Учреждение на восточных рубежах империи отдельных административной и церковно-административной единиц свидетельствует о продолжающейся интеграции этих территорий в состав государства. Христианизация местных этносов происходила в соответствии с указами и распоряжениями гражданской власти, что объясняет её медленные темпы в национальных окраинах. Элементом государственной политики стал ненасильственный метод привлечения в православие, связанный с фискальными интересами русской администрации и обеспечивающий лояльность местного населения. Помимо этого применялась система льгот и подарков для нерусского населения, создающая выгодные условия для вступления в православие, когда формальность крещения устраивала и светскую, и церковную власти. Введение в научный оборот исторических источников предоставило возможности для выявления новых фактов истории православия в Восточной Сибири, а именно для определения количества храмов и численности священнослужителей Якутского заказа, местопребывания заказчика и подтверждения тезиса о многократном крещении населения с целью получения налоговых льгот.

Ключевые слова: христианизация, Восточная Сибирь, Иркутская епархия, православная обрядность в Сибири, льготы для неофитов, ясак, Илимский уезд, Якутская приказная изба

Inna I. Yurganova,*Institute of the Humanities and Indigenous Peoples, North Scientific Center Russian Academy
(Yakutsk, Russia);**Institute of Russia History of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)**e-mail: inna.yurganova@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>*

Christianization and Execution of Orthodox Rites on the Eastern Outskirts of the Empire (the Second Half of the XVIII Century)

The article deals with the process of Christianization and the issues of performing Orthodox rites on the Eastern outskirts of the Empire in the second half of the XVIII century, reconstructed on the basis of historical sources that were first introduced into scientific circulation. The working hypothesis of the research includes the thesis about the Christianization of Eastern Siberia as one of the means of state policy for the purpose of economic and administrative development of the region and ethno-cultural transfer, when the government created conditions for attracting non-believers to the state religion and offered an administrative and exacting regulatory framework in case of non-fulfillment of their Christian duties. The study suggests that in the second half of the XVIII century there was an increase in the Christianization of the peoples of Eastern Siberia and the establishment of separate administrative and ecclesiastical administrative units on the Eastern borders of the Empire indicate the continued integration of these territories into the state. The Christianization of local ethnic groups took place in accordance with the decrees and orders of the civil authorities, which explains its slow pace in the national suburbs. The non-violent method of attracting people to Orthodoxy, which is linked to the fiscal interests of the Russian administration and ensures the loyalty of the local population, has become an element of state

© Юрганова И. И., 2020

policy. In addition, a system of benefits and gifts for the non-Russian population was used, creating favorable conditions for joining Orthodoxy, when the formality of baptism suited both the secular and Church authorities. The introduction of historical sources into scientific circulation provided opportunities to identify new facts about the history of Eastern Siberia's Orthodoxy, namely, to establish the number of churches and the number of clergy of the Yakut order, the location of the customer, and to confirm the thesis of multiple baptisms in order to obtain tax benefits.

Keyword: Christianization, Eastern Siberia, Irkutsk diocese, Orthodox rites in Siberia, benefits for neophytes, yasak, Ilimsky uyezd, Yakut prikaznaya izba

Введение. Христианизация представляет процесс обращения в христианство, распространение христианства и внедрение норм христианской религии, известный со времён поздней античности. В мировой исторической практике методы и темпы христианизации определяла государственная власть, заинтересованная в политико-административной и экономической интеграции территорий. Христианизация этносов, проживающих на территории Сибири, также стала одним из элементов политики Русского государства.

Для Восточной Сибири характерно запрещение насильственного крещения. На церковном Соборе 1681 г. обсуждался вопрос христианизации народов Восточной Сибири, результатом чего стал царский указ о крещении всех народностей, проживающих в Поволжье, воспринятый сибирским митрополитом как руководство к действию и, после многочисленных жалоб сибирских татар указом 1685 г. предписывалось только добровольное крещение сибирских народов. Непродолжительный возврат к принудительным мерам связан с указом Петра Великого 1714 г. об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, остяков, татар и якутов, уже в 1719 г. заменённом указом Сената о запрете насильственного крещения инородцев, что в дальнейшем и стало основой государственной политики по христианизации народов Сибири.

Методология и методы исследования. Задачей исследования являются вопросы христианизации и исполнения православной обрядности на восточных окраинах империи во второй половине XVIII в., реконструируемые на основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников. Предлагаемая тематика не имеет отдельных исследований и изучалась либо в контексте истории православия в Сибири, либо в работах региональных авторов, посвящённых деятельности РПЦ и духовенства на местах [2; 9–14; 18]. Так, миссионерская и культурно-просветительская работа РПЦ в Сибири представлена трудами Л. Н. Харченко, В. Ю. Софронова и И. И. Югановой,

отражающими вопросы, связанные с деятельностью миссий, братств и духовным образованием [15; 16; 19; 20]. Христианизация коренного населения Хакасско-Минусинского края рассмотрена в трудах В. Н. Асочаковой, отметившей её отличие от аналогичных процессов в Западной Сибири [1]. Авторами монографии «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в.» предпринята попытка изучения всех основных направлений деятельности православной церкви на восточно-сибирской территории, но они использовали, в основном, уже опубликованные источники [3].

Наиболее полные сведения об исполнении православной обрядности в Илимском воеводстве приведены в фундаментальном труде В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня», всесторонне раскрывающем хозяйственную политику русского государства в Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. [17].

Для зарубежных исследователей привлекательными являются имперская система управления и вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов. В монографии Д. Стефана имеются суждения о том, что по мере продвижения русского государства на восток и вхождения в его состав новых окраинных земель, перед московским правительством вставала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Американский исследователь отметил, что это произошло «больше просвещением, чем силой» [23]. В целом, в трудах зарубежных авторов по истории Русской церкви либо каким-либо наиболее значительным её событиям не рассматривается история и специфика православия на территории Восточной Сибири [21; 22].

Основу данного исследования составили индуктивный метод и методика дискурсивного анализа, предполагающие выявление дискурсов внутри одного источника в аспектном поле заданной тематики, формирование оригинального корпуса источников и как следствие – системный анализ сюжетов, связанных с христианизацией и исполнением православной обрядности. Вместе

с тем, инфраструктура и алгоритм темы в перспективе предоставляют возможности перехода от разработки проблем этнических локаций к обобщениям на имперском уровне. Кроме того, привлечены принцип холизма (целостности), методы, опирающиеся на использование формально-логических приёмов обобщения, суждения и доказательства, а также микроисторический подход, предполагающий изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе.

Рабочая гипотеза исследования содержит тезис о христианизации Восточной Сибири в XVIII столетии как об одном из средств государственной политики с целью экономико-административного освоения края и этнокультурного трансфера, когда власть создавала условия для привлечения иноверцев в государственную религию и предлагала административно-взыскательную нормативную базу в случае неисполнения ими христианских обязанностей. В связи с этим очевидна заинтересованность государства в крещении подданных даже при отсутствии понимания ими основ христианской догматики и православных норм морали и этики. Верификация гипотезы очевидна и подтверждается сведениями исторических источников.

Результаты исследования и их обсуждение. Активизация христианизации восточных окраин Российской империи, где проживало значительное количество этносов, соотносится со второй половиной XVIII в. В 1727 г., из состава обширной Сибирской митрополии, с центром в г. Тобольске, была выделена Иркутская епархия, на протяжении почти полутора столетий остававшаяся самой территориально значительной церковно-административной единицей Русской православной церкви. В 1764 г. была учреждена Иркутская губерния¹. В 1782–1783 гг. в Сибири было создано три наместничества: Тобольское, Кольванское и Иркутское (состоящее из Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской областей). К 1796 г. территория Сибири вновь была разделена на Тобольскую и Иркутскую губернии, т. е., по сути, на Западную и Восточную Сибирь.

Сведения о населении Восточной Сибири содержат материалы ревизий податного и частично неподатного населения. Ревизский учёт в России был введён в 1718 г. Первый

учёт ясачного населения состоялся в 1732 г.² Во второй половине XVIII столетия были проведены III (1762), IV (1782) и V (1794) ревизии. Заметим, что начиная со II ревизии (1743), фиксировались этническая принадлежность и отношение населения к православию. Нерусское население учитывалось по графам: новоокрещённые или крещённые иноверцы, некрещённые иноверцы, ясачные и т. д. [7, с. 25, 26]. Кроме того, в 1760-х гг. население, платившее ясак, было переписано специальными переписчиками [8]. В Иркутской губернии по данным ревизий проживало: в 1764 г. – 199 140 человек (III ревизия), в 1784 г. – 259 335 (IV) и в конце XVIII в. – 283 686 человек (V ревизия) [7, с. 182–184].

Исследователи отмечают, что на протяжении всего XVIII века Сибирь была территорией с повышенным приростом населения, показатели которого превышали среднестатистические по стране. При этом здесь отсутствовала миграция, и были незначительными рекрутские наборы. К началу XVIII в. в Сибири уже преобладало русское население (64–67 %), но в Иркутской губернии оно составляло только 34 %, и большинство русских проживало в Иркутском и Илимском уездах. Основную часть населения Илимского уезда составляли русские государственные крестьяне, носившие до середины XVIII века название крестьян пашенных. В Селенгинском уезде большинство населения было представлено бурятами, в Нерчинском – бурятами и тунгусами, в Якутском – якутами. Так, население Якутии, по данным III ревизии (1764), насчитывало 81 802 человека, из которых 4 % были русскими [Там же, с. 97].

Активизация христианизации сибирских народов связана с деятельностью третьего иркутского епископа Софрония (Кристалевского)³, требовавшего от священников «всемерно стараться по Апостольской заповеди обращать и просвещать святым крещением в Грекороссийскую Православную веру... Священники не прилежат, но только репортуют, что в такой-то половине года в парохии их никто крещено идоляторов не было»⁴ [6]. Миссионерством занимались и первые иркутские архиереи: епископ иркутский Иннокентий (Кульчицкий)⁵ крестил бурят, епископ

² ПСЗ-1. – Т. 5. – № 3245. – С. 597.

³ Епископ Софроний (Кристалевский Степан Назарьевич) (1703–1771 гг.) в 1753–1771 гг. был епископом Иркутским и Нерчинским.

⁴ Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1874. – № 28. – С. 524.

⁵ Епископ Иннокентий (Кульчицкий Иван) (1680(1682)–1731 гг.) – первый правящий архиерей Восточной Сибири, в 1727–1731 гг. – епископ Иркутский и

¹ Полный Свод законов Российской империи-1. ПСЗ-1. – Т. 16. – № 12269. – С. 944.

Иннокентий (Нерунович)¹ проповедовал православие среди якутского населения. В 1763 г. в епархии были введены две должности веропроповедников, первый из которых был направлен в Балаганское, Киренское и Якутское духовные правления, второй миссионерствовал в Иркутском, Нерчинском и Селенгинском заказах.

Одним из регламентированных церковных таинств (обрядов) является исповедь, именуемая таинством покаяния, представляющая признание верующим своих грехов в присутствии священника, отпускающего эти грехи. Другой обязательный для христианина обряд – причастие, включающее освящение хлеба и вина с последующим их употреблением. Очевидно, что все вступившие в православие должны регулярно исповедоваться и причащаться; и те, кто был причислен к приходским храмам, и те, кто вёл полукочевой и кочевой образ жизни.

В 1718 г. был издан царский указ о том, что «кто будет исповедоваться и не исповедоваться, тому всему иметь книги погодно, и кто по тем книгам явится без исповеди, и с таких править тех приходов Священникам штрафы, с разночинцев и с посадских первый [раз] по рублю, второй по два рубля, третий по три рубля, а с поселян: первый по десяти денег, другой по гривне, третий по пяти алтын... А буде о тех, кто у исповеди не будет, а Священник о том не донесет, то за то взять на нем штрафа первой пять рублей, второй десять рублей, третий 15 рублей; а ежели потом явится в том же, то извержен будет священства»². Указом Сената в 1737 г. было объявлено «чтоб все её Императорского Величества верные подданные, исповедания Святой православно восточной церкви, всякого чина мужеска и женска пола люди, от семилитне-возрастных и до самых престарелых... исповедовались и приобщались Святых Тайн повсегодно...»³. Императрица Екатерина II подтвердила данную практику указом 1765 г., согласно которому, с уклоняющихся от исповеди и причастия не только взыскивались штрафы, но могли быть применены телесные наказания⁴.

В фондах Российского государственно-го архива древних актов выявлены впервые вводимые в научный оборот исторические источники, позволяющие составить пред-

ставление об исполнении православным населением Иркутской епархии своих религиозных обязанностей и в целом – о процессе христианизации на восточных рубежах империи. Данные источники соотносятся с территорией подвластной Илимской воеводской канцелярии, где более столетия было сосредоточено управление и хозяйствование на землях, простиравшихся от устья Илимского до верховьев Лены и от Киренска до Тулуна. С XVII в. Илимская пашня кормила всю Восточную Сибирь и Камчатку, являясь одним из немногих сельскохозяйственных оазисов Зауралья [17].

Приходские священники ежегодно должны были составлять именные ведомости неисповедовавшихся, которые передавались благочинным (заказчикам), затем в духовную консисторию, о чём сообщалось и властям гражданским⁵. В промемории заказчика Илимского духовного правления в Илимскую воеводскую канцелярию указывается, что «...велено собирать со всех ведомств здешнего заказа священников, исповедовавшихся и неисповедовавшихся обоего пола людей именные росписи погодно... и присылать в оную духовную консисторию, а для взыскания штрафов сообщать в Илимскую воеводскую канцелярию»⁶. Воеводская канцелярия, в свою очередь, отслеживала правильность составления списков. Так, в 1740 г. канцелярией было дано поручение приказной избе Братского острога о проверке списка неисповедовавшихся, т. к. в него были включены «умершие, направленные в 1736 г. в Камчатскую экспедицию и внесённые двоекратно»⁷.

Списки оштрафованных за непосещение исповеди составлялись по приходам, посемейно, т. е. указывалась взыскиваемая со всей семьи общая сумма. Формуляры ведомостей были произвольными и имели следующие графы: фамилия и имя, возраст, указание первичности (вторичности) непосещения исповеди и сумма штрафа. В некоторых из списков отсутствуют указания на возраст штрафующихся и размер штрафа, который определялся приходским иереем в зависимости длительности по времени неисполнения обрядов, и мог быть различным (от 1 копейки до 2 рублей). По данным Братской приказной избы за 1760 г. можно установить, что детям даже вторично не

¹ Епископ Иннокентий (Нерунович/Неронович Иоанн) (1690-е гг. – 1747 г.) в 1732–1747 гг. – епископ Иркутский и Нерчинский.

² ПСЗ-1. – Т. 5. – № 3169. – С. 544, 545.

³ ПСЗ-1. – Т. 10. – № 7226. – С. 114–118.

⁴ ПСЗ -1. – Т. 17. – № 12378. – С. 117.

⁵ Российский архив древних актов. РГАДА. – Ф. 494. – Оп. 2. – Д. 897.

⁶ РГАДА. – Ф. 494. – Оп. 2. – Д. 897. – Л. 8.

⁷ Государственный архив Иркутской области. ГАИО. – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 926. – Л. 10.

назначалось более 10 копеек, хотя указывались и «великовозрастные» дети (24–28 лет), проживавшие вместе с родителями. Выявлены факты назначения штрафов умершим («умершего разночинца Филиппа Постникова и жены его вдовы Татианы»), и тогда штраф оплачивали родственники покойного¹.

Суммы штрафов были значительны для сибиряков. Для сравнения, во второй половине XVIII в. за 2–4 рубля можно было купить лошадь, за 1–3 рубля – корову, за 15–20 копеек – пуд пшеницы и за 35 копеек – воз сена. Выплата штрафов была затратной и не предусмотренной в семейном бюджете [4]. В 1753 г. 605 человек пропустили исповедь, из них 144 – «вторично» и 20 «третично», и общая сумма штрафа составила 85 рублей 55 копеек. В 1754 г. с 603 неисповедовавших было собрано 60 рублей. Известен факт «четвертичного» непосещения исповеди одним из казаков, оштрафованном в итоге на 4 рубля. В 1755 г. штраф в размере 70 рублей 5 копеек был наложен на 378 человек, из них повторно на 33. «Четвертично» не были на исповеди девять человек, и «пятирично» – один [17, с. 543].

С 1756 г. с лиц, пропустивших исповедь более чем три года, было разрешено «брать вчетверо», более пяти лет – «впятеро и за нерадение чинить наказание». В 1765 г. был издан Указ Сената с разъяснением, как поступать в не рассмотренных ранее случаях. Теперь разночинцев, не бывших на исповеди более трёх лет, и тех, кто не мог оплатить штраф в связи с бедностью, можно было привлекать к казённым и полицейским работам (по усмотрению губернаторов), выдавая им лишь хлеб и воду². В 1773 г. в Илимском уезде штраф был наложен на 1059 человек, в 1775 г. – на 1 663 человека³.

В ходе нашего исследования были привлечены реестры (списки) оштрафованных крестьян Марковской слободы и запашных Братского и Удинского острогов. Так, в 1761 г. штрафу подверглись семьи крестьян Марковской слободы, всего 16 человек на сумму 1 рубль 50 копеек. При этом реальные суммы штрафа были указаны только у 13 человек. У троих напротив фамилий имеется запись «исповедованы», и можно предположить, что священник по каким-либо причинам согласился исповедовать их здесь и сейчас. Самый крупный штраф в данном списке составляет 20 копеек, минимальный – 5 копеек.

В приходе Барлуцкой церкви по ведомостям Братских запашных людей указаны посадские, крестьяне, служилые и разночинцы – 53 человека; крестьяне и служилые Шамановского погоста – 33; крестьяне Братской Спасской пустыни – 43; Удинского острога – 3; прихода Усть-Удинской церкви – 12; ямщики и крестьяне Ново-Удинской слободы – 71; всего – 213 человек. В списках отсутствуют размер штрафов и указания на возраст оштрафованных, но в отложившихся в архивном деле вторых экземплярах данных списков присутствуют и суммы штрафов (от 5 копеек до 2 рублей), и отметки о первичности или вторичности непосещения исповеди.

Отметим, что к середине XVIII столетия в Илимском уезде действовало 23 храма с 83 священно- и церковнослужителями, что при общей численности населения уезда в 10 349 человек составляло менее одного процента (0,8 %). Также имелось 37 вакантных мест [Там же, с. 23].

Выполнившим свой христианский долг и побывавшим на исповеди по их просьбе выдавались расписки (отписки), служившие гарантией от наложения штрафов, где указывались фамилия, имя, социальный статус, когда и где был на исповеди, а также фамилия священника, выдавшего документ.

Иное положение духовенства и отношение к исполнению христианских обязанностей имело место быть в Якутском заказе. В доношении в Илимскую воеводскую канцелярию из Якутской приказной избы от 10 января 1762 г. сообщается: «...Взяты деньги с 19 человек по 5 копеек..., а более таковых в Якутском воеводстве не имеется» [Там же, с. 23]⁴. Эти данные свидетельствуют, что специфика проживания на северо-восточных территориях диктовала особые условия крещения и исполнения христианских обрядов у кочевого и полукочевого населения. Приходская организация в Якутии оформилась позже, и в XVIII в. ещё не были определены границы приходов, а священники не знали ни численности населения, ни территориальных границ его проживания. Впервые проект «распределения инородцев и крестьян» Якутского заказа по приходам будет рассмотрен на заседании Иркутской духовной консистории в 1828 г.⁵

К концу XVIII в. в Прибайкалье был учреждён 81 приход, к каждому приходу в среднем было отнесено по 1 050 человек; в Забайкалье – 36 приходов, в Красноярском

¹ РГАДА. – Ф. 494. – Оп. 2. – Д. 897. – Л. 43.

² ГАИО. – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 2907. – Л. 624, 625.

³ ГАИО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 60–67.

⁴ РГАДА. – Ф. 494. – Оп. 2. – Д. 897. – Л. 68.

⁵ ГАИО. – Ф. 50. – Оп. 7. – Д. 142, 500.

уезде – 37, Енисейском – 33 прихода [5, с. 227–231]. Согласно «Ведомости о числе церквей Якутского заказа» за 1806 г., в Якутском уезде действовали 19 церквей, т. е.

приходов¹. Выявленные документы дают основание утверждать, что в 1770-х гг. в Якутском заказе функционировали 14 храмов. Список священников дан в таблице.

Список священников Якутского заказа 1763–1775 годов²

Номер пункта	Название храма	Имя, фамилия и сан священнослужителя	Год*
1	Троицкая соборная (г. Якутск)	Евсей Степанов, заказчик, Алексей Дмитриев, священник, Иоанн Третьяков, священник	1770 1770 1770
2	Якутская Богородицкая Рождественская	Василий Егоров, священник, Иоанн Шарин, священник, Яков Шангин, священник	1766 1770 1775
3	Якутская Николаевская	Гавриил Ноговицын, протоиерей, веропроповедник, заказчик (1776 г.), Василий Канов, священник	1770 1770
4	Якутская Предтеченская	Алексей Парников, священник	1770–1775
5	Кангаласская Покровская	Даниил Решетников, священник	1775
6	Амгинская Преображенская	Дмитрий Гоголев, священник	1775
7	Олёкминская Спасская	Даниил Петров, священник	1770–1775
8	Верхоянского зимовья Николаевская	Дмитрий Гоголев, священник	1770
9	Жиганская Николаевская	Андрей Мордовской, священник	1775
10	Зашиверская Спасская	Михаил Слепцов, священник	1775
11	Верховилуйская Николаевская	Дмитрий Гоголев, священник,** Василий Егоров, священник, Иоанн Винокуров, священник	1763 1773 1775
12	Сунтарская Введенская	Василий Попов, священник	1775
13	Средне-Колымская Покровская	Прокопий Трифонов, священник	1775
14	Витимская Спасская	Василий Охлопков, священник	1775

Прим.: * даты служения указаны в соответствии со сведениями исторических источников РГАДА (ф. 416, оп. 1. д. 5); ** курсивом отмечены ранее упоминаемые персоналии

Законодательно установленные штрафы за непосещение исповеди были отменены после того, как император Павел I выдал разрешение иметь свои храмы старообрядцам. Возник правовой коллапс, т. к. правительство не могло штрафовать последователей «старой церкви» за непосещение исповеди, и Синод обратился к императору Александру I с просьбой заменить взыскание штрафов эпитимией³ и/или в отдельных случаях ссылкой на покаяние в монастырь, что и было утверждено рескриптом в январе 1802 г. Тем не менее, священнослужители по-прежнему составляли списки неисповедовавшихся и ежегодно представляли их в духовные консистории, но уже без последующих штрафных санкций.

Помимо этого, государством была разработана система поощрений для привлечения в православие народов Сибири. В царском указе 1720 г. предписывалось: «...Которые крещенные разных народов люди восприняли православную греческого закона веру... давать льготы на 3 года дабы тем призвать к

восприятию веры греческого закона лучшую охоту, а с некоторых дворов и их дети приходят креститься только некоторые персоны, а не все того двора жители, одну льготу давать только тем, которые святое крещение приняли перечисленные без всяких подати иметь с другими в ряд»⁴. Императорским указом 1731 г. предусматривалось давать новоокрещенным «всякие льготы», указом 1733 г. предписывалось «нечинение обид и притеснений ясным людям, живущим в Якутском воеводстве и в Камчатке». Указ 1740 г. подтвердил запрет на «принуждения ко крещению»⁵. Императорским указом 1764 г. были сохранены одаривание крестами и иконами и трёхлетняя ясная льгота. Заметим, что после вступления в православие членов родовых сообществ общий объём ясака оставался неизменным и рассчитывался по численности некрещенных в роду, в связи с чем понятна недоброжелательность сородичей к новоокрещенным, за счёт которых увеличивались тягловые обязательства.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). НА РС(Я). – Ф. 225-и. – Оп. 1. – Д. 30.

² Источник: РГАДА. – Ф. 607. – Оп. 2. – Д. 85, 86.

³ Эпитимия (эпитимья) – вид нравственно-исправительного церковного наказания для мирян в христианской церкви.

⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 14. – Д. 796. – Л. 937.

⁵ ПСЗ-1. – Т. 9. – № 6407. – С. 131, 132.

Епископом Софронием (Кристалевским) с целью контроля за христианизацией были введены особые «Реестры о новокрещённых», куда вносились данные обо всех крестившихся. Священнослужители были обязаны ежегодно отчитываться перед заказчиком о численности неофитов в своём приходе, заказчик – предоставлять епископу сводные данные по духовному правлению. Одним из последствий внедрения этой практики стала погоня за количественными показателями, когда священники крестили всех желающих. Инородческое население восприняло подобную практику по-своему и принимало веру, прежде всего, для получения льготы по освобождению от ясака, пользовалось этой льготой три года, после чего, с целью получения новых льгот, вновь окрещивалось в другой церкви или у другого священника. Крещение превратилось в способ уклонения от уплаты ясака. Помимо этого, неофиты освобождались от наказаний за совершённые до крещения преступления или проступки.

В документах за подписью якутского заказчика веропрповедника Г. Ноговицына выявлены реестры о «приведении идоляторов обоного пола людей к святому крещению просвещено и сколько имо лет, ясашны или не ясашны и кто у них отцы-матери восприемники»¹. Реестры представляют многофункциональный исторический источник, позволяющий и в том числе, впервые установить персональный состав и места служения священства Якутского заказа в 1760–1770 гг. Помимо этого реестры содержат информацию о географии поездок священников. Так, например, в 1775 г. иерей Жиганской Николаевской церкви Андрей Мордовской крестил всего пять человек, из которых два – в Хатылинской волости (март), один – в Батулинской (июль) и два – в тунгусском роду (сентябрь) и, учитывая значительность расстояний, можно предположить, что священник проделал немалый путь.

Согласно данным реестров, общая численность привлечённых в православие в 1775 году насчитывает 187 человек (А. Мордовской – 5, Д. Петров – 4, Г. Ноговицын – 20, Д. Гоголев – 11, П. Трифонов – 27, В. Ощепков – 4, В. Попов – 11, М. Слепцов – 31, Д. Решетников – 10, А. Парников – 39, И. Винокуров – 25)². Из них билеты на освобождение от ясака были выданы 106 неофитам, в том числе несовершеннолетним детям.

Следовательно, в 1775 г. было окрещено не более 200 человек. В целом количество билетов, «выданных священникам новоокрещённым якутам об освобождении их от взимания ясака и других податей» за 1770–1775 гг., сохранившихся в архивных фондах, насчитывает более полутысячи³. На большинстве билетов имеются отметки канцеляристов и подканцеляристов Якутской приказной избы о снятии ясака. Безусловно, что данные документы должны были отложиться на хранении в архиве якутского областного правления, пережившего несколько крупных пожаров (1879, 1890), в связи с чем не представляется возможным установить общую численность принявших православие во второй половине XVIII в.

Как правило, все билеты начинаются со слов «По указу Её Императорского Величества...» с дальнейшей ссылкой на императорский указ 23 января 1763 г. Затем следуют данные о священнослужителе, совершившем крещение (сан, имя, фамилия, место службы), о том, кому выдан билет (место проживание, родничество⁴, имя якутское и имя данное при крещении), дата крещения и указание на освобождение от ясака и иных податей (ясачная гоньба⁵ и др.). В ходе исследования установлено более десяти билетов о крещении жителей Кангаласской волости, а именно родников известного в истории Якутии князца Софрона Сыранова, первого головы Кангаласского улуса и депутата Уложенной комиссии (1767)⁶. Документы дают возможность установить место службы якутского заказчика в 1770 г. – Троицкий собор, тогда как центром управления заказа являлся Спасский мужской монастырь. Местом службы веропрповедника Г. Ноговицына была Якутская Николаевская церковь⁷. Вызывает интерес и указания на якутские имена родоначальников, ведь они были уже окрещены и выступали в качестве восприемников. Впечатляет география мест проживания неофитов – Верхоянское ведомство, Верховилуёйское зимовье и другие, предполагающая длительные поездки священнослужителей.

³ Там же. – Оп. 2. – Д. 85, 86.

⁴ Имеется в виду отношение к наследному князю или родовому главе, а именно – «родник князца...».

⁵ Плательщики натурального налога пушниной (ясака) должны были, в том числе, предоставлять транспорт (олений, лошадей, собак) для поездок административной власти.

⁶ РГАДА. – Ф. 416. – Оп. 2. – Д. 85. – Л. 12а–17, 19–21, 25, 44, 46, 69, 81, 85.

⁷ Там же. – Л. 32, 66, 72, 80.

¹ РГАДА. – Ф. 416. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 2.

² Там же. – Л. 2–38.

Важно отметить, что почти треть из получивших билеты являлись людьми зрелого возраста (более 40 лет), и возникает предположение, что они могли креститься второй и более раз с целью получения ясачной льготы. Согласно билету, выданному священником Троицкой соборной церкви Алексеем Дмитриевым 2 марта 1770 г., крещение с наречением именем Марина приняла жительница Мегерекской волости Мегинского улуса в возрасте 98 лет¹. Священником Иоанном Шариным 29 сентября 1771 г. была окрещена и наречена Устиньей «якутская женка Бохова». Билет на льготу и, соответственно, освобождение на три года от ясака получил её брат ясашный крещёный Алексей Дьяконов². В отдельных случаях билет за неопита получали соплеменники, при чём без указания родства³. Предъявление билета в якутской приказной избе обеспечивало трёхлетнее освобождение от ясака.

Подобная практика получила распространение в Балаганском и других духовных правлениях Иркутской епархии. Искоренять её пришлось епископу Михаилу (Миткевичу)⁴. Архиерей 26 июля 1778 г. издал предписание, гласившее: «Некоторый Иркутской епархии священник пришедшую к нему крещеную уже прежде назвавшуюся некрещеной обманом братских женку безовсякого о ней разведывания необучившие её молитвам и святой веры вторично оную крестил... Подтверждаем указом, чтоб священник крестить желающих не спешил, но разведал бы не были ли крещены прежде и обучал бы молитвам и святой веры. Ежели сего исполнимо не будет то за сие они священники лишены будут своих чинов»⁵. Но на практике и, особенно в условиях кочевого и полукочевого образа жизни прихожан и дефицита духовных кадров, приводившего к нечастым встречам с пастором, установить факты повторного крещения было не просто.

Значимым препятствием для христианизации являлся языковой барьер. Для населения, не знавшего русского языка, церковные службы были чужды и не понятны. Миссионерам и священникам приходилось заниматься поиском переводчиков. Не вызывает сомнений и то, что далеко не все неопиты сознательно принимали православие, и в большинстве случаев усвоение

религии было поверхностным, без знания необходимых православных канонов, формирующееся на основе обычного права и проявляемое в повседневности симбиозом языческих обычаев и христианских норм. Только с середины XIX в., когда будет развернута масштабная работа по переводу духовной и богослужебной литературы на языки сибирских народностей и священнослужители станут проводить службы на языке местного населения, а основы вероучения станут понятными и доступными, наметится переход к осознанному вступлению в православную веру.

Заключение. Проведённое исследование даёт основание утверждать, что во второй половине XVIII столетия отмечается активизация христианизации народов Восточной Сибири. Учреждение на восточных рубежах империи отдельных административной и церковно-административной единиц свидетельствует о продолжающейся интеграции этих территорий в состав государства. Коррелируемая государством переселенческая политика обеспечивала стабильный прирост русского населения, привнесшего, в том числе и православную ментальность. Деятельность Русской православной церкви в Сибири осуществлялась в русле государственной политики. Христианизация местных этносов происходила в соответствии с указами и распоряжениями гражданской власти, что объясняет её медленные темпы в национальных окраинах. Элементом государственной политики стал ненасильственный метод привлечения в православие, связанный с фискальными интересами русской администрации и обеспечивающий лояльность местного населения. Помимо этого для нерусского населения применялась система льгот и подарков, создающая выгодные условия для вступления в православие. Формальность крещения устраивала и светскую, и церковную власти. Вместе с тем, государство проявляло заинтересованность в исполнении поданными религиозных обрядов на законодательной основе и устанавливало административную ответственность за неявку к исповеди, обязуя церковные власти вести учёт христианской обрядности.

Введение в научный оборот исторических источников предоставило возможности для выявления новых фактов истории православия Восточной Сибири, а именно установления количества храмов и численности священнослужителей Якутского заказа, местопребывания заказчика и подтверждения

¹ РГАДА. – Ф. 416. – Оп. 2. – Д. 85. – Л. 467.

² Там же. – Л. 81.

³ Там же. – Л. 114.

⁴ Епископ Михаил (Миткевич Матвей) (1720–1789) в 1772–1789 гг. был епископом Иркутским и Нерчинским.

⁵ ГАИО. – Ф. 275. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 11–11 об.

тезиса о многократном крещении населения с целью получения от властей налоговых льгот.

В целом в Восточной Сибири в XVIII в. процесс христианизации происходил с переменным успехом. В Прибайкалье перешедшие в православие представители местного населения составляли не более 15 %, в Забайкалье серьёзным препятствием на пути миссионеров стал буддизм.

Переход местного населения в православную веру являлся показателем этнокультурного трансфера христианской цивилизации, обеспечивал сближение с русскими, пополнение рядов служилых людей, ознакомление с православной культурой и образом жизни и, как следствие, выполнение Русской православной церковью общегосударственной задачи по инкорпорации территории Сибири в состав империи.

Список литературы

1. Асочакова В. Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.). Абакан: Бригантина, 2018. 196 с.
2. Быконя Г. Ф. Особенности и результаты крещения ясачного населения Восточной Сибири в XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 13. С. 25–30.
3. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. Иркутск: МИОН, 2006. Ч. 1. 294 с.; ч. 2. 324 с.
4. Заселение территории Иркутской губернии. URL: http://www.gossmi.ru/page/gos1_172.htm (дата обращения: 22.04.2020). Текст: электронный.
5. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 291 с.
6. Иркутские архипастыри и викарии Иркутской епархии. Краткий перечень их назначения, служения и прочие с приложением церковных церемониалов при перенесении мощей Святителя Иннокентия, Иркутского чудотворца, происходивших в 1805, 1860 и 1872 гг. Иркутск: Тип. А. А. Сизых, 1896. 12 с.
7. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 270 с.
8. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. 1966. № 3. С. 23–47.
9. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX в. М.: Галарт, 2000. 496 с.
10. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVII – первой половины XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 208 с.
11. Русское православие: вехи истории / А. И. Клибанов, М. Я. Волков, П. Г. Рындзюнский [и др.]. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
12. Попов Г. А. Христианство в Якутском крае. Очерки по истории Якутии. Якутск: [б. и.], 1924. 224 с.
13. Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.
14. Сафронов Ф. Г. Православное христианство в Якутии. Якутск: [б. и.], 1998. 96 с.
15. Софронов В. Ю. Три века сибирского миссионерства. Ч. 1. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX в.). Тобольск: ТГПИ, 2005. 142 с.
16. Харченко Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (второй половины XIX в. – февраль 1917 г.). Очерк истории. СПб.: Нестор, 2004. 178 с.
17. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ, 2001. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 595 с.; т. 2. Илимский край во II–IV четверти XVIII века. 673 с.
18. Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии Якутск: Якут. гос. объедин. музеев истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского, 1991. 115 с.
19. Юрганова И. И. Иркутский период в деятельности Русской Православной церкви в Якутском крае (1731–1852 гг.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 1. С. 66–72.
20. Юрганова И. И. Православная миссия как элемент инкорпорации Якутского края в российскую государственность (XVII – середины XIX в.). // Три Иннокентия: материалы Шестых Всерос. Сибиряковских чтений. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 166–173.
21. Freeze G. L. The Russian Parish Clergy in the 18th Century. Camb. (Mass.), London: Routledge, 1977.
22. Freeze G. L. The Parish Clergy in 20th Century Russia Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983.
23. Stephan J. J. The Russian Far East. "A History". Stanford; California: Stanford University Press, 1994. 481 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2020; принята к публикации 15.06.2020

Сведения об авторе

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, ФИЦ «Якутский научный центр» СО РАН; 677009 Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; Институт российской истории РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; e-mail: inna.yurganova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>.

Библиографическое описание статьи

Юрганова И. И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 34–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-34-43.

References

1. Asochakova, V. N. On the history of Orthodoxy in Khakassia (XVII–XIX centuries). Abakan: Brigantina, 2018. (In Rus.)
2. Bykony, G. F. Features and results of the baptism yasak population of Eastern Siberia in the XVIII century, vol. 13, pp. 25–30, 2015. (In Rus.)
3. Dulov, A. V., Sannikov A. P. Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – beginning of the XX century. Irkutsk: MION, Part I, 2006, 294 p., Part II, 2006, 324 p. (In Rus.)
4. Settlement of the territory of Irkutsk Province. Web. 22.04.2020. http://www.gossmi.ru/page/gos1_172.htm. (In Rus.)
5. Zol'nikova, N. D. Siberian parish community in the XVIII century. Novosibirsk, 1990. (In Rus.)
6. A short list of their appointments, services, and so on. With the application of Church ceremonies for the transfer of the relics of Saint innocent, the Irkutsk Wonderworker, which took place in 1805, 1860 and 1872. Irkutsk: Tipografiya A. A. Sizykh, 1896. (In Rus.)
7. Kabuzan, V. M. Peoples of Russia in the XVIII century. Number and ethnic composition. M: Nauka, 1990. (In Rus.)
8. Kabuzan, V. M., Troitskiy, S. M. New sources on the history of the population of Eastern Siberia in the second half of the XVIII century. Soviet Ethnography, no. 3, pp. 23–47, 1966. (In Rus.)
9. Kalinina I. V. Orthodox churches of the Irkutsk diocese. XVII – early XX century. M: Galart, 2000. 4 (In Rus.)
10. Naumova O. E. Irkutsk diocese. XVII – first half of the XIX century. Irkutsk: Izd-vo Irkutsk. gos. tekhn. un-ta, 1996. (In Rus.)
11. Russian Orthodoxy: milestones in history pod red. Klibanova A. I., Volkova M.Ya., Ryndzyunskogo P. G. i dr. M: Politizdat, 1989. (In Rus.)
12. Popov, G. A. Christianity in the Yakut region. Essays on the history of Yakutia. Yakutsk, 1924. (In Rus.)
13. Sannikov, A. P. Church, society and state on the Eastern outskirts of the Russian Empire in the XVII–XVIII centuries. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2016. (In Rus.)
14. Safronov, F. G. Orthodox Christianity in Yakutia. Yakutsk, 1998. (In Rus.)
15. Sofronov, V.Yu. Three centuries of Siberian missionary work. Part 1. Missionary and spiritual and educational activities of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (late XVII – early XX century). Tobolsk: TGPI, 2005. (In Rus.)
16. Kharchenko, L. N. Missionary activity of the Orthodox Church in Siberia (Tue. Pol. XIX century – February 1917). The outline of history. SPb: Nestor, 2004. (In Rus.)
17. Sherstoboev, V. N. Ilimskaya arable land. Vol. 1. Arable land of the Ilim Voivodeship of the XVII and early XVIII centuries. Irkutsk, 2001; Vol. 2. Ilimsky Krai in II–IV chetv. XVIII. Irkutsk, 2001. (In Rus.)
18. Shishigin, E. S. Spread of Christianity in Yakutia. Yakutsk, 1991. (In Rus.)
19. Yurganova, I. I. Irkutsk period in the activity of the Russian Orthodox Church in the Yakut region (1731–1852). Vestnik SEV. – East Feder. M. K. Ammosov University, vol. 11, pp. 66–72, 2014. (In Rus.)
20. Yurganova, I. I. Orthodox mission as an element of incorporation of the Yakut territory into the Russian state (XVII – ser. XIX centuries). Three Innokentiya: materials of the sixth all-Russian Sibiryak readings. Irkutsk, 2017:166–173. (In Rus.)
21. Freeze, G. L. The Russian Parish Clergy in the 18th Century. Camb. (Mass.), London, 1977. (In Engl.)
22. Freeze, G. L. The Parish Clergy in 20th Century Russia Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. (In Engl.)
23. Stephan, J. J. The Russian Far East. “A History”. Stanford University Press. Stanford, California, 1994. (In Engl.)

Received: May 10, 2020; accepted for publication June 15, 2020

Information about author

Yurganova Inna I., Doctor of History, Institute of the Humanities and Indigenous Peoples, North Scientific Center, Russian Academy; 1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677009 Russia; Institute of Russia History of the Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117292, Russia; e-mail: inna.yurganova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>.

Reference to the article

Yurganova I. I. Christianization and Execution of Orthodox Rites on the Eastern Outskirts of the Empire (the Second Half of the XVIII Century) // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 34–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-34-43.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

THE BAIKAL REGION IN THE GEOPOLITICAL AND HUMANITARIAN DIMENSION

УДК 94(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-44-53

Анатолий Сергеевич Бреславский,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(г. Улан-Удэ, Россия),

e-mail: breslavsky@imbt.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>

Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989–2019)

В фокусе внимания статьи – процессы урбанизации в Забайкальском крае в 1989–2019 гг. Автор анализирует изменения в структуре и количестве городских поселений, базовые демографические параметры урбанизации, тенденции и итоги развития промышленности в городах и посёлках городского типа региона. Источниковая база исследования включает официальные документы Правительства и Законодательного собрания Забайкальского края, а также массивы официальных статистических данных Росстата, на основе которых автором сделаны расчёты по трём историческим периодам: 1989–2002 гг., 2002–2010 гг., 2010–2019 гг. и в целом за 1989–2019 гг. Итоги исследования указывают на кризис урбанизационных процессов в регионе в последние 30 лет. Укрепившаяся в 1950–1980-е гг. система городских поселений, включавшая 10 городов и 46 посёлков, в 1990–2010-е гг. пережила существенную хозяйственно-производственную и демографическую трансформацию, в результате чего человеческие и другие ресурсы всё в большей степени сконцентрировались в столице региона и поселениях с более-менее стабильной экономической базой (г. Краснокаменск, пос. Забайкальский). В результате негативных социально-экономических и демографических тенденций, а также вследствие территориально-административных преобразований городское население края за последние 30 лет сократилось на 176,5 тыс. человек, или почти на 20 %. Проекты региональной власти 2010-х гг. по ревитализации городских поселений (формирование промышленных парков, создание территорий опережающего развития и пр.) в большинстве случаев не привели к устойчивым положительным результатам, однако создали основы для более устойчивого развития части городских поселений в будущем.

Ключевые слова: урбанизация, Дальний Восток, Забайкальский край, город, городские поселения, городское население

Anatoliy S. Breslavsky,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

(Ulan-Ude, Russia),

e-mail: breslavsky@imbt.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>

Dynamics of Urbanization Processes in Zabaikalsky Krai (1989–2019)

The article focuses on the processes of urbanization in Zabaikalsky krai in 1989–2019. The author analyzes changes in the structure and number of urban settlements, basic demographic parameters of urbanization, trends and results of industrial development in cities and urban-type settlements in the region. The study is based on official documents of the Government and Legislative Assembly of the region, as well as official statistical data of the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), on the basis of which the author made calculations for three historical periods: 1989–2002, 2002–2010, 2010–2019, and 1989–2019 as a whole. The results of the study point to the crisis of urbanization processes in the region in the last 30 years. The system of urban settlements, which was strengthened in the 1950–1980s and included 10 cities and 46 settlements, underwent a

© Бреславский А. С., 2020

significant economic, industrial and demographic transformation in the 1990–2010s, as a result of which human and other resources were increasingly concentrated in the regional capital and settlements with a more or less stable economic base (Krasnokamensk, Zabaikalsky). As a result of negative socio-economic and demographic trends, as well as due to territorial and administrative transformations, the urban population of the region over the past 30 years has decreased by 176,500 people or almost 20 %. Projects of the regional authorities in the 2010s on the revitalization of urban settlements (the formation of industrial parks, the creation of priority development territories, etc.) in most cases did not lead to significant positive results, but they created the basis for more sustainable development of some urban settlements in the future.

Keywords: urbanization, Far East, Zabaikalsky Krai, city, urban settlements, urban population

Введение. На фоне усиливающихся диспропорций в развитии сельских и городских территорий в регионах Дальнего Востока в постсоветский период именно городские поселения и, прежде всего, наиболее крупные города – столичные центры остаются едва ли не единственными точками экономического и демографического роста в своих регионах [7; 10]. Так ли это в случае с Забайкальским краем, за которым уже многие годы закрепился статус «депрессивный»? Что произошло с системой городских поселений региона за последние десятилетия? Какую роль города и рабочие посёлки края играют в его экономике сегодня? Поиск ответов на эти вопросы сегодня важен не только в общественно-политическом смысле (учитывая возрастающее внимание российского правительства к Дальнему Востоку и его крупным городским агломерациям), но и в научном плане: анализ региональных особенностей урбанизации расширяет наше понимание феноменов стадийной, дифференциальной урбанизации, наконец, урбанизации в сырьевых регионах страны как особой формы этого явления.

Цель нашей исследовательской программы – историко-сравнительное изучение процессов урбанизации в регионах Дальнего Востока в постсоветский период. Конкретно в этой статье будут рассмотрены ключевые параметры урбанизации в Забайкальском крае России за последние 30 лет – в период с 1989 по 2019 г. Проследим историческую динамику урбанизационных процессов в регионе в разрезе трёх межпереписных периодов (1989–2002, 2002–2010, 2010–2019).

Стоит отметить сразу, что каких-либо крупных исследований, посвящённых обозначенным вопросам, за исключением диссертационного исследования В. В. Будко 2005 г. [3], судя по данным РИНЦ и Российской государственной библиотеки, не проводилось.

Перед презентацией результатов исследования уточним, что Забайкальский край был образован в 2008 г., в результате объединения двух субъектов РФ – Читинской

области и Агинского Бурятского автономного округа. В статье будут проанализированы суммированные данные по области и округу. Говоря о развитии Забайкальского края в 1989–2008 гг. будут подразумеваться территории области и округа вместе взятые.

Методология и методы исследования. В основе исследования лежит анализ опубликованных источников – статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), а также официальных документов Правительства и Законодательного собрания Забайкальского края, материалов официальных сайтов администраций городских поселений края. В своей работе автор опирается на принципы историзма, научности и объективности, проблемно-хронологический метод, позволившие наиболее полно проанализировать процессы урбанизации в регионе в их последовательном развитии.

Результаты исследования и их обсуждение. Для понимания демографического контекста урбанизационных процессов в Забайкальском крае важно отметить: по итогам последних трёх десятилетий (1989–2019) население региона сократилось – с 1 млн 377 тыс. до 1 млн 59 тыс. человек – на 318 тыс. (или на 23 %) (табл. 1). Потери населения оказались сопоставимы с общей численностью жителей таких регионов Дальнего Востока, как, например, современный Камчатский край (313 тыс. человек), не говоря о менее населённых субъектах Дальневосточного федерального округа (ДФО): Магаданской области, Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе¹.

Источником этих демографических перемен в Забайкальском крае, как и по всей стране, стали реформы 1990-х гг. в промышленности и экономике в целом, последовавшие вслед за этим сокращение рынка труда, недостаточное финансирование систем социального обеспечения, неблагоприятные тенденции в развитии социальной и инже-

¹ Оценка численности постоянного населения РФ на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. – URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 05.06.2020). – Текст: электронный.

нерно-бытовой инфраструктуры региона и его отдельных территорий. В 2000–2010 гг. в экономике края не произошло существенных положительных трансформаций, способных обеспечить благоприятные условия для развития территории. Миграция населения из сёл, рабочих посёлков и малых городов в столицу региона и за его пределы,

отрицательные показатели естественного прироста (до 2007 года)¹ – всё это привело не только к общему снижению численности населения края, но и к существенной трансформации структуры городских поселений (табл. 2). Рассмотрим эти процессы в разрезе трёх межпереписных периодов: 1989–2002, 2002–2010, 2010–2019 гг.

Таблица 1

Динамика демографических параметров урбанизации в Забайкальском крае в 1989–2019 годы²

Показатели	Перепись 1989 года	Перепись 2002 года	Перепись 2010 года	На 1 января 2020 года	Относительный прирост (убытие) населения в 1989–2019 годы
Общее население региона	1 377 975	1 155 346	11 07 107	1 059 700	318 275 (23 %)
Городское население в целом, человек	899 061	738 545	729 641	722 604	176 457 (19,6 %)
Сельское население в целом, человек	478 914	416 801	377 466	337 159	141 755 (29,6 %)
Удельный вес городского населения, %	65,3	63,9	65,9	68,2	2,9
Удельный вес сельского населения, %	34,7	36,1	34,1	31,8	-2,9
Население городов в целом (доля в городском населении)	598 356 (66,5 %)	503 106 (68,1 %)	503 124 (69 %)	515 897 (71,4 %)	82 459 (13,8 %)
Население рабочих посёлков (посёлков городского типа) в целом, человек (доля в городском населении)	300 705 (33,5 %)	235 439 (31,9 %)	226 517 (31 %)	206 707 (28,6 %)	93 998 (31,3 %)

Таблица 2

Трансформация структуры городских поселений Забайкальского края в 1989–2019 годах³

Год	Всего городов	Крупные города (250–500 тыс. человек)	Большие города (100–250 тыс. человек)	Средние города (50–100 тыс. человек)	Малые города (50 тыс. человек и менее)	Всего рабочих и курортных посёлков/посёлков городского типа	Рабочие и курортные посёлки/посёлки городского типа, человек						
							до 1 000	1 000–3 000	3 000–6 000	6 000–9 000	9 000–12 000	12 000–15 000	15 000 и более
1989	10	1	0	1	8	46	2	9	15	8	7	1	4
2002	10	1	0	1	8	42	3	13	10	6	6	4	0
2010	10	1	0	1	8	41	4	13	9	5	4	5	1
2019	10	1	0	1	8	37	3	14	5	5	6	3	1

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. – М.: Росстат., 2010. – С. 83; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – С. 72.

² Данные рассчитаны автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и её территориальных единиц по полу. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 25.02.2020). – Текст: электронный; Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 25.02.2020). – Текст: электронный; Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населённых пунктов Российской Федерации. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 25.02.2020). – Текст: электронный; Оценка численности постоянного населения РФ на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. – URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 05.06.2020) – Текст: электронный.

³ Данные рассчитаны автором по тем же источникам, что и табл. 1.

1989–2002. К концу 1980-х гг. на территории Забайкальского края была сформирована достаточно обширная и дисперсная сеть городских поселений, включающая 56 городских поселений, в том числе со статусом города – 10, рабочих посёлков – 45, курортных посёлков – 1 (см. табл. 2). Эти поселения в основном рассредоточились по линии Транссиба и южнее его – до границы с КНР. Ведущее значение при образовании большинства городов и рабочих посёлков имели Забайкальская железная дорога и горнодобывающая промышленность [6]. В структуре городских поселений демографически и функционально выделялась столица – Чита.

Радикальные экономические преобразования 1990-х гг. существенно отразились на всей промышленности края. Многие предприятия, в том числе горно-обогатительные, добывающие производства уже в конце 1980-х гг. требовали существенных инвестиций в обновление технологической,

приборной базы, нуждались в разработке новых месторождений. Дестабилизация в финансировании производственных процессов, приватизация собственности, проблемы в управлении предприятиями, разрушение прежних производственных связей в первой половине 1990-х годов привели в закрытию или сокращению части производств в городах и рабочих посёлках края. Кризис рынков труда, деградация социально-бытовой инфраструктуры, слабое финансирование институтов социального обеспечения, рост преступности – всё это привело к нарастанию миграции внутри региона и за его пределы.

В отличие от столиц республик на востоке России [1; 2; 12] столица Забайкальской области не только не смогла компенсировать демографические потери городских поселений края 1990-х годов, но и сама потеряла более 49 тыс. человек (13,4 %) своего населения в период с 1989 по 2002 г. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности населения городов Забайкальского края в 1989–2019 годах¹

Город	Перепись 1989 года	Перепись 2002 года	Перепись 2010 года	На 1 января 2020 года	Относительный прирост/убытие населения в 1989–2019 годы	
	человек				человек	%
Чита	365 754	316 643	324 444	351 784	–13 970	–3,81
Краснокаменск	66 872	55 920	55 666	51 387	–15 485	–23,15
Борзя	36 373	31 460	31 379	29 225	–7 148	–19,65
Петровск-Забайкальский	28 291	21 164	18 549	15 785	–12 506	–44,20
Балей	23 898	14 797	12 533	10 732	–13 166	–55,09
Шилка (РЦ)	18 057	14 748	13 947	12 491	–5 566	–30,82
Могоча (РЦ)	17 847	13 282	13 258	12 953	–4 894	–27,42
Нерчинск (РЦ)	16 961	15 748	14 959	14 726	–2 235	–13,17
Хилок (РЦ)	13 858	11 152	11 539	10 381	–3 477	–25,09
Сретенск (РЦ)	10 445	8 192	6 850	6 433	–4 012	–38,41
Итого	598 356	503 106	503 124	515 897	–82 459	–13,78

На 16,3 % (11 тыс. человек) меньше стало население второго по величине города края – Краснокаменска. И это несмотря на то, что градообразующее предприятие по добыче урана (Приаргунское производственное горно-химическое объединение) продолжило свою работу, а вместе с ним и местный ремонтно-механический завод (до 1993 г. – Центральная ремонтно-механическая мастерская).

Численность жителей всех остальных городов края вследствие выездной миграции, низкой рождаемости и повышения смертности в этот относительно короткий период также значительно уменьшилась. Наиболее существенные потери населения относительно 1989 г. произошли в г. Балей. Численность его жителей сократилась на 38 % – 9,1 тыс. человек. Главная причина этого – выездная миграция вследствие без-

¹ Данные рассчитаны автором по тем же источникам, что и табл. 1.

работицы и ухудшения социальной обстановки в городе, последовавшими за производственным кризисом градообразующего предприятия (ГОК «Балейзолото»). Комбинат прекратил рудную добычу золота в 1995 г. Иностранная компания «Балголд-Лимитед», выкупившая лицензию на разработку Тасеевского месторождения, разработкой месторождения не занималась (в 2004 г. утратила это право).

С 1989 по 2002 г. на четверть (25 %) сократилось количество жителей г. Петровск-Забайкальска (7,1 тыс. человек) и г. Могочи (4,5 тыс. человек). Крупнейшее предприятие Петровск-Забайкальска – одноименный металлургический завод уже в 1970–1980-е гг. сокращал производство. В 1990-е гг. недостаток сырья и материалов для мартеновского и прокатного цехов привёл к дополнительному снижению объёмов производства, простоям цехов в отдельные периоды. В итоге завод был остановлен в 1999 г., в 2001 г. после пяти месяцев возобновления работы вновь был закрыт, признан банкротом в 2002 г. Сокращение населения г. Могоча также было связано с кризисом местных, но более мелких предприятий (золотодобычи). Кроме того, в 1990-е гг. в Могоче были оставлены отдельные воинские части, сформированные в конце 1960–1970-х гг. Ещё больших демографических потерь этим городам удалось избежать, благодаря тому, что они продолжили выполнять функции крупных железнодорожных станций и административных центров окружающих их муниципальных районов края.

В 1989–2002 гг. оставшиеся малые города, являющиеся районными центрами, также потеряли население: 21,6 % (2,2 тыс. человек) – г. Сретенск; 19 % (2,7 тыс.) – г. Хилок; 18 % (3,3 тыс.) – Шилка; 13 % (4,9 тыс.) – г. Борзя. Более или менее разнородной промышленной базой к концу советского периода обладали только последние два. Наименьшие относительные потери населения среди малых городов были зафиксированы в г. Нерчинске: 7 %, или 1 213 жителей. В целом же малые города края, как и в остальных регионах Дальнего Востока [5, с. 355], располагали одним-двумя градообразующими предприятиями.

Схожие процессы происходили и в рабочих посёлках, рынок труда в большинстве из которых был ещё менее диверсифицированным, нежели в малых городах. Вместе с тем, из 45 рабочих посёлков, сформированных к концу советского периода, население пяти выросло в период экономических

реформ 1990-х гг.: посёлки Забайкальск (на 1,5 тыс. человек) и Приаргунск (0,3 тыс.), сохранившие функции пограничных с КНР железнодорожных пунктов и административных центров окружающих их муниципальных районов; Ясногорск (2,2 тыс.) – посёлок при одной из крупнейших в крае ГРЭС федерального значения (Харанорской), энергетический узел центра и юга области, одновременно железнодорожная станция; Агинское (2,4 тыс.) и Могойтуй (1,3 тыс.) – крупнейшие населённые пункты Агинского Бурятского автономного округа. Надо отметить, что не все районные центры, крупные железнодорожные станции, пограничные поселения демографически выросли в этот период. Напротив, в оставшихся 40 посёлках была зафиксирована отрицательная динамика численности населения.

За 12 лет в двух крупных посёлках население сократилось от 50 до 75 %, т. е. более чем наполовину. Так, более 66 % жителей потерял пос. Золотореченск Оловянинского района в связи с резким сокращением производства на местном горно-обогатительном комбинате. В 1980-х годах посёлок имел шансы стать городом, благодаря включённости комбината в структуру военно-промышленного комплекса СССР, однако смена общегосударственных приоритетов в период перестройки, приватизация и акционирование предприятия не позволили посёлку реализовать этот шанс. Посёлок Букача лишился 55 % населения, или 4,4 тыс. человек, небольшие промышленные предприятия которого не получили развития, за исключением швейной фабрики. На 74,4 %, по официальным данным, сократилось количество жителей посёлка Дровяная. Но это было связано с тем, что в официальной статистике появился географический сосед посёлка – до этого закрытый (ЗАТО) пос. Горный, население которого (более 9 тыс. человек) ранее учитывалось в составе Дровяной.

В меньшей степени, но всё же значительно (на 25–50 %) сократилось население 21 рабочего посёлка, а население ещё 14 посёлков убыло на 7–25 %. Наиболее крупные изменения в абсолютных показателях относительно 1989 г. помимо Золотореченска и Букача произошли в шести крупных посёлках: Новая Чара (–4 тыс. человек, 46,5 %), Карымское (–3,2 тыс., 20,7 %), Оловянная (–3,2 тыс., 27,3 %), Вершино-Дарасунский (–3,6 тыс. человек, 35 %), Чернышевск (–3,1 тыс., 19,5 %) и Первомайский (–3,2 тыс., 19,6 %).

В относительных показателях резкое снижение населения (от 40 до 50 %) произошло и в некоторых менее крупных посёлках: Октябрьский (–1,9 тыс. человек, 47 %), Давенда (–1 тыс., 49 %), Ключевский (–1,1 тыс., 40 %), Калангуй (–1,9 тыс., 41 %), Кличка (–1,7 тыс., 40 %), Вершино-Шахтаминский (–1,2 тыс., 42 %), Новоорловск (–2,4 тыс., 46 %), Арбагар (–0,7 тыс., 48 %). Во всех случаях это было связано с кризисом местной добывающей (перерабатывающей) промышленности. Отдельно отметим пос. Октябрьский, который располагался неподалеку от г. Краснокаменск. При строительстве посёлка не был учтён выход радиоактивного газа радона из тектонических разломов. Как результат – радиационный фон в посёлке был превышен. В 1999 г. было принято решение о расселении Октябрьского, в 2004 г. он утратил статус посёлка городского типа, в начале 2010-х гг. – полностью расселён (жители переселены в Краснокаменск), а в 2014 г. – официально упразднён.

Таким образом, за межпереписной период 1989–2002 гг. население края сократилось на 222,6 тыс. человек. При этом городское население уменьшилось на 160,5 тыс. человек. Население 10 городов края за это же время сократилось на 95,2 тыс. человек (15,9 %), а рабочих посёлков – на 65,2 тыс. (21,7 %). Доля городского населения в регионе сократилась при этом незначительно – с 65,3 до 63,9 %, т. е. на 1,4 пункта. При этом доля населения городов в общем городском населении увеличилась с 66,5 до 68,1 %, а доля населения рабочих посёлков, соответственно, сократилась с 33,5 до 31,9 % (см. табл. 1). В целом, как мы видим, кризисные процессы в экономике региона достаточно быстро отразились на демографической ситуации в регионе, в особенности на рабочих посёлках, существование которых напрямую зависело от местных добывающих и перерабатывающих производств.

2002–2010. К началу 2000-х гг. перспективы промышленного развития городов и рабочих посёлков края после экономического кризиса 1990-х гг. в основном проявились. Промышленный потенциал большинства предприятий уже к концу 1990-х гг. был утрачен. Комбинаты, заводы, фабрики прекращали свою работу в результате разрушения прежних производственных связей, отсутствия необходимых инвестиций, неэффективного руководства и пр. Это коснулось как городов, так и рабочих посёлков, в которых к этому времени к тому же не решались вопросы благоустройства территорий, назрел

кризис в жилищно-коммунальной системе, во многих поселениях был отмечен резкий рост преступности.

Стабилизация экономики и повышение государственного финансирования регионов с начала 2000-х гг. в незначительной степени сгладили эти процессы, однако были недостаточными для того чтобы остановить выездную миграцию из края. В отдельных случаях благодаря государственной поддержке частным инвесторам удалось перезапустить старые и даже открыть новые производства, но в большинстве городских поселений края ситуация не изменилась. Как результат: в межпереписной период 2002–2010 гг. в Забайкальском крае вновь было зафиксировано сокращение общего числа жителей (на 48,2 тыс. человек) и городского населения (на 8,9 тыс.) в частности. Как мы видим, эти значения существенно ниже, чем за предыдущий период. Уменьшение общей численности населения, более ускоренное сокращение сельского населения, по сравнению с городским, отразились на удельном весе городского населения – он вырос с 63,9 до 65,9 %, т. е. на два пункта (см. табл. 1).

Общая численность населения городов края за межпереписной период не изменилась по сравнению с 2002 г. (503,1 тыс. человек). Демографический прирост столичной Читы (7,8 тыс.) в этот период сгладил отрицательную динамику, зафиксированную во всех остальных городах (см. табл. 3), особенно в городах Петровск-Забайкальский (–2,6 тыс. человек), Балей (–2,2 тыс.) и Сретенск (–1,3 тыс.), которые и в 1990-е годы были «рекордсменами» по этому показателю. Сокращение населения в остальных городах было в целом более умеренным, нежели в первое постсоветское десятилетие.

Схожие тенденции были зарегистрированы и в демографическом развитии рабочих посёлков/посёлков городского типа. После резкого снижения численности их населения в 1990-е гг. (на 65,2 тыс. человек), в 2002–2010 гг. темпы депопуляции этих территорий снизились. Общее население посёлков, сохранивших статус городских поселений, сократилось за это время с 235,4 до 226,5 тыс. человек, т. е. на 8,9 тыс. человек. Необходимо при этом иметь в виду, что два посёлка (Кадая, Вершино-Шахтаминский), в которых в 2002 г. проживало 2 927 человек, получили статус сельских населённых пунктов.

В итоге общее количество посёлков городского типа края к 2010 г. снизилось до 41

(см. табл. 2). При этом в 10 из них был зафиксирован прирост населения, а в остальных – снижение. В абсолютных показателях наибольший прирост произошёл в ранее закрытом (ЗАТО) пос. Горный (2,5 тыс. человек), в посёлках Забайкальск (1,5), Агинское (3,8), Могойтуй (1,6), которые и по итогам предыдущей переписи показывали положительную динамику. Менее значительный прирост населения также был зафиксирован в посёлках Карымское (районный центр), Чернышевск (районный центр) и Жирекен (добыча и обработка молибдена), пристоличных посёлках Атамановка, Новокручининский, а также ещё в одном посёлке Агинского бурятского района – Новоорловск (пригородный по отношению к пос. Агинское).

Наибольшее снижение численности в абсолютных показателях произошло в посёлках Шерловая гора (–2,1 тыс. человек) и Букача (–1,1 тыс.), ещё в 13 посёлках население сократилось на 500–1000 человек, в остальных – менее, чем на 500 человек. В относительных показателях (2010/2002) наибольшее снижение численности населения произошло в посёлках Аксеново-Зиловское (–19,6 %), Ключевский (–19,95 %), Давенда (–20,5 %), Итака (–21 %), Калангуй (–24,5 %), Золотореченск (–29 %), Кличка (–32 %) и Букача (–33 %). Отметим, и в предшествующий период (1989–2002) эти поселения потеряли существенную часть своего населения – от 27 до 66 %, т. е. эта тенденция получила здесь дальнейшее развитие.

2010–2019. В последнее десятилетие в регионе была зафиксирована отрицательная демографическая динамика по большинству городских поселений. Среди городов, как и в предыдущий период, только Чита показала прирост населения, в то время как остальные города потеряли от 1,5 (Нерчинск) до 14 % (Балей, Петровск-Забайкальский) своего населения. Без учёта столицы города края потеряли за 10 лет чуть более 14,5 тыс. человек, в то время как за период с 2002 по 2010 год – вдвое меньше (7,7 тыс.).

На 4,2 тыс. человек стало меньше население Краснокаменска, Более, чем на 2 тыс. человек сократилось население в городах Петровск-Забайкальский, Борзя, на 1,8 тыс. – население Балей, на 1,4 тыс. человек – в Шилке, на 1,1 тыс. – в Хилке, в остальных – менее 1 тыс. человек.

Общее население посёлков городского типа в результате административных пре-

образований и отрицательных демографических тенденций сократилось на 28 тыс. человек, в том числе на 6,8 тыс. человек за счёт преобразований в сельские населённые пункты в 2018–2019 гг. посёлков Баляга и Тарбагатай Петровск-Забайкальского района, Арбагар Шилкинского района, Яблоново Читинского района.

Всего в четырёх поселениях был зафиксирован прирост населения, причём три из них «росли» весь постсоветский период. Это пос. Забайкальск – районный центр, железнодорожная станция и самый крупный пункт пропуска на границе с КНР, обеспечивающий большую часть грузооборота с Китаем, а также два посёлка Агинского Бурятского округа: Агинск и Могойтуй – административные центры двух из трёх его муниципальных районов. Для сравнения в 2002–2010 гг. 10 посёлков Забайкальского края продемонстрировали статистический прирост населения.

Наибольшие потери населения на конец 2019 г. по сравнению с 2010 г., были отмечены в посёлках Итака, Золотореченск, Калангуй, Ясногорск, Кличка, Букача, которые и в предшествующие периоды были в числе лидеров по этому показателю.

Надо отметить, инициативы по обновлению, диверсификации и укрупнению сформированных в советский период городских промышленных центров реализовывались в последнее десятилетие с переменным успехом. Показательные примеры – Удоканское месторождение у пос. Новая Чара на севере края, Кадалинский и Кенонский промышленные парки в пригороде Читы¹ или, например, промышленный парк пос. Могойтуй Агинского Бурятского округа. Построенный в начале 2010-х гг. для субъектов малого и среднего предпринимательства этот парк так и не привлёк крупных инвесторов, хотя попытки отдельных китайских компаний разместить в нём свои производства предпринимались, но не нашли поддержки у местного населения. Другой пример – строительство нового комбината по обработке молибдена в пос. Жирекен Чернышевского района края вместо законсервированного ранее (в 1995). Проработав с 2005 по 2008 г., предприятие вновь было законсервировано, т. к. себестоимость производства превышала рыночную цену продукта.

Заключение. Итоги исследования указывают на кризис урбанизационных про-

¹ Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/410804127> (дата обращения: 02.10.2020). – Текст: электронный.

цессов в Забайкальском крае в последние 30 лет. Укрепившаяся в 1950–1980-е гг. система городских поселений в 1990–2010-е гг. пережила существенную хозяйственно-производственную и демографическую трансформацию, в результате чего человеческие и другие ресурсы всё в большей степени концентрировались в столице региона и поселениях с более-менее стабильной экономической базой (г. Краснокаменск, пос. Забайкальский). В целом урбанизационные процессы в крае, как и в остальных субъектах Дальнего Востока, «продолжают развиваться на стадии доминирования крупных городов» [9].

Доля городского населения в общей структуре населения региона в 1989–2019 гг. выросла на 2,9 пункта (с 65,3 до 68,2 %), и произошло это за счёт более интенсивного снижения численности сельского населения региона по сравнению с городским на фоне резкого снижения общей численности населения региона в 1990–2010-е гг. на 23 %.

Структура городов края, включающая столицу, один средний город (Краснокаменск) и восемь малых городов, не изменилась, но общее население городов в 1989–2019 гг. сократилось на 82,4 тыс. человек (на 13,8 %). Население рабочих поселков (посёлков городского типа) уменьшилось за это время более чем на 94 тыс. человек, т. е. на треть (31,3 %). Девять посёлков городского типа были преобразованы в сельские населённые пункты, а один – полностью упразднён (Октябрьский). Таким образом, в результате негативных социально-экономических и демографических тенденций, а также в результате территориально-административных преобразований городское население края за последние 30 лет сократилось на 176,5 тыс. человек, или почти на 20 %. Столь резкое снижение численности городского населения было спровоцировано экономическими реформами 1990-х гг., кризисом большинства промышленных предприятий, недостаточными инвестициями в инженерно-бытовое развитие территорий и социальное обеспечение местных сообществ.

Важно отметить, что уже как минимум два десятилетия многие формально входящие в число городских населённых пунктов посёлки и малые города, с точки зрения структуры занятости местного населения, состояния инженерной и социально-бытовой инфраструктуры, уже слабо соответствуют своему административному статусу. Жители этих поселений ведут сельский образ жизни, значительная часть местного

трудоспособного населения либо вообще не работает, либо занята в личных подсобных хозяйствах. Уже к середине 2000-х гг. «показатели уровня жизни подтверждали приближение более половины городских населённых пунктов Читинской области к сельскому образу жизни населения по большинству параметров, которые не характерны для урбанизированных территорий» [3, с. 20]. Обилие частного сектора в малых городах края, во многом ставшее наследием советской урбанизации [8], визуально и сточки зрения образа жизни местного населения «делает их более сельскими».

Резкое снижение численности городского населения края, как мы отмечали, произошло уже в 1990-е гг. В 2000–2010-е гг. демографическая динамика оставалась отрицательной, но стала менее обвальной, чем в первое постсоветское десятилетие. Однако и сегодня низкая обеспеченность региона объектами жилищно-коммунальной и социальной (медицинской, образовательной, спортивной и пр.) инфраструктуры «выталкивает» население за пределы края. Всё это до сих пор связано не только с проблемами в региональном управлении, но и с советским наследием в форме жилищного, инфраструктурного кризиса, монопрофильности большинства малых городских поселений и пр. [4; 11; 13–15]. Общее падение привлекательности региона для проживания и работы усиливает выездную миграцию, в том числе из городов и, в частности, из Читы, в которой сконцентрированы основные ресурсы территории.

В 2000–2010-е гг. развитие экономики городов и посёлков городского типа Забайкальского края сдерживалось рядом факторов, среди которых следует выделить пространственную разобщённость основных производственных предприятий по территории региона, их узкую специализацию, малое количество крупных высокотехнологичных промышленных производств, износ основных фондов действующих предприятий. Это препятствовало формированию отраслевых кластеров, крупных производственных центров в городских поселениях, развитию агломеративных связей между ними как значимой прерогативе современной региональной политики России на Дальнем Востоке¹.

¹ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ: [от 16 января 2017 г. № 13]. – URL: <https://www.constitution.garant.ru/act/federative/71587690/> (дата обращения: 05.06.2020). – Текст: электронный.

Само по себе потенциально выгодное приграничное расположение с активно развивающимися северными провинциями Китая пока также не стало прорывным фактором в развитии местной экономики, хотя и оказывает влияние на развитие пограничных городских поселений.

Всё это, при сохранении текущей ситуации в экономическом, инфраструктурном, демографическом развитии городов и по-

сёлков городского типа края подталкивает к неутешительным выводам относительно их будущего развития. В краткосрочном периоде большая их часть, по всей видимости, продолжит терять свой производственный и демографический потенциал. И лишь существенные федеральные трансферты на развитие крупных промышленных и инфраструктурных проектов способны будут стабилизировать ситуацию.

Список литературы

1. Бреславский А. С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. 2019. № 1. С. 58–67.
2. Бреславский А. С. Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. 2020. № 1. С. 68–81.
3. Будко В. В. Особенности процесса урбанизации на территории Читинской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Улан-Удэ, 2005. 21 с.
4. Власов С. А. Урбанизация на Дальнем Востоке в исторической ретроспективе // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. (г. Сургут, 14 ноября 2014 г.). Сургут: Курган. Дом печати, 2015. С. 370–382.
5. Власов С. А. Изучение урбанизации на Дальнем Востоке России в контексте исторического образования // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 353–358.
6. Геологические исследования и горнопромышленный комплекс Забайкалья: история, современное состояние, проблемы, перспективы развития / Г. А. Юргенсон, В. С. Чечеткин, В. М. Асосков [и др.]; отв. ред. Г. А. Юргенсон. Новосибирск: Наука, 1999. 574 с.
7. Григоричев К. В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 175–189.
8. Григоричев К. В. «Частный сектор» российских городов: от наследия советской урбанизации к «внутреннему пригороду» // «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 22–26.
9. Колбина Е. О., Найден С. Н. Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 44–69.
10. Мкртчян Н. В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 6. С. 26–38.
11. Bater J. The Soviet City: Ideal and Reality. London: Edward Arnold, 1980. 196 p.
12. Breslavsky A. S. The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities // Inner Asia. 2016. Vol. 18. Issue 2. P. 196–222.
13. French R. A., Hamilton F. E. The socialist city. Spatial Structure and Urban Policy. New York: John Wiley and Sons, 1979. 560 p.
14. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. 360 p.
15. Zhimbiyev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude; London: The White Horse Press, 2000. 121 p.

Статья поступила в редакцию 08.10.2020; принята к публикации 05.11.2020

Сведения об авторе

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; 670049, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: breslavsky@imbt.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>.

Источники финансирования статьи

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество»; номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

Библиографическое описание статьи

Бреславский А. С. Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989–2019) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 44–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-44-53.

References

1. Breslavsky, A. S. Urbanization in the republics of Southern Siberia: dynamics of key parameters (1989–2019). Urban Studies (Urbanistika), no. 1, pp. 58–67, 2019. (In Rus.)
2. Breslavsky, A. S. Urbanization processes in the Republic of Sakha (Yakutia): dynamics of key parameters (1989–2018). Urban Studies (Urbanistika), no. 1, pp. 68–81. 2020. (In Rus.)
3. Budko, V. V. Features of the urbanization process on the territory of the Chita region. Cand. sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2005. (In Rus.)
4. Vlasov, S. A. Urbanization in the Far East in a historical retrospective. Historical urban studies: the past and present of the city: collection of scientific conference (Surgut, November 14, 2014). Surgut: Kurgan Publishing House 2015: 370–382. (In Rus.)
5. Vlasov, S. A. Study of urbanization in the Russian Far East in the context of the historical education. Cultural and historical heritage of Russia and the countries of the Asia-Pacific region: research and conservation: materials of scientific conference (Vladivostok, October 16–17, 2018). Khabarovsk: DVYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018: 353–358, (In Rus.)
6. Geological research and extractive industries of Transbaikalia: History, current state, problems, prospects / Yurgenson G. A. Chechetkin V. S., Asoskov V. M. etc.; ed. by G. A. Yurgenson; Ministry of natural resources of the Russian Federation etc. Novosibirsk: Nauka, 1999. (In Rus.)
7. Grigorichev, K. V. Suburbanization in the east of Russia: the regional mosaic of the global trend // Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development / ed. by A. S. Breslavsky. Ulan-Ude: Publishing House of BNTs SB RAS 2018: 175–189. (In Rus.)
8. Grigorichev, K. V. “Private sector” of the Russian cities: from heritage of Soviet urbanization to the “inner suburbs”. “Suburban revolution” and peripheral urban territories in the post-soviet space: volume of abstracts of the international scientific conference (Ulan-Ude, November 14–16, 2019) / ed. by A. S. Breslavsky. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2019: 22–26. (In Rus.)
9. Kolbina, E. O., Naiden, S. N. Evolution of urbanization processes in the Russian Far East. Spatial Economics, no. 4, pp. 44–69, 2013. (In Rus.)
10. Mkrtchyan, N. V. Regional capitals of Russia and their suburbs: specifics of the migration balance. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic series, no. 6, pp. 26–38, 2018. (In Rus.)
11. Bator, J. The Soviet City: Ideal and Reality. London: Edward Arnold, 1980. (In Engl.)
12. Breslavsky, A. S. The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities. Inner Asia, issue 2, pp. 196–222, 2016. (In Engl.)
13. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. (In Engl.)
14. French, R. A., Hamilton, F. E. The socialist city. Spatial Structure and Urban Policy. New York: John Wiley and Sons, 1979. (In Engl.)
15. Zhimbiev, B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. London: The White Horse Press, 2000. (In Engl.)

Received: October 8, 2020; accepted for publication November 5, 2020

Information about author

Breslavsky Anatoliy S., Candidate of History, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Science; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670049, Russia; e-mail: breslavsky@imbt.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8499-2064>.

Sources of article funding

The research was carried out within the state assignment (project XII.191.1.1 “The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”; State Registration No. AAAA-A17-117021310269-9.

Reference to the article

Breslavsky A. S. Dynamics of Urbanization Processes in Zabaikalsky krai (1989–2019) // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 44–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-44-52.

УДК 93

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-54-61

Инна Николаевна Мамкина,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: inna-mamkina@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>*

Организация школьного образования на Забайкальской железной дороге в начале XX века

В данной статье рассматривается опыт становления и развития системы общеобразовательных учебных заведений на Забайкальском участке Транссибирской железнодорожной магистрали. Забайкальская железная дорога – важнейший стратегический объект трансграничной территории. Её эффективная деятельность являлась залогом успешного освоения и ускоренной интеграции восточной окраины в общеимперское пространство. Историографический анализ показал слабую степень изученности социокультурного аспекта в деятельности Транссиба, что определило цель данного исследования, которое проведено на основе историко-архивного, сравнительного, статистического методов. Ряд архивных документов вводится в научный оборот впервые. По мнению автора, проблема обеспечения железной дороги стабильным кадровым составом и организации безопасности движения обусловила необходимость реализации социально ориентированной программы для служащих дороги. Перспективным направлением была признана организация школьной сети на крупных железнодорожных станциях, на основе архивных материалов автор изучила процесс её создания. Установлено, что для создания школьной сети на Забайкальском участке дороге образованы специальные органы власти – комитет, местные попечительства, учреждена должность ревизора. Определены порядок формирования, принципы деятельности и компетентность органов. Отмечено, что сфера их полномочий ограничивалась хозяйственными и административными вопросами. Организация учебного процесса оставалась предметом ведения Министерства народного просвещения. На основе делопроизводственных материалов определены источники и порядок финансирования учебных заведений. Большую часть средств на содержание школ выделяло Министерство путей сообщения. Установлено, что на Забайкальском участке дороге были организованы 21 учебное заведение. Школы находились в совместном ведении Министерства путей сообщения, Министерства народного просвещения и Ведомства православного вероисповедания. Автор отметила стабильный педагогический состав в школах Транссиба, более высокое жалование, по сравнению со школами других ведомств. Обращено внимание на ежегодное увеличение числа учащихся и стабильный процент выпускников. Дана обобщённая характеристика преподавательского и ученического составов железнодорожных школ. В заключение отмечено, что опыт создания ведомственной школьной сети имел положительные результаты. Система железнодорожных школ пользовалась спросом, функционировала стабильно, способствуя развитию трансграничных территорий.

Ключевые слова: Транссиб, железная дорога, Забайкальский участок, школьная сеть, социальная сфера, школьный комитет

Inna N. Mamkina,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: inna-mamkina@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>*

Organization of School Education on the Trans-Baikal Railway in the Beginning of the 20th Century

In the article the issue of the beginning of work experience and the development of the secondary schools in the Trans-Baikal section of the Trans-Siberian Railway is observed. The Trans-Baikal railway was the most important strategic object of the cross-border territory. Its effective activity was the key to the successful development and accelerated integration of the Eastern suburbs into the General Imperial space. Historiographic analysis showed a poor degree of knowledge of the sociocultural aspect in the activities of the Trans-Siberian Railway, which determined the purpose of the study. The study was conducted on the basis of historical and archival, comparative, statistical methods. A number of archival documents are mentioned in science for the first time. According to the author, the problem of providing the railway with a stable staff and the organization of traffic safety made it necessary to implement a socially oriented program for road employees. The organization of a school network at major railway stations was recognized as a promising area. Based on archival materials, the author investigated the process of its creation. It was established that to create a school network on the

© Мамкина И. Н., 2020

Trans-Baikal section of the road, special authorities were formed – the Committee, local guardianships, and the position of an auditor was established. The formation order, principles of activity and competence of government bodies are determined. It was noted that the sphere of power of the authorities were economic and administrative issues. The organization of the educational process remained the subject of the Ministry of Education. Based on the clerical materials, the author determined the sources and procedure for financing educational institutions. The author notes that the Ministry of Railways allocated most of the funds for school maintenance. We established that 21 educational institutions were organized on the Trans-Baikal section of the road. The schools were jointly run by the Ministry of Railways, the Ministry of Education, and the Orthodox Church. The author noted the unchangeable teaching staff in the Trans-Siberian schools, a higher salary in comparison with schools of other departments. Attention is drawn to the annual increase in the number of students and the invariable percentage of graduates. The author gives a generalized description of the teaching and student staff of railway schools. In conclusion, it was noted that the experience of creating a departmental school network has shown positive results, contributing to the development of cross-border territories

Keywords: Trans-Siberian Railway, Trans-Baikal section, school network, social sphere, school committee

Введение. Конец XIX в. ознаменовал для Сибири эпоху грандиозного железнодорожного строительства. Великий сибирский путь длиной в 9 289 км остаётся самой протяжённой железнодорожной магистралью в мире. Безусловно, строительство Транссибирской магистрали, связывающей Запад и Восток, являлось беспрецедентным событием в истории российского государства. К строительству магистрали были привлечены колоссальные ресурсы – более 80 000 рабочих, общая стоимость дороги оценивалась в 350 млн золотом. Введение в эксплуатацию железнодорожного пути сопровождалось появлением нового профессионального сообщества железнодорожных служащих. Особенность организации труда на железной дороге требовала определённой профессиональной подготовки, соответственно, более высокой оплаты труда и следовательно улучшенных социальных условий быта служащих.

В конце XIX в. железнодорожная отрасль становится одной из самых крупных отраслей народного хозяйства с сотнями тысяч задействованных сотрудников. В предлагаемых условиях социальная инфраструктура отражает потребность и культурно-познавательный запрос определённой социальной группы и является необходимым условием для устойчивого развития крупной корпорации. Социальная сфера становится фактором успешного развития отрасли. Необходимость научного осмысления накопленного исторического опыта актуализирует тему исследования. В частности представляет интерес опыт организации и деятельности системы общеобразовательных учебных заведений. Цель данного исследования – изучение опыта организации школьного дела на Забайкальском участке дороги как одного из перспективных направлений социальной программы Транссиба.

Методология и методы исследования. Методологической базой является социокультурный подход. История Транссибирской магистрали долгое время изучалась с позиции социально-политических и экономических характеристик развития, типичной для формационного подхода. Результатом исследований становились выводы об экономическом значении магистрали, о формировании пролетариата и его роли в революционном движении и пр.

Система социальной защиты железнодорожной корпорации, организация здравоохранения, просвещения до последнего времени изучалась фрагментарно. Социокультурный подход позволяет актуализировать предмет исследования, даёт возможность комплексно рассмотреть социальный аспект в организации Транссиба. В исследовании применялись историко-архивный, системный, статистический методы, метод компаративного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. История грандиозного строительства дороги, имеющей мировое значение, неоднократно становилась предметом научных изысканий. Научные публикации известного историка В. Ф. Борзунова посвящены истории Транссиба, жизни рабочих на строительстве дороги. Автор справедливо определяет значение магистрали как транспортного коридора мирового уровня [1–4]. В трудах Л. М. Горюшкина представлена история строительства дороги и анализ деятельности Комитета по строительству железной дороги. Статьи акцентируют внимание на значении магистрали в контексте освоения Сибири и Дальнего Востока [6; 7].

Историк Б. Б. Пак оценил Транссиб с позиции внешнеполитической доктрины Российской империи [15]. Вопросам организации управления железной дороги посвящены работы А. В. Ремнева, Л. Б. Уса,

С. К. Канна [10; 16; 20]. Не осталась без внимания и экономическая составляющая Транссиба: влияние дороги на развитие Сибири и Дальнего Востока [14; 17]. В публикациях авторы дают неоднозначную оценку, в частности М. А. Гилько указывает на негативное влияние магистрали на развитие экономики Енисейской губернии [5].

Новым направлением в изучении истории магистрали стало исследование социального аспекта в деятельности органов управления железной дорогой. Вопросами организации просвещения железнодорожных служащих посвящены работы Ю. А. Ивановой, Т. А. Красницкой, вопросы социального обеспечения рассмотрены в трудах В. И. Левина, О. А. Карповой [8; 9; 11; 12]. В. А. Сердюк уделил внимание формированию корпоративной культуры железнодорожников. Автор считает образовательную систему Сибирской железной дороги фактором становления и развития социокультурного пространства Сибири [18; 19].

В целом, историографический анализ выявил широкий круг работ, посвященных истории Транссибирской магистрали. Вместе с тем, социокультурная сфера Транссиба представлена фрагментарно, нуждается в более детальном изучении.

Строительство Транссиба началось в 1891 г. и продолжалось до 1916 г. Введение дороги в эксплуатацию происходило по мере готовности участка. К окончанию строительства магистраль состояла из Уссурийского, Западно-Сибирского, Средне-Сибирского, Забайкальского, Кругобайкальского, Амурского, Китайского Восточного участков железной дороги. Строительство Забайкальского участка длилось с 1895 по 1900 г.

Введённые к началу XX в. части Транссиба требовали квалифицированного обслуживания. Вместе с тем, тяжёлые условия труда, суровые климатические условия, значительная удалённость от центральных районов России препятствовали формированию профессионального кадрового состава железной дороги, ухудшали качество обслуживания. Отсутствие подготовленных кадров ставило под угрозу не только стабильное, но и безопасное функционирование дороги. Решение этой проблемы власти видели в создании социальной инфраструктуры, направленной на улучшение жизни служащих железной дороги.

Под председательством управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломзина 4 марта 1893 г. была образована Подготовительная комиссия для

предварительного рассмотрения вопросов, выносимых на утверждение Комитетом Сибирской железной дороги. Комиссия внесла ряд предложений, предусматривающих улучшение социального обеспечения железнодорожников. По рекомендации Комиссии увеличились прогонные и подъёмные выплаты для служащих. При начислении жалования ввели учёт стажа работы на железной дороге.

Особую ценность члены Комиссии придавали светскому и религиозному просвещению, поясняя, что «существенным значением в деле улучшения условий быта низших железнодорожных служащих могут иметь мероприятия по оказанию пособий на устройство храмов и школ»¹. В 1903 г. Особое совещание Управления железных дорог «признало весьма желательным осуществление по мере возможности, те предположения Подготовительной комиссии, кои направлены на улучшения быта железнодорожных служащих»².

Для организации школьного дела в системе управления железной дорогой учреждались специальные органы, курирующие учебные заведения. На Забайкальской железной дороге в 1903 г. был образован Главный школьный комитет. Одновременно с ним возникли местные попечительства во главе с почётным блюстителем, представляющие интересы общества. Вступили в действия 13 апреля 1906 г. Правила о комитетах и местных попечительствах для заведования образовательными учреждениями на казённых железных дорогах³.

Комитет для заведования образовательными учреждениями на казённых железных дорогах состоял из десяти членов, шесть из которых избирались на собраниях железнодорожных коллективов и четверо назначались начальником дороги. Избранным членам Комитета дополнительно избирали шесть заместителей (кандидатов). В ведении Комитета находились школы и вечерние курсы, общежития, библиотеки, церкви, железнодорожные собрания, столовые. Комитет распоряжался средствами, выделенными на содержание подведомственных учреждений. Для ведения дел при Комитете действовала канцелярия из двух человек.

¹ ГАЗК. – Ф. 206. – Оп. 2. – Д. 2 – Л. 62.

² Там же.

³ Правила о комитетах и местных попечительствах для заведывания образовательными учреждениями на казённых железных дорогах. – СПб.: Тип. МПС, 1906. – 10 с.

В соответствии с новыми Правилами, 1 августа 1906 г. Главный школьный комитет был преобразован в Комитет для заведования образовательными учреждениями на казённых железных дорогах. Учреждена должность ревизора по наблюдению за учебно-воспитательной деятельностью железнодорожных школ. На должность ревизора был рекомендован Флегонт Григорьевич Мясников, заведующий 3-м училищем им П. А. Пономарева в Иркутске, выпускник Иркутской учительской семинарии, известный иркутский общественный деятель¹.

В конце 1906 г. на Забайкальской железной дороге в состав избранного комитета входили заведующий лабораторией А. К. Жуков и его заместитель, помощник юрисконсульта В. В. Болотов. От службы пути избран начальник I участка службы пути С. М. Залкинд, заместителем – помощник начальника службы пути Д. Н. Нахтман, от службы движения и телеграфа – старший ревизор движения В. Н. Макаров и начальник конторы службы движения А. И. Ужов. Заместители – начальник I отдела службы движения А. С. Кузнецов, начальник иркутской кондукторской бригады П. В. Королев соответственно. От службы тяги и Байкальской переправы – исполняющий обязанности начальника переправы Б. А. Курьяк и начальник службы тяги Х. А. Федоров. Заместители – старший ревизор службы тяги А. М. Поспелов и старший десятник Байкальской переправы С. И. Прендовский².

В соответствии с приказом начальника Забайкальской железной дороги № 141 от 28 февраля 1907 г., членами комитета назначены И. И. Рыбников, Н. И. Спасский, врач Н. В. Попов. Назначение четвёртой кандидатуры затянулось, поскольку документы долгое время находились на согласовании с руководством дороги³.

Привлечение действующих работников железной дороги сказывалось не лучшим образом на деятельности Комитета. Сотрудники пропускали заседания в связи с плотным рабочим графиком, поездками на отдалённые станции. Начальник Забайкальской железной дороги, контролировавший деятельность Комитета, настойчиво рекомендовал посещать эти заседания «более аккуратно»⁴.

Обращает на себя внимание социальный состав Комитета, где в основном пред-

ставлены служащие железной дороги, занимающие руководящие должности среднего звена. Ни один из них не имеет отношения или какую-либо связь с системой образования. По сути, деятельность Комитета сводилась к рассмотрению ходатайств об открытии или преобразовании школы и распределении выделяемых средств между учебными заведениями дороги.

Хозяйственно-административными вопросами конкретной школы занимались местные попечительства. Население станции избирало двух представителей общности. Предпочтение отдавалось врачам или участковым. Один попечитель назначался из числа железнодорожных служащих приказом начальника дороги. Дополнительно избирался почётный блюститель, который считался руководителем местного попечительства⁵. В сферу полномочий попечителей входили хозяйственные вопросы организации школьного дела и «общее наблюдение за правильным ходом занятий в школе и нормальной жизнью в общежитии»⁶. Попечители были лишены возможности оказывать влияние или вмешиваться в учебный процесс. Организация школьного дела возлагалась на учителя.

Первые школы Забайкальского участка дороги открылись в 1901 г. на станции Могзон и Оловянная. В 1902 г. количество школ увеличилось до шести, в 1903 – до 11, в 1904 – до 12, 1905 – до 14, 1906 – до 18, 1908 – до 21⁷. После 1908 г. все действующие крупные железнодорожные станции Забайкалья были обеспечены учебными заведениями, процесс дальнейшего открытия школ прекратился.

Школы находились в совместном ведении МПС и Министерства народного просвещения (далее – МНП). Две школы в Могзоне и Хилке подчинялись МПС и Ведомству православного вероисповедания (ВПВ). МНП и Ведомство православного вероисповедания курировали учебные программы, отвечали за кадровое обеспечение школы, оплачивали установленное жалование учителям. Министерство путей сообщения обеспечивало значительную часть финансовых затрат на содержание школы, приобретение учебно-методических пособий, выделяло средства на доплату учителям и жалование обслуживающему персоналу.

Железнодорожные школы имели разную типовую принадлежность. Школы в

¹ ГАЗК. – Ф. 206. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 5.

² Там же. – Л. 4–4 об.

³ Там же.

⁴ Там же. – Л. 10.

⁵ Там же. – Л. 5.

⁶ Там же. – Д. 30. – Л. 7.

⁷ Там же. – Д. 34. – Л. 5.

Могзоне и Хилке были учреждены по типу церковно-приходских училищ, имели общеобразовательный характер с углублённым изучением религиозных дисциплин. Остальные учебные заведения дороги соответствовали министерскому типу и действовали на основе Положения 1874 г. Школы представляли собой одно- и двухклассные начальные училища. В одноклассном училище обучение продолжалось три года. Ученики последовательно переходили из младшего в среднее и далее в старшее отделение. Обучались дети обоего пола 8–12 лет. В двухклассных училищах учебная программа длилась пять лет. Три отделения первого класса соответствовали программе одноклассных училищ. Во втором классе обучались два года. Выпускник двухклассного училища имел право продолжить обучение в учительской семинарии. Двухклассные начальные училища давали более полное, но неоконченное начальное образование. В 1906 г. обучение осуществляли две двухклассные школы и 12 одноклассных.

В 1908 г. в целях формирования единых «руководящих принципов в проведении просветительских задач» Комитет инициировал опрос о «настоящих нуждах школ, организации общежитий, школьных и общественных библиотек»¹. Большинство школ откликнулись с предложениями об открытии общежитий и преобразовании школы в двухклассное училище. В частности, попечительство Хилокской одноклассной школы мотивировало своё предложение значительной удалённостью станции от Читы и Верхнеудинска и необходимостью получения более качественного образования². В 1914 г. из 21 действующей школы значилось 11 двухклассных училищ и 10 одноклассных³.

Средства на содержания школ формировались из фондов МНП, ВПВ, школьного фонда МПС и взносов от местных попечительств⁴. Поступления из МНП и ВПВ расходовались на жалование учителей. Школьный фонд Забайкальского участка железной дороги формировался за счёт поступлений из МПС и отчислений с жалования железнодорожных служащих. Для служащих был введён обязательный сбор в размере 2 рубля 75 копеек за право обучения детей в железнодорожной школе. Сбор школьного взноса контролировался строго. Задолженности взыскивались после увольнения служаще-

го с места работы до полного погашения⁵. В 1908 г. Комитет располагал средствами в размере 102 519 рублей из них 73 800 рублей поступили от железной дороги, что составляло 72 % от общей суммы.

Удалённость населённых пунктов от железнодорожных станций, где открывались школы, обусловила необходимость открытия пансионатов (общежитий). Обязанность по содержанию пансионатов возлагалась на местные попечительства и школьный фонд МПС. В 1906 г. открылись три пансионата, в 1907 – шесть, в 1908 – восемь. Общежития действовали при Маритуйской, Слюдянской, Танхойской, Петровско-Заводской, Могзонской, Читинской, Шилкинской, Сретенской, Адриановской, Оловянининской школах. В последующие годы их число осталось неизменным. В 1908 году пансионаты приняли 130 учащихся⁶. В 1914 г. количество пансионеров возросло до 601 человека, из них – 207 девочек и 304 мальчика⁷. В среднем в каждом общежитии проживали до 75 человек.

Учебный процесс в железнодорожных школах вели 83 учителя – 59 женщин, 53 мужчины (из них 20 священников, обучающихся Закону божьему). Образовательный ценз учителей нельзя назвать высоким, что типично для начальной школы любого ведомства. Однако отметим, что лиц без образования в железнодорожных школах не значилось. Женщины, в основном, имели гимназическое образование (85 %), окончили высшие женские курсы – 1,7 % от общего числа, не окончили курс института – 7 %. Звание учительницы начальной школы имели 7 %. Преподаватели Закона божьего и религиозных дисциплин учились в духовных семинариях (32 %) и духовных училищах (4 %). Среди преподавателей светских дисциплин 36 % являлись выпускниками учительских семинарий, 9 % – духовных училищ, 15 % имели звание учителя и 1,8 % окончили реальное училище⁸.

Установленное жалование учителя министерской школы составляло 560–580 рублей в год⁹. Из школьного фонда железной дороги учителям полагалась доплата. В 1906 г. указанная сумма составила 3 960 рублей в год, каждый учитель получал около 140 рублей. Соответственно, повышенная оплата труда учителя способствовала стабильно-

¹ ГАЗК. – Ф. 206. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 78.

² Там же. – Л. 4–6.

³ Там же. – Д. 34. – Л. 5.

⁴ Там же. – Д. 10. – Л. 130.

⁵ Там же. – Д. 9. – Л. 25.

⁶ Там же. – Д. 10. – Л. 25.

⁷ Там же. – Д. 34. – Л. 25 об.

⁸ Там же. – Л. 9.

⁹ Там же. – Д. 1. – Л. 10 об.

сти кадрового состава в железнодорожных школах. При наличии вакансии власти имели возможность назначения на должность более профессионального учителя.

В 1901 г. первые железнодорожные школы приняли к обучению 214 учеников, в 1902 г. количество учащихся увеличилось до 385. В 1903 г. в 11 действующих школах обучались 702 ученика. К моменту открытия последней железнодорожной школы в 1908 г. количество учеников увеличилось до 2 735 человек. Впоследствии, число учащихся, при сохранении числа школ, неизменно увеличивалось, к 1914 г. обучались 3 997 учеников. Во многих школах местные попечительства ходатайствовали об открытии параллельных классов. В Слюдянской, Верхнеудинской, Хилокской, Иркутской, Читинской, Оловянинской школах параллели имели первые, вторые отделения первого класса¹.

Социальный состав учащихся был довольно пёстрым, но в основном преобладало крестьянское сословие. В 1914 г. детей дворян и чиновников обучались 1,4 %, духовенства – 0,2 %, горожан – 10 %, крестьян – 82 %, инородцев – 0,3 %, солдат и казаков – 6,3 %².

Как уже отмечалось ранее, в школе обучались дети служащих на железной дороге. Однако при наличии мест за плату принимали учеников, чьи родители не имели отношения к МПС. В данных обстоятельствах важным моментом становится политика Комитета по сохранению ученического контингента. Комитет нашёл «крайне нежелательным» исключение учеников даже за плохое поведение³. В случае нарушения правил ученик временно отстранялся от занятий. На каждого виновника нарушения составлялся «мотивированный протокол» и предоставлялся на рассмотрение в Комитет. Исключение из

школы могло быть только по согласованию с властями. Нельзя сказать, что исключение учеников из школы было частым явлением, но принятые меры свидетельствуют о заинтересованности властей в сохранении ученического контингента. Ежегодные выпуски из начальных училищ по мере развития школьной сети стабильно увеличивались. Если в 1903 г. общее количество выпускников составило 41 человек, то в 1914 г. – 703. В целом, с 1901 по 1914 г. железнодорожные школы окончили 3908 человек⁴.

Заключение. Таким образом, в условиях капиталистической модернизации и ускоренной интеграции восточной окраины Российской империи Министерство путей сообщения залогом успешной и безопасной эксплуатации железных дорог видело в развитии социальной инфраструктуры, способствующей улучшению быта рядовых работников магистрали. Одним из направлений социальной программы стало создание системы общеобразовательных учебных заведений. За короткий срок на Забайкальском участке пути, на всех крупных железнодорожных станциях были открыты учебные заведения различного типа. Созданы органы управления, урегулированы механизмы взаимодействия с Министерством народного просвещения и Ведомством православного вероисповедания. Определены источники и порядок финансирования. Созданная школьная сеть соответствовала интересам служащих, о чём убедительно свидетельствует положительная динамика роста числа учащихся и выпускников.

Опыт создания ведомственной школьной сети дал положительные результаты. В перспективе руководством дороги планировалось создание собственной, независимой от иных ведомств системы общеобразовательных учебных заведений.

Список литературы

1. Борзунов В. Ф. Архивные материалы по истории строительства Сибирской железной дороги (1880–1905 гг.) // Исторический архив. 1960. № 5. С. 194–207.
2. Борзунов В. Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. АН СССР, 1961. С. 97–107.
3. Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне Первой русской революции: по материалам строительства Транссибирской магистрали (1891–1904 гг.). М.: Наука, 1964. 198 с.
4. Борзунов В. Ф. Транссибирская магистраль в Тихоокеанской политике американского империализма (конец XIX в.) // Процесс формирования региональных направлений внешней политики великих держав в новое и новейшее время. Горький: Горьк. гос. ун-т, 1987. С. 5–14.

¹ ГАЗК. – Ф. 206. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 27 об–28.

² Там же. – Л. 16.

³ Там же. – Д. 2. – Л. 116.

⁴ Там же. – Д. 34. – Л. 28 об.–29.

5. Гилько М. А. Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2. С. 51–55.
6. Горюшкин Л. М. Материалы фонда Комитета Сибирской железной дороги как исторический источник для изучения проблемы освоения Сибири в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт освоения Сибири. 1986. Вып. 1. С. 78–81.
7. Горюшкин Л. М. Развитие железнодорожного транспорта в Сибири в дооктябрьский период // К истории строительства Байкало-Амурской магистрали. Новосибирск: НГУ, 1984. С. 113–116.
8. Иванова Ю. А. Железнодорожные училища в системе образования России (вторая половина XIX в.) // Наука и школа. 2010. № 1. С. 129–131.
9. Иванова Ю. А. Красницкая Т. А. Организация просветительской работы среди служащих железных дорог Центральной России во второй половине XIX – начале XX в. // Преподаватель XXI века. 2011. № 1. С. 141–143.
10. Канн С. К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131.
11. Карпова О. А. Истоки железнодорожной медицины // Медицина и образование в Сибири. 2015. № 6. С. 76.
12. Левин В. И. Пенсионное обеспечение железнодорожников в 1865–1914 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 3. С. 24–26.
13. Левин В. И. Заболевания железнодорожников и борьба с эпидемиями в конце XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 43–45.
14. Мухин А. А. Влияние Сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири (1897–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд. Сиб. отд. АН СССР, 1961. С. 109–118.
15. Пак Б. Б. Вопрос о направлении восточной ветви Сибирской железной дороги во внешней политике России в конце XIX – начале XX в. // Россия и политика держав в странах Востока. Иркутск: ИГПИ, 1991. С. 76–88.
16. Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги как орган регионального управления // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX в. Томск: ТГУ, 1994. С. 41–49.
17. Рогозин Н. Е. Влияние Сибирской железной дороги на экономическое развитие Западной Сибири в начале XX века // Учёные записки Белорусского государственного университета. 1953. Вып. 16. С. 165–194.
18. Сердюк В. А. Деятельность железнодорожного (клубного) собрания в начале XX в.: социокультурный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 95–97.
19. Сердюк В. А. Формирование корпоративной этики машинистов железных дорог России в конце XIX – начале XX в. // Омский научный вестник. 2012. № 5. С. 56–60.
20. Ус Л. Б. Деятельность Комитета сибирской железной дороги по обеспечению строительства Транссиба трудовыми ресурсами // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2006. Т. 5, вып. 1. История (доп.). С. 51–56.

Статья поступила в редакцию 20.02.2020; принята к публикации 25.03.2020

Сведения об авторе

Инна Николаевна Мамкина, доктор исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Библиографическое описание статьи

Мамкина И. Н. Организация школьного образования на Забайкальской железной дороге в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 54–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-54-61.

References

1. Borzunov, V. F. Archival materials on the history of the construction of the Siberian railway (1880–1905). Historical archives, no. 5, pp.194–207, 1960. (In Rus.)
2. Borzunov, V. F. On the question of the economic significance of the Siberian railway in the late XIX – early XX centuries. Questions of the history of Siberia and the Far East. Novosibirsk: publishing house of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, 1961: 97–107. (In Rus.)
3. Borzunov, V. F. The proletariat of Siberia and the Far East on the eve of the First Russian revolution. Based on the construction of the TRANS–Siberian railway (1891–1904). M: Nauka, 1964. (In Rus.)

4. Borzunov V. F. The Trans-Siberian railway in the Pacific policy of American imperialism (late nineteenth century.). The process of forming regional directions of foreign policy of the great powers in the new and modern times. Gorky: Gorky state University. UN-t, 1987: 5–14 (In Rus.)
5. Gil'ko, M. A. Influence of the Trans-Siberian railway on the placement of Handicrafts in the Yenisei province in the late XIX – early XX century. News of the Altai state University, no. 4/2, pp. 51–55, 2013. (In Rus.)
6. Goryushkin, L. M. Materials of the Siberian railway Committee Fund as a historical source for studying the problem of development of Siberia in the late XIX – early XX centuries. The historical experience of the development of Siberia. Novosibirsk, 1986. Issue 1: 78–81. (In Rus.)
7. Goryushkin, L. M. Development of railway transport in Siberia in the pre-October period. On the history of the construction of the Baikal-Amur mainline. Novosibirsk, 1984: 113–116. (In Rus.)
8. Ivanova, Yu. A. Railway schools in the Russian education system (the second half of the XIX century.). Science and school, no.1, pp. 129–131, 2010. (In Rus.)
9. Ivanova, Yu. A. Krasnitskaya, T. A. Organization of educational work among employees of the Railways of Central Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. The teacher of the XXI century, no. 1, pp. 141–143, 2011. (In Rus.)
10. Kann, S. K. The Committee of the Siberian railroad (1892–1905 years) as the governing body of the national project. Humanities in Siberia, no. 3, pp. 129–131, 2008. (In Rus.)
11. Karpova, O. A. Origins of railway medicine. Medicine and education in Siberia, no. 6, p. 76, 2015. (In Rus.)
12. Levin, V. I. Pension provision for railway workers in 1865–1914. KSU Bulletin, no. 3, pp. 24–26, 2015. (In Rus.)
13. Levin, V. I. Diseases of railway workers and the fight against epidemics in the late XIX – early XX centuries. KSU Bulletin, no. 3, pp. 43–45, 2017. (In Rus.)
14. Mukhin, A. A. Influence of the Siberian railway on the socio-economic development of Eastern Siberia (1897–1917). Questions of the history of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Ed. Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, 1961: 109–118. (In Rus.)
15. Pak, B. B. The question of the direction of the Eastern branch of the Siberian railway in Russian foreign policy in the late nineteenth and early twentieth centuries. Russia and the policy of the powers in the East. Irkutsk: IGPI, 1991: 76–88. (In Rus.)
16. Remnev, A. V. Siberian railway Committee as a regional management body. Economic development of Siberia: Questions of the history of the XIX-first third of the XX centuries. Tomsk: Tomsk state University, 1994: 41–49. (In Rus.)
17. Rogozin, N. E. Influence of the Siberian railway on the economic development of Western Siberia in the early XX century. Scientific Notes of the Belarusian State University, vol. 16, pp. 165–194, 1953. (In Rus.)
18. Serdyuk, V. A. Activity of the railway (club) meeting in the early twentieth century: socio-cultural aspect. TGU Bulletin, no. 359, pp. 95–97, 2012. (In Rus.)
19. Serdyuk, V. A. Formation of corporate ethics for Russian railway drivers in the late XIX – early XX centuries. Omsk scientific Bulletin, no. 5, pp. 56–60, 2012. (In Rus.)
20. Us, L. B. Activities of the Siberian railway Committee to ensure the construction of the TRANS–Siberian railway with human resources. NGU Bulletin, vol. 1, pp. 51–56, 2006. (In Rus.)

Received: February 20, 2020; accepted for publication March 25, 2020.

Information about author

Mamkina Inna N., Transbaikal State University, Doctor of History, Associate Professor; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039; e-mail: inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Reference to the article

Mamkina I. N. Organization of School Education on the Trans-Baikal Railway in the Beginning of the 20th Century // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 54–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-54-61.

УДК 94 (571.5)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-62-71

Елена Владиславовна Плотникова,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: elena-angarsk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3171-7261>

Вторая волна национализации банковской сферы в Иркутской губернии в начале 1920 года

В статье рассматривается один из аспектов экономической истории России, в частности, национализация банковской сферы в Иркутской губернии, протекавшая в начале 1920 г. после окончательного утверждения в регионе власти советов. Актуальность публикации продиктована ростом научного интереса к проблемам, составляющим сферу исследования экономической истории. В реалиях современного политико-экономического развития российской государственности определённый интерес также имеет специфика развития процессов национализации некоторых отраслей народного хозяйства, с учётом существования сопутствующих негативных факторов и выработки путей их преодоления. Историко-генетический метод, наряду с принципами историзма и системности, позволил восстановить ткань исторической действительности в рамках процесса национализации банковской сферы Иркутской губернии и выявить ряд отрицательных явлений, отразившихся на судьбах лиц, вовлечённых в этот процесс. Начавшиеся в декабре 1917 г. национализационные процессы были приостановлены сменой политического режима в губернии в июле 1918 г. После восстановления советской власти большевики повторно развернули национализацию частных банков региона путём создания Ликвидационно-технической коллегии, куда помимо представителей советских органов власти вошли служащие банковской сферы г. Иркутска. В статье приводится состав коллегии, освещается её деятельность, связанная с решением вопросов по выплате жалования её работникам, а также служащим ликвидируемых банковских учреждений. Отдельно рассматривается вопрос о служащих эвакуированных банковских отделений, располагавшихся в г. Иркутске в момент национализации. Публикация освещает сложившийся в регионе дефицит денежной массы, повлекший за собой задержки заработных плат работников банковской сферы и, как следствие, ухудшение их материального положения в рассматриваемый период.

Ключевые слова: национализация, банковская сфера Иркутской губернии, Ликвидационно-техническая коллегия, эвакуация банковских отделений, служащие частных банков г. Иркутска

Elena V. Plotnikova,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: elena-angarsk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3171-7261>

The Second Wave of Nationalization of the Banking Sector in Irkutsk Province in the Early 1920s

The article considers one of the aspects of the economic history of Russia, in particular, the nationalization of the banking sector in the Irkutsk province, which took place in the beginning of 1920 after the final approval of the power of the Soviets in the region. The relevance of the publication is dictated by the growth of scientific interest in the problems that make up the field of economic history research. In the realities of modern political and economic development of the Russian state, the specifics of the development of nationalization processes in certain sectors of the national economy, taking into account the existence of accompanying negative factors and working out ways to overcome them, also have a certain interest. The historical and genetic method, along with the principles of historicism and consistency, allowed us to restore the fabric of historical reality in the framework of the process of nationalization of the banking sector of the Irkutsk province and identify a number of negative phenomena that affected the fate of persons involved in this process. The nationalization processes that began in December 1917 were suspended by the change of the political regime in the province in July 1918. After the restoration of Soviet power, the Bolsheviks re-launched the nationalization of private banks in the region by creating a Liquidation and Technical Board, which in addition to representatives of Soviet authorities included employees of the banking sector in Irkutsk. The article describes the composition of the Board, highlights its activities related to the resolution of issues related to the payment of salaries to its employees, as well as employees of liquidated banking institutions. The issue of employees of evacuated bank branches located in Irkutsk at the time of nationalization is considered separately. The publication highlights the current shortage of money

© Плотникова Е. В., 2020

supply in the region, which resulted in delays in the salaries of employees in the banking sector and, as a result, the deterioration of their financial situation in the period under review.

Keywords: nationalization, banking sphere of Irkutsk province, Liquidation and Technical Board, evacuation of bank branches, employees of private banks in Irkutsk

Введение. Развитие научного направления экономической истории в настоящее время представляется весьма актуальным как для развития самой области знаний, так и в свете её прикладного значения в интересах выработки научных подходов для дальнейшего развития страны. Вопросам изучения экономической истории посвящены исследования Л. Н. Яснопольского¹, В. Т. Судейкина [19], В. И. Бовыкина [1], А. Н. Гурьева [9], П. И. Лященко [12], И. Ф. Гиндина [8], Б. В. Ананьича [11], Г. Х. Рабиновича [16], М. И. Боголепова [2], М. И. Воейкова [5], Ю. А. Петрова [14], С. А. Саломатиной [17] и др. Экономические процессы, протекавшие в банковской, преимущественно государственной сфере Иркутской губернии в дореволюционной России, изучают современные историки В. П. Шахеров [20–22] и Н. И. Гаврилова [6; 7]. Однако процессы, происходившие в частном банковском секторе указанного периода, на сегодняшний день практически не освещены и требуют дополнительного изучения.

Экономическая история как самостоятельное междисциплинарное научное направление представляет собой необходимый базис для подготовки специалистов как по экономическим, так и по историческим направлениям. Без понимания фактического протекания экономических процессов на том или ином историческом этапе эволюции общества невозможно себе представить формирование комплексного представления о социально-экономическом развитии последнего. Недостаточное знание экономической истории своей страны ведёт к заимствованию иностранного и, порой, губительного опыта, как для развития самого государства, так и для его граждан [18].

В настоящее время в России проблематикой изучения вопросов из области знаний экономической истории занимается ряд институтов, в числе которых: Центр экономической истории исторического факультета МГУ; Научно-исследовательский институт проблем экономической истории России XX в. при Волгоградском государственном университете; Центр экономической истории Байкальского государственного университета экономики и права в г. Иркутске; Центр по

изучению экономической истории Центральной России и Среднего Поволжья; Центр экономической истории Алтайского государственного университета в г. Барнауле; ряд институтов РАН и некоторые др. [3]. Однако существуют исследователи, отмечающие недостаточность развития в России направления экономической истории и подчёркивающие необходимость включения этой дисциплины в разряд обязательных для изучения в отечественных вузах, при подготовке специалистов по ряду направлений. К числу таких исследователей относятся А. Маркова и Ю. Федулов, указывающие на поступательное сворачивание обязательного изучения дисциплины экономической истории в нашей стране с середины 1960-х гг., что в настоящее время привело к практическому отсутствию школы подготовки кадров, разбирающихся в том, «где и когда экономика развивалась лучше или хуже, и почему». Такое положение вещей, по мнению авторов, не соотносится с практикой западноевропейских стран, где экономическая история входит в состав обязательных дисциплин по направлениям экономического, исторического, юридического и политического образований [13, с. 31].

Определённую организационную слабость отечественной науки в сфере изучения экономической истории отмечали Ю. А. Петров и Л. И. Бородин в рамках работы Конгресса в Нидерландах в 2009 г., где количество секций, организованных российскими учёными, было значительно меньше, чем у их коллег из США, Великобритании и Франции [4]. На предшествующем Конгрессе, проходившем в Хельсинки в 2006 г., количество российских секций, так же было одним из самых малочисленных [3].

Учитывая значимость данного междисциплинарного научного направления для формирования перспектив развития страны, следует всячески способствовать изучению экономической истории Российского государства и вовлечению в научную дискуссию широкого круга молодых исследователей. Этой цели, безусловно, отвечают проводимые научные конференции с участием опытных историков, как например, одна из них, имевшая место в г. Барнауле в 2015 г., по итогам которой был издан сборник статей [23]. Представляется актуальным и вопрос о развитии направления экономической истории в рам-

¹ Яснопольский Л. Н. Банковая энциклопедия. Т. 1–2. Коммерческие банки. Биржа. Киев: Изд-во банк. энц., 1914–1917. – 407 с.

ках образовательного процесса в системе высшего образования.

Изучение исторического опыта развития экономики страны невозможно без комплексного представления о развитии её финансового сектора в целом и банковского в частности. Именно банки в системе современной экономики играют роль института перераспределения денежных потоков между различными областями народного хозяйства. Данная работа посвящена одному из исторических этапов развития банковского сектора России в момент национализации последнего в 1920 г. в его региональном аспекте, на примере Иркутской губернии.

Методология и методы исследования. Работа основана на принципе историзма с использованием системного подхода. Автором применялись общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучный историко-генетический метод исследования. Указанные методы позволили систематизировать и структурировать разобщённый архивный материал и восстановить исторический ход процесса национализации в рамках работы Ликвидационно-технической коллегии при Иркутском губфинотделе в 1920 г. Применение синтеза и обобщения позволило сделать вывод об ухудшении материального положения служащих в период протекания в регионе процессов национализации банковской сферы. Последнее утверждение особенно характерно в отношении служащих, находящихся в г. Иркутске эвакуируемых кредитных учреждений.

Результаты исследования и их обсуждение. Тема первой волны национализации банковской сферы в Иркутской губернии после прихода к власти большевиков в декабре 1917 г., уже затрагивалась в одной из наших предыдущих публикаций [15]. Данная работа посвящена второй волне национализационных процессов, охвативших регион в связи с повторным установлением советской власти в регионе в январе 1920 года.

Первая волна национализации банковской сферы прокатилась по Иркутской губернии в декабре 1917 – июле 1918 г. Её юридической основой явились два декрета ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О национализации частных акционерных банков и банковских контор» и «О ревизии стальных ящиков в банках»¹. В это время были национализи-

рованы все местные частные банки за исключением Иркутского отделения Московского народного банка, избежавшего этой участи из-за кооперативного характера своей деятельности. Попытка национализации большевиками центрального отделения Московского народного банка в г. Москве в период с 12 по 15 декабря 1917 г. [10, с. 49] вызвала широкомасштабный протест кооператоров Москвы, Санкт-Петербурга, а также союзов кооперативов Ярославской, Новгородской, Костромской, Вологодской, Тверской, Владимирской, Тульской и Иркутской губерний [15, с. 176]. В результате советская власть изменила свой курс в отношении кооперации и перешла на этапе своего становления от политики подчинения к политике сотрудничества. Такое положение обуславливалось значительной экономической и социально-политической ролью кооперативного движения, представлявшего угрозу советской власти в случае перехода его в оппозицию в момент установления советской власти в стране.

После отступления большевиков из региона, в июле 1918 г. нормальная работа всех частных банковских учреждений в Иркутской губернии возобновилась на прежних основаниях.

Конец 1919 г. ознаменовался падением режима Колчака, в результате чего 5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к Политцентру, а затем, после отхода японских войск из города, к Иркутскому военно-революционному комитету большевиков. При Иркутском губфинотделе 27 марта 1920 г. была создана Ликвидационно-техническая коллегия по ликвидации бывших частных банков г. Иркутска под председательством Владислава Феликсовича Габеля². Общее руководство работой возлагалось на Сметно-расчётное управление финансового отдела.

В Коллегию помимо представителей советских органов власти вошли служащие ликвидируемых банков, а именно: четверо членов Иркутского общества взаимного кредита, шестеро служащих Иркутского отделения Русско-Азиатского банка, четверо служащих Иркутского отделения Волжско-Камского Коммерческого банка, шестеро служащих Иркутского отделения Сибирского Торгового банка, четверо служащих Иркутского отделения московского народного банка и восемнадцать служащих Медведниковского банка (табл. 1).

¹ О национализации частных акционерных банков и банковских контор: декрет ВЦИК: [от 14 декабря 1917 г.]. – URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-25-dekret-vcyk-1917.shtml> (дата обращения 12.06.2020). – Текст: электронный; О ревизии стальных ящиков в банках: декрет ВЦИК: [от 14 декабря

1917 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4306#02922835367782648> (дата обращения: 12.06.2020). – Текст: электронный.

² ГАИО. – Ф. Р-260. – Д. 119. – Л. 31.

Список служащих Ликвидационно-технической коллегии по ликвидации частных банков и размер причитающегося им жалования за апрель-май 1920 года

ФИО	Должность по службе в бывшем частном банке	Оклад, р.	Причисляется за апрель-май, р.
ИРКУТСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА			
Бланков И. И.	Член Правления	2 380	4 760
Сапожников А. К.	Бухгалтер	2 240	4 480
Ведерников А. Е.	Зав. операциями	1 610	3 220
Задиракина А. Я.	Счетовод I разряда	1 540	3 080
<i>Итого</i>			15 540
ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКО-АЗИАТСКОГО БАНКА			
Каберман Г. И.	Управляющий	2 380	4 760
Кирсанов Б. Н.	Бухгалтер	2 240	4 480
Зедгенизов Н. И.	Кассир-доверенный	2 100	4 200
Куренкова Е. И.	Счетовод I разряда	1 540	3 080
Кубинцева В. Б.	Зав. отделом	1 750	3 500
Болотова О. Д.	Счетовод II разряда	1 415	2 830
<i>Итого</i>			22 850
ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО БАНКА			
Лемке Н. О.	Член временной дирекции	2 380	4 760
Третьяков А. П.	Товарищ управляющего	2 310	4 620
Липинин И. И.	Доверенный кассир	2 100	4 200
Усов С. А.	Контролёр-доверенный	2 100	4 200
<i>Итого</i>			17 780
ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СИБИРСКОГО ТОРГОВОГО БАНКА			
Исаев П. И.	Управляющий	2 380	4 760
Черных И. С.	Бухгалтер	2 240	4 480
Пихтин А. В.	Зав. отделом	1 750	3 500
Барашев С. Н.	Зав. отделом	1 750	3 500
Адамов Х. И.	Зав. отделом	1 750	3 500
Хрущева Я. Э.	Зав. отделом	1 750	3 500
<i>Итого</i>			23 240
ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО БАНКА			
Бобылев В. М.	Помощник бухгалтера	1 960	3 920
Рудой Х. Б.	И. О. зав. отделом	1 610	3 220
Килина Е. П.	Счетовод I разряда	1 540	3 080
Байкалов Ф. Я.	Счетовод II разряда	1 415	2 830
<i>Итого</i>			13 050
БАНК Е. МЕДВЕДНИКОВОЙ			
Лыткин К. Ф.	Член Совета	2 380	4 760
Каршин И. А.	Бухгалтер	2 240	4 480
Куленков М. И.	Зав. операциями	1 750	3 500
Сказыбаев В. З.	Зав. операциями	1 750	3 500
Морозюков С. И.	Зав. операциями	1 750	3 500
Шадрин А. П.	Зав. операциями	1 750	3 500
Николаев И. В.	Зав. операциями	1 750	3 500
Назаров К. А.	Зав. операциями	1 750	3 500
Кудреватых И. Ф.	Зав. операциями	1 750	3 500
Москвитин И. Е.	Зав. операциями	1 750	3 500
Димов А. Д.	Конторщик-писец	1 305	2 610
Маньков М. К.	Курьер	1 025	2 050
Кириченко А. П.	Курьер	1 025	2 050
Кудряшев А. В.	Курьер	1 025	2 050
Моисеев Ф. Д.	Курьер	1 025	2 050
Горошко Т. А.	Курьер	1 025	2 050
Сильверстов Ф. И.	Курьер	1 025	2 050
Лупашко С. И.	Дворник	1 025	2 050
<i>Итого</i>			54 200
ВСЕГО			146 660

Правом совещательного голоса в Коллегии от Московского Народного банка обладал Александр Ильич Погребецкий, от Волжско-Камского коммерческого банка – Василий Иванович Ермаков, от Русско-Азиатского банка – Григорий Иванович Коберман, от Сибирского Торгового банка – Пётр Иванович Исаев, от Общества взаимного кредита – Израил Ильич Бланков, от Банка Е. Медведниковой – Константин Фёдорович Лыткин.

Коллегии надлежало распустить все штаты банковских служащих за исключением тех, кого она оставляла для проведения ликвидационных мероприятий¹.

Расчёт персонала осуществлялся за счёт реального имущества банковских отделений после вычета расходов на их ликвидацию. Накануне начала национализации банковской сферы 18 февраля 1920 г. было отменено хождение сибирских денежных знаков, что было обусловлено падением режима Колчака [22, с. 73]. В этой связи в регионе наступил кризис ликвидности, повлекший задержки выплат заработных плат. С этим явлением столкнулись и служащие банковской сферы. Коллегия по ликвидации ходатайствовала перед Сметно-расчёт-

ным управлением Финансового отдела Иркутского губревкома о выплате жалования служащим бывших частных банков, которое не выдавалось с 18 февраля по 1 апреля 1920 г. Исключение составили Иркутское отделение Московского Народного банка и, частично, Медведниковский банк. На выплату авансов крайне нуждающимся банковским служащим Коллегия просила выделить средства в размере 251 000 р., в счёт будущей реализации банковских ценностей. Кроме того, она ходатайствовала об ассигновании 25 000 р. на содержание помещений ликвидируемых банков и другие рабочие нужды, а также 146 660 р. на выплату жалования за апрель и май лицам, оставленным коллегией на службе по ликвидации бывших частных банков².

Для выплаты зарплат банковским работникам были разработаны унифицированные тарифные ставки в зависимости от занимаемых должностей (табл. 2).

Коллегия также ходатайствовала о выплате выходного пособия банковским служащим, не получившим трудоустройства, в размере двухнедельного и месячного оклада (табл. 3 и 4).

Таблица 2

Тарифные ставки для рабочих и служащих частных банковских учреждений³

Номер пункта	Должность	Обязанности	Разряд	Оклад, р.
1	Управляющий	Управление отделением банка и ответственность за весь ход банковского дела	25	2 380
2	Товарищ управляющего	Совместно с управляющим несёт обязанности по управлению Отделением, а в отсутствии управляющего заменяет его	24	2 310
3	Бухгалтер	Общее руководство и ответственность по ведению бухгалтерских книг, составление месячного и годового отчёта, публичная ответственность	23	2 240
4а	Контролёр-доверенный	Контроль ордеров и документов по операциям дня, ведение контрольных книг, знание всех отделов, контроль текущих счетов, шифровка переписки, дешифровка	21	2 100
4б	Кассир-доверенный	Ответственность за кассовую наличность, ценности и документы, приём и выдача ценностей и документов, ведение дневника кассира, контроль документов	21	2 100
4в	Инструктор	Обследование и дача заключений для учётной комиссии о кредитовании кооперативов и заведывание комиссионным отделом	21	2 100
5	Помощник бухгалтера	Лицо, знакомое с ведением всех операций банка, ведущее какой-либо отдел и заменяющее бухгалтера в его отсутствие	19	1 960
6	Заведующие отделами (старшие счетоводы)	Самостоятельное ведение одного из отделов банка с ответственностью по нему:		
		а) со знанием операций по нескольким, свыше двух, отделам	16	1 750
		б) со знанием операций по одному или двум отделам	14	1 610

¹ ГАИО. – Ф. Р-260. – Д. 119. – Л. 31.

² Там же. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 3.

³ Источник: ГАИО. – Ф. Р-260. – Д. 119. – Л. 5.

Окончание табл. 2

Номер пункта	Должность	Обязанности	Разряд	Оклад, р.
7	Счетоводы I разряда, корреспонденты	а) ведение основных бухгалтерских книг с составлением оборотных ведомостей	13	1 540
		б) ведение банковской корреспонденции	13	1 540
8	Помощники зав. отделами (счетоводы II разряда)	Исполнение работ по отделам, под руководством зав. отделами	11	1 415
9	Кассир-артельщик	Приём и выдача денежных сумм, ценностей и документов и ведение черновой кассовой книги	14	1 610
10	Артельщик	Разные денежные и товарные поручения по делам отделений банка с ежедневной отчётностью перед кассиром банка	10	1 360
11	Канторщики и машинистки	Ведение разных вспомогательных книг по бухгалтерии и операциям под руководством заведующих и разные переписки	9	1 305
12	Юристы-консультанты	Юридические советы и ведение судебных дел банка, при несовместительстве	19	1 960
13	Слесарь-истопник	а) центрально-водяное отопление, наблюдение и ремонт водопровода	9	1 305
		б) то же с ноской дров	10	1 360
14	Курьеры	Очередные ночные дежурства по охране помещения отделения банка, уборка помещения, разноска пакетов и вешалка с ответственностью	4	1 025
15	Истопник	Топка простых печей с ноской и колкой дров	4	1 025
16	Дворник	Ночная наружная охрана, очистка двора и улиц	4	1 025
17	Прислуга	Мытьё полов, уборка помещения и разноска чая	2	905
18	Мальчики	—	—	518

Таблица 3

Расчёт на выдачу заштатного пособия в размере двухнедельного оклада служащим бывших частных банков, уволенным с 1 апреля 1920 года, за счёт сумм, полученных от ликвидации реальных ценностей и имущества банков¹

Название банков	Число служащих	Причитается заштатного содержания, р.
Русско-Азиатский банк	22	15 351,50
Волжско-камский коммерческий банк	8	5 752,50
Сибирский Торговый банк	12	9 345
Банк Е. Медведниковой	5	3
Иркутское общество взаимного кредита	10	6 208
<i>Итого</i>		<i>40 528</i>

Таблица 4

Расчёт на выдачу заштатного пособия в размере месячного оклада служащим бывших частных банков, уволенным по 1 апреля 1920 года, за счёт сумм, полученных от ликвидации реальных ценностей и имущества банков²

Название банков	Число служащих	Причитается заштатного содержания, р.
Русско-Азиатский банк	34	67 037,99
Волжско-Камский коммерческий банк	18	32 630,11
Сибирский Торговый банк	29	59 257,10
Банк Е. Медведниковой	29	58 878,75
Иркутское общество взаимного кредита	28	46 301,85
<i>Итого</i>		<i>264 105,80</i>

¹ Источник: ГАИО. – Ф. Р-260. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 6.

² Там же. – Л. 11–13, 13 об., 14, 14 об., 15 об., 17.

На момент ходатайства служащим Медведниковского банка уже было выдано содержание в размере 54 594,57 р.¹

В соответствии с указаниями заведующего Финансовым управлением при Сибирском революционном комитете товарища Земит и инструктора по банковским операциям Чернышева, при ликвидации банков в Иркутской губернии должен был соблюдаться ряд правил. Во-первых, аннулированию подлежали все банковские обязательства по отношению к лицам, эксплуатировавшим чужой труд с целью получения финансовой выгоды. Во-вторых, аннулированию подлежали все вклады, образованные от внесения аннулированных процентных бумаг и колчаковских денежных знаков. В-третьих, денежные средства, изъятые у нетрудового элемента, поступали на покрытие обязательств банков в отношении трудящегося населения, к которому относились рабочие хлебопашества, служащие, а также безработные, зарегистрированные на Бирже труда в течение последних пяти лет, за исключением тех, кто ранее эксплуатировал чужой труд². Кроме того, вклады трудового населения, не превышающие 10 тыс. р., подлежали передаче в расчётные кассы финансовых отделов при губернских и уездных исполнительных комитетах (губфинотделах и уфинотделах) для производства выдачи их собственникам в размере прожиточного минимума, установленного в конкретной местности. При этом, если остаток вклада был больше числящегося на 1 июня 1918 г., то выдаче подлежал последний, если же сумма по вкладу составляла меньшую сумму, именно она и подлежала выдаче. Все выплаты производились только за счёт реального имущества того или другого частного банка при положительном балансе последнего. При отсутствии реального имущества банков, вкладчики оставались неудовлетворёнными³. В отношении счетов иностранных миссий в каждом отдельном случае было предписано запрашивать Народный комиссариат финансов г. Москвы и Финансовое управление Сибревкома.

Перед коллегией вновь особняком встал вопрос об упразднении кооперативного Московского Народного банка. На запрос в центр относительно судьбы его местного отделения был получен ответ, что банк следует рассматривать как самостоятельно обанкротившееся учреждение, которое на-

ряду с другими частными банками должно подвергнуться ликвидации⁴.

Ликвидации подлежало и Иркутское общество взаимного кредита. Сберегательные кассы подчинялись финотделу в качестве филиальных расчётных касс.

В сложное положение попали служащие банков, попавшие в г. Иркутск в результате процесса их эвакуации из западных областей страны. Они оказались в наиболее бедственном положении, т. к. в их отношении было издано распоряжение об их окончательном расчёте после эвакуации отделений на место их первоначальной дислокации. До прекращения работы эвакуированных отделений, так или иначе приспособившихся к ведению банковских операций, служащие исправно получали своё жалование. Однако с началом национализации банковские кассы были опечатаны и выдача заработных плат прекратилась. Не имея возможности до соответствующего распоряжения оставить службу, они не получали жалования с 18 февраля 1920 г., за исключением, полученных пособий в размере 1 000 р. Большинство служащих имели семьи и оказались в г. Иркутске проездом в процессе эвакуации своих отделений на места дальнейшего базирования. Оказавшись без источника средств существования, многие из них оказались в бедственном положении. В этой связи Ликвидационная коллегия 6 апреля 1920 г. обратилась в Губернский Революционный комитет с просьбой об отпуске в распоряжение Финансового отдела кредита в размере 90 000 р. для удовлетворения служащих эвакуированных отделений частных банков авансами за время с 18 февраля по 1 апреля 1920 г. за счёт тех городов, где эти банки располагались до эвакуации (табл. 5)⁵.

В апреле 1920 г. в г. Иркутске находились иногородние отделения Волжско-Камского коммерческого банка (три члена Временной дирекции, а также служащие Омского, Оренбургского, Пермского, Екатеринбургского и Казанского отделений), Сибирского Торгового банка (управляющий Верхнеуральского, а также члены Кунгурского и Петропавловского отделений), Русского Торгово-промышленного банка (управляющие Омского, Петропавловского, Оренбургского, Самарского отделений), Русского для Внешней торговли банка, Самарского Общества взаимного кредита, Соединённого банка.

¹ ГАИО. – Ф. Р-260. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 15 об.

² Там же. – Д. 227. – Л. 1а.

³ Там же. – Д. 119. – Л. 2.

⁴ Там же. – Л. 1; д. 152. – Л. 1а.

⁵ Там же. – Л. 18, 18 об.

Таблица 5

Расчёт жалования служащим резвакуируемых отделений иногородних частных банков, находящимся в г. Иркутске в апреле 1920 года

Названия банков	Причитающаяся сумма, р.
Волжско-Камский коммерческий	23 594,65
Сибирский Торговый	22 853,70
Русский Торгово-промышленный	13 589,25
Русский для внешней торговли	3 411,33
Самарское общество взаимного кредита	5 718,90
Соединённый банк	18 073,46
<i>Всего</i>	<i>87 241,29</i>

На заседании сметной комиссии 21 апреля 1920 г., на которой присутствовали представители Губфинотдела, Госконтроля, Совнархоза и ликвидируемых частных банков, было принято решение об удовлетворении ходатайства Ликвидационно-технической коллегии о выдаче пособий служащим бывших частных банков г. Иркутска. Однако ходатайство в отношении служащих резвакуированных банковских отделений было снято с обсуждения ввиду отсутствия от вышестоящих инстанций указаний относительно судьбы их личного состава. Выплата жалования этим служащим должна была производиться на общих основаниях после возвращения отделений на места их прежнего функционирования¹.

Революционные процессы по смене системы государственной власти, протекавшие в Иркутской губернии в начале 1920 г., имели своим следствием национализацию различных отраслей народного хозяйства региона, не обойдя стороной и банковскую сферу. Резкий революционный слом экономической системы неминуемо отразился как на экономической стабильности региона в целом, так и на материальном положении служащих различных отраслей народного

хозяйства в частности. Перестройка структуры экономики, связанная со сменой политического режима в постреволюционной России, вызвала дефицит денежной массы, который, в свою очередь, повлёк задержку выплаты заработных плат работающему населению, в том числе задействованному в банковской сфере. В нелёгкое положение попали как сотрудники местных кредитных учреждений, так и те служащие, которые вынужденно оказались в регионе в результате эвакуации их банковских отделений на восток в процессе гражданской войны. Последним пришлось особенно тяжело в связи с указом советских органов власти о приостановлении выплат заработных плат до возвращения кредитных учреждений в места их прежнего функционирования. Специфика социально-экономического устройства общества дореволюционной России усугубляла ситуацию большим количеством неработающего женского населения, занимавшегося исключительно ведением домашнего хозяйства. В такой ситуации задержка заработной платы единственного кормильца неминуемо ставила всю его семью на грань выживания. Работники банковской сферы – лишь один из примеров, демонстрирующий сложность, с которыми пришлось столкнуться простым обывателям в связи с кардинальным сломом существовавших управленческих структур и переходом страны на новые рельсы функционирования народного хозяйства на базе советской платформы.

Заключение. Национализационные процессы в Иркутской губернии, запущенные в конце 1917 г. и прерванные в июле 1918 г., в связи с наступлением белогвардейско-чехословацких войск нашли своё завершение после решительной и окончательной победы советских сил в январе 1920 г. Эти процессы явились началом построения новой банковской системы на основе окончательно утвердившейся в регионе власти советов.

Список литературы

1. Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 294 с.
2. Боголепов М. И. Банковский кредит в Томске. Томск: Город Томск, 1912. С. 56, 57.
3. Бородин Л. И., Виноградов В. А. Экономическая история и современность // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 3–23.
4. Бородин Л. И., Петров Ю. А. Современные тенденции развития экономической истории. К итогам XV Международного конгресса экономической истории // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 113–129.
5. Воейков М. И. Экономическая предопределённость в истории: Г. В. Плеханов и современность // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. № 2. С. 121–131.
6. Гаврилова Н. И. Открытие и основные направления деятельности Иркутского отделения Государственного банка в 60–80-е гг. XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 6. С. 37–40.

¹ ГАИО. – Ф. Р-260. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 41.

7. Гаврилова Н. И. Служащие сибирских региональных отделений Государственного банка второй половины XIX – начала XX в.: динамика социального состава (по материалам Иркутского отделения Госбанка) // Известия Иркутского государственного университета. История. 2018. Т. 26. С. 52–61.
8. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.
9. Гурьев А. Н. Очерк развития кредитных учреждений в России / под ред. А. Н. Гурьева. СПб.: Типолит. «Якорь», 1904. 250 с.
10. Кротов Н. И. Московский народный банк. 100 лет истории. М.: Междунар. отношения, 2011. 679 с.
11. Ланской Г. Н. Исследования академика Б. В. Ананьича в области экономической и политической истории России // Исторический вестник. 2016. № 164. С. 188–199.
12. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М.: Госполитиздат, 1950. 735 с.
13. Маркова А., Федулов Ю. О фундаментальных экономических науках, или История с экономической историей и системой высшего образования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 4. С. 30–42.
14. Петров Ю. А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3. С. 25–33.
15. Плотникова Е. В. Банковская сфера Иркутска в период национализации (декабрь 1917 – июль 1918) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУ, 2019. С. 174–179.
16. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. 328 с.
17. Саломатина С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций (1864–1917 гг.). М.: РОСПЭН, 2004. 304 с.
18. Сидоров М. Н., Колесников А. В. Невыученные уроки российской экономической истории // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2017. № 10. С. 23–32.
19. Судейкин В. Т. Государственный банк: исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 520 с.
20. Шахеров В. П. Иркутское отделение Государственного банка в период политических потрясений 1917 г. // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 23. С. 59–69.
21. Шахеров В. П. Становление кредитной системы в Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX века // Историко-экономические исследования. 2014. № 4. С. 668–694.
22. Шахеров В. П. Установление советской власти и создание новой финансово-кредитной системы в Иркутске в 1920 г. // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 22. С. 68–77.
23. Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. ст. по материалам V Всерос. науч. конф. с междунар. уч. (г. Барнаул, 29–30 июня 2018 г.) / под ред. Е. В. Демчик. Барнаул: Пять Плюс, 2018. 413 с.

Статья поступила в редакцию 16.06.2020; принята к публикации 10.08.2020

Сведения об авторе

Плотникова Елена Владиславовна, аспирант, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: elena-angarsk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3171-7261>.

Библиографическое описание статьи

Плотникова Е. В. Вторая волна национализации банковской сферы в Иркутской губернии в начале 1920 года // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 62–71. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-62-71.

References

1. Bovykin, V. I. The origin of financial capital in Russia. Moscow: Izdatelstvo Moscovskogo Universiteta, 1967. (In Rus.)
2. Bogolepov, M. I. Bank credit in Tomsk. Gorod Tomsk. 1912: 56, 57. (In Rus.)
3. Borodkin, L. I., Vinogradov, V. A. Economic history and modernity. New and recent history, no. 6, pp. 3–23, 2008. (In Rus.)
4. Borodkin, L. I., Petrov, Yu. A. Modern tendencies of development of economic history. To the results of the XV International Congress of economic history. New and recent history, no. 4, pp. 113–129, 2010. (In Rus.)
5. Voeykov, M. I. Economic predestination in history: G. V. Plekhanov and modernity. Scientific works of the Free Economic Society of Russia, no. 2, pp. 121–131, 2017. (In Rus.)
6. Gavrilova, N. I. Opening and main activities of the Irkutsk branch of the State Bank in the 1860–1880s. Society: Philosophy, history, culture, no. 6, pp. 37–40, 2019. (In Rus.)

7. Gavrilova, N. I. Employees of the Siberian regional branches of the State Bank of the second half of the XIX – beginning of the XX century: dynamics of social composition (based on the materials of the Irkutsk branch of the state Bank). Irkutsk State University Bulletin, vol. 26, pp. 52–61, 2018. (In Rus.)
8. Gindin, I. F. Russian commercial banks. From the history of financial capital in Russia. M: Gosfinizdat, 1948. (In Rus.)
9. Guryev, A. N. Essay on the development of credit institutions in Russia. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya «Yakor», 1904. (In Rus.)
10. Krotov, N. I. Moscow people's Bank. 100 years of history, Moscow: International relations, 2011. (In Rus.)
11. Lansky G. N. Research of academician B. V. Ananich in the field of economic and political history of Russia. Historical Gazette, no. 164, pp. 188–199, 2016. (In Rus.)
12. Lyashchenko, P. I. History of the national economy of the USSR. Vol. II. Capitalism. M: Gospolitizdat, 1950. (In Rus.)
13. Markova, A., Fedulov, Yu. About basic economic sciences, or history with economic history and higher education system. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, no. 4, pp. 30–42, 2008. (In Rus.)
14. Petrov, Y. A. Commercial banks and the economic development of Russia in the late XIX – early XX century. Economic history, no. 3, pp. 25–33, 2010. (In Rus.)
15. Plotnikova, E. V. Banking sphere of Irkutsk during the period of nationalization (December 1917 – July 1918). Irkutsk historical and economic Yearbook. Irkutsk: Izdatelstvo BGU, 2019: 174–179. (In Rus.)
16. Rabinovich, G. H. Large bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia in the late XIX – early XX centuries. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1975. (In Rus.)
17. Salomatina, S. A. Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917. M: ROSPEN, 2004. (In Rus.)
18. Sidorov, M. N., Kolesnikov, A. V. Unscheduled lessons of Russian economic history. Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience, no. 10, pp. 23–32, 2017. (In Rus.)
19. Sudeikin, V. T. State Bank: Research of its structure, economic and financial significance. Sankt Peterburg: Tipografiya M. M. Stankevicha, 1891. (In Rus.)
20. Shakhov, V. p. Irkutsk branch of the State Bank during the period of political upheaval in 1917. Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience, vol. 22, pp. 59–69, 2017. (In Rus.)
21. Shakhov, V. P. Formation of the credit system in the Irkutsk province in the XVIII – first half of the XIX century. Historical and economic research, no. 4, pp. 668–694, 2014. (In Rus.)
22. Shakhov, V. P. The Establishment of Soviet power and the creation of a new financial and credit system in Irkutsk in 1920. Irkutsk State University Bulletin, vol. 22, pp. 68–77, 2017. (In Rus.)
23. Economic history of Siberia of the XX – beginning of the XXI century: a collection of articles based on the materials of the V all-Russian scientific conference (with international participation). Barnaul, June 29–30, 2018. Barnaul: Pyat Plus, 2018. (In Rus.)

Received: June 16, 2020; accepted for publication August 10, 2020

Information about author

Plotnikova Elena V., Graduate Student, Irkutsk State University; 1 K. Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: elena-angarsk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3171-7261>

Reference to the article

Plotnikova E. V. The Second Wave of Nationalization of the Banking Sector in Irkutsk Province in the Early 1920s // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 62–71. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-62-71.

УДК 343.771

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-72-80

Денис Николаевич Беспалько,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: bespalkodenis84@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>*

Нормативно-правовые акты Дальневосточной республики (1920–1922), регулирующие правила охотничье-промысловой деятельности населения

Статья посвящена изучению истории развития нормативно-правовых актов охотничье-промыслового законодательства Дальневосточной республики. Рассмотрены основополагающие положения и уставы, издаваемые министерствами земледелия и народного хозяйства: «Положение о производстве охоты», «Краткий временный устав организации промысловых охотничье-рыбных артелей и обществ» и «Проект временного устава организации народных охотничьих и рыболовных обществ правильной охоты». Применены историко-генетический, историко-сравнительный, конкретно-исторический и формально-юридический методы научного познания, с помощью которых анализируются проблемы определения промысловых и непромысловых районов, использования разрешённых и запрещённых способов охоты, сроки действия промыслового сезона и причины введения некоторых ограничений. Рассматриваются развитие дореволюционной практики выборки государственного билета, разрешающего право на охоту; регулирование деятельности кооперативных сообществ охотников и экспериментальная система наказания, предусматривавшая не только административную, но и уголовную ответственность за нарушение правил охоты и браконьерство. Значительная часть нововведений воспринималась гражданами республики как посягательство на личные права, поскольку по традиции все промысловые ресурсы на территории Сибири и далее на Восток вплоть до 1917 г. добывались без каких-либо серьёзных ограничений и контроля со стороны государства. Прежнее положение дел в рассматриваемый период времени сохранялось исключительно для тех групп населения, что целиком зависели от продуктов охоты и рыболовства. Все остальные социальные категории ДВР были обязаны соблюдать новые правила, вставать на учёт и выплачивать налог за право использования государственно-промысловой регаллии. Эффективность вводимых мер оставляла желать лучшего, поскольку органы контроля не имели реальной возможности действенного пресечения нарушения промыслового законодательства.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, устав, проект, право производства охоты, охотничий билет, браконьерство, мера наказания

Denis N. Bepal'ko,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: bespalkodenis84@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>*

Normative Legal Acts of the Far Eastern Republic (1920–1922) Regulating the Rules of Hunting and Fishing Activities of the Population

The article is devoted to the study of the history of the development of regulatory legal acts of hunting and hunting legislation of the Far Eastern Republic. The basic provisions and statutes issued by the Ministries of Agriculture and National Economy are considered: "Regulations on the production of hunting", "Brief temporary charter for the organization of commercial hunting and fish artels and societies" and "Draft temporary charter for the organization of folk hunting and fishing societies of correct hunting". Historical-genetic, historical-comparative, concrete-historical and formal-legal methods of scientific cognition are applied. With their help, the problems of determining the fishing and non-commercial areas, the use of permitted and prohibited hunting methods, the duration of the fishing season and the reasons for the introduction of certain restrictions are analyzed. Further, the author examines the development of the pre-revolutionary practice of sampling a state ticket allowing the right to hunt, regulation of the activities of cooperative communities of hunters and an experimental system of punishment, which provided not only administrative but also criminal liability for violation of hunting rules and poaching. A significant part of the innovations was perceived by the citizens of the republic as an encroachment on personal rights, since, by tradition, all commercial resources in Siberia and the East were mined without any serious restrictions and control from the state until 1917. The previous state of affairs during the period under review remained exclusively for those groups of the population that were entirely dependent on hunting and fishing products. All other social categories of the Far Eastern Republic were required to comply with the new rules,

© Беспалько Д. Н., 2020

register and pay tax for the right to use the state-fishing regalia. The effectiveness of the measures introduced left much to be desired, since the control bodies did not have a real opportunity to effectively suppress violations of the fishing legislation.

Keywords: Far Eastern Republic, charter, draft, hunting license, hunting ticket, poaching, punishment

Введение. В 1920–1922 гг. на территории Забайкалья и Дальнего Востока было образовано буферное государство – Дальневосточная республика (ДВР) с центром в г. Чите [7, с. 70]. С первых дней своего существования республиканские органы власти активно занимались разнообразной законотворческой деятельностью [1], в частности издавали нормативно-правовые акты, направленные на охрану охотничье-промысловых и рыбных ресурсов, борьбу с браконьерством, нарушениями общих правил заготовки пушно-мехового сырья [13, с. 251].

В Основном законе ДВР, Конституции 1921 г. статьями 126 и 127 леса, воды и их богатства объявлялись государственной собственностью и достоянием всего народа¹. Априори это означало лишь то, что все промысловые ресурсы объявлялись государственным достоянием, на которое не имели частных прав отдельные граждане или юридические лица. Подавляющее же большинство промысловиков, без проведения разъяснительной работы соответствующих органов исполнительной власти, восприняли подобные изменения исключительно в удобной для себя форме – возможности личного и неподконтрольного государству распоряжения дарами природы (данное положение дел имеем возможность повсеместно наблюдать на изучаемой территории республики до её образования) [6]. Благодаря этому, у населения, так или иначе принадлежащего к охотничье-промысловой среде, продолжала развиваться порочная практика хищнического отношения к промысловым ресурсам. В республике, по ложному пониманию гуманизма, в угоду давно изжитой, не отвечающей условиям времени традиции, государственные домены беспощадно расхищались. Массовое исчезновение пушных зверей и дичи происходило вследствие нерациональной и бесконтрольной эксплуатации охотничье-промысловых угодий. Наметившаяся до 1917 г. тенденция к снижению доходов от пушного промысла в начале 1920-х гг. стала явлением постоянным².

Н. В. Эйльбарт обратила внимание, что в доставшейся по наследству дореволюци-

онной нормативно-правовой базе не уделялось серьёзного внимания охране дикой фауны и пресечению незаконной деятельности браконьеров [15]. Такие законодательные акты как «Свод правил об охоте» (1882), «Первый Охотничий закон» (1892) и некоторые другие, по мнению заведующего хозяйством Императорской охоты Н. И. Кутепова, не соответствовали или мало соответствовали новым реалиям времени уже в начале XX в. [8]. Требовалась выработка более совершенного законодательства. Поэтому правительство ДВР с апреля 1920 г. проводило активную политику по ужесточению правил охоты и разработало экспериментальную систему наказания за их нарушение. Под руководством заведующего Иркутско-Забайкальским охотничьим районом и автора научно-литературного труда «Проект Всероссийского закона об охоте»³ Н. А. Михайловского Министерством земледелия и народного хозяйства был создан ряд документов, строго обязательных для исполнения всеми членами охотничье-промыслового контингента республики: «Положение о производстве охоты», «Краткий временный устав организации промысловых охотничье-рыбных артелей и обществ» и «Проект временного устава организации народных охотничьих и рыболовных обществ правильной охоты». Главным образом, их разработка была направлена на создание правил по организации рационального охотничьего хозяйства в государственном масштабе, на упорядочение местных охотничьих промыслов, повышение уровня их доходности и на охрану дичи от хищнического истребления. Новые правила организации промысловой деятельности органично дополняли друг друга и, в конечном итоге, должны были помочь сформировать образцовый тип охотничьего хозяйства, близкий к западноевропейскому аналогу. Именно на него идейно и ориентировались при написании проектов. В объяснительной записке к министерствам Н. А. Михайловский отмечал, «...что только в России охота считается забавой доступной всем. Запад ничего подобного не знает. Германия ведёт правильное, интенсивное охотничье хозяйство. Англия образцово охраняет свои африканские охотничьи угодья,

¹ Дальневосточная республика. Основной закон (Конституция) 27 апреля 1921 г. – Чита: Гос. тип. № 1, 1921. – С. 11.

² Государственный архив Забайкальского края. ГАЗК. – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 50.

³ Проект не был поддержан правительством ДВР, но его положения косвенно повлияли на выработку новых правил об охоте.

извлекая из них огромный доход. Америка, растратившая, подобно нам, свои охотничьи запасы, со свойственной ей решимостью, взялась за их упорядочение, не останавливаясь перед полным запрещением охоты в различных частях Штатов, и образованием огромных заповедников. В остальных странах также строго и внимательно относятся к интересам охотничьего хозяйства и везде на западе осуществление права охоты сопряжено с несением крупных расходов, не всем доступных...»¹. Заключительная часть данного отрывка свидетельствует о том, что вектор промыслового законодательства уже на ранних стадиях подготовки начинал приходить в изрядное противоречие с образом жизни значительной части русских крестьян и коренного населения, поскольку изначально предполагалось распространить действие новых правил на всю территорию ДВР. Принятие и узаконивание подобного рода положений в условиях рассматриваемого времени, без учёта мнения широкой общественности охотников, могло привести лишь к единственному возможному сценарию – массовому неповиновению и усилению браконьерства. Что, к примеру, и доказала недалёковидная сырьевая политика правительства, направленная на монополизацию сфер заготовок, хранения и торговли пушниной и сырьём [3]. Поэтому вплоть до упразднения государственной самостоятельности ДВР, в ноябре 1922 г. промысловое законодательство, подразумевая в теоретическом плане западный вариант закона и в перспективе проведение соответствующей реформы, всё же было вынуждено отчасти следовать дореволюционным нормативно-правовым традициям [2; 5], существенно не ущемляя ничьих интересов на территории дальневосточной республики².

Методология и методы исследования. Изучение темы проводилось в соответствии с основными принципами исторического исследования, принципами объективности и историзма. Исходя из этих принципов, в статье определён и использован ряд методов научного познания: историко-генетический – с его помощью последовательно раскрыты положения и изменения нормативно-правовых актов промыслового законодательства ДВР в процессе их применения; историко-сравнительный метод позволил выявить преемственную основу и различия между дореволюционными правилами и законами об охоте с республиканскими; с помощью конкретно-исторического ме-

тода изучена специфика охотничье-промыслового законодательства в хронологических рамках существования ДВР как отдельного от РСФСР государства; формально-юридический метод находится в основе систематизации малоизученного промыслового законодательства ДВР. Проанализированы акты промыслового законодательства, изданные до 1917 года; ведомственные материалы Иркутско-Забайкальского охотничьего района, в частности Забайкальского отдела Всероссийского общества правильной охоты и Управления по делам рыболовства и охоты, Центрального народного государственного контроля (Госконтроль), Министерства земледелия и народного хозяйства 1920–1922 годов; специализированная научная и справочная литература.

Результаты исследования и их об- суждение. Первый нормативно-правовой акт ДВР «Положение о производстве охоты»³ (далее – «Положение»), его параграф 5 предельно чётко устанавливал, что охота как основной способ добычи мясных продуктов питания и пушнины, разрешается только в промысловых районах, преимущественно местах компактного проживания или кочевья «звероловнического и инородческого населения». Все остальные территории считались непромысловыми и предполагали производство добычи только в качестве источника подсобных заработков. Разделение на районы осуществлялось областными органами Управления рыболовства и охоты [9].

Охота как вид деятельности подразделялась на спортивную (любительскую и егерскую, производимую с научными или иными целями) и промысловую. Определялись законные методы добывания зверей: ружейная охота с собакой, с использованием самоловного оборудования. Запрещались способы, признанные негуманными по отношению к дикой природе и являющиеся условно наказуемыми ещё в дореволюционное время. К таким относилось применение настороженных ружей, самострелов, разного рода городьбы и устройства ям. Настороженные ружья и самострелы, изначально применяемые тунгусами, были одинаково опасны как для животных, так и для человека. Промысловые ямы, используемые чаще всего русскими охотниками, вели к очень быстрому истреблению копытных на размещаемой территории, поэтому ещё в 1893 г. царским указом отлов изюбрей и лосей с их помощью в Забайкалье и на Дальнем Востоке был полностью запрещён. Данный метод

¹ ГАЗК. – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8 об.–9.

² Там же. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 19–19 об.

³ Там же. – Ф. Р-585. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 20–24 об.

добычи считался гуманным, но за 7–8 лет, как отмечал в конце XIX в. А. К. Кузнецов, приводил к полному уничтожению крупных зверей в промысловой местности, т. к. на 50 км² угодий охотники сооружали около 100 ямных ловушек, куда попадали все без исключения парнокопытные [14, с. 125, 126].

Использование ядохимикатов, в частности стрихнина, разрешалось только в исключительных случаях, при борьбе с хищниками, наносящих значительный вред сельскому хозяйству. Для его приобретения требовалось прохождение специальной процедуры получения именного разрешения по ходатайству сельского общества или охотничьей организации, в которой состоял сезонный охотник или профессиональный промысловик. В противном случае, применение стрихнина на территории промысла считалось незаконным. Запрещалась и неподконтрольная государственным органам торговля ядохимикатом. Незаконная продажа/покупка и использование стрихнина приравнивались к уголовно наказуемым деяниям. В качестве наказания предполагалось применять меру пресечения свободы сроком на 1–3 месяца без замены денежным штрафом¹.

В отношении владения и использования огнестрельного оружия налагались определённые ограничения. Так, в параграфе 10 указывалось, что владение оружием допустимо только лицам, имеющим охотничий билет². Торговля охотничьими боеприпасами (порох, дробь и пистоны) осуществлялась согласно параграфу 26, по которому оптовая торговля разрешалась на общих основаниях, розничная – при наличии охотничьего билета. Нарушение правил торговли каралось тюремным заключением на срок 1–3 месяца без замены денежным штрафом³.

Достаточно жёстко регулировались основные и второстепенные сроки охотничье-промыслового сезона. Охота разрешалась только в установленное время, с конца августа и до середины мая. С 15 мая и до 15 августа (по новому стилю) всяческое добывание зверей и пернатой дичи запрещалось. В порядке исключения стояла лишь узкоспециальная и высокодоходная отрасль – заготовка изюбриных пантов, производящаяся в сроки, устанавливаемые областными органами Управления рыболовства и охоты (главным образом, весенне-летняя охота за изюбрем осуществлялась с 15 мая по

1 июля). Нарушение сроков охоты каралось лишением свободы на срок от 3 до 6 месяцев или денежным штрафом от 25 до 50 р. золотом⁴. Данная статья не распространялась на таёжные поселения, где население круглый год жило продуктами охоты. В изменившихся после 1917 г. условиях принятие решения об ограничении сроков охоты преследовало ряд важных задач: 1) изживание представлений об охоте как «божьем даре», доступном в любое время года каждому желающему; 2) охрана подрастающего молодняка и дикой фауны в период размножения; 3) становление практики наблюдения лесными и егерскими службами за производством охоты, ведения статистики, задержания нарушителей и т. д.

Установление относительно точных сроков охоты проходило в обстановке бурных общественных дебатов, т. к. на занимаемой ДВР территории действовал древний «закон тайги», по которому охотник или промысловая артель/бригада ориентировались не только на сезонность промысла как такового, но и его целесообразность. В летний период времени не имело смысла заготавливание пушно-меховой продукции, но для пропитания, разрешалось добывать необходимое количество дичи. В противном случае требовалось решить продовольственную проблему и вопрос возможных путей снабжения охотников в тайге во время проведения подготовительных работ и предпромысловой разведки. Необходимо отметить, что организованный завоз продуктов питания, охотобоеприпасов и других необходимых на промысле вещей стал регулярным объектом заботы государства только в 1930-е гг., после реализации политики коллективизации.

«Положение» развивало дореволюционную практику использования охотничьих билетов, разрешающих право на охоту. Производство охоты и владение огнестрельным оружием допускалось на основании Конституции ДВР только лицам, выбравшим правительственный охотничий билет в учреждениях Управления рыболовства и охоты. При этом для коренных народов делалась скидка, чтобы платное пользование охотой резко не нарушало их интересы. По особому, в каждом отдельном случае постановлению министра народного хозяйства могла быть разрешена охота по бесплатным билетам. Билет мог получить гражданин ДВР с 17 лет, уплатив специальный налог, за исключением лиц осуждённых судом за нарушение охотничьих правил и ранее со-

¹ ГАЗК. – Ф. Р-585. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 20 об.

² Там же. – Л. 21 об.

³ Там же. – Л. 23 об.

⁴ Там же. – Л. 20 об.

вершивших уголовные преступления. Сроки ограничения, в зависимости от квалификации административного или уголовного дела, были различны: от 5–10 лет до пожизненного. Но по решению суда ограничение в правах охоты могло быть сокращено до трёх лет¹. Несовершеннолетние граждане ДВР могли получить билет только по письменному ходатайству родителей или опекунов. В промысловых районах сельские жители обязаны были иметь билет на каждого охотника, без права его передачи другому члену семьи. В случае нарушения правила проступок рассматривался и карался как подлог. В промысловых районах, где охота являлась основным средством существования, билет выбирался на главу семьи с правом его передачи другим членам. Но данное право оплачивалось высшей ставкой налога. Срок ежегодного получения охотничьего билета начинался 1 января и заканчивался 1 апреля. По истечении данного срока на билет начислялась пеня за просрочку в размере 1/2 стоимости билета за каждые две недели просрочки. В случае обнаружения безбилетной охоты с виновного взыскивалась тройная стоимость билета².

Как видим, меры наказания не предусматривали серьёзных ограничений для преступивших закон. Однако в крайних случаях полагалось более суровая «кара». Параграф 19 «Положения» предусматривало высшую меру наказания от 3 до 6 месяцев лишения свободы без замены денежным штрафом. Его применяли в случаях квалификации следующих преступлений: 1) хищническое истребление ценных, малочисленных и быстроисчезающих зверей (особо оговаривался запрет на охоту в случае полной беспомощности копытных – при переправах через реки и по насту); 2) массовое истребление пернатой дичи в зимний период времени сетями, силками и прочими самоловами; 3) разорение гнёзд, истребление молодняка; 4) торговля запретной дичью и в запретное время; 5) жестокое обращение с дикими и домашними животными³. Ловля диких животных и птиц в целях содержания в неволе как объектов звероводства и птицеводства разрешалась так же в строго установленные для охоты сроки. Нарушение данного правила квалифицировалось как уголовное преступление и каралось аналогичным сроком лишения свободы на основании названного параграфа.

После окончания сезона промысловой охоты запрещалась торговля любой дичью.

¹ ГАЗК. – Ф. Р-585. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21 об.

² Там же. – Л. 22.

³ Там же. – Л. 22 об.–23.

В случае обнаружения данного факта правоохранительные органы имели право привлечения к ответственности как торговца, так и покупателя. Интересными являются положения пунктов 1–4 параграфа 23 о полном запрете торговли: дичью давленной петлями; мелкой, линяющей птицей и птенцами; неспелой пушниной и шкурками особей, не достигших зрелого возраста. Причины подобного запрета общество видело, прежде всего, в попытке государства навязать свои правила, но объективное оценивание сложившейся ситуации заставляет по-другому взглянуть на запретительные меры. Разного рода удавливающие снасти были запрещены как негуманные и расточительные по отношению к промысловым ресурсам, соответственно, и торговать добытой с их помощью дичью являлось делом незаконным. В отношении категорий линяющей птицы (неспелой пушныны) и истребления молодняка, которые подчас добывались ради лёгкой наживы, необходимо также подчеркнуть правильность принятого решения. В противном случае, видовое разнообразие промысловых угодий ждала участь соболя, практически истреблённого в большинстве районов республики ещё в начале XX в.

Для предотвращения случаев браконьерства и последующей незаконной торговли дичью и пушниной вводился ряд ограничений. Согласно параграфу 25 «Положения» и Торговому закону от 3 октября 1922 г., скупка и торговля пушниной запрещалась: 1) при отсутствии у профессионального торговца лицензионного свидетельства; 2) при отсутствии у продавца-промышленника охотничьего билета; 3) в случае передачи охотничьего билета с целью сбыта продукции другому лицу⁴. Нарушение правил торговли каралось лишением свободы на срок от трёх месяцев, без замены денежным штрафом.

Для стимулирования населения на борьбу с браконьерами и нарушителями вводилось специальное поощрение. В случае сообщения достоверных сведений об имевшемся случае правонарушения информатор получал по решению суда 2/3 суммы, выручаемой от конфискации незаконной добычи, орудий лова и суммы гражданского иска, предъявляемого истцом виновному.

К сожалению, перечисленные меры наказания, как в прочем и значительная часть последующих за ними, подавляющим большинством знатоков охотничьего дела воспринимались сначала с негодованием, а затем с осознанием неспособности власти

⁴ Там же. – Л. 23 об.

контролировать собственные постановления, и не были приняты к вниманию. Карательная система республики находилась в удручающем состоянии. Разъездные агенты, как показывают исследования, спокойно скупали у населения все сорта пушнины и мясодичной продукции без проверки документов, удостоверяющих право производства охоты, размещали на складах хранения и затем производили реализацию на внутреннем и внешнем рынках [11; 12].

Следующим шагом стала разработка и опубликование проекта, направленного на создание регулярно функционирующих первичных объединений промысловиков [10, с. 68], чтобы на данной основе в дальнейшем организовать полноценный промысловый союз общегосударственного значения – «Краткий временный устав организации промысловых охотничье-рыбных артелей и обществ» (далее – «Устав»)¹. После его принятия общества охотников заговорили о нарушении свободы личности, содержащейся в параграфе 1², где по существу, лишь говорилось о получении официального разрешения на производство добычи промысловой дичи/рыбы в составе артели и разумного отношения к их быстро сокращающимся запасам. Но с точки зрения рядового обывателя, не было основания ограничивать право охоты требованием принадлежности к организованной охотничьей корпорации; право это, по мнению обывателя, должно было по старинке принадлежать всем без ограничений и правовых изъятий. Если же немного углубиться в суть проблемы, то мы убедимся, что время создания профессионально-промысловых объединений, осуществляющих разработку промысловых ресурсов на основе единых правил, назрело. С 1872 г., времени организации Первого московского общества правильной охоты, образовавшиеся в регионах охотничьи организации не сумели поставить перед собой государственных задач, не соблюдали интересов промысла и преследовали только свои узкоспециальные интересы. Их главными недостатками являлись, с одной стороны, привилегированность состава, а с другой, отсутствие центрального руководящего органа. Именно это и не позволяло образоваться единому промысловому союзу. Исходя из этого, требовалось проведение следующих мероприятий: 1) уменьшение числа охотников за счёт исключения случайного элемента, т. к. последние в крайне незначительном числе желали или могли

себе позволить официально оплачивать хозяйственно-корпоративные расходы (именно таким путём осуществлялась наиболее безболезненная ликвидация целой «армии» непрофессиональных любителей охоты); 2) корпоративные интересы ограничивали хищничество своих членов, постепенно исключая из своей среды откровенных вредителей (эта мера подразумевала возможность уравнивания количества дичи с числом действительных зверопромысловиков, зависящих от размера добычи); 3) корпоративная организация позволяла объединить разрозненные группы промысловиков, не поддающихся ни учёту, ни контролю в лиц юридических; 4) ввести планомерную регистрацию оружия. На основании закона от 3 мая 1922 г. и инструкции Министерства народного хозяйства от 4 июля 1922 г., охотничий билет являлся единственным документом, на основании которого разрешалось владеть и пользоваться на охоте оружием не только охотничьего, но и военного образца³. Соответственно, никакого ущемления прав не произошло. Государство-собственник имело полное право предоставлять пользование своими регалиями на определённых условиях, нежелающие их соблюдать тем самым добровольно отказывались от пользования. Каждая сторона была самостоятельна в своём решении. Если в «Уставе» и имелась доля принуждения, то она проходила красной нитью в государственно-хозяйственном распорядке торговли, промышленности и так далее, всё подчинялось той или иной регламентации. Общественность ДВР поступала точно так же, утилизируя те или иные формы профессиональной или партийной дисциплины. Даже в глубинах тайги существовала неписаная строгая регламентация личных поступков. Если не по закону Линча⁴, то получением пули от неизвестных судей. В особенности это касалось нарушения таёжного закона.

«Устав» значительно расширял правоохранительную базу и предлагал реальный выход из прочно установившегося круга инертности, хищничества и уклонения от соблюдения Закона. Права должны были сочетаться с обязанностями, без которых невозможно сформировать цивилизованное отношение к промысловым ресурсам. Поэтому разделом 5 параграфа 10 устанавлива-

³ Там же. – Л. 2.

⁴ Закон, или суд Линча – высшая мера наказания для человека, подозреваемого в совершении преступления. Смертный приговор, как правило, выносился гражданским населением без проведения следственных мероприятий и судебных разбирательств.

¹ ГАЗК. – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–3 об.

² Там же. – Л. 10.

лись требования и необходимый правительственный контроль, при котором возможные уклонения с профессионально-технической дороги могли быть пресечены в самом начале. Промысловые артели были обязаны соблюдать все законы и правила по рыболовству и охоте, организовывать промысловую охрану зверя, птицы и наблюдение за торговлей продуктами промыслов через особо уполномоченных членов. За нарушение правил и законов предоставлялось право временно лишать участия в общественных охотах, в пользовании учреждениями общества охотников или исключать из корпорации путём голосования 2/3 её членов¹.

В его основе также находилась попытка решения наиболее спорных вопросов, незатронутых «Положением». «Устав» предлагал решить проблему «балующихся ружьём», называя причастных к забаве лиц – «величайшей язвой охотничьего хозяйства, лесными хулиганами». Действительно, последние не принадлежали к промышленникам или спортсменам, были незнакомы с охотничьей этикой и лишены даже примитивного понимания смысла охоты. В качестве решения предполагалось запретить «праздничным палилам» вообще находиться на территории формирующихся охотничье-промысловых хозяйств.

В отношении коренных этносов положения «Устава» сохраняли мудрый принцип: «Каждое мероприятие целесообразно постольку, поскольку оно практически осуществимо». Его действие, таким образом, не распространялось на глухие и таёжные промысловые районы с кочующим и бродячим инородческим населением, поскольку вводимые нормы не соответствовали традиционному укладу их жизни [4]. Артельные начала, как неоднократно отмечал В. В. Сонин, хотя и являлись неотъемлемой составляющей социальной структуры большинства малых этнических групп раннеклассовых обществ, тем не менее, с правовой точки зрения противоречили нормам товарно-рыночных отношений [13].

Последним, в августе 1922 г. выходит «Проект временного устава организации народных охотничьих и рыболовных обществ правильной охоты»² (далее – «Проект»), дополняющий предыдущие акты. Для пресечения массового использования на незаконной охоте нелегально приобретённого оружия в разделе 1, параграфа 4 пункта 2 и параграф 5 пункт 2, его разрешалось иметь

и эксплуатировать преимущественно лицам промысловым, состоящим в профессиональных обществах. Вводимый ряд новых понятий – «владение огнестрельным оружием» и «содержание огнестрельного оружия» и их определение, подчёркивали ограничения для остальных гражданских лиц³. Данная норма вызвала очередной протест, поскольку уже в рядах Госконтроля справедливо полагали, что она отразится тяжким бременем на части русских крестьян и инородцев, проживающих исключительно в условиях таёжной местности и питающихся значительную часть года продуктами рыбохоты. Потребовалось внесение специальной поправки, допускающей частичную возможность исключения применения ограничивающих нормативно-правовых понятий из процессуального оборота. Стоит оговориться, что подлинный текст поправки не обнаружен, но косвенно на её возможное существование указывает обращение Министерства по национальным делам к туземцам ДВР в августе 1922 года [7, с. 123]. При этом, в «Проекте» недостаточно чётко разграничивалось применение определённых норм в конкретных случаях. В разделе 3 параграфа 2 пункта 6 предусматривалась «конфискация» оружия и незаконной добычи, в случае обнаружения правонарушения⁴. Но представители Госконтроля настаивали на использовании термина «отобрания», т. к. милиция и иные правоохранительные органы правом конфискации не обладали. Право конфискации могло осуществляться только по приговору суда или в силу особого закона. В остальном «Проект» копировал положения предыдущего «Устава».

Разработка, обсуждение и принятие рассмотренных нормативно-правовых актов осуществлялись в обстановке военного времени и хозяйственной разрухи. Чрезвычайные обстоятельства требовали решительных действий, но катастрофически не хватало времени на апробацию и сглаживание юридических шероховатостей. Органы исполнительной власти ДВР часто не могли прийти к единому мнению по поводу вводимых нововведений. Госконтроль большую часть предоставляемых на рассмотрение проектов одобрял, за исключением названного «Положения», чего нельзя сказать о юрисконсультской части Министерства народного хозяйства⁵. В своём заключении Министерство последовательно придерживалось линии соответствия норм конститу-

³ Там же. – Л. 27 об.

⁴ Там же. – Л. 29.

⁵ ГАЗК. – Ф. Р-409. – Оп. 1. – Д. 3.

¹ ГАЗК. – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2 об.

² Там же. – Л. 27–31 об.

ционного права с предлагаемыми нормативно-правовыми изменениями. Все проекты, по его мнению, противоречили основному закону в части соблюдения личных прав и гражданских свобод населения и нуждались в кардинальной переработке¹.

Заключение. В заключение необходимо отметить степень эффективности нового законодательства. Надзор за соблюдением охотничьих правил возлагался на городскую и сельскую милицию, лесную, полевую и промысловую стражу, сельские и волостные органы управления, уполномоченных членов охотничьих организаций, лесничих и их помощников. Но реальных сил для борьбы с нарушителями правил охоты и браконьерами республика не имела. С одной стороны, не хватало личного состава во всех ранее перечисленных структурных подразделениях правопорядка. С другой, трудность разрешения охотничьего вопроса в ДВР обуславливалась особым взглядом населения на естественные произведения природы – лес, зверей и птиц как на «божий дар», доступный пользованию каждого желающего. Упорядочивая охоту, приходилось идти в разрез с мировоззрением коренной массы населения, что и являлось главной из причин непопулярности действующих правил охоты: охотники и чины надзора за исполнением законов об охоте, администрации и судебного ведом-

ства зачастую бывали склонны отступать от правил, и сами нарушали закон. Между тем, переход от вольной охоты в виде безучётного пользования дичью как даровой продукцией к организации правильного охотничьего хозяйства, где дичь является объектом хозяйственных забот, известного рода ценностью – как продукт затраты труда и капитала – был жизненно необходим.

Роль республиканских законов в сохранении запасов дичи и правильной постановке охоты оказалась далеко не столь безусловна, как это может показаться при знакомстве с первоисточниками. Закон об охоте является внешним регулятором, несколько нормирующим пользование ресурсами живой природы. Для правильной же постановки охотничьего дела был необходим внутренний импульс со стороны охотников к охране дичи. Никакой, даже самый идеальный закон не в силах предотвратить истребление промысловой фауны в законное время дозволенными способами, раз у самих охотников нет желания её охранять. Импульсом же к охране дичи может быть главным образом только сознание получаемой от этого выгоды. Поэтому, со временем на более высоком уровне в недрах Управления по делам рыболовства и охоты предполагалось заняться хозяйственно-финансовой стороной дела – привить населению рационально-экономический взгляд на охоту.

Список литературы

1. Авдеева Н. А. Дальневосточная народная республика (1920–1922 гг.). Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1957. 64 с.
2. Бабай А. Н. Государственно-правовое развитие ДВР: исторический опыт, современность, перспективы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1983. 196 с.
3. Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики (1920–1922) // Историко-экономические исследования. 2019. № 4. С. 640–664.
4. Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920–1922 гг. // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (16 мая 2019 г.). Чита: ЗабГУ, 2019. С. 116–118.
5. Василевский В. И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 144 с.
6. Егунов П. П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 116 с.
7. Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы). Чита: Экспресс-издательство, 2009. 192 с.
8. Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. 4. Конец XVIII и XIX век. СПб.: Экспедиция изготовления госбумаг, 1911. 289 с.
9. Левкин Г. Г. Образование и административно-территориальное устройство Дальневосточной Республики. Хабаровск: [б. и.], 2018. 441 с.
10. Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.). Чита: ЗабГУ, 2019. 158 с.
11. Персиц М. А. Дальневосточная республика и Китай. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 304 с.
12. Попенко А. В. Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России в первые годы советской власти и в период ДВР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 50–59.
13. Сонин В. В. Государство и право ДВР. Владивосток: Дальнаука, 2011. 296 с.

¹ ГАЗК. – Ф. Р-616. – Оп. 1. – Д. 2.

14. Самойлов Е. Б. Записки охотоведа. Чита: Поиск, 2004. Кн. 2. 295 с.
15. Эйльбарт Н. В. Исследования по охотоведению и звероводству в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2005. № 4. С. 187–191.

Статья поступила в редакцию 28.07.2020; принята к публикации 11.09.2020

Сведения об авторе

Беспалько Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: bespalkodenis84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>.

Библиографическое описание статьи

Беспалько Д. Н. Нормативно-правовые акты Дальневосточной республики (1920–1922) регулирующие правила охотничье-промысловой деятельности населения // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 72–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-72-80.

References

1. Avdeeva, N. A. Far Eastern People's Republic (1920–1922). Khabarovsk: Khabarovsk book publishing house, 1957. (In Rus.)
2. Babay, A. N. State-legal development of the ER: historical experience, modernity, prospects. Vladivostok: publishing house of far Eastern State University, 1983. (In Rus.)
3. Bepal'ko, D. N. Features of the development of the fur and raw materials sector of the economy on the territory of Transbaikalia during the existence of the far Eastern Republic (1920–1922). Historical and economic research, no. 4, pp. 640–664, 2019. (In Rus.)
4. Bepal'ko, D. N. Problems of regulation of traditional bases of hunting of small peoples of Transbaikalia in 1920–1922. International scientific and practical conference "Strengthening of unity of the Russian nation and ethno-cultural development of the peoples of Transbaikalia". Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Chita: 16 May 2019: 116–118. (In Rus.)
5. Vasilevsky, V. I. The Struggle for the Soviet power in Transbaikalia. Irkutsk: East-Siberian publishing house, 1979. (In Rus.)
6. Yegunov, P. P. Essays on the history of the Far Eastern Republic. Ulan-Ude: Buryat publishing house, 1972. (In Rus.)
7. Konstantinov, A. V., Konstantinova, N. N. Transbaikalia: stages of history (1917–1922). Chita: Express publishing house, 2009. (In Rus.)
8. Kutepov, N. I. Imperial hunting in Russia. The end of the XVIII and XIX century. Vol. 4. St. Petersburg: The expedition of the production of state papers, 1911. (In Rus.)
9. Levkin, G. G. Formation and administrative-territorial structure of the far Eastern Republic. Khabarovsk: 2018. (In Rus.)
10. Mertsalov, V. I. Zabaikalye in the context of Russian history (mid-XVII – early XXI century). Chita: Zab-GU, 2019. (In Rus.)
11. Persits, M. A. Far Eastern Republic and China. Moscow: publishing house of the East. literature, 1962. (In Rus.)
12. Popenko, A. V. Fight against smuggling in the Far East of Russia in the first years of Soviet power and during the ER. Problems of the Far East, no. 3, pp. 50–59, 2009. (In Rus.)
13. Sonin, V. V. State and law of the Russian Federation. Vladivostok: Dalnauka, 2011. (In Rus.)
14. Samoylov, E. B. Notes of a hunter. Book 2. Chita: Search, 2004. (In Rus.)
15. Eilbart, N. V. Research on hunting and animal husbandry in Transbaikalia in the second half of the XIX – early XX century. Bulletin of Irkutsk state technical University, no. 4, pp. 187–191, 2005. (In Rus.)

Received: July 28, 2020; accepted for publication September 11, 2020

Information about author

Bepal'ko Denis N., Candidate of History, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: bespalkodenis84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Reference to the article

Bepal'ko D. N. Normative Legal Acts of the Far Eastern Republic (1920–1922) Regulating the Rules of Hunting and Fishing Activities of the Population // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 72–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-72-80.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

HISTORY OF EVERYDAY LIFE: EVENTS AND DESTINIES

УДК 94(571)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-81-90

Юрий Михайлович Гончаров,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: yuriig@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>

Лидия Михайловна Дмитриева,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: dmitrlm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>

Семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX века

В работе освещается семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Актуальность темы исследования обусловлена слабой изученностью истории семейной жизни поляков в дореволюционной Сибири, а также важностью института семьи в жизни общества. Поляки в Сибири представляли собой специфическую национально-конфессиональную группу. На их семейную жизнь большое влияние оказывали особенности формирования польской общины в регионе, а также местные социальные и демографические особенности. Цель данной работы – рассмотреть особенности формирования семейного строя и семейной жизни поляков Сибири второй половины XIX – начала XX в. с учётом этносоциальной специфики региона. Методологическую основу исследования составили концепция фронтального существования культур и теория модернизации. Ссыльные, попавшие в Сибирь на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – здесь заключались браки, рождались и воспитывались дети. Сложности адаптации в суровом крае, особенно для ссыльных, делали необходимым искать опору, прежде всего в родственниках и членах семьи, поскольку кооперация способствовала выживанию. Демографические характеристики польских семей имели в данный период значительную специфику в отличие от других национальных групп. Распространённость смешанных браков поляков с представителями других христианских конфессий в пореформенной Сибири говорит об интенсивности этнокультурных взаимодействий. Семьи, смешанные в национальном отношении, нередко демонстрировали соединение элементов духовной культуры разных народов. Религиозные моменты (принадлежность супругов к разным конфессиям) нередко не играли важной роли. Воспитанные в таких семьях дети демонстрировали уважительное отношение к культуре своих родителей, к своим корням, а внутри семей вырабатывалась конфессиональная и национальная терпимость.

Ключевые слова: Сибирь, семья, поляки, община, диаспора, демография, повседневная жизнь

Yuriy M. Goncharov,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: yuriig@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>

Lidiya M. Dmitrieva,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: dmitrlm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>

Family Life of Poles in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

The article is devoted to the family life of the Poles in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. The relevance of the research topic is due to the weak study of the history of family life of the Poles in pre-revolutionary Siberia, as well as the importance of the family institution in society. The Poles in Siberia were a specific national-confessional group. Their family life was greatly influenced by the formation of the Polish community in the region, as well as local social and demographic characteristics. The aim of this work is to examine the features of formation of family building and family life of poles in Western Siberia in the second half of the 19th – early of the 20th century, given the social circumstances in the region. The methodological basis of the research is the concept of frontier existence of cultures and the theory of modernization. Exiles who came to Siberia for many years tried to live a full life: they got married, children were born and brought up. The difficulties of life in the harsh region, especially significant for exiles, forced them to look for support, first, in family members and relatives, since family cooperation helped them survive. The demographic characteristics of Polish families during this period were significantly specific in contrast to other national groups. The prevalence of mixed marriages of the Poles with representatives of other Christian denominations in post-reform Siberia indicates the intensity of ethno-cultural interactions. In the resulting ethnic-mixed families, in most cases, a combination of elements of the spiritual culture of various peoples of the region was found. At the same time, religious issues usually receded into the background. Children raised in such families perceived a respectful attitude to their parents' past, to their origin, and national and religious tolerance was developed in family life.

Keywords: Siberia, family, the Poles, community, diaspora, demography, everyday life

Введение. История польской диаспоры в Сибири интересная и научно значимая проблема. Существует значительный круг работ, особенно на польском [25], русском [15] и английском [22; 26] языках, посвящённых различным аспектам сибирской исторической колонии. Тем не менее, при наличии широкого круга публикаций по польско-сибирской истории далеко не все аспекты истории польских общин региона привлекали внимание специалистов. Например, практически отсутствуют исследования истории семьи и семейной жизни поляков в крае «изгнания и ссылки». Конечно, существует обширное число публикаций, посвящённых истории отдельных семей, родов, персоналий. Однако тема польской семьи в дореволюционной Сибири, т. е. семейного строя, семейной жизни, семейных отношений, практически не рассматривалась. Существуют только отдельные работы, в которых поднималась данная проблематика [21].

Исследование семьи и семейной жизни имеет большое значение, поскольку позволяет подробнее рассмотреть широкий круг проблем, связанных с историей поляков в Сибири: процессы межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, практи-

ки адаптации и аккультурации, культурные связи и т. д. Весьма важны и демографические аспекты темы исследования, т. к. брак и семья представляют собой особые социальные институты, в которых воплощается социальный характер демографических процессов и через которые проявляется воздействие на демографические процессы социально-экономических факторов [2, с. 3]. В частности исследователями отмечалось, что для многих демографических параметров семьи, таких как людность (количество) детей, средний возраст вступления в брак, размер и структура семей, отмечается значительная этнорегиональная дифференциация [6, с. 240].

Цель работы – рассмотреть особенности формирования семейного строя и семейной жизни поляков Сибири второй половины XIX – начала XX в. с учётом этносоциальной специфики региона.

По истории поляков дореволюционной Сибири сохранился широкий круг источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, статистические исследования, материалы периодической печати, эго-документы (мемуары, дневники, письма).

Тема данной работы актуальна и научно значима, поскольку позволяет заполнить «белые пятна» (лакуны) польско-сибирской истории, раскрыть с новой точки зрения межэтнические взаимоотношения в регионе, осветить важность института семьи в практиках адаптации диаспорального народа в регионе интенсивной колонизации.

Методология и методы исследования. В основе методологии исследования положена теория фронтирного существования культур, а также и теория модернизации. Теория модернизации, предающая большое значение трансформации именно семейного строя и семейных ценностей в процессах модернизма, позволяет успешно решить задачи исследования. Теория фронтира (осваиваемой границы), которая активно используется историками при изучении истории Сибири, позволяет рассмотреть формирование определённых моделей поведения различных социальных групп в процессе освоения фронтирного пространства.

Изучаемый предмет располагается на стыке нескольких наук, что определяет выбор используемых конкретных методов исследования. Одним из ключевых является системный метод, т.к. даёт возможность рассмотреть семейную жизнь поляков в Сибири в системе государственных и общественных институтов Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. В работе также использовались историко-хронологический, историко-типологический и историко-генетический методы. Важную роль сыграл просопографический (биографический) метод, который позволяет раскрыть суть межкультурной коммуникации в обществе данного времени путём рассказа о лицах и судьбах, связанных с изучаемыми явлениями.

Результаты исследования и их обсуждение. В XIX в. происходило формирование польской диаспоры в Сибири. При этом значительное число поляков попадали в Сибирь как ссыльные. Так, массовое выселение поляков произошло после подавления восстания 1863 г.

Сословный состав ссыльных был разнообразен, кроме значительного числа дворян – самых активных повстанцев, среди ссыльных было много людей податных сословий. В Сибири их, как и шляхтичей, лишённых прав состояния, переводили в состояние сословие государственных крестьян, облагали окладом и предоставляли пособие на обзаведение хозяйством. Сосланных без лишения прав дворян селили

временно «на жительство». Некоторые из них вернулись в 1868–1878 гг. на родину. Большинство крестьян и мещан ссылали на поселение. Крупными партиями их с семьями водворяли в старожильческие селения. В период 1865–1867 гг. партии более 1 тыс. человек из Западного края и Царства Польского прибывали в регион регулярно [5, с. 55, 56]. По подсчётам исследователей, только в Западную Сибирь в 1860-е гг. было сослано примерно 20 тыс. поляков [9, с. 13]. Только в 1883 г. ссыльные в Сибирь поляки получили «высочайшее прощение», после чего значительная часть их вернулась на родину [10, с. 186].

Данные Первой всероссийской переписи населения 1897 г. показывают, что только в Западной Сибири проживали 13 294 поляка, из которых 5 963 – в Тобольской губернии и 6 328 – в Томской, в Омском округе Акмолинской области – 949 человек¹. Всего же в Сибири (вместе с Дальним Востоком), по официальным данным, проживало 29,5 тыс. поляков [23, с. 75, 76].

В дальнейшем, в результате новых политических репрессий конца XIX – начала XX в. в Сибирь прибывали всё новые партии польских политических ссыльных. Нужно отметить, что в южных округах Западной Сибири расселяли в основном административных ссыльных, а в северных (Нарымский край Томской губерния, Березовский и Туринский округа Тобольской губерния), а также в Восточной Сибири – ссыльнопоселенцев [14, с. 143–146]. Характерным моментом было то, что в это время увеличивается также число поляков добровольно переселявшихся в регион, а кроме того врачей, чиновников, военнослужащих польской национальности, которые переезжали в Сибирь по долгу службы или для карьерного роста.

Поляки, поселившиеся на отдалённой окраине империи, активно включались в хозяйственную и культурную жизнь региона. Постепенно в Сибири появляются католические костёлы [12], учебные заведения при католических приходах [17]. Ссыльные, оказавшиеся здесь на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – заключались браки, рождались и воспитывались дети.

При исследовании семейного строя значительный интерес представляет соотно-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 78: Тобольская губерния; т. 79: Томская губерния; т. 81: Акмолинская область. – СПб.: Изд. Центр стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1899–1905. – 334 с.

шение полов среди представителей разных национальностей, проживавших в регионе. Естественно, что среди ссыльных польских повстанцев женщин числилось немного, большинство были мужчинами. Например, историк О. Н. Шулбаев, характеризуя состав ссыльных поляков по Минусинскому округу за 1867 г., отмечает, что в округе насчитывалось 165 мужчин и 1 женщина дворянского

звания, а также 73 мужчины и 1 женщина из непривилегированных сословий [19, с. 105]. Значительно большим был процент женщин в списках лиц, добровольно отправившихся за мужьями в ссылку, что позволялось существовавшим законодательством. Для них уже сам путь в место отбывания наказания супругов являлся настоящим подвигом [18, с. 30] (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение полов по национальностям в городах Западной Сибири (1897)¹

Национальность	Тобольская губерния					Томская губерния				
	мужчины		женщины		женщин на 1 000 мужчин	мужчины		женщины		женщин на 1 000 мужчин
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	
Русские	39 617	50,4	38 924	49,6	984	58 440	50,5	57 185	49,5	980
Украинцы	829	62,1	505	37,9	610	547	66,1	280	33,9	513
Поляки	1 187	61,3	749	38,7	631	1 033	62,2	632	37,8	571
Немцы	226	65,3	120	34,7	531	319	58,4	227	41,6	712
Евреи	959	50,4	944	49,6	984	2 472	49,9	2 477	50,1	1004
Татары	992	63,1	581	36,9	585	1 286	55,4	1 035	44,6	805

Из табл. 1 видно, что соотношение полов у различных национальностей, проживавших в городах Западной Сибири в конце XIX в., сильно различается. Более пропорциональным была численность мужчин и женщин среди русских (980–984 женщин на 1 000 мужчин), а также среди евреев (984 на 1 004). Такое соотношение было важным условием преобладания национально однородных браков. Среди поляков, украинцев, немцев и татар отмечалось преобладание мужчин, что приводило к сложности создания семьи со своей соплеменницей.

В целом, по Сибири, половая диспропорция была ещё больше. Так например, по подсчётам В. А. Скубневского, в 1897 г. из проживавших в Сибири 24 505 человек, назвавших своим родным языком польский, 17 099 (69,8 %) составляли мужчины, женщины же – только 7 406 (30,2 %). Самая низкая доля женщин среди поляков отмечалась в Якутии (16 %). В Иркутской губернии и Забайкалье женщин насчитывалось немногим более 25 %, в то время, как в Енисейской губернии – 26,1 %, Томской – 34 %, а в Тобольской уже – 36 % [23, с. 77]. Таким образом, чем дальше на восток, тем ниже доля женщин среди польского населения.

Отмеченные диспропорции полового состава польской общины региона во многом были обусловлены ссылкой. В отличие от евреев, следовавших в сибирскую ссылку вместе с семьями, только немногие из поля-

ков прибывали в ссылку со своими жёнами и детьми. Например, из 316 ссыльных поляков, проживавших в 1860-х гг. на Алтае, с семьями прибыли всего лишь 13 человек [11, с. 180, 181].

Нужно отметить, что случаи, когда жёны следовали в сибирскую ссылку за своими мужьями, встречались довольно часто. Так например, своего мужа С. Палинского, в 1897 году сосланного в Среднеколымск – «один из наиболее далеких и оторванных от всего мира населённых пунктов на крайнем севере Якутии», в ссылку сопровождала жена Феликса, урождённая Гуминьская, пожелавшая разделить судьбу мужа [3, с. 80, 81].

Сложности жизни на далёкой окраине с суровым климатом делали необходимым искать опору в родственниках и членах семей, поскольку именно семейная помощь помогала выживанию. Например, в 1865 г. водворённый на поселение в деревне Старый Тартас Усть-Тартасской волости Ковальский Тит Францевич писал, что после выписки из Вознесенского этапного лазарета, его должны были отослать в Томск. При этом испрашивал разрешения остаться по-прежнему в Усть-Тартасской волости, т. к. «...сверх ожидания встретил... водворенного в здешней волости сродного брата, живя с которым... будет легче переносить все противности и препятствия, встречаемые на каждом шагу при сегодняшнем положении на чужбине» [7].

¹ Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – СПб.: Изд. Центр стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1899–1905. – Т. 78: Тобольская губерния. – С. 76, 77; т. 79: Томская губерния. – С. 10.

Важный вопрос, который стоит затронуть, характеризуя брачные отношения сибиряков-поляков, это вопрос о семейном положении. Материалы переписи 1897 г. позволяют подробно рассмотреть семейное состояние различных национальных групп населения в конце XIX в. (табл. 2). Статистические данные показывают значительные отличия распределения населения по семейному состоянию у поляков, русских и евреев.

Так, доля холостых и девиц среди польского населения значительно ниже: холостые составляли 46,2 % мужчин, девицы – 48,2 % женщин (у русских соответственно – 54,8 и 51,1, у евреев – 60,6 и 55,5). Это объясняется спецификой поло-возрастной структуры польского населения, прежде всего, незначительной долей детей и молодёжи и связано со спецификой формирования польской общины в Сибири, т. е. со ссылкой.

Таблица 2

Семейное состояние русских, поляков и евреев в Томской губернии (1897)¹

Национальность				Холостые и девицы	Состоящие в браке	Вдовы	Разведённые	Не указавшие семейное положение	Итого
Русские	в городах	м.	абс.	32 432	23 875	2 567	59	78	59 011
			%	54,6	40,5	4,4	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	28 317	22 508	6 452	79	121	57 477
			%	49,3	39,2	11,2	0,1	0,2	100
	в округах	м.	абс.	44 6609	334 200	34 042	498	524	815 873
			%	54,7	41,0	4,2	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	424 822	348 550	54 977	519	698	829 566
			%	51,2	42,0	6,6	0,1	0,1	100
	в губернии	м.	абс.	479 041	358 075	36 609	557	602	874 884
			%	54,8	40,9	4,2	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	453 139	371 058	61 429	598	819	887 043
			%	51,1	41,8	6,9	0,1	0,1	100
Поляки	в городах	м.	абс.	549	402	78	2	2	1 033
			%	53,1	38,9	7,6	0,2	0,2	100
		ж.	абс.	293	249	89	1	–	632
			%	46,3	39,4	14,1	0,2	0	100
	в округах	м.	абс.	1 396	1 504	259	8	6	3 173
			%	44,0	47,4	8,2	0,3	0,2	100
		ж.	абс.	759	669	120	–	1	1 549
			%	49,0	43,2	7,7	0	0,1	100
	в губернии	м.	абс.	1 945	1 906	337	10	8	4 206
			%	46,2	45,3	8,0	0,2	0,2	100
		ж.	абс.	1 052	918	209	1	1	2 181
			%	48,2	42,1	9,6	0,0	0,0	100
Евреи	в городах	м.	абс.	1 501	902	61	7	1	2 472
			%	60,1	36,5	2,5	0,3	0,0	100
		ж.	абс.	1364	940	164	8	1	2 477
			%	55,1	37,9	6,6	0,3	0,0	100
	в округах	м.	абс.	808	491	37	1	1	1 338
			%	60,4	36,7	2,8	0,1	0,1	100
		ж.	абс.	747	489	85	3	–	1 324
			%	56,4	36,9	6,4	0,2	0	100
	в губернии	м.	абс.	2 309	1 393	98	8	2	3 810
			%	60,6	36,7	2,6	0,2	0,1	100
		ж.	абс.	2 111	1 429	249	11	1	3 801
			%	55,5	37,6	6,6	0,3	0,0	100

¹ По источнику: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. -- Т. 79: Томская губерния. – СПб.: Изд. Центр стат. комитета Мин-ва внутр. дел. – С. 132, 133.

Интересными являются и национально-конфессиональные особенности людности (количественного состава) семьи. Национальные различия средней людности семей позволяют рассмотреть переписные листы Первой всероссийской переписи 1897 г., сохранившиеся по Тобольской губернии: в г. Тобольске средняя людность семей евреев составляла 6,8 человек, татар – 5,5, поляков – 4,5, русских – 3,9, немцев и эстонцев – по 3,5¹.

В польском населении Тобольска средний возраст женихов в первом браке – 31,3 года, во втором – 43,2; средний возраст невест в первом браке – 20,1 года, во втором – 34,3. В 1878–1890 гг. в первых браках мужчины были в среднем на 9,9 лет старше своих жён, во-вторых – на 17,3 года².

Детям, родившимся в Сибири, родители поляки предпочитали давать имена, распространённые в их национально-культурной среде. По данным метрических книг Томского римско-католического прихода за 1834–1860 гг., среди новорождённых девочек наиболее популярными именами были Мария, Анна, Екатерина, Магдалена, Марта, Юзефа, Ядвига, а среди мальчиков, кроме имён Иван, Николай, Александр, Иосиф встречались также Владислав, Станислав, Витольд, Казимир, Викентий, Альфонс. Характерно, что данные имена давались независимо от того, в какой семье родились дети: в семье крестьян или в семье, занимавшей более высокое положение (учителей, чиновников, офицеров). Распространённость польских имён у родившихся в регионе детей говорит о том, что быстрой ассимиляции поляков в Сибири не обнаруживалось [13, с. 134, 135].

На рубеже XIX–XX вв. увеличивается количество поляков, прибывавших в Сибирь добровольно. Кроме того, насчитывалось довольно значительное число поляков, находившихся на военной (как нижних чинов, так и офицеров) и гражданской службе. Многие из них приезжали в Сибирь со своими семьями. Так, в Томске немало поляков служили в государственных и административных органах, а также в образовательных учреждениях. Например, ещё в середине XIX в. в Томской губернской гимназии преподавали несколько поляков: Иосиф Гайдынский, Игнатий Чыгир, Кжижановский. Вместе с ними в Томске проживали и их семьи [Там же, с. 133].

¹ Государственный архив в г. Тобольске. ГА в г. Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 2. – Д. 1–38.

² Там же. – Ф. 156. – Оп. 30. – Д. 35.

Важен вопрос о межнациональных браках. В соответствии с законодательством, заключению смешанных христианских браков между католиками и православными РПЦ не препятствовала, однако требовалось получить от римско-католического духовенства подтверждение о внебрачном состоянии и правоспособности желающих заключить брак [4, с. 51, 52].

Указом 1891 г. порядок заключения браков между католиками и православными был изменён. Устанавливалось, что как временная мера: «брак лица римско-католического исповедания с лицом православного исповедания может быть оглашен в одной православной церкви» [20, с. 177]. Данное положение облегчило заключение браков с участием поляков в Сибири, где костёлы располагались только в губернских городах.

Преобладание у польского населения региона мужчин обусловило широкое распространение межнациональных браков. Современники писали, что поляки часто женились на православных женщинах и в результате этого «осибирячивались»: «Другой поляк... хотя и утратил все связи с Польшей, но тоже гордился, что он поляк, несмотря на то, что имел жену сибирячку и взрослых детей, не умевших говорить по-польски» [1, с. 39].

С. В. Максимов в своей книге «Сибирь и каторга» писал о «доказанной опытом силе влияния брачных союзов на обрусение поляков в Сибири». Он говорил, что поляки «сначала пленившись сходством родного языка с русским, забывают родную речь, потом, увлекшись девицею-сибирячкой, женятся и под влиянием среды и обаятельной жены отстают от обычая; в итоге сын поляка уже человек православной веры и коренной сибиряк» [8, с. 338, 362].

Для части поляков проблема смешанных браков с русскими православными была довольно болезненной. Сторонники «чистоты польской национальности» считали семьи, в которых один из супругов исповедует православие, разрушают «польский дух». Ю. Ручинский, сосланный на каторгу, вспоминал, как на собрании польского землячества *Ogół wugnańców* его соотечественники решили не вступать ни в какие контакты с местными дамами, поскольку такое обращение «в крае диком и заполненном бродягами было небезопасно и даже угрожающе» [13, с. 129].

Однако факты красноречиво свидетельствуют и о другой тенденции, а факты создания семьи польских ссыльных с сибир-

рячками польских ссыльных насчитывались сотнями.

На сибирячке Мавре Павловне был женат известный геолог Ян Черский, учёный-археолог, польский ссыльный Миколай Витковский и многие другие [18, с. 93].

Распространённость смешанных браков среди сибирских поляков отмечает и О. Н. Шульбаев: «...Многие ссыльные поляки, находясь на поселении в Минусинском округе, заключали брак с местными девушками... Так, например, на местных уроженках были женаты Ян Мерле, Валерий Козловский, Владислав Левицкий, Валентий Андрешкевский...» [19, с. 124]. В других регионах страны, куда ссылались поляки, например, в Вятской губернии, смешанные браки между ссыльными поляками (католиками) и русскими женщинами (православными) и даже переход для заключения брака из католицизма в православие был весьма частым явлением ещё в 60–70-х гг. XIX в. [16, с. 32].

Спокойнее всего к этой ситуации относились крестьяне. Как писал современник о польских крестьянах, сосланных в Сибирь за участие в национально-освободительном восстании: «Конечно, повстанцы из крестьян охотно устраивались на земле, заводили своё хозяйство, и теперь, через 40 лет их нельзя было отличить от сибирских старожилов: они имели такие же дома, хозяйство, скот, женились на сибирячках» [1, с. 31].

Один из современников приводил слова старого поляка, прожившего долгие годы в Сибири, женатого на сибирячке, имеющего детей: «Мы живём здесь, у меня русская жена и дети чалдоны, а я здесь чужой; здесь и земля не наша и небо не наше!» [Там же, с. 43].

Б. С. Шостакович приводит пример семьи Локуциевских. Ссыльный повстанец Анатолий Локуциевский (Локучевский) после получения права возвращения на родину предпочёл остаться в Сибири и женился на сибирячке. В Сибири родились и жили несколько поколений этой семьи. При этом дети владели не только русским, но и польским языком, в семье выписывали польскую и русскую литературу, сохраняя культурную традицию и поляков, и русских [18, с. 93].

Заключение. Формирование польской диаспоры в Сибири имело ряд особенностей. Значительная часть польского населения оказалась в регионе в результате ссылки. В силу этого отмечалась значительные половые диспропорции, связанные с преобладанием мужчин (до 70 % в конце XIX в.). Поселившись на отдалённой окраине Российской империи, поляки активно включались в хозяйственную и культурную жизнь региона. Ссыльные, попавшие в Сибирь на долгие годы, пытались жить полноценной жизнью – здесь заключались браки, рождались и воспитывались дети, опору искали в семье и родственниках.

Существовали определённые отличия распределения польского населения по семейному состоянию по сравнению с другими национальными группами. В частности, доля холостых и девиц среди польского населения была значительно ниже, чем у русских и евреев. Средняя людность семей поляков составляла примерно 4,5 человек на семью и была ниже, чем у евреев и татар, но выше, чем у русских и немцев, проживавших в городах региона. Средний возраст вступления в первый брак у женихов был 29–31 год, у невест – 20–22. Соответственно, средняя разница в возрасте супругов составляла 7–10 лет и имела тенденцию к уменьшению. Вероятность вступления в повторный брак у женщин была значительно ниже, чем у мужчин.

Практика сибирских поляков давать при крещении детям, родившимся в Сибири, польские имена, говорит о том, что быстрой ассимиляции поляков в регионе не отмечалось.

Многочисленность смешанных браков поляков с сибирячками говорит об тесных этнокультурных контактах среди народов Сибири. Современники писали, что в смешанных семьях чаще всего наблюдалось соединение элементов духовной культуры различных национальностей, религиозные же различия большого значения не имели. Детей, воспитанные в таких семьях, воспринимали уважительное отношение к прошлому своих родителей, к своему происхождению, росли в обстановке национальной и религиозной терпимости.

Список литературы

1. Анисимов С. Исторический город Ялуторовск. М.: Изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 68 с.
2. Брак и семья: демографический аспект. М.: Статистика, 1975. 224 с.

3. Гиза А. Воспоминания Станислава Палиньского как материал к истории ссылки поляков в Восточную Сибирь на рубеже XIX–XX веков // Сибирско-польская история и современность. Иркутск: [б. и.], 2001. С. 80, 81.
4. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АГУ, 2002. 384 с.
5. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения XIX – начала XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 230 с.
6. Комарова О. Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М.: РАН, 1990. С. 240–255.
7. Майничева А. Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX века). Текст: электронный // Сибирская заимка. URL: http://www.zaimga.ru/to_sun/maynich3.shtml (дата обращения: 16.10.2020).
8. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1900. 487 с.
9. Митина Н. П. «Во глубине сибирских руд». К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М.: Наука, 1966. 144 с.
10. Нам И. В. Формирование этнодисперсионных групп в составе населения Сибири в XIX – начале XX века // Американский и сибирский фронт. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 182–191.
11. Никулина И. Н. К вопросу о пребывании польских политических ссыльных на Алтае в 60-е годы XIX века // Актуальные вопросы истории Сибири: III науч. чт. памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: АГУ, 2002. С. 180, 181.
12. Оплаканская Р. В. Из истории формирования Томского римско-католического прихода во второй четверти XIX века // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. Вып. 5. С. 24–37.
13. Оплаканская Р. В. Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной этнокультурной среды (первая половина XIX века) // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004. С. 123–137.
14. Островский Л. К. Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск: Наука, 1987. С. 143–146.
15. Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015. 776 с.
16. Подлевских Л. Г. Гендерный аспект в изучении истории польской политической ссылки в Российской империи 60–70-х годов XIX века // Женская повседневность в России в XVIII–XX веках. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. С. 29–32.
17. Титова Т. Г. Католические учебные заведения в Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. С. 53–64.
18. Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX века). Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. 165 с.
19. Шулбаев О. Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825–1895 годы): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Абакан, 2000. 182 с.
20. Янгель Т. Я. Христианские смешанные браки // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск: [б. и.], 2001. С. 176–178.
21. Gonczarow Jurij M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku // Zestawienie. 2007. № 29. С. 33–48.
22. Kats N., Storella C. Jews, Germans, and Poles in Siberia: New Research in the Study of the Siberian Population in the 19th – Early 20th Centuries // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 181–194.
23. Skubniewski W. A. Polacy na Syberii w świetle materiałów pism powszechnego z 1897 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. 1999. № 3. С. 73–82.
24. Shaidurov V. N. On the Emerging Polish Diaspora and its Development in Siberia in the First Half of the 19th Century // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. No. 9. P. 2496–2506.
25. Shaidurov V. N. The Siberian Polonia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in the Polish Historiography // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2017. № 8. С. 11–21.
26. Shaidurov V. The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century // Acta Histriae. 2018. Vol. 26, Is. 2. P. 641–660. DOI 10.19233/AH.2018.26.

Статья поступила в редакцию 02.06.2020; принята к публикации 25.09.2020

Сведения об авторах

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; e-mail: yuriig@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>.

Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; e-mail: dmitrlm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>.

Вклад авторов в статью

Ю. М. Гончаров – основной автор, осуществлял анализ, систематизацию и оформление статьи.

Л. М. Дмитриева – проводила систематизацию материала, оформление статьи, а также поиск информации в исторических источниках.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.»

Библиографическое описание статьи

Гончаров Ю. М., Дмитриева Л. М. Семейная жизнь поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 81–90. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-81-90.

References

1. Anisimov, S. Historical city of Yalutorovsk. Moscow: Publishing house of All-Union society of political prisoners, 1930. (In Rus.)
2. Marriage and family: Demographic aspect. Moscow: Statistics, 1975. (In Rus.)
3. Giza, A. Memoirs of Stanislaw Palinsky as a material for the history of the exile of poles to Eastern Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. In Siberian-Polish history and modernity. Irkutsk, 2001: 80–81. (In Rus.)
4. Goncharov, Yu. M. Urban family of Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Barnaul: ASU, 2002. (In Rus.)
5. Karikh, E. V. Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development of the XIX – early XX century. Tomsk: publishing house of the Tomsk University, 2004. (In Rus.)
6. Komarova, O. D. Demographic aspects of studying the family. In Family: traditions and modernity. Moscow: RAS, 1990: 240–255. (In Rus.)
7. Mainicheva, A. Yu. Polish settlers in the Tomsk province (middle of the XIX century). Web. 16.10.2020. http://www.zaimka.ru/to_sun/maynich3.shtml. (In Rus.)
8. Maksimov, S. V. Siberia and Exile. Saint Petersburg: Publishing house of V. I. Gubinsky, 1900. (In Rus.)
9. Mitina, N. P. In the depth of Siberian ores. To the centenary of the uprising of Polish exiles on the Circum-Baikal tract. M: Nauka, 1966. (In Rus.)
10. Nam, I. V. The formation of ethnodispersion groups in the population of Siberia in the XIX – early of the XX century. In American and Siberian frontier. Tomsk: TSU, 1997: 182–191. (In Rus.)
11. Nikulina, I. N. On the question of the stay of Polish political exiles in the Altai in the 1860s. In Actual problems of the history of Siberia. Proceedings of the 3th Scientific Conference in memory of Professor A. P. Borodavkin. Barnaul: ASU, 2002: 180–181. (In Rus.)
12. Oplakanskaya, R. V. From the history of the formation of the Tomsk Roman Catholic parish in the second quarter of the XIX century. In Questions of the history of Siberia of the XX century, no. 5, pp. 24–37, 2001. (In Rus.)
13. Oplakanskaya, R. V. Zemlyachestva of the Poles in Siberia as a factor of preserving national identity in a different ethno-cultural environment (the first half of the XIX century). In Siberian melting pot: socio-demographic processes in Northern Asia of the XVI – early XX century. Novosibirsk: Siberian chronograph, 2004: 123–137. (In Rus.)
14. Ostrovsky, L. K. The number, composition and placement of Polish political exiles in Siberia (mid-1890s – 1917). In Socio-economic relations and class struggle in Siberia of the pre-October period. Novosibirsk: Nauka, 1987: 143–146. (In Rus.)
15. Ostrovsky, L. K. Poles in Western Siberia at the end of the XIX – first quarter of the XX century. Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk, 2015. (In Rus.)
16. Podlevskikh, L. G. Gender aspect in the study of the history of Polish political exile in the Russian Empire in 1860–70s. In Women's everyday life in Russia in the XVIII–XX centuries. Tambov: TSU publishing house, 2003: 29–32. (In Rus.)
17. Titova, T. G. Catholic educational institutions in Western Siberia (late of the XIX – early of the XX century). In My Siberia: questions of regional history and historical education. Novosibirsk: NGPU, 2002: 53–64. (In Rus.)
18. Shostakovich, B. S. History of the Poles in Siberia (XVII–XIX centuries). Irkutsk: Irkutsk University, 1995. (In Rus.)
19. Shulbaev, O. N. Political exile in the Minusinsk district (1825–1895). Cand. hist. sci. diss. Abakan, 2000. (In Rus.)
20. Yangel, T. Ya. Christian mixed marriages. In Siberian-Polish history and modernity: Topical issues. Irkutsk, 2001: 176–178. (In Rus.)

21. Gonczarow, Jurij M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku. Zesłaniec, no. 29, ss. 33–48, 2007. (In Pol.)
22. Kats, N., Storella, C. Jews, Germans, and the Poles in Siberia: New Research in the Study of the Siberian Population in the 19th – Early 20th Centuries. New historical Bulletin, no. 1, pp. 181–194, 2018. (In Eng.)
23. Skubniewski, W. A. Polacy na Syberii w świetle materiału spisu powszechnego z 1897 r. Wrocławskie Studia Wschodnie, no. 3, pp. 73–82, 1999. (In Pol.)
24. Shaidurov, V. N. On the Emerging Polish Diaspora and its Development in Siberia in the First Half of the 19th Century. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 9, pp. 2496–2506, 2016. (In Eng.)
25. Shaidurov, V. N. The Siberian Polonia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in the Polish Historiography. Przegląd Wschodnioeuropejski, no. VIII, pp. 11–21, 2017. (In Eng.)
26. Shaidurov, V. The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century. Acta Histriae, is. 2, pp. 641–660, 2018. DOI 10.19233/AH.2018.26. (In Eng.)

Received: June 2, 2020; accepted for publication September 25, 2020

Information about author

Goncharov Yuriy M., Doctor of History, Professor, Altai State University; 61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049; e-mail: yuriig@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>.

Dmitrieva Lidiya M., Doctor of Philology, Professor, Altai State University; 61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049; e-mail: dmitrlm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>.

Contribution of authors to the article

Yu. M. Goncharov – is the main author; work on the blocks of the article, reconciliation of grammatical and technical aspects of the work.

L. M. Dmitrieva – work on the blocks of the article, reconciliation of grammatical and technical aspects of the work, search for information in historical sources.

Sources of article funding

The study was financially supported by Russian Foundation for Basic Research and Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project No. 20-59-00010 “Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX–XX centuries”.

Reference to the article

Goncharov Yu. M., Dmitrieva L. M. Family Life of Poles in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 81–90. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-81-90.

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-91-100

Анастасия Евгеньевна Жукова,*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина**(г. Санкт-Петербург, Россия),**e-mail: anastasiia.sm@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0002-8656-9788>*

Прислуга в земских медицинских учреждениях России второй половины XIX – начала XX века

Статья посвящена изучению профессионального состава и положения обслуживающего персонала земских больниц в пореформенной России. Актуальность изучения данной темы обусловлена отсутствием самостоятельных исторических исследований, направленных на изучение такой группы служащих земских лечебниц, как прислуга. Признавая важность данной категории работников для эффективного функционирования медицинских учреждений, а также лишь фрагментарное освещение этой темы в отечественной историографии, автор ставит целью изучение земской больничной прислуги в России 1860–1900-х гг. На основании широкого круга источников, содержащих сведения о материальном положении и условиях жизни и деятельности прислуги, с применением методов социальной истории и истории повседневности проведён анализ основных характеристик данной группы служащих медицинских учреждений. Выявлены существовавшие в рассматриваемый период профессиональные категории прислуги (сиделки, служители/служанки, кухарки, сторожа, прачки, истопники и др.) и охарактеризована укомплектованность больниц служительским персоналом. Изучены материальные факторы, в том числе жалование и условия проживания служащих, как одна из самых острых проблем, вызывавших беспокойство как работников, так и работодателей. Низкая заработная плата, отсутствие приемлемых условий труда и жизни, выполнение широкого функционала, зачастую выходящего за рамки прямых должностных обязанностей, – всё это делало положение прислуги в земских больницах крайне неблагоприятным, что не могло не отражаться на организации работы лечебниц, качестве ухода за пациентами и условиях их содержания. Современники привлекали внимание к существовавшим проблемам, поднимая данные вопросы на земских собраниях и съездах врачей, однако существенных изменений и улучшений в пореформенный период не произошло.

Ключевые слова: прислуга, служительский персонал, земские больницы, история медицины, Российская империя

Anastasia E. Zhukova,*Pushkin Leningrad State University**(St. Petersburg, Russia),**e-mail: anastasiia.sm@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0002-8656-9788>*

Servants in Russian Zemstvo Hospitals in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries

The article studies professional structure and position of the service staff of zemstvo (county) hospitals in post-reform Russia. The relevance of the subject arises from the lack of historical research aimed at studying such a group of employees of zemstvo hospitals as servants. Recognizing the importance of this category of workers for the effective functioning of medical institutions, as well as fragmentary coverage of this topic in Russian historiography, the author sets the goal of studying the zemstvo hospital serving staff in Russia in the 1860s – 1900s. The study is based on a wide range of sources, including financial reports of the hospitals, proceedings of the county sessions, medical congresses. These sources contain information on the material situation, living conditions and activities of the servants. Using the methods of social history and everyday life history, an analysis of the main characteristics of this group of medical institutions staff is carried out. As a result, the professional categories of servants, existing during the period under review were identified: they include nurses, servants/maids, cooks, watchmen, laundresses, stokers, etc. The article characterizes the serving staff of the hospitals. Moreover, the study observes material factors, such as salaries and living conditions of employees, which were one of the most critical problems for both employees and employers. Low salary, lack of acceptable working and living conditions, implementation of a wide range of functions that often go beyond direct duties – all this made the servants' position in zemstvo hospitals extremely unfavorable. This could not but affect hospitals organization, the quality of patient care and keeping conditions. Contemporaries drew attention to the existing problems by raising these issues at the county meetings and doctors' congresses, calling for better work and living conditions for the servants. However, no significant changes or improvements were made in the post-reform period.

Keywords: servants, service staff, zemstvo hospitals, history of medicine, Russian Empire

© Жукова А. Е., 2020

Введение. 2020 год, который непременно войдёт в историю в связи с именуемой Всемирной организацией здравоохранения «вспышкой коронавирусной инфекции COVID-19»¹, показал всему человечеству значение развития и совершенствования медицины в современном мире, и, что особенно важно, неоценимый вклад медицинского персонала в решение сложившейся ситуации. Спасение человеческих жизней – эта цель стоит перед любым врачом сейчас, ею же руководствовались медики на протяжении многих веков. Однако для качественного функционирования любого медицинского учреждения, вне зависимости от исторического периода, помимо высококвалифицированных докторов нужны также и люди, обеспечивающие нормальную работу организации, начиная от создания необходимых условий для пациентов и заканчивая состоянием самого помещения.

Целью данной статьи является изучение обслуживающего персонала (прислуги) земских медицинских учреждений пореформенной России, его профессионального многообразия, условий труда и повседневной деятельности.

Период второй половины XIX – начала XX в. был для Российского государства временем коренных преобразований, в первую очередь в социальной сфере. Организация медицинской помощи в рамках земской системы местного самоуправления привела к созданию многочисленных лечебниц, в которых трудились не только врачи, но и вспомогательный персонал, в том числе прислуга. Тем не менее, именно низшие служащие остаются зачастую за рамками исторических исследований, несмотря на колоссальную значимость их работы. В данной статье обслуживающий персонал земских больниц пореформенной России впервые предстаёт как предмет самостоятельного изучения, что определяет оригинальность и новизну работы.

В современной российской историографии изучение такой социальной группы как прислуга в России второй половины XIX – начала XX в. развивается в нескольких направлениях. В первую очередь, важно отметить появление исследований, посвящённых отдельным профессиональным категориям прислуги – дворникам, прачкам, официантам и др. [4; 3; 11; 12; 14; 15]. Кроме

того, не меньшее внимание уделяется домашней прислуге и её положению [2; 5; 6].

Благодаря подробному анализу состояния отечественной историографии российской прислуги второй половины XIX в., проведённому Л. А. Самариной, необходимо признать факт наличия определённых пробелов в характеристике всего многообразия обслуживающего персонала [13]. Изучение общественной прислуги, трудившейся в различных организациях, представляется перспективным направлением исследований. Крайне редко историки обращаются к этой теме, но в данном контексте можно выделить статью С. В. Зайцевой, которая рассматривает вопросы, связанные с обеспечением служительским персоналом такого учреждения, как «Капля молока» [8].

Ряд авторов, посвятивших свои труды истории земских медицинских учреждений, обращается и к кадровому вопросу, однако чаще всего в поле их внимания оказываются врачи, фельдшера, акушерки и др. [1; 7; 9; 16]. Наиболее важная работа данного направления – статья О. А. Поляниной «Правовой статус низших муниципальных служащих пореформенной России (на материалах Уфимской губернии)» [10].

Основными источниками для изучения деятельности, условий труда и положения прислуги в земских медицинских учреждениях России являются, в первую очередь, делопроизводственные документы: отчёты земских управ, журналы земских собраний². Денежные отчёты позволяют выявить существовавшие профессиональные категории прислуги, проанализировать материальное положение различных её групп. Значительный интерес представляют труды съездов врачей – в них отражаются важнейшие проблемы, с которыми сталкивались земства, в том числе и касающиеся прислуги³. Привлечение данных источников позволяет восполнить пробелы, существующие в современной отечественной историографии земской медицины, обратившись к изучению служеб-

¹ Вспышка коронавирусной инфекции COVID-19. – URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019> (дата обращения: 20.05.2020). – Текст: электронный.

² Постановления VIII очередного Ростовско-го-на-Дону уездного земского собрания сессии 10–15 сентября 1873 г. с отчётами Ростовской-на-Дону уездной земской управы за 1872 г. – Ростов н/Д.: Тип. А. И. Адамковича, 1874. – 601 с.; Денежные отчёты Лебединской уездной земской управы за 1872 год. – Харьков: Университет. тип., 1873. – 45 с.; Журналы 41-го очередного Смоленского уездного земского собрания заседаний (29 и 30 сентября, 5 и 6 октября 1905 г.). – Смоленск: Типолит. Я.Н. Подземского, 1905. – 522 с.

³ Труды Тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства (август–сентябрь 1895 г.). – М.: Высочайше утв. тов-во А. А. Левенсона: Петровка-22, 1897. – 815 с.

ного персонала лечебниц как одному из обязательных элементов их работы.

Методология и методы исследования. При изучении земской больничной прислуги в пореформенной России были использованы классические методы исторического исследования, такие как историко-системный, историко-сравнительный, ретроспективный. Применение логических методов, анализа и синтеза позволило обобщить и структурировать полученные в ходе изучения источников данные, а обращение к математическим методам было необходимо для работы с количественными показателями (численность прислуги, жалование и пр.). Использование методов, характерных для социальной истории и истории повседневности, направленных на исследование микроисторических процессов, имело большое значение для создания целостной характеристики положения прислуги земских медицинских учреждений.

Исследование базируется на основных идеях и принципах теории модернизации, что предопределяет значимость изучения

избранной темы в контексте исторических процессов, протекавших в России во второй половине XIX – начале XX в. Преобразования Александра II, в том числе и реформа местного самоуправления 1864 г., положившая начало становлению земской медицины, имели огромное значение для российского общества и государства. Формирование системы здравоохранения ставило новые задачи перед администрацией, которая столкнулась с проблемой обеспечения создаваемых медицинских учреждений персоналом, необходимым для их эффективной работы.

Результаты исследования и их обсуждение. *Категории прислуги, представленные в земских больницах.* В одном из докладов врачей-делегатов о положении земской санитарно-врачебной организации в уездах Московской губернии, представленном на 13-м съезде врачей Московского земства в 1895 г., приводится таблица, отражающая состав и численность прислуги в лечебницах Богородского уезда (как в земских, так и в фабричных).

Численность прислуги в лечебницах Богородского уезда¹

Лечебницы	Сиделок	Служителей	Истопников	Прачек	Кухарок	Дворников	Коек	Одна сиделка на количество больных
<i>Земские</i>								
Богородская	5	1	2	1	1	1	35	7
Гребневская	2	1	–	1	1	1	20	10
Ильинская	2	1	–	1	1	1	16	8
Загарская	1	1	–	–	–	–	5	3
Павловская	1	1	–	–	1	–	7	7
<i>Фабричные</i>								
Истомкинская	4	1	–	1	1	1	24	6
Городищинская	3	–	–	–	1	1	14	4,7
Зуевская	3	–	1	1	1	1	23	7,7
Подгорная	2	–	–	–	1	1	12	6
Елагинская	2	1	–	–	–	–	14	7
Бруновская	1	–	–	–	–	–	5	5
Тюляевская	1	–	–	–	–	–	10	10
Глинковская	1	–	–	–	–	–	8	8
Фрянковская	–	1	–	–	–	–	5	5
Памфиловская	1	–	–	–	–	1	4	4
Лабзинская	3	–	–	–	1	–	22	7,3

¹ Данные источника: Доклады врачей-делегатов о положении земской санитарно-врачебной организации в уездах Московской губернии // Труды Тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства (август-сентябрь 1895 г.). – М.: Высочайше утв. тов-во А. А. Левенсона: Петровка-22, 1897. – С. 36, 37.

Анализируя содержащиеся в таблице сведения, необходимо отметить, что существовало разделение функционала больницы прислуги, представленной такими профессиональными группами, как сиделки, служители, истопники, прачки, кухарки и дворники. Все эти категории прислуги, имеющие достаточно узкую специализацию (за исключением, пожалуй, служителей, которые могли совмещать самые разнообразные обязанности), были призваны обеспечивать нормальное функционирование медицинских учреждений.

При этом, далеко не во всех организациях как фабричных, так и земских, присутствовала хотя бы половина перечисленных категорий работников. Из 16 приведённых в таблице учреждений только Богородская земская лечебница была полностью укомплектована служащими низшего звена. Оснащённая самым большим количеством коек (35 шт.), она имела штат прислуги численностью в 11 человек. В то же время в четырёх лечебницах (Бруновской, Тюляевской, Глинковской, Фряновской) было лишь по одному представителю служительского персонала. В среднем численность прислуги составляла в земских лечебницах 5–6 человек, в фабричных – 3–4 человека.

Самыми незаменимыми работниками были сиделки. Лишь в одной из лечебниц, а именно Фряновской, отсутствовала эта категория прислуги. Общая численность сиделок в приведённых в таблице лечебницах Богородского уезда Московской губернии составляла 32 человека, далее по численности за ними следовали кухарки – 9, затем – служители и дворники – по 8 человек. Самыми малочисленными профессиональными группами были прачки (5 человек) и истопники (3 человека).

В земских больницах чаще всего коллектив прислуги состоял из сиделки, служителя/служанки, кухарки, прачки и дворника. В фабричных лечебницах, отличавшихся чуть меньшей численностью персонала, также в первую очередь нанимали сиделок, кухарок, дворников и служителей, чаще отказываясь от услуг прачек (на 11 лечебниц приходилось всего 2 прачки). Существенных различий между земской и фабричной прислужкой не существовало, а единственным фактором, от которого зависело положение работников, была величина лечебницы: «Только в лечебницах небольшого размера её [прислуги – прим. авт.] положение лучше,

благодаря гораздо меньшему труду, который она несёт»¹.

На основании ряда делопроизводственных документов можно дополнить профессиональный состав обслуживающего персонала медицинских организаций такими категориями прислуги, как сторожа², водовозы³, цирюльники⁴.

Неоднозначным было положение служителей/служанок, обязанности которых в разных больницах могли существенно отличаться (в зависимости от наличия других категорий прислуги). Так, в Вологодской губернской земской больнице в 1870 г. было 11 служителей (вместо 14 «положенных по штату» из-за крайне недостаточного жалования): «1 швейцар, 1 при конторе, 1 при покойницкой и ванной комнатах, 1 в отделении хронических больных и 2 при умалишенных, так что оставалось только 5 человек собственно палатной прислуги и то на 100–120 человек больных»⁵. Такого количества обслуживающего персонала для больницы губернского уровня, разумеется, было недостаточно, и, характеризуя её деятельность, старший врач больницы доктор медицины Ф. Ф. Ульрих писал: «Каков был в палатах порядок и уход за больными? Больничная прислуга в таком, крайне ограниченном числе едва успевала таскать воду, дрова, топить печи, носить кушанье, поддержания же чистоты в больнице и ухода за больными от них и требовать было невозможно, а между тем на эту же прислужку возлагалась ещё обязанность давать больным лекарства, наблюдать за трудными больными, дежурить по ночам и т. д. Как все это исполнялось, не трудно себе представить!»⁶. Так, в данной больнице служители, помимо своих прямых функций, выполняли обязанности и сиделок, и истопников, и водовозов.

Такая ситуация не была редкостью. Так, в отчёте местного врача обращается внима-

¹ Доклады врачей-делегатов о положении земской санитарно-врачебной организации в уездах Московской губернии // Труды Тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства (август-сентябрь 1895 г.). – М.: Высочайше утв. тов-во А. А. Левенсона: Петровка-22, 1897. – С. 38.

² Журналы 41-го очередного Смоленского уездного земского собрания заседаний (29, 30 сентября, 5 и 6 октября 1905 г.). – Смоленск: Типолит. Я. Н. Подземского, 1905. – С. 15.

³ Денежные отчёты Лебединской уездной земской управы за 1872 год. – Харьков: Университет. тип., 1873. – С. 41.

⁴ Там же.

⁵ Вологодская губернская земская больница за время заведования ею Губернским земством. – Вологда: Тип. Вологод. губерн. правл., 1882. – С. 13.

⁶ Там же. – С. 13, 14.

ние на отсутствие какой-либо прислуги на фельдшерском пункте в с. Ковши, где «безусловно необходим служитель, как это полагается на врачебном пункте. Носка воды, топка печей, уборка амбулатории, мытье полов и стен и другая черная работа, вне всякого сомнения, не может быть вменена в обязанности фельдшерице-акушерке» (1904 г., Смоленский уезд, Стабенский участок)¹.

Итак, в земских больницах России пореформенного периода можно выделить следующие категории прислуги: сиделки, служители/служанки, дворники, кухарки, прачки, истопники, сторожа, водовозы, цирюльники. Такое многообразие не означало наличие представителя каждой названной профессиональной группы во всех медицинских учреждениях. Более того, с учётом появления в конце XIX в. организаций, выполнявших функции прислуги (например, прачечных), отдельные категории обслуживающего персонала могли отсутствовать и по этой причине². Однако чаще всего из-за крайней ограниченности штата прислуги на плечи одного работника могли ложиться самые разнообразные обязанности.

Заработная плата. Учитывая профессиональную дифференциацию обслуживающего персонала земских больниц, необходимо отдельное внимание уделить и особенностям оплаты труда.

Единогласны в своих оценках были сами современники: жалование прислуги было крайне недостаточным. Даже в уездах Московской губернии «сиделки в земских лечебницах при своей одежде и обуви получают от 4 до 5 рублей в месяц. Этим главным образом объясняется и плохой, сравнительно часто сменяемый, персонал сиделок»³.

Служанки довольствовались жалованием от 3,50 до 5 рублей в месяц⁴, служители – до 7 рублей⁵. Кухарки и прачки получа-

ли около 4–5 рублей⁶, и, кроме того, эти две должности можно было совмещать. Так, в Сумской земской больнице была должность «кухарки и прачки в одном лице» с жалованием в 8 рублей в женском отделении и 9 рублей в мужском⁷. Заработная плата дворников составляла в среднем около 7 рублей⁸.

В ряде финансовых отчётов земских больниц наблюдается неравная оплата труда мужчин и женщин, занимавших одинаковые должности. Например, в отчёте Сумской земской больницы за 1876 г. указано, что служитель в мужской больнице получал заработную плату в размере 7 рублей, тогда как служанка – всего 5 рублей⁹.

Интересно, что хотя жалование у женщин было меньше, именно они считались более «способными» к работе в качестве прислуги. Так, персонал Вологодской больницы в 1870-х гг. был в основном мужским, а отзывы о его деятельности были не самыми лестными. «Число служителей было весьма ограниченное, не говоря уже о их достоинстве. Прислуга, за исключением двух сиделок, была мужская и состояла из инвалидов, отпускных, неспособных солдат, часто предающихся пьянству, одним словом, людей вполне не способных к физическому труду, а тем более для ухода за больными. Это впрочем и неудивительно, если принять во внимание существовавший тогда оклад жалования служителям, именно 4 рубля в месяц при своем платье и столе»¹⁰. К началу 1880-х гг. гендерный состав прислуги в больнице изменился: мужская прислуга, «мало приспособленная к уходу за больными», в

ября 1877 года. – Сумы: Тип. К. М. Пашкова, 1878. – С. 144.

⁶ Денежные отчёты Лебединской уездной земской управы за 1872 год. – Харьков: Университет. тип., 1873. – С. 41; Журналы Кирсановского уездного земского собрания за 1881 год. – Тамбов: Скоропечатня Ев. Ив. Поповой, 1882. – С. 294; Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания Курской губернии. – Курск: Курское собр., 1874. – С. 102.

⁷ Журналы очередного Сумского уездного земского собрания, бывшего 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22 сентября 1877 года. – Сумы: Тип. К. М. Пашкова, 1878. – С. 144.

⁸ Денежные отчёты Лебединской уездной земской управы за 1872 год. – Харьков: Университет. тип., 1873. С. 41; Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания Курской губернии. – Курск: Курское собр., 1874. С. 102; Журналы очередного Сумского уездного земского собрания, бывшего 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22 сентября 1877 года. – Сумы: Тип. К. М. Пашкова, 1878. – С. 144.

⁹ Журналы очередного Сумского уездного земского собрания, бывшего 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22 сентября 1877 года. – Сумы: Тип. К. М. Пашкова, 1878. – С. 144.

¹⁰ Вологодская губернская земская больница за время заведования ею Губернским земством. – Вологда: Тип. Вологод. губерн. правл., 1882. – С. 13.

¹ Журналы 41-го очередного Смоленского уездного земского собрания заседаний (29, 30 сентября, 5 и 6 октября 1905 г.). – Смоленск: Типолит. Я. Н. Подземского, 1905. – С. 19.

² Дмитриев Н.П. Одесская городская прачечная. – Одесса: Славянская тип., 1902. – 17 с.

³ Доклады врачей-делегатов о положении земской санитарно-врачебной организации в уездах Московской губернии // Труды Тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства (август-сентябрь 1895 г.). – М.: Высочайше утв. тов-во А. А. Левенсона: Петровка-22, 1897. – С. 37.

⁴ Журналы Кирсановского уездного земского собрания за 1881 год. – Тамбов: Скоропечатня Ев. Ив. Поповой, 1882. – С. 294; Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания Курской губернии. – Курск: Курское собр., 1874. – С. 102.

⁵ Журналы очередного Сумского уездного земского собрания, бывшего 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22 сен-

большинстве своём (за исключением только мужских отделений дома умалишённых и в мужского сифилитического отделения) была заменена женской, которая «оказалась на деле более удовлетворяюще требованиям, как в отношении ухода за больными, так равно и в отношении соблюдения чистоты и опрятности...»¹.

Тем не менее, проблема скромной оплаты труда столь важного для работы медицинского учреждения обслуживающего персонала оставалась нерешённой. Она имела в том числе и практическое значение, поскольку «недостаточное содержание лишает прислугу возможности ходить опрятно, менять чаще белье, иметь хорошую обувь, отчего нередко подвергаются простуде и заболеванию прилипчивыми болезнями»². Таким образом, низкая зарплата прислуги крайне негативно отражалась сразу на нескольких аспектах: с одной стороны, было трудно найти хорошего работника, не имея финансовых возможностей для достойной оплаты его труда, с другой – такая плачевная ситуация не могла не сказываться и на качестве его работы и уровне жизни.

Условия труда прислуги. Одной из самых острых проблем, с которой сталкивались повсеместно, было размещение прислуги в земских больницах. Нельзя сказать, что вопрос грамотного обустройства лечебных учреждений игнорировался современниками, напротив, он зачастую поднимался на земских собраниях и в отчётной документации. В докладе Ростовской-на-Дону уездной земской управы об устройстве медицинской части в Ростовском-на-Дону уезде и Таганрогском градоначальстве ещё в 1872 г. отмечалось: «В каждом медицинском участке, в месте жительства врача, иметь больницу на первое время не менее, как на 12 кроватей, устраивая эти больницы не в крестьянских избах, вообще непригодных к тому по внутреннему расположению и неудовлетворяющих необходимым требованиям гигиены, но в особо выстроенных домах из земляного кирпича, оштукатуренных внутри и снаружи, с крашеным полом, хорошою вентиляцией и необходимыми службами, а также с помещением для врача, фельдшера, смотрителя и прислуги»³. В случае реализации данных положений, необходимых не только для па-

¹ Вологодская губернская земская больница за время заведования ею Губернским земством. – Вологда: Тип. Вологод. губерн. правл., 1882. – С. 78.

² Там же. – С. 82.

³ Постановления VIII очередного Ростовско-го-на-Дону уездного земского собрания сессии 10–

циентов, но и для персонала, функционирование медицинских учреждений было бы обеспечено на должном уровне, а прислуга, в свою очередь, имела бы нормальные условия жизнедеятельности.

Однако на практике чаще встречались отнюдь не подобные «образцовые» больницы: «Условия жизни нашей больничной прислуги далеко не благоприятны. За недостатком помещения, прислуга принуждена спать на полу в палатах и коридорах, сохранять свои вещи на чердаках и чуланах»⁴.

В 1895 г. на XIII губернском съезде врачей Московского земства эта тема поднималась одним из делегатов М. В. Челноковым: «Нельзя не обратить внимания на отсутствие квартир для прислуги в уездных лечебницах, Звенигородской и Перхушковской: в последней прислуга живет в сарае, а зимою где-то под квартирой врача»⁵.

В начале XX в. ситуация по-прежнему оставалась плачевной. В отчёте врача Ч. П. Чеховича за 1904 г. по II Стабенскому участку Смоленского уезда обращается внимание на «отсутствие для сторожа отдельного помещения. В настоящее время сторож ютится в коридоре, где ожидают очереди больные. У него буквально нет угла, где он мог бы держать свои вещи; нет печи, чтобы варить себе пищу. Этот недостаток постоянно указывается сторожами и заставляет их бросать работу. «Собака – и та имеет свою конуру», – говорят они»⁶.

Даже если прислуге и предоставлялось служебное жильё, то в лучшем случае это были «тесные душевые каморки, комнаты и углы в подвалах или полуподвалах», как пишет О. А. Полянина [10]. Таким образом, прислуга, на плечах которой находилось обеспечение работы целых лечебниц, в основной массе не имела возможности нормально организовать свою собственную жизнь. Служащий, вынужденный считать коридор или сарай своим домом, не имел возможности полноценно восстановить свои силы для дальнейшей трудовой деятельности.

15 сентября 1873 г. с отчётами Ростовской-на-Дону уездной земской управы за 1872 г. – Ростов н/Д.: Тип. А. И. Адамковича, 1874. – С. 418.

⁴ Вологодская губернская земская больница за время заведования ею Губернским земством. – Вологда: Тип. Вологод. губерн. правл., 1882. – С. 82.

⁵ Труды Тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства (август-сентябрь 1895 г.). – М.: Высочайше утв. тов-во А. А. Левенсона: Петровка-22, 1897. – С. 51.

⁶ Журналы 41-го очередного Смоленского уездного земского собрания заседаний 29, 30 сентября, 5 и 6 октября 1905 г. – Смоленск: Типолит. Я. Н. Подземского, 1905. – С. 15, 16.

Возвращаясь к оценке современниками условий труда прислуги, приведём цитату одного из делегатов Съезда врачей Московского земства 1895 г.: «...Крайне желательно на съезде врачей выработать некоторые нормы как труда прислуги, так и их материального обеспечения; только при этих условиях и возможен правильный постоянный подбор больничной прислуги»¹. Тем не менее, теоретические предложения не были поддержаны реальными действиями.

Проект правил о прислуге Вологодской губернской земской больницы. Внимание современников к проблеме обеспечения медицинских учреждений обслуживающим персоналом нашло отражение в «Проекте правил о прислуге», разработанном в Вологодской губернской земской больнице в начале 1880-х гг.

Руководствуясь идеей о том, что хорошую прислугу нельзя найти, «но она может образоваться, при хороших условиях», авторы проекта предлагали «материально обеспечить прислугу, улучшить, насколько возможно, условия их жизни, без чего порядочные люди никогда не решатся идти в больницу с риском подвергать своё здоровье и подчас жизнь всевозможным случайностям»².

Согласно проекту, прислугу предполагалось разделить на три категории: 1) медицинскую (сиделки и сторожа в доме умалишённых); 2) специальную (швейцар, ламповщик, кубовщик, сортирщик, сторож при анатомическом театре, сторож при конторе, швейцар (он же чернорабочий) при доме умалишённых, лабораторщик, конторщик, кухарка и прачки); 3) чернорабочую, к которой относилась вся остальная прислуга. Прислуга первой категории (в отличие от второй и третьей) должна была получать жалованье, содержание, верхнюю форменную одежду и помещение от земства. Кроме того, предусматривалась система денежных штрафов за несоблюдение правил нахождения на рабочем месте, а также система поощрения «хорошей» прислуги³. Фактически, несмотря на такое новшество

как возможность для прислуги получить материальную награду за хорошую службу, основные изменения коснулись бы лишь очень узкой группы медицинской прислуги. Тем не менее, сам факт появления данного проекта уже говорил о потребности руководства в систематизации деятельности прислуги.

Проект не был воплощён в жизнь, хотя некоторые изменения всё же произошли. «Губернское Земское Собрание нашло однако возможным улучшить материальное положение больничной прислуги, прибавив жалованье и приняв продовольствие на свой счет. В настоящее время число прислуги значительно увеличено, качество ее улучшилось, но далеко еще то будущее, когда прислуга будет удовлетворять всем требованиям настоящей хорошей прислуги», – заключает автор⁴.

Заключение. Создание земской медицинской системы в пореформенной России было одним из важнейших преобразований данного периода, однако не менее важным был и «человеческий» фактор – обеспечение работы больниц необходимым штатом сотрудников. При изучении этой темы основное внимание исследователей концентрируется на медицинском персонале, хотя не меньшее значение для работы лечебниц имели и низшие служащие – прислуга.

Признавая важность обслуживающего персонала в работе земской медицины, доктор медицины Ф. Ф. Ульрих писал: «Значение прислуги для больницы громадное. Нечего доказывать, как важна прислуга в частном хозяйстве, тем более важность имеет хорошая прислуга в отношении к больным. Такая прислуга должна состоять из людей трезвых, нравственных, обладающих громадным терпением, нераздражительных, с любовью относящихся к больному человеку, развитых более других, привычных и опытных к делу ухода за больными. Дурная прислуга может парализовать деятельность врача и наоборот – хорошая прислуга сплошь и рядом имеет значение лечебное своим обществом, влиянием»⁵.

Анализ положения прислуги земских больниц пореформенной России показывает, насколько трудно в реальности было воплотить подобные пожелания. Тяжёлые условия труда, проживание в крайне неблагоустроенных помещениях не могло не сказываться на физическом и моральном состоянии работников. Усугублялась данная

¹ Доклады врачей-делегатов о положении земской санитарно-врачебной организации в уездах Московской губернии // Труды Тринадцатого губернского съезда врачей Московского земства (август-сентябрь 1895 г.). – М.: Высочайше утв. тов-во А. А. Левенсона: Петровка-22, 1897. – С. 37.

² Вологодская губернская земская больница за время заведования ею Губернским земством. – Вологда: Тип. Вологод. губерн. правл., 1882. – С. 79.

³ Там же. – С. 79–81.

⁴ Там же. – С. 82.

⁵ Там же. – С. 78, 79.

ситуация мизерной заработной платой, которая также не способствовала повышению мотивации сотрудников. Существовавшее разделение прислуги по различным профессиональным категориям было достаточно условным, поскольку, за неимением необходимого персонала, на плечи одного работника могли ложиться самые разнообразные обязанности.

Отсюда и возникала главная проблема, вызывавшая беспокойство современников: отсутствие «хорошей» прислуги. Тем не менее, этот вопрос нередко ставился на повестку дня, следовательно, можно говорить о том, что потребность в решении данной проблемы существовала. Однако реальные изменения в этом направлении вплоть до начала XX в. не произошли.

Список литературы

1. Ахметшина А. В. Материальное положение земского медицинского персонала: на материалах Уфимской губернии (последняя треть XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-polozhenie-zemskogo-meditsinskogo-personala-na-materialah-ufimskoy-gubernii-poslednyaya-tret-xix-nachalo-xx-v> (дата обращения: 13.05.2020).
2. Верemenko В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. № 2. С. 320–354. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354.
3. Верemenko В. А. «Казённая прислуга» (денщики) в семьях российских офицеров во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2020. № 1. С. 7–22.
4. Верemenko В. А. Городские прачки в России во второй половине XIX – начале XX в.: организация деятельности и условия труда // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. уч. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 133–138.
5. Верemenko В. А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 1. С. 181–191.
6. Верemenko В. А., Жукова А. Е. «Пролетариат кухни» сражается: способы защиты своих прав женской домашней прислужкой в России в начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 4. С. 51–60.
7. Еругина М. В., Ужахов Т. М., Ужахов А. М., Завьялов А. И. Становление и развитие земской медицины в Кузнецком уезде Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века. Текст: электронный // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. № 1. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-zemskoy-meditsiny-v-kuznetskom-uezde-saratovskoy-gubernii-v-kontse-hh-nachale-hh-veka> (дата обращения: 16.05.2020).
8. Зайцева С. В. Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX века как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 161–167.
9. Каспрук Л. И., Медведева Ю. А. Из истории развития земской медицины. Текст: электронный // Земский врач. 2016. № 3/4. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-zemskoy-meditsiny> (дата обращения: 15.07.2020).
10. Полянина О. А. Правовой статус низших муниципальных служащих пореформенной России (на материалах Уфимской губернии). Текст: электронный // Манускрипт. 2017. № 12/1. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nizshih-munitsipalnyh-sluzhaschih-poreformennoy-rossii-na-materialah-ufimskoy-gubernii> (дата обращения: 21.05.2020).
11. Самарина Л. А. Климатический фактор в повседневной работе городского дворника Российской империи в конце XIX в. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 109–116.
12. Самарина Л. А. Легковой извоз в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // История повседневности. 2019. № 3. С. 91–116.
13. Самарина Л. А. Российская прислуга второй половины XIX века в современной историографии // Гуманитарный вектор. 2019. № 6. С. 105–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-105-113.
14. Семёнова О. А. Кто такой садовник в России на рубеже XIX–XX вв.? // История повседневности. 2020. № 1. С. 23–33.
15. Семёнова О. А., Семёнов А. М. Положение официантов в России в конце XIX – начале XX в. // XXIII Царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 209–212.
16. Смирнова Е. М. Вспомогательный медицинский персонал на земской службе // История медицины. 2014. № 3. С. 15–23.

Статья поступила в редакцию 15.07.2020; принята к публикации 20.08.2020

Сведения об авторе

Жукова Анастасия Евгеньевна, лаборант-исследователь, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10; e-mail: anastasiia.sm@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8656-9788>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-09-00297 «Прислуга Российской империи в условиях модернизации социально-экономических отношений во второй половине XIX – начале XX века».

Библиографическое описание статьи

Жукова А. Е. Прислуга в земских медицинских учреждениях России второй половины XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 91–100. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-91-100.

References

1. Akhmetshina, A. V. The financial situation of the Zemstvo medical personnel: on the materials of the Ufa province (last third of the XIX – beginning of the XX century). Bulletin of Tomsk State University, no. 441, 2019. Web. 13.05.2020. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-polozhenie-zemskogo-meditsinskogo-personala-na-materialah-ufimskoy-gubernii-poslednyaya-tret-xix-nachalo-xx-v>. (In Rus.)
2. Veremenko, V. A. "Powerless Power" – the status of female domestic workers in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, no. 2, pp. 320–354, 2019. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354. (In Rus.)
3. Veremenko, V. A. The "official servants" (orderlies) in the families of Russian officers in the second half of the XIX – early XX centuries. History of everyday life, no. 1, pp. 7–22, 2020. (In Rus.)
4. Veremenko, V. A. City laundresses in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: organization of activities and working conditions. Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia. Materials of the XI All-Russian scientific conference with international participation. Spb: 2020: 133–138. (In Rus.)
5. Veremenko, V. A. Domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. Bulletin of the Pushkin Leningrad State University, no. 1, pp. 181–191, 2013. (In Rus.)
6. Veremenko, V. A., Zhukova, A. E. Proletarians of the kitchen fight for their rights: the strategies used by Russian female household servants of the early XX century to protect their rights. Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin, no. 4, pp. 51–60, 2019. (In Rus.)
7. Erugina, M. V., Uzhakhov, T. M., Uzhakhov, A. M., Zav'yalov, A. I. Formation and development of zemstvo medicine in the Kuznetsk district of the Saratov province at the end of the XIX – beginning of the XX century. BMLK, no. 1, 2016. Web. 16.05.2020. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiye-zemskoy-meditsiny-v-kuznetskom-uezde-saratovskoy-gubernii-v-kontse-hh-nachale-hh-veka>. (In Rus.)
8. Zaitseva, S. V. Attempts to reorganize the city "Drops of Milk" in St. Petersburg at the beginning of the XX century as a way to combat child mortality. Reforms in the everyday life of the population of Russia: history and modernity. SPb: 2020: 161–167. (In Rus.)
9. Kaspruk, L. I., Medvedeva, Yu. A. From the history of the development of rural medicine. Zemsky doctor, no. 3/4, 2016. Web. 15.07.2020. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-zemskoy-meditsiny>. (In Rus.)
10. Polyanina, O. A. The legal status of the lowest municipal servants of post-reform Russia (based on the materials of the Ufa province). Manuscript, no. 12/1, 2017. Web. 21.05.2020. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nizshih-munitsipalnyh-sluzhaschih-poreformennoy-rossii-na-materialah-ufimskoy-gubernii>. (In Rus.)
11. Samarina, L. A. The climatic factor in the daily work of the city janitor of the Russian Empire at the end of the XIX century. Natural and geographical factors in the daily life of the population of Russia: history and modernity. Materials of the international scientific conference. SPb: 2019: 109–116. (In Rus.)
12. Samarina, L. A. Passenger carriage in the Russian Empire (second half of the XIX – early XX centuries). History of everyday life, no. 3, pp. 91–116, 2019. (In Rus.)
13. Samarina, L. A. Russian servants of the second half of the XIX century in the modern historiography. Humanitarian vector, no. 6, pp. 105–113, 2019. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-105-113. (In Rus.)
14. Semenova, O. A. Who is a gardener in Russia at the turn of the XIX – XX centuries? History of everyday life, no. 1, pp. 23–33, 2020. (In Rus.)
15. Semenova, O. A., Semenov, A. M. The situation of waiters in Russia in the late XIX – early XX centuries. XXIII Tsarskoye Selo readings. Materials of the international scientific conference. SPb: 2019: 209–212. (In Rus.)
16. Smirnova, E. M. Auxiliary medical personnel at the zemstvo service. History of medicine, no. 3, pp. 15–23, 2014. (In Rus.)

Received: July 15, 2020; accepted for publication August 20, 2020

Information about author

Zhukova Anastasia E., Research Assistant, Pushkin Leningrad State University; 10 Peterburgskoye sh., St. Petersburg, 196605, Russia; e-mail: anastasiia.sm@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8656-9788>.

Sources of article funding

The research is financially supported by Russian Foundation for Basic Research in the framework of scientific project No. 19-09-00297 "Servants of the Russian Empire in the context of modernization of socio-economic relations in the second half of the XIX – early XX century".

Reference to the article

Zhukova A. E. Servants in Russian Zemstvo Hospitals in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 91–100. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-91-100.

УДК 929

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-101-113

Ирина Александровна Крайнева,*Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН**(г. Новосибирск, Россия),**e-mail: cora@iis.nsk.su,**<https://orcid.org/0000-0002-0601-9795>***Николай Андреевич Чинакал: личность в науке**

Актуальность обращения к биографии учёного-горняка, члена-корреспондента АН СССР Николая Андреевича Чинакала (1888–1979) обусловлена уникальностью научной и человеческой истории её носителя. Он был старшим в когорте членов СО АН СССР, до октябрьского переворота получил фундаментальное образование. На его долю выпали смена эпох, революции и войны, подневольный труд в «шараге» и продвижение в науке, технические неудачи и творческие прорывы. Данная особенность биографии актуализирует способы перехода специалиста из одной социальной реальности в другую, где профессия определяет его модель поведения. Переход потребовал усилий, поскольку осложнялся влиянием исторического контекста. Цель данного исследования – изучение ментальности актора науки, чья профессиональная деятельность доминировала над остальными императивами социальной жизни. Деятельность Н. Чинакала связана с двумя географическими регионами, крупными угледобывающими бассейнами – Донбассом и Кузбассом, и было актуальным показать особенности этих регионов, их влияние на инженерно-технические и организационные решения специалиста. Методология и методы исследования основаны на теории биографики, деятельностном профессионально обусловленном аспекте жизни учёного, акторно-сетевой теории Б. Латура, системном подходе в изучении природного характера причинности и сетевых связей исследуемого в данной работе комплекса «учёный – наука – объект». Н. А. Чинакал, возглавляя Институт горнодобывающего профиля Западно-Сибирского филиала АН СССР, стал одним из активных участников организации академической науки в Сибири. Большое значение для коллектива института имели авторитет и академический статус директора, не меньшее значение – стабильность, которую коллектив ощущал под руководством Н. Чинакала (на этом посту он пробыл 28 лет). Императив стабильности весьма востребован и в наше время, хотя налицо дисбаланс стабильности и неустойчивости, и это ощущает на себе сегодня коллектив Института горного дела.

Ключевые слова: наука в Сибири, горное дело, Институт горного дела СО РАН, Николай Андреевич Чинакал, личность в науке

Irina A. Krayneva,*A. P. Ershov Institute of Informatics Systems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**(Novosibirsk, Russia),**e-mail: cora@iis.nsk.su,**<https://orcid.org/0000-0002-0601-9795>***Nikolai Andreevich Chinakal: a Personality in Science Resume**

The unique personality and scientific biography of Nikolai Andreevich Chinakal (1888–1979), a scientist in the field of mining, a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences make it relevant. He was the oldest among the members of the SB RAS and got his education before the October Revolution. He lived through change of epoch, turmoil of revolutions and wars, forced labour in a “sharaga”, scientific advances, technical failures and creative breakthroughs. This feature of his biography actualizes the ways of transiting a specialist from one social reality to another, where the profession determines the model of behavior. This transition required significant efforts since it was sometimes complicated by the historical context. The aim of the research is to study the mentality of the actor in science whose professional activity dominated over other social life imperatives. Importantly, Chinakal's work was connected with two geographic regions known for their major coal basins: the Donetsk Coal Basin, or Donbass, and Kuznetsk Coal Basin, or Kuzbass. The author highlights the characteristic features of these regions and shows how they affected the engineering and organizational decisions made by the scientist. The methodology and research methods are based on the theory of biography, activity-oriented aspect of the life of the history actor that depended strongly on his occupation, B. Latour's actor-network theory, systematic approach to studying the natural character of causality and network connections of the “scientist-science-object” structure examined in this work. N. A. Chinakal was actively involved in starting academic science in Siberia. For 28 years, he was a director of the Institute of Mining in the West-Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, which later became part of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The authority and academic status of the director were of great importance for the institute staff. Equally important

was the stability provided by Chinakal's leadership. In our time, stability is very much in demand, although there is an imbalance of stability and instability, which is felt by the staff of the Institute of Mining.

Keywords: science in Siberia, mining, Institute of Mining Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Nikolai Andreevich Chinakal, personality in science

Введение. Николай Андреевич Чинакал (1888–1979), учёный в области горного дела, прожил долгую жизнь. На его долю выпали смена эпох, революции и войны, обвинение во вредительстве по «Шахтинскому делу», подневольный труд в «шараге» и продвижение в науке, технические неудачи и творческие прорывы. Отсюда недосказанность его биографии, расплывчатость сведений о происхождении и фрагментарность описаний времени под арестом. С присущей учёному стойкостью и упорством он выстраивал свою жизнь в науке и на производстве, верил в научно-технический прогресс и ориентировался на него в своей деятельности. Николай Андреевич был, пожалуй, самым старшим в когорте академиков и членов-корреспондентов Сибирского отделения АН, хотя не единственным, кто получил фундаментальное образование до Октябрьского переворота: в 1912 г. Н. Чинакал окончил Екатеринославское высшее горное училище (ныне – Национальный горный университет Украины), которое готовило высококвалифицированных специалистов горного дела и металлургии. Исследование биографии Н. А. Чинакала, несмотря на имеющиеся лакуны и резервы, опирается на представительную источниковую и историографическую базу. Документы личного происхождения хранятся в ряде архивов и музеев, в частности в Центральном архиве ФСБ РФ (автографы протоколов допроса по Шахтинскому делу), любезно предоставленные автору доктором исторических наук С. А. Красильниковым; в Новосибирском краеведческом музее, Прокопьевском городском краеведческом музее, Государственном центральном музее современной истории (Москва) и других. Опись фонда Н. А. Чинакала в Научном архиве СО РАН начитывает 60 страниц и сотни документов¹. Библиография трудов учёного включает более 200 изданий, изобретательская деятельность зафиксирована тремя десятками авторских свидетельств [4, с. 113–128]. Биографические исследования о Н. А. Чинакале скрупулезно проводились его коллегами из Института горного дела СО РАН, которым он руководил ряд лет (1957–1972), о нём

охотно писали журналисты и публицисты² [6]. Особо нужно отметить усилия кандидата технических наук Леонида Васильевича Зворыгина, директора Музея Института горного дела (1995–2016). Его стремление зафиксировать историю Института и его сотрудников вылилось в ряд фундаментальных публикаций совместно с коллегами³ [4; 5; 17]. Академик М. В. Курленя подготовил монографию, посвящённую научным школам горного дела в Сибири, начиная с легендарного В. А. Обручева и заканчивая своей собственной. Достойное место в ней занимает очерк о научной школе Н. А. Чинакала [15, с. 39–50]. Интерес к личности учёного обусловлен не только тем, что он был признанным знатоком горного дела⁴. Этот интерес поддерживает его модель поведения на основе ценностей не только принятых в обществе, но и обусловленных глубокой внутренней убеждёностью. Такая позиция требовала значительных усилий, поскольку часто осложнялась влиянием исторического контекста. Социальный вектор личности Н. Чинакала формировался сообразно его профессиональной деятельности на пользу общества.

По своему менталитету, и это подтвердил в своём интервью академик М. В. Курленя⁵, Н. Чинакал был советским человеком в его идеальной составляющей: бескорыстный, прямой, верный идеям марксизма-ленинизма, с глубоким чувством почтения вспоминал В. И. Ленина, которого видел лично в декабре 1920 г. на Втором Всероссийском

² Ким А. А. 120 лет со дня рождения учёного-горняка Чинакала Николая Андреевича (1888–1979), заслуженного деятеля науки и техники РСФСР // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области 2008 года. – Новосибирск: Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, 2007. – С. 153–158.

³ Институт горного дела им. Н. А. Чинакала СО РАН: [офиц. веб-сайт]. – URL: <http://www.misd.ru/> (дата обращения: 17.04.2020). – Текст: электронный.

⁴ Личность – конкретный живой человек, обладающий сознанием и самосознанием. Структура личности – совокупность социально значимых психологических свойств, отношений и действий человека, сложившихся в процессе его развития и определяющих его поведение. Психология подчёркивает общественный характер личности. См.: Глоссарий. Психологический словарь. – URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/11/lichnost/> (дата обращения: 22.02.2020). – Текст: электронный.

⁵ Интервью с академиком М. В. Курленей. Из архива автора (7 апреля 2020 г.).

¹ Научный архив Новосибирской области. НАСО. – Ф.18. – Оп.1.

съезде горных рабочих в Москве¹. Он с энтузиазмом выполнял любую работу, радел за социалистическую собственность, заботился о людях, признавал примат коллективного над частным. В молодости Н. Чинакал совершенно искренне принял идею классовой антагонистической структуры общества. Став членом КПСС, он придавал большое значение социальным корням. В 1957 г. ему пришлось объяснять первичной партийной организации путаницу, возникшую в сведениях о его происхождении. Он писал, что его отец и он сам «числились дворянами», а в 1906 г. под влиянием Первой русской революции, в результате которой «дворянство возглавило реакцию», «отказались от дворянского звания и приписались к крестьянам...» [4, с. 6–8]. Идеи служения идеалам советского общества пронизывают многие его работы, в частности, высказанные в статье «Шахта будущего», которую он видел как «шахту коммунистического общества», а главными характеристиками её являлись «высокая производительность труда, безопасность и экономичность»².

Временные рамки данной статьи ограничены датами жизни Н. А. Чинакала, его работой в различных организациях и учреждениях угольной отрасли, в Сибирском отделении АН СССР.

Методология и методы исследования. Одной из задач научного познания, сформулированных его эпистемологией (теорией научного познания) является углубление в суть познаваемых явлений. Оно преследует, в том числе нужды и потребности практики, содействует стремлению получить «руководство к действию» по изменению окружающей действительности и управлению реальными процессами. Этот прямолинейный подход классической эпистемологии, основанный на субъект-объектной дихотомии, в настоящее время уже не охватывает всей сложности научного подхода к объекту исследования. В этом плане современная социология как наука «о жизни общества» представляется, предпринимает попытку расширить границы эпистемологии, предлагая всё новые подходы к исследованию явлений жизни, природы и деятельности человека. Методологической базой исследователя-гуманитария становятся междисциплинарность естественных и гу-

манитарных наук, интердисциплинарность социально-гуманитарных наук.

Некоторые концепции современной социологии акцентируют внимание не на самих объектах, а на тех связях, которые формируются в результате взаимодействия агентов в возникающих ансамблях [16, с. 16]. Суть акторно-сетевой теории (АСТ) Б. Латура, а именно о ней идёт речь, состоит в повороте к материальному в социологическом теоретизировании, в том, что «...ранее статус материальных объектов был ограничен их функционированием в качестве инструментов действия, его инфраструктуры или проекции социальных смыслов. Революция заключается в приписывании объектам равного с людьми статуса в производстве действия» [3, с. 18]. Однако неожиданность на этом и заканчивается, ибо сам Б. Латур предостерегает: «...Если какое-нибудь исследование базируется либо на символическом, либо на природном типе причинности, нет оснований включать его в АСТ, даже если оно на это претендует. И наоборот, любое исследование, приписывающее не-человекам более открытый тип силы, нежели традиционная природная каузальность, и более действенный, чем символическая, может относиться к АСТ (в качестве примера приведена работа в которой исследуется активная роль гена)» [16, с. 23]. Кроме того, он настаивает на гибкости своей теории: «...Мы должны принимать в расчет не-человеческих акторов лишь пока они соизмеримы с социальными связями и при этом в следующее же мгновение признавать их фундаментальную несоизмеримость» [Там же, с. 111].

Таким образом, если социальное остаётся неизменным на протяжении всего исследования и им объясняется форма технологического прогресса, то это не АСТ. Мы подробно остановились на этом вопросе, поскольку представляется, что не всегда верно поняты идеи Б. Латура в применении его теории к изучению истории науки, техники и технологий. Однако акцент на композитной части данной теории может быть полезен, поскольку её сетевая структура характеризует системный подход к объекту исследования историка в том числе. Именно природный характер причинности и сетевых связей исследуемого в данной работе комплекса, подтверждает эту мысль. Кроме того, промышленная технология (методы, приёмы, режим работы, последовательность операций и процедур, что тесно связано с применяемыми средствами, оборудованием, инструментами и материала-

¹ Чинакал Н. А.: «Я видел Ленина». Воспоминания. — Текст: электронный // Госкаталог Российской Федерации. — URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20641959> (дата обращения: 20.02.2020).

² Чинакал Н. А. Шахта будущего. — Кемерово: [б. и.], 1964. — 8 с.

ми, из которых они изготовлены), как раз и является предметом исследования и целью учёных, связанных, в нашем случае, с горной наукой.

Что представляет данный комплекс, соединяющий учёного, горную науку и её объект? Это, во-первых, конкретный учёный, специалист в области угледобычи, как Н. А. Чинакал. Личностный подход в сочетании с теорией референтного поведения Р. Мертона позволит сформировать представление о его пути в науке и положении в социуме. Объектом научного интереса данного учёного являлась горная наука в широком смысле, угледобыча – в узком, методы угледобычи – в технологическом, социальном, экономическом и экологическом. Таким образом, мы получаем сложный природно-социальный сетевой объект с различными уровнями конфигурации агентов. Вслед за Б. Латуром мы можем задать вопрос: «Вносит ли один агент какое-нибудь изменение в ход действия какого-то другого агента или нет? Есть ли какое-нибудь испытание, позволяющее обнаружить это изменение?» [16, с. 103]. Представляется, что практика даёт на эти вопросы определённый ответ: «Вносит». Агентами не человеческой природы в данном исследовании являются, например, газ метан, взрывающий шахты, угольная пыль, заражающая местность продуктами открытой разработки месторождений, горючие свойства углей, которые проявляют себя при разработке пластов и т. д. И это уже не теория социологии или философии, а реальные проблемы (риски), которые входят элементами в систему «человек – машина – предмет труда – внешние среды».

В любом исследовании, касающемся личности, необходимо сосредоточиться на её особенностях, профессиональной и гуманитарной рефлексии. М. Вебер утверждал, что «личностью» в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу [1, с. 710]. Специфику науки в начале XX в. М. Вебер определял как подчинённую специализации. Отметим, что для наук, особенно технических, этот тезис актуален и поныне. Междисциплинарный подход, который влечёт использование математического моделирования, например, не исключает специфический профессионализм в технических науках по причине разнообразных рисков. Риски – возможности наступления неблагоприятного события, влекущего за собой различного рода потери (травма, потеря имущества, снижение уровня доходов

и пр.) – связаны с природной активностью объектов изучения технических наук¹.

Учёт рисков является одним из аспектов научной рефлексии специалистов горной науки. В данном исследовании среди множества категорий рисков мы остановимся на технико-производственных рисках, которые, в свою очередь подразделяются на экологические (нанесение ущерба окружающей среде), гуманитарные (производственные заболевания и гибель людей), аварийно-технические (пожары, взрывы), функционально-технические (поломки, вызванные ошибками проектирования и монтажа). Многие из вышеперечисленных явлений стали вызовами, объектами исследования как самого Н. Чинакала, так и его современников и последователей.

Изучая личность Н. А. Чинакала, нужно учитывать влияние такого феномена среды, как искусственное социально-гравитационное поле. Метафору социально-гравитационного поля, используя физические аналогии, предложил историк науки Г. Горелик, изучавший историю физической науки довоенного периода. Характер влияния процессов в общественной жизни России этого периода на формирование и трансформацию личности, её жизненной траектории, через специфическую метафору социально-гравитационного поля Г. Горелик считает разрушающим и деформирующим личность и культуру [2]. Данная метафора позволяет выявить, насколько личность способна противостоять такому воздействию, которое может проявиться в любое время. Особенно рельефно действие социальной гравитации проявилось во время «Шахтинского процесса».

И, наконец, если бы мы спросили Н. Чинакала, в чём смысл его жизни в науке, он бы, скорее всего, сказал о пользе и деятельности. Он, как и его современник – социолог М. Вебер (1864–1920) – мог бы сказать, что поиск смыслов индивидуален, связан ли он с религиозной рефлексией или нет, существует он или нет. Представляется, что тезис М. Вебера «одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному – нужно обратиться к своей работе и соответствовать “требованию дня” – как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [1, с. 734], – нашёл бы полное понимание у Николая Андрееви-

¹ Риски. – URL: <http://www.risk24.ru/risk.htm> (дата обращения: 17.04.2020). – Текст: электронный.

ча. В его деятельности сочетание пользы, приверженности рационализму, научному прогрессу и совершенствованию техники и технологии для пользы людей стали определяющими мотивами, смыслом жизни, его «демонами», сформировали его личность.

Результаты исследования и их обсуждение. Профессиональная деятельность Н. А. Чинакала доминировала над остальными императивами социальной жизни и определяла их. Профессия была для него объектом рефлексии, средством обеспечения жизненного комфорта и защиты от несправедливых обвинений, способом проявления гражданственности. Становление учёного-горняка Николая Андреевича Чинакала связано с двумя географическими регионами, крупными угледобывающими бассейнами – Донбассом и Кузбассом. Для каждого из них у него был свой подход, основанный на особенностях места и времени. Практически постоянно учёный работал в условиях форс-мажорной мобилизации, которая была вызвана как экономическими, так и социальными обстоятельствами, связанными с его обвинением во вредительстве и скрываемым социальным происхождением, которое неясно до сих пор (социально-гравитационное воздействие). Чинакал принимал участие в развитии угледобычи Донбасса в качестве начинающего инженера, а затем в её восстановлении после Гражданской войны. В Кузбассе он постоянно совершенствовал способы добычи угля, здесь соотношение материального, социального и осмысленного прослеживается в симбиозе новых научно-технических приёмов, предложенных им, с конкретной геологической обстановкой (крутопадающие пласты), а также с требованием наращивания угледобычи в сложные для страны периоды.

Добывающая, и в том числе угольная промышленность России всегда была предметом особого интереса правительства и бизнеса на протяжении нового и новейшего времени. Развиваясь экстенсивно, она стимулировала развитие экономики, образования, науки и культуры региона, который оказывался втянут в сферу её влияния. Так произошло на юге России во второй половине XIX в., где Н. А. Чинакал получил свои профессиональные компетенции, также и в первой половине XX в. освоение природных богатств Сибири обусловило активный трансферт научных и образовательных структур на восток страны. Таким образом, мы видим формирование и развитие сложной сетевой структуры отрасли в масштабах

одного региона и последующий охват других географических точек.

Во второй половине XIX в. главным угольным районом страны становится Донецкий бассейн. Бурное развитие угольной базы на юге России вызвало интенсивное развитие и других отраслей промышленности – рудной (Кривой Рог) и металлургической [19]. В 1884 г. была пущена Екатерининская железная дорога, соединившая Кривой Рог и Донбасс. Развитие сырьевой базы потребовало регулярной подготовки специалистов по горнодобывающему и металлургическому делу: немногочисленные специалисты, которые работали на шахтах и заводах, были в основном иностранцами. В 1899 г. в Екатеринославе¹ было основано высшее горное училище – первое учебно-исследовательское заведение горного профиля на территории Украины и второе в России после Санкт-Петербурга по времени основания (1773). Подготовка студентов велась на двух отделениях: горном и заводском (металлургическом). В мае 1903 г. училище частично преобразовали – установили четырёхлетний срок обучения, окончившим присваивали звание рудничного инженера и инженера-металлурга. Оно было названо Высшим, что означало поступление туда только после получения среднего образования. Обучение в вузе было платным². Николай Чинакал, лучший ученик начальной школы, был подготовлен к поступлению в реальное училище в Симферополе, окончил его в 1906 г. С третьего класса юноша давал частные уроки и тем зарабатывал на жизнь и обучение³. В 1908 г. Н. Чинакал поступил в Екатеринославское горное училище и окончил его в 1912 г. в 24-летнем возрасте.

После окончания учёбы Николай Чинакал и его друг, сокурсник (впоследствии академик) Лев Дмитриевич Шевяков (1889–1963) были оставлены в училище для участия в подготовке материалов к монографии «Описания Донецкого бассейна», которую заказал Совет съездов горнопромышленников Юга России. Друзья объехали и обследовали все антрацитовые рудники бассейна, задание было выполнено весьма аккуратно и квалифицированно. Н. Чинакалу предло-

¹ Екатеринослав, ныне Днепр – областной центр Днепропетровской области Украины (основан в XVIII в.).

² Екатеринославское горное училище. – URL: <https://www.shukach.com/ru/node/18505> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.

³ Чинакал Н. А. Автобиография. – Текст: электронный // Госкаталог Российской Федерации. – URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17684487> (дата обращения: 10.04.2020).

жили заниматься научной и исследовательской работой на кафедре «Маркшейдерское дело и геодезия» в должности ассистента, но кабинетная работа не привлекала молодого инженера, и он предпочёл производство¹. Не последнюю роль сыграли материальные факторы: более высокая зарплата на производстве и социальные льготы (в частности, казённое жильё). Н. Чинакал занимал ряд ответственных должностей на шахтах и рудниках Донбасса, заведовал Отделом механизации треста «Донуголь» (Харьков) в 1923–1928 гг. В этот период молодой инженер в составе советской делегации посетил Англию, США и Германию, где ознакомился с методами угледобычи. Именно здесь он был вдохновлён идеями механизации угледобычи, эта проблематика прочно входит в творческий арсенал будущего учёного, формируется его научно-техническая программа.

В 1920–1930-е гг. возрастает интерес к месторождениям минерального сырья за Уралом, акцент экономического развития постепенно смещается на восток. К этому времени усилиями нескольких поколений исследователей промышленно-экономическая привлекательность Кузбасса получила доказательное обоснование: были выявлены близкие к современным границы распространения угленосных отложений бассейна площадью около 27 тыс. км² [7, с. 31]. Дальнейшие перспективы развития бассейна связывались не только с его объёмами и качеством сырья. Они диктовались становлением Урало-Кузбасской промышленной агломерации, для которой разнообразное минеральное сырьё, в том числе коксующийся уголь, играло важную роль. В 1926 г. Н. А. Чинакал участвовал в работе комиссии по обследованию Кузбасса. Тогда Николаю Андреевичу особо запомнился Поварнинский лог в районе г. Прокопьевска, где угольные пласты выходят на поверхность. Забегая вперёд, скажем, что в 1936–1940 гг. он попадёт в эти места, станет продвигать своё изобретение – проходческий щит – в практику [4, с. 24–26].

В 1928 г. Н. А. Чинакал, который, повторим, занимал должность заведующего Отделом механизации Треста «Донуголь» (г. Донецк), был привлечён к уголовной ответственности по Шахтинскому делу (Дело

об экономической контрреволюции в Донбассе). Фактор социальной гравитации, искусственно созданное представление о вредительстве на производстве с целью замаскировать экономические и организационные просчёты руководства вызвали к жизни ряд инсценированных судебно-политических процессов, подобных Шахтинскому [8]. Н. Чинакал был осуждён на шесть лет лишения свободы, три года поражения в правах и на конфискацию трети имущества по статьям 58-7 и 58-11². Повествуя на следствии (он был арестован в марте 1928 г.) о своей биографии, он рассказал, что в училище посещал кружки политического самообразования, и подчеркнул: «Всё, что у меня осталось от общения с политическими кружками учеников, могу определить сознанием необходимости быть полезным членом общества, того общества, в котором живёшь»³. Хотя в итоге обвинения по статье 57-7 (вредительство) он не признал, на допросе 28 апреля 1928 г. Чинакал говорил: «Я виновен в том, что имея подозрения о том, что антисоветская работа в Донугле проводится, не заявил об этом своевременно соответствующим органам и поддерживал близкие отношения с теми людьми, которые мне не внушали полного доверия. Главная моя вина в том, что когда я видел явно вредительскую работу в своём отделе, то боролся с ней не всегда и не достаточно решительно»⁴, т. е. «знал, но не донёс». К моменту данной записи Чинакал, как и специалисты, привлечённые к «делу» раньше, с лета 1927 г., находились в тяжёлом психологическом состоянии: одни под воздействием самого следствия, другие – под влиянием массовых арестов. Поэтому трудно судить, насколько искренними были подобные заявления.

Николай Андреевич оказался в Сибири, где и провёл остаток жизни, достиг значи-

² Статья 58-7 в редакции 1927 г. влекла наказание за «...подрыв государственной промышленности и транспорта..., совершённых в контрреволюционных целях путём использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности...». Статья 58-11: «...Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой 1 УК РСФСР». УК РСФСР опубликован в ноябре 1926 г. и вступил в силу с 1 января 1927 г. Глава 1 введена в действие Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. ЦА ФСБ РФ. – Ф. Р-49447. – Т. 16. – Л. 12.

⁴ Там же. – Л. 81.

¹ Ким А. А. 120 лет со дня рождения учёного-горняка Чинакала Николая Андреевича (1888–1979), заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. – URL: Rraeved.ngonb.ru (дата обращения: 10.04.20). – Текст: электронный.

тельного карьерного успеха и признания. Его сибирский послужной список начинается с работы в «шарашке» – проектно-строительном бюро № 14 ПП ОГПУ¹ в Новосибирске в должности заместителя главного инженера. Затем – ряд должностей на комбинате «Кузбассуголь», где шло проектирование шахт. В 1933 г. его досрочно освободили из заключения. Обиду от несправедливого наказания он сохранил на всю жизнь [4, с. 24], но не она определяла его жизненную позицию. К мотивам полезности и активного служения обществу, возможно, примешивалось чувство вины и досады за показания против «антисоветского инженерства».

Знакомство с особенностями залегания углей в Кузбассе стимулировало творческую мысль инженера, в 1935 г. он предложил использовать специальную конструкцию – проходческий щит (щит Чинакала), которая была эффективна при разработке крутопадающих пластов, характерных для данной угольной провинции. Проект базировался на идее использования природной силы тяжести обрушенных пород при перемещении крепи вдоль вертикальных полостей (скважин, печей). Сегодня общепризнанно, что метод добычи угля в Кузбассе с применением проходческого щита Чинакала в годы Великой отечественной войны привёл к значительному росту производительности труда и увеличению добычи угля [5, с. 55; 15, с. 47]. Но путь к успеху был достаточно тернист и сложен: новшество встретило сопротивление, которое Николай Андреевич преодолевал с невероятным упорством: в 1936 г. он перебрался из Новосибирска в Кузбасс (Киселевск, Прокопьевск), где до 1940 г. вплотную занимался созданием щитовой системы, в экспериментальных забоях сам руководил сборкой щитов, обучал рабочих, делил с ними успехи и неудачи, вкладывал личные средства на приобретение материалов. Работал императив «требования дня» – необходимость в увеличении производительности труда шахт. Не только консерватизм руководства и коллег сдерживали продвижение метода, но и факторы аварийно-технического (эндогенные пожары) и функционально-технического (поломки, вызванные ошибками проектирования и монтажа) характера, которые сопровождали эксперименты². Но Н. Чинакал был уверен

¹ ПП ОГПУ – Полномочное представительство Объединённого государственного политического управления.

² Чинакал Н. А. Выемка угля при помощи щита // Известия Ордена Трудового Красного Знамени Политехнического института им. С.М. Кирова. – 1945. –

в своём методе и не преминул обращаться за поддержкой в высокие инстанции: к члену Политбюро КПСС Л. М. Кагановичу, наркому угольной промышленности В. В. Вахрушеву: тем самым он подспудно призывал разделить с ним ответственность за его дело [5, с. 53, 54].

Исследовательский потенциал инженера Н. Чинакала, подкреплённый его публикационной и ораторской активностью (выступления на конференциях, в тематических сборниках, региональной прессе), был замечен. В 1940 г. его переводят на работу в Томский индустриальный институт, присваивают звание профессора и утверждают в учёной степени доктора технических наук без защиты диссертации. Николай Андреевич становится заведующим кафедрой нового шахтного строительства, попутно на Томском электромеханическом заводе создаёт проектное бюро для дальнейшего совершенствования своей системы (Бюро Чинакала) [Там же, с. 506, 507]. Факт, что Николай Андреевич повысил свой статус, занял прочные позиции в научно-техническом сообществе, обусловил его дальнейшее продвижение теперь уже в академическом сообществе.

Ещё с 1930-х гг. промышленно развивающийся Сибирский край нуждался в помощи науки, не раз поднимался вопрос об организации академической структуры на востоке страны. Феноменально, но лишь в годы войны складываются условия, когда активность учёных, эвакуированных в Сибирь из центра, привлечённых для решения конкретных задач промышленности посредством комплексных бригад и специальных комиссий (временных исследовательских коллективов) слилась с деятельностью комитетов учёных Томска, Новосибирска, Омска и других городов: проблемы оборонного значения удавалось решать в сжатые сроки благодаря такому сотрудничеству [12, с. 35]. Обращает на себя внимание тесное межличностное общение эвакуированных и сибирских учёных. Для Н. Чинакала это возможность снова работать вместе со своим учителем, академиком А. А. Скочинским (1874–1960) и однокашником, академиком Л. Д. Шевяковым, с которыми они были вместе в зарубежной научной командировке в 1924–1925 гг. В биографии учёных было и другое общее обстоятельство – «Шахтинское дело», в сфере воздействия которого оказались и А. А. Скочинский, которому удалось доказать абсурдность обвинений, и

Вып. 62, т. 2. – С. 9–25.

профессор Екатеринбургского горного института Л. Д. Шевяков, сосланный в административную ссылку в Сибирь (Новосибирск, Томск), где он стал весьма востребован [9, с. 126]. Совместные организационные усилия «групп лоббирования» – академических учёных и томских профессоров – привели в итоге, к созданию Западно-Сибирского филиала АН СССР (ЗСФ АН СССР), и именно учёные-горняки сыграли в этом событии ключевую роль [10, с. 44, 48; 13, с. 15]. Н. А. Чинакал закономерно становится во главе Горно-геологического института ЗСФ АН СССР, который он возглавлял с 1944 по 1957 г. Переход в директорский корпус стимулировал и его вступление в КПСС в 1944 г.

Последующий период, на который выпало директорство Н. Чинакала, связан с решением нескольких организационных проблем: формированием Института и его тематики, созданием экспериментальной базы, обоснованием права на место Института горного дела (далее – ИГД) в системе АН СССР в связи с расформированием Отделения технических наук, прогнозированием дальнейшего развития механизации угледобывающей отрасли, которое он изложил в цикле работ [4, с. 121–124]. Коллектив Горно-геологического института, который возглавил Н. А. Чинакал, сконцентрировал свою деятельность на трёх направлениях, имевших важное народно-хозяйственное значение и отражающий системно-сетевой характер научно-технических связей в регионе. В их числе были совершенствование щитовой системы разработки и расширение её применения с целью получения дешёвого угля для промышленности; изучение возможностей для создания самостоятельной железорудной базы в Западной Сибири; исследование нефтеперспективности структур Сибирской платформы [5, с. 13]. Данное направление в последующем дало импульс к созданию самостоятельного института уже в Сибирском отделении АН СССР – Института геологии и геофизики. Но следует помнить, что в Филиале это направление возглавлял профессор М. К. Коровин (1883–1956), который был уверен в перспективах нефтеносности Сибирской платформы¹. В первое пятилетие работы Филиала Н. А. Чинакал был единственным директором института, который постоянно находился в Новосибирске, остальные директора распределяли своё

время между Томском и Новосибирском [10, с. 52]. При создании Сибирского отделения АН СССР в 1957 г. ИГД выделен в самостоятельный институт, в 1958 г. Н. А. Чинакал избирается членом-корреспондентом АН СССР по «сибирским» вакансиям. Институт стремительно развивался, и в 1990-е гг. достиг максимума численного роста сотрудников. Эта динамика отражена в представленной таблице.

Динамика численности сотрудников ИГД СО РАН²

Год	1960	1970	1980	1990	2000	2020
Общее количество	208	521	697	672	351	321
Научные сотрудники	72	145	197	237	118	124

На протяжении всей истории ИГД теория и практика разработки и обогащения полезных ископаемых занимала значимое место в его тематике. Став самостоятельным учреждением Академии, институт сосредоточил свои исследования на проблемах механики горных пород и горного давления, создании эффективных систем разработки с механизацией технологических процессов для угольных и рудных месторождений (акад. С. А. Христианович, чл.-корр. Н. А. Чинакал, чл.-корр. Т. Ф. Горбачев); на исследовании разрушения и бурения горных пород (акад. М. А. Лаврентьев, чл.-корр. Н. А. Чинакал, д-р техн. наук Б. В. Суднишников); на разработке теории и практики новых методов обогащения руд полезных ископаемых (канд. техн. наук Ф. А. Барышников). Привлечение к тематике ИГД академиков М. Лаврентьева и С. Христиановича, специалистов в области математики и механики реализовало комплексный подход на основе кооперации наук, базовом императиве СО АН СССР/СО РАН.

В период становления в составе СО АН коллектив ИГД под руководством Н. А. Чинакала занялся поисками рациональных способов управления щитами, работал в направлении совершенствования их конструкций. Помимо этого исследовались и сами условия угледобычи, особенно такие риски, как внезапные выбросы угля и газа, эндогенные пожары, горное давление, для изучения которого разрабатывалась уникальная аппаратура. В 1960-е гг. ежегодно с применением щитовой системы добывалось 12–13 млн т угля в Кузбассе – 1/9 часть отечественной угледобычи. Гораздо позже, в 1980-е гг., было обосновано, что применение щитовой

¹ Стараниями Н. А. Чинакала в 1974 г. М. К. Коровину посмертно была присуждена Ленинская премия за открытие Западно-Сибирской нефтеносной провинции.

² Таблица составлена по изданию [6, с. 639] и данным сайта ИГД СО РАН: <http://www.misd.ru/guide/>.

системы только в Прокопьевско-Киселевском районе Кузбасса давало производительность в 4–5 раз выше по сравнению с системами разработки с закладкой выработанного пространства, а себестоимость в 2–3 раза ниже [18, с. 6]. Щитовая система распространилась и на горнорудную промышленность Урала и Алтая [5, с. 31].

Переход угольных шахт в Кузбассе в 1950-е гг. на более глубокие горизонты привёл к появлению нового типа аварийно-технических рисков – горных ударов – внезапных выбросов пород в горную выработку, сопровождаемых сильным звуковым эффектом и мощной воздушной волной. Поэтому в 1958 г. в ИГД была организована лаборатория горного давления, которую возглавил член-корреспондент АН СССР Т. Ф. Горбачев (1900–1973). Соответствующие подразделения ИГД вели исследования над влиянием горного давления на щитовые перекрытия при разработке мощных крутопадающих угольных пластов и рудных тел. Старейшим подразделением ИГД была лаборатория механизации горных работ (д-р техн. наук Г. В. Родионов, д-р техн. наук А. Д. Костылев), которая работала над созданием погрузочных машин, а с 1965 г. под руководством доктора технических наук Б. В. Суднишникова развернула исследования над новым классом горных машин – «подземными ракетами» – пневмопробойниками.

Важным направлением работы ИГД стали ресурс- и здоровьесберегающие исследования, а также исследования в области экономичного природопользования, что диктовалось как расширением способов добычи полезных ископаемых, так и повышением её сложности на больших глубинах. Началось изучение обогащения руд полезных ископаемых, таких как касситерит с целью извлечения олова, разработано теоретическое обоснование процесса извлечения ртути из руд, получены метод обогащения бокситовых руд, способ использования шламов доменной газоочистки КМК с целью извлечения из них цинка, железа, редких и цветных металлов. Коллектив лаборатории управляющих систем (канд. техн. наук М. М. Савкин) занимался разработкой автоматического управления и регулированием в технологических процессах горной промышленности, а также исследованиями в области подземной радио- и высокочастотной связи. Это привело к созданию технических средств и аппаратуры высокочастотной диспетчерской связи для шахт и горноспасательной службы.

На базе Института была развернута работа Сибирской комиссии по борьбе с силикозом (д-р мед. наук П. Т. Приходько), которая работала над учётом гуманитарных рисков. Сотрудники комиссии анализировали и причины производственного травматизма при щитовой системе разработки, исследовали закономерности движения воздуха при проветривании щитовых забоев, занимались конструированием защитной горняцкой одежды. Комиссия стала методическим центром 22 подобных отраслевых комиссий [5, с. 37]. Поскольку сам Николай Андреевич в своей деятельности был более всего мотивирован соображениями пользы и эффективности, закономерно, что именно в ИГД появился кабинет экономической эффективности научных исследований и организации труда (канд. экон. наук А. И. Щербаков).

Очевидно, что деятельность коллектива ИГД в период 1960–1970-х гг. соответствовала потребностям того сырьевого района, к которому Институт был географически и исторически привязан. Но уже в конце 1950-х гг. сама Академия наук и Сибирское отделение столкнулись с рядом организационных проблем, социально-гравитационное напряжение дало о себе знать и в, казалось бы, относительно благоприятное для отечественной науки «оттепельное» время. Правительство, и особенно рельефно его глава Н. С. Хрущев, выражали недовольство в адрес Академии. С одной стороны, они поддерживали создание академического центра на востоке страны, с другой, негативно оценивали его деятельность (Академия «оторвалась от жизни»). Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 3 апреля 1961 г. «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» было ликвидировано Отделение технических наук. Из Академии были выведены институты технического профиля, что привело к потере половины институтов и трети сотрудников Академии. Одним из итогов этой реформы стало снижение теоретического уровня ряда важнейших направлений научно-технической революции [11, с. 155]. Преобразования не затронули ИГД: он остался в составе СО АН, и авторитет Н. Чинакала здесь сыграл не последнюю роль. Более того, со временем в Сибирском отделении появились новые организации горного профиля: Институт горного дела Севера им. Н. В. Черского (Якутск, 1980), Институт природных ресурсов (Чита, 1981) – с 2013 г. Институт природных ресур-

сов, экологии и криологии, Институт угля (Кемерово, 1983).

Удалось Николаю Андреевичу предотвратить перевод ИГД из Новосибирска в Кемерово. Сама идея и способ её воплощения показывают, насколько непродуманными могли быть организационные решения высоких инстанций. В 1968 г. Кемеровский обком КПСС обратился в правительство с просьбой организовать в Кемерово филиал АН. Скрытым образом прорабатывался вариант о перебазировании сюда ИГД. В это время нарастание экономических проблем сдерживало развитие самого СО АН, о чём не раз говорилось на заседании его Президиума¹, кроме того, ИГД боролся за строительство так необходимой ему экспериментальной базы, в чём ему отказывали за неимением средств. Николай Андреевич направил докладную записку в ЦК КПСС, в АН СССР, в СО АН СССР, в ГКНТ, где говорил: «...Там, где учёных нет, где нет и условий для их подготовки, там государство находит и не жалеет тратить большие средства, а там, где учёные есть, где созданы необходимые условия для их подготовки, средств у государства нет. А мы ведь живём в плановом государстве. Где же логика и деловой подход?» [4, с. 90].

В 1972 г. 84-летний Н. А. Чинакал передал руководство Институтом академику Е. И. Шемякину (1929–2009). Сам же он продолжал возглавлять одно из научных направлений ИГД – по созданию и совершенствованию существующих технологических схем подземной разработки мощных пластов угля и рудных месторождений в сложных горно-геологических условиях на больших глубинах, обеспечивающих сохранность окружающей среды, полноту извлечения полезных ископаемых, высокую производительность и комфортные условия труда горнорабочих. Эта громоздкая формулировка проблемы между тем полностью совпадает с теми идеями «шахты будущего», которую Н. А. Чинакал высказывал ещё в 1960-е гг. Они красной нитью проходят через всю его деятельность, реализованы в той или иной мере, объединяют элементы в системе «человек – машина – предмет труда – внешние среды». Тогда, вдохновлённый содержанием принятой на XXII съезде КПСС Программы, провозгласившей главной экономической задачей партии и советского народа создание в течение двух десятилетий материально-технической базы коммуниз-

ма, Н. Чинакал, пожалуй, ещё сильнее ощутил свою социальную идентичность².

Н. Чинакал всегда руководствовался рациональным выбором, который мог вывести его Институт на значимые позиции в профессиональном сообществе и в системе «наука – производство». Так было и с переходом на новую тему для ИГД – открытый способ добычи угля. Хотя он практиковался в Кузбассе ещё с конца 1940-х гг., лаборатория открытых горных работ (канд. техн. наук Е. И. Васильев) была создана в 1966 г. Это было своевременное решение, поскольку тогда учёные ещё могли надеяться на симбиоз теории и практики. В настоящее время количество угольных разрезов в Кузбассе увеличилось почти вдвое, с 24 до 44, нарастают экологические риски, но анализ данной ситуации выходит за рамки статьи.

Первой научной проблемой лаборатории открытых горных работ стала «Разработка научных основ технологии селективной добычи и раздельной переработки полиметаллических руд и обеспечение комплексного использования сырья» по заданию Минцветмета СССР [5, с. 412, 413]. Следующей задачей стало повышение технико-экономических показателей работы угольных карьеров Южного Кузбасса. Пересечённый гористый рельеф поверхности с глубокими долинами рек и поперечными логами стали частью объективных причин низких показателей эффективности добычи в угольных карьерах. Совершенствование технологии открытых горных работ решалось путём предложенной отработки пологопадающих и наклонных месторождений системами с разнонаправленным продвижением фронта горных работ. На пологопадающих месторождениях, после достижения определённой глубины, фронт работ разворачивался с продольного и принимал диагональное направление, на наклонных месторождениях поперечное направление переходило в продольное, при этом величина угла разворота определялась условиями передвижения горно-транспортного оборудования. Попутно решались вопросы сокращения транспортирования вскрышных пород, улучшение показателей качества и извлечения [Там же, с. 416]. В 1980-е гг. в ИГД решались проблемы экологичности открытой разработки месторождений [Там же, с. 419]: разрабатывались безвзрывные тех-

¹ НАСО. – Ф.10. – Оп. 3. – Д. 704а. – Л. 80; д. 528. – Л. 304.

² Социальная идентичность – отражение внутренней солидарности человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами, помощь в процессе Я-категоризации [21].

нологии отработки горных пород, управление воспроизводством техногенного ресурса – выработанного пространства карьера, создание математической модели карьера и многое другое, что весьма актуально для Кузбасса наших дней, который в настоящее время явно не справляется с техногенными нагрузками, вызванными открытым способом добычи угля [20].

Заключение. Н. А. Чинакал не застал катаклизмов, вызванных новой геополитической и экономической ситуациями 1980–1990-х гг., но влияние его личности продолжало поддерживать коллектив Института горного дела СО РАН в это непростое время. Его имя было присвоено ИГД в 2010 г.¹ В 1998 г. был создан музей, в котором есть мемориальный кабинет Н. А. Чинакала, – это ещё один штрих значимости его личности, помимо всех наград и званий. Закономерно встаёт вопрос, почему столь долгий период – 28 лет – Н. Чинакал руководил Институтом в разных его конфигурациях – в ЗСФ АН и СО АН? Нужно сказать, что долгое директорство характерно для академических институтов, по крайней мере, в Сибири². Авторитет и признание руководителя коллективом, его академический статус имели значение. Не меньшее значение имела и стабильность, которую коллектив ощущал под руководством Н. Чинакала. Стабильность – весьма почитаемый показатель советского общества (хотя застой – его оборотная сторона): стабильная зарплата, социальный статус, постоянное место работы, жильё и прописка, уверенность в завтрашнем дне. Для науки, как, впрочем, для любой отрасли, стабильность авторитетного руководителя (личности именно в значении авторитетности и влияния) – залог комфортного существования всего коллектива, и она не препятствовала развитию ИГД. Императив стабильности весьма востребован и в наше время, хотя налицо дисбаланс

стабильности и неустойчивости [22]. После Н. Чинакала ИГД руководили академики Е. И. Шемякин (1972–1987), М. В. Курленя (1988–2003), член-корреспондент РАН В. Н. Опарин (2003–2013). Это также весьма авторитетные и почитаемые специалисты, которые смогли удержать Институт на плаву в сложное постперестроечное время. Реформирование РАН, инициированное правительством в 2013 г., поставило Академию и её Сибирское отделение в сложные условия. Не обошли проблемы и ИГД, о чём свидетельствует ситуация вокруг молодого руководства Института (канд. техн. наук А. С. Кондратенко занял пост директора в 2013 г.)³.

Под влиянием социально-экономических трансформаций Н. А. Чинакал несколько раз менял свой социальный статус, осуществлял своего рода переход из одного состояния в другое. Рубежами перехода были смена эпох, смена регионов, смена социальной группы. И лишь его профессия оставалась неизменной. Деятельность ИГД в период директорства Н. Чинакала укладывалась в его идею «шахты будущего», пусть не столь романтической, как в его статье, но предельно технологичной и эффективной на практике. Движимый деятельностным и общественно-полезным началами, Н. Чинакал выбрал объектом научного интереса горную науку в широком смысле, угледобычу – в узком, методы угледобычи – в технологическом, социальном, экономическом и экологическом. В данном сложном природно-социальном сетевом пространстве с различными уровнями конфигурации сформировалась его личность, яркая индивидуальность, способная достигнуть многого, несмотря на колебания социально-гравитационного поля и вызванные этим трансформации. Институт горного дела СО РАН сейчас очень нуждается в таком энергичном, толковом и авторитетном руководителе.

Список литературы

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Горелик Г. Е. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // Знание – сила. 1993. № 6. С. 54–63.
3. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 17–36.

¹ О присвоении имени члена-корреспондента АН СССР Н. А. Чинакала Учреждению РАН Институту горного дела СО РАН: Постановление Президиума РАН: [от 26 октября 2010 г. № 215] // Наука в Сибири. – 2010. – № 45. – С. 2.

² Академик В. Е. Зуев (Томск) руководил Институтом оптики атмосферы так же 28 лет (1925 г.р.), академик Г. К. Боресков (1907 г.р.) – Институтом катализа 26 лет, академик М. А. Лаврентьев (1900 г.р.) был директором Института гидродинамики 18 лет. Примеры можно продолжить.

³ Учёные заявили о давлении силовиков по делу Института горного дела СО РАН. – URL: <https://www.tayga.info/152227> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.

4. Зворыгин Л. В., Курленя М. В. Николай Андреевич Чинакал: горное дело – жизнь и судьба. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 158 с.
5. Зворыгин Л. В., Курленя М. В. Летопись Института горного дела Сибирского отделения РАН. Люди события, даты. 1943–2000. Новосибирск: Новосиб. писатель, 2004. 640 с.
6. Ибрагимова З. М. Земное тяготение // «Созидатели»: очерки о людях, вписавших своё имя в историю Новосибирска. Новосибирск: Клуб меценатов, 2003. Т. 2. С. 469–479.
7. Кравцова Л. А. Исследования Кузнецкого угольного бассейна в XVIII – первой трети XX в. в динамике развития геологических знаний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 27–35.
8. Красильников С. А. Шахтинский процесс как социально-политический заказ // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 70–73.
9. Красильников С. А. Академик Л. Д. Шевяков – организатор науки в восточных регионах страны // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Вып. 1. История. С. 126–132.
10. Красильников С. А. Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР: от разработки решения к его реализации (март 1943 – январь 1944) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 2. С. 42–54.
11. Кузнецов И. С. М. А. Лаврентьев и реформирование Академии наук // ЭКО. 2014. № 9. С. 153–168.
12. Куперштох Н. А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 2. С. 32–40.
13. Куперштох Н. А. Академик А. А. Скочинский – организатор науки в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 2. С. 11–17.
14. Курленя М. В., Опарин В. Н., Грицко Г. И. Патриарх академической горной науки в Сибири Николай Андреевич Чинакал // Наука в Сибири. 2008. № 49/50. С. 8–9.
15. Курленя М. В. Научная школа. Геомеханика и технология освоения недр. Новосибирск: Наука, 2016. 268 с.
16. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экон. 2014. 384 с.
17. Николай Андреевич Чинакал // Летопись Института горного дела Сибирского отделения РАН. Люди, события, даты. 1943–2000. Новосибирск: Сиб. писатель, 2004. С. 502–510.
18. Николаев С. С. Обоснование параметров управления трудно-обрушаемой кровлей при щитовой системе разработки: дис. ...канд. техн. наук: 05.15.02. Прокопьевск, 1983. 210 с.
19. Солодянкин А. В. К 110-й годовщине со дня основания Национального горного университета. URL: <http://www.ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/2788/Solodynkina2009.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.04.2020). Текст: электронный.
20. Трушина Г. С. Влияние угольной промышленности Кузбасса на экологическую и продовольственную безопасность региона // Уголь. 2018. № 10. С. 98–101.
21. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М.: Прогресс. 1996. 342 с.
22. Graham L., Dezhina I. Science in the New Russia: Crisis, Aid, Reform. URL: <https://www.researchgate.net/> (дата обращения: 10.04.2020). Текст: электронный.

Сведения об авторе

Крайнева Ирина Александровна, доктор исторических наук, Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 6; e-mail: cora@iis.nsk.su; <https://orcid.org/0000-0002-0601-9795>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-49-540001 «Их именами названы институты Новосибирска: история жизнедеятельности выдающихся учёных XX века».

Библиографическое описание статьи

Крайнева И. А. Николай Андреевич Чинакал: личность в науке // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 101–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-101-113.

References

1. Weber, M. Science as a vocation and profession. Selected works. M: Progress. 1990: 707–735. (In Rus.)
2. Gorelik, G. E. University and academic physics, or Science in a strong social field. Znanie – sila, no. 6, pp. 54–63, 1993. (In Rus.)
3. Erofeeva, M. Actor-network theory and problem of social action. Sotsiologiya vlasti, no. 1, pp. 17–36, 2015 (In Rus.)

4. Zvorygin, L. V., Kurlenya, M. V. Nikolai Andreevich Chinakal: Mining – life and fate. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2001. (In Rus.)
5. Zvorygin, L. V., Kurlenya, M. V. Chronicle of the Institute of Mining, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. People, events, dates. 1943–2000. Novosibirsk: ANO Izd. dom «Novosibirskii pisatel», 2004. (In Rus.)
6. Ibragimova, Z. M. Earth gravity. “Creators”: essays about people who wrote their name into the history of Novosibirsk. Novosibirsk: Clubmecenatov, vol. II, pp. 469–479, 2003. (In Rus.)
7. Kravtsova, L. A. Exploration of the Kuznetsk coalfield in the XVIII – early XX centuries within the dynamics of geological knowledge development. Bulletin of Kemerovo State University, no. 3, pp. 27–35, 2018. (In Rus.)
8. Krasilnikov, S. A. Shaktinskiy trial as a sociopolitical order. Gumanitarnyye nauki v Sibiri, no. 2, pp. 70–73, 2009. (In Rus.)
9. Krasil'nikov, S. A. Academician L. D. Sheviakov – an organizer of science in the eastern regions of Russia. Vestnik NGU, vol. 1, pp. 126–132, 2013. (In Rus.)
10. Krasil'nikov, S. A. The organization of the West-Siberian branch of USSR Academy of Sciences: from concept development to implementation (March, 1943 – January, 1944). Siberian Historical Research, no. 2, pp. 42–54, 2013. (In Rus.)
11. Kuznetsov, I. S. M. A. Lavrentiev and the reform of the Academy of Sciences. EKO, no. 9, pp. 153–168, 2014. (In Rus.)
12. Kupershtokh, N. A. The West-Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR: projects and realities of the first half of the 20th century. Vestneyk Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2, pp. 32–40, 2014. (In Rus.)
13. Kupershtokh, N. A. Academician A. A. Skochinsky as an organizer of science in Siberia during the Great Patriotic War. Gumanitarnyye nauki v Sibiri, no. 2, pp. 11–17, 2015. (In Rus.)
14. Kurlenya, M. V., Zvorygin, L. V. Nikolai Andreevich Chinakal, 1888–1979. Ed. A. D. Kostylev. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1999. (In Rus.)
15. Kurlenya, M. V., Oparin V. N., Gritsko G. I., et al Patriarch of academic mining science in Siberia. Nikolai Andreevich Chinakal. Nauka v Sibiri, no. 49–50, pp. 8–9, 2008. (In Rus.)
16. Latour, B. Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. M: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki. 2014. (In Rus.)
17. Nikolai Andreevich Chinakal. Chronicle of the Institute of Mining, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. People, events, dates. 1943–2000. Novosibirsk: Novosibirskii pisatel, 2004: 502–510. (In Rus.)
18. Nikolaev, S. S. Substantiation of control parameters of a hard-collapsible roof with a shield development system. Cand. sci. diss. Prokopyevsk, 1983. (In Rus.)
19. Solodyankin, A. V. On the 110th anniversary of the founding of the National Mining University. Web. 10.04.2020. <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/2788/Solodynkin2009.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. (In Rus.)
20. Trushina, G. S. The influence of the Kuzbass coal industry on the ecological and food security of the region. Ugol', no. 10, pp. 98–101, 2018. (In Rus.)
21. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis. M: Progress. 1996. (In Rus.)
22. Graham, L., Dezhina, I. Science in the New Russia: Crisis, Aid, Reform. 2008. Indiana University Press. (In Engl.)

Received: April 10, 2020; accepted for publication June 15, 2020

Information about author

Krayneva Irina A., Doctor of History, P. Ershov Institute of Informatics Systems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Akademika Lavrent'eva ave., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: cora@iis.nsk.su; <https://orcid.org/0000-0002-0601-9795>.

Sources of article funding

The study is financially supported by Russian Foundation for Basic Research and Novosibirsk Region in the framework of the research project No. 19-49-540001 “The research institutes of Novosibirsk bear their names: the life of outstanding scientists of the 20th century”.

Reference to the article

Krayneva I. A. Nikolai Andreevich Chinakal: a Personality in Science // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 101–113. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-101-113.

Виктор Владимирович Митрофанов,*Университет при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС**(г. Санкт-Петербург, Россия),**e-mail: Viktor-n1962@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>***«Летом очень доволен...»: переписка С. Ф. Платонова из Валук**

Научная, административная, преподавательская, просветительская деятельность выдающегося отечественного учёного С. Ф. Платонова нашла отражение в многочисленных публикациях. Представляет интерес его повседневная жизнь, поведение его в неформальной обстановке, в семье, в отпускной период. Летний отдых С. Ф. Платонова 1909 г. в уездном городке Валуйки продолжает вызывать интерес у исследователей. Он привлекает внимание, прежде всего, археологической раскопкой, которая была здесь проведена. Результаты её были предметом анализа выдающегося археолога А. А. Спицына, написавшего статью, рукопись которой пролежала в архиве более сотни лет. При этом в работах воронежских исследователей, обращавшихся к данной теме, допущено немало неточностей и ошибок. Важным направлением творческой деятельности С. Ф. Платонова в летний период была переписка. Находясь в отпуске, С. Ф. Платонов продолжал поддерживать активные связи со своими коллегами и учреждениями, поэтому место отдыха выбиралось с учётом доступности почтовых услуг. Выявлены интересные архивные материалы, которые позволяют назвать новые имена писавших в Валуйки, очертить географию отсылки писем. Среди них председатель Тверской губернской Учёной архивной комиссии И. А. Иванов (Тверь), председатель Новгородского общества любителей древности М. В. Муравьев (Новгород), сотрудник Археографической комиссии В. В. Майков (Санкт-Петербург), преподаватели Женского педагогического института В. Волкович и З. Столица (Женева). Большая часть писем самого С. Ф. Платонова из Валук опубликована, но они продолжают выявляться. Одно, правда неоконченное, публикуется в статье. Письма позволяют конкретизировать отдельные малоизвестные факты пребывания семьи Платонова в уездном городке Воронежской губернии.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, Валуйки, историография, архивные материалы, археологическая раскопка, переписка

Victor V. Mitrofanov,*University at the EurAsEC Interparliamentary Assembly**(St. Petersburg, Russia),**e-mail: Viktor-n1962@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>***“I’m Very Happy in the Summer...”: S. F. Platonov’s Correspondence From Valuyki**

Scientific, administrative, teaching, educational activities of the outstanding Russian scientist S. F. Platonov have found reflection in numerous publications. His daily life, his behavior in an informal setting, in the family, during the vacation period are of great interest. Summer vacation of S. F. Platonov in 1909 in the district town of Valuyki continues to arouse interest among researchers. It attracts attention, first of all, by the archaeological excavation that was carried out here. Its results were the subject of analysis by the outstanding archaeologist A. A. Spitsyn, who wrote an article, the manuscript of which has been in the archive for over a hundred years. At the same time, a lot of inaccuracies and mistakes were made in the works of the Voronezh researchers who addressed the topic. An important direction of S. F. Platonov had a correspondence in the summer. While on vacation, S. F. Platonov continued to maintain active ties with his colleagues and institutions. Therefore, the place of rest was chosen taking into account the availability of postal services. Interesting archival materials have been identified that allow us to call new names of those who wrote to Valuyki, to outline the geography of sending letters. Among them are the chairman of the Tver province scientific archival commission I. A. Ivanov (Tver), Chairman of the Novgorod Society of Antiquity Lovers M. V. Muravyov (Novgorod), employee of the Archaeographic Commission V. V. Maikov (St. Petersburg), teachers of the Women’s Pedagogical Institute V. Volkovich and Z. Capital (Geneva). Most of the letters by S. F. Platonov from Valueki have been published, but they continue to come to light. One unfinished letter is published in the article. The letter allows us to concretize some little-known facts about the stay of the Platonov’s family in the district town of the Voronezh province.

Keywords: S. F. Platonov, Valuyki, historiography, archival materials, archaeological excavation, correspondence

© Митрофанов В. В., 2020

Введение. Связи С. Ф. Платонова с Воронежскими краеведами были многолетние и довольно регулярные, о чём свидетельствуют исследования последних лет [7, с. 33–42]. Выявлена и опубликована полностью переписка С. Ф. Платонова с известным воронежским краеведом С. Е. Зверевым [12, с. 173; 13, с. 309–320] и авторитетным деятелем образования С. Н. Введенским [14, с. 321–345]. По заданию Учёного комитета С. Ф. Платонов составил отзыв на сочинение многолетнего публикатора документов по истории Воронежского края Л. Б. Вейнберга [11, с. 72–77]. В личном фонде С. Ф. Платонова хранятся письма А. М. Дядькова¹, С. Н. Прядкина² – преподавателя Воронежской Мариинской женской гимназии, С. А. Блинова³ – известного земского деятеля. 27 февраля 1903 г. из Воронежа С. Ф. Платонову писал С. Милюшин⁴.

Знаток истории Воронежского края А. Н. Акиншин справедливо указал на знакомство С. Ф. Платонова с уроженцами Воронежской губернии: профессором Санкт-Петербургского университета А. Д. Градовским, оказавшим большое влияние на формирование молодого исследователя в студенческие годы; Бруно Вильгельмом Карлом Адольфом Адлером, этнографом и антропологом, профессором Казанского университета, в дальнейшем – хранителем Музея им. Александра III. С последним он был «хорошо знакомым» и обещал поговорить на счёт судьбы старшего сына председателя Тверской губернской Учёной архивной комиссии И. А. Иванова Александра (способствовать устройству на работу в Музей) [1, с. 140].

Методология и методы исследования. Работа построена на принципах историзма и научной объективности. Специфика работы обусловила выбор следующих методов исследования: ретроспективный, который позволяет рассматривать события в прошлом; с помощью хронологического определяем события во временной последовательности (прибытие семьи Платонова в Валуйки и приезд Сергея Фёдоровича, проведение раскопки, написание корреспонденции, время отъезда домой), время написания писем и их очерёдность.

Целями статьи являются систематизация неточностей, которые имеются в

работах о времени летнего отдыха семьи Платоновых в Валуйках, уточнение количества корреспондентов и писем, написанных С. Ф. Платоновым на отдыхе, публикация выявленного неоконченного письма Сергея Фёдоровича, адресованного И. А. Иванову из «Слободской Украины» (выражение С. Ф. Платонова).

Результаты исследования и их обсуждение. Семья Платоновых каждый год летний отдых проводила с выездом за пределы столицы. Они отдыхали в с. Борисоглебское Череповецкого уезда Новгородской губернии (1887, 1888) на даче у Н. Д. Чечулина; близ Кашина и Калязина на берегу Волги (1898); в с. Константиновка, в имение Н. Некрасова, в Романово-Борисоглебском уезде Ярославской губернии (1899); на даче Бабино Николаевской железной дороги (1891); в г. Рыбинске (1902, 1905) и Меррекуле (1903); на Волге и Клязьме (1908): Валуйках Воронежской губернии (1909), Свапуще, Осташковского уезда, Тверской губернии (1910–1911), Ялте (1912), Шлиссельбурге, дача Беляева (1913); г. Рыбинске и в имении г. Штюмера «Забава» (1914); в Ирме в имении «Борисоглебское» Череповецкого уезда Новгородской губернии, (1915); на даче Я. Я. Башмакова, на Станции Куоккала Финляндской железной дороги (1917) и в других местах. Как видно, наиболее часто семья ездила на Волгу.

Выбором места отдыха Сергей Фёдорович начинал заниматься сразу после празднования Нового года, т. к. семья была большая, часто они брали с собой и его тетю Татьяну Александровну. К тому же надо было предусмотреть всякие необходимые удобства, например, для почтовых сообщений. Жизнь и в летние месяцы не останавливалась, продолжалась переписка с родными, близкими, знакомыми и, главное, по вопросам научной работы, издательским делам, по административной работе.

Закономерный интерес вызывает летнее пребывание Платоновых в 1909 г. в Валуйках. Это был небольшой уездный городок, мало чем привлекательный⁵ [3; 5].

О пребывании в Валуйках немало сведений имеется в письмах Надежды Николаевны. Например, для аргументации выбора места отдыха именно здесь она писала Е. В. Шамониной (племянница, дочь брата Владимира): «Не знаю, хорошо ли нам будет, но можно быть, по крайней мере, уверенным, что там будет тепло, а нам так на-

⁵ Щербаченко В. И. Валуйский биографический словарь. – Белгород: Везелица, 2002. – 152 с.

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 2. – Д. 2861.

² Там же. – Д. 3965.

³ Там же. – Д. 2295.

⁴ Там же. – Д. 2861.

доел холод»¹. А С. Ф. Платонов в письме С. Д. Шереметеву прямо обозначил цель выбора Валук: «...Отдохнуть в совершенном удалении от служебных дел» [1, с. 126].

Ещё из дома, 9 мая Н. Н. Платонова писала Е. В. Шамоной, что Сергей Фёдорович «едет в Константинополь, затем в Афины, оттуда в Валуйки, где мы проведём лето». А сама она с младшими детьми приехала в Валуйки в конце мая, и уже 30 мая она сообщала Е. В. Шамоной местные новости: «А вот что сказать о наших впечатлениях от Валук, я не знаю. Домик наш небольшой, но чистенький, балкон помещительный и, когда я обтяну его парусиной, нам в нём, вероятно, будет очень уютно. Не особенно приятной неожиданностью был для меня небольшой пруд, находящийся прямо перед нашим балконом, сад большой, но совершенно не расчищенный, без дорожек, беседка в нём тенистая. Хозяин – местный купец (Синельников – В. М.), уже пожилой, добродушный. Мне кажется, с ним можно иметь дело. Городок очень ничтожный, но магазины есть». В другом письме от 2 июля читаем, что в Валуйках «решительно ничего нельзя купить такого, как, например, обувь». Просила даже привезти фруктов, т. к. там «пока ничего нет и можно рассчитывать, кажется, только на вишни» [9, с. 114].

Эта информация позволяет исправить ошибки и неточности, допущенные А. Н. Акиншиным в его публикации [2, с. 484–491]. Первая – С. Ф. Платонов «с семьёй приезжает в уездный город...». Приехали они в разное время: Надежда Николаевна – из Петербурга, а С. Ф. Платонов – из Одессы.

Вторая – С. Ф. Платонов «совершал поездку в Грецию и Турцию» (такой же порядок повторяет и Е. Ю. Захарова), но сначала он с экскурсией посетил Константинополь, а затем города Греции (кстати, официально Турция появилась в 1923 г. после распада Османской империи). Имеется и опубликованный источник о маршруте экскурсанток: они посетили Константинополь (С. Ф. Платонов в письме И. А. Иванову от 17 мая 1909 г. называл его Царьградом [1, с. 125]), Афины, Пирей, Элевсин, Патры и Смирну [18, с. 51–61]².

Третья – о точной дате появления в Валуйках: если 17 мая заканчивалась экскурсия в Одессе (А. Н. Акиншин писал, что ему неизвестно откуда С. Ф. Платонов прибыл в Валуйки: «...из Петербурга или Мо-

сквы, или напрямую из-за границы, из Одессы»), то 18–20 июня был на месте. На это же время указывала и Н. Н. Платонова («около 20 июня») [9, с. 115].

Четвёртая – где остановились Платоновы (они могли остановиться в доме С. А. Блинова), но остановились в другом месте.

Коллега А. Н. Акиншина по университету Е. Ю. Захарова заинтересовалась сделанной здесь С. Ф. Платоновым раскопкой в силу обоснования «археологической составляющей в научной деятельности С. Ф. Платонова», которая по-разному оценивается её «предшественниками» [19, с. 137]. Исследовательница повторила неточности А. Н. Акиншина, о неизвестной дате прибытия учёного в город, но определила это время более конкретным периодом (с 17 по 25 июня), хотя без указания о времени приезда семьи. Затем поддержала его суждение (предположительное) о месте остановки семьи, но уже утвердительно, в чём ошиблась, как и допустила неточность в порядке доставки фотографий с раскопки С. Ф. Платонову. Это сделала жена И. А. Блинова – Варвара Алексеевна, а не «именно С. А. Блинов», который их «переслал». Хотя, он был причастен к их отправке. В письме С. Ф. Платонову 29 сентября он сообщал: «Снимки костяков и кургана я отдал Варваре Алексеевне с просьбой передать Вам и думаю, что они Вами уже получены»³. Допущена неточность о приглашённых на место раскопки – это были учащие, т. е. учительницы, а не «учащиеся начальных народных училищ, прибывшие в город Валуйки на курсы...» [4, с. 139]. По всей видимости, исследовательница повторила неточность, которая была допущена в газетной публикации.

Известный историк, автор работ по вопросам развития археологии в Петербургском университете И. Л. Тихонов касается темы валуйской раскопки для доказательства своей мысли, что С. Ф. Платонов «собственно “археологией” никогда не занимался» [19, с. 269], а «опыт С. Ф. Платонова по части полевой археологии» ограничивался «небольшими эпизодами и экскурсиями на показательные раскопки», указывая на Ярославский областной Археологический съезд в 1901 г. [20, с. 351]. Поэтому и рассматривает раскопку Валуйках, как факт «из ряда вон выходящий». С чем трудно согласиться. Аргументация нами уже приводилась [9, с. 117, 118].

¹ ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 4. – Д. 5749. – Л. 9 об.

² Заметим, что Е. Ю. Захарова его упоминает.

³ ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 2. – Д. 2295. – Л. 2.

Сделанные раскопки вызвали большой интерес, свидетельством тому является выдержка из письма Надежды Николаевны от 15 августа: «В последнее время у нас много шума и суеты: ежедневные лекции Сергея Федоровича, почти ежедневные гости, затем по окончании лекций С. Ф. раскопали недалеко от вокзала курган, под руководством С. Ф. нашли костяк, очень хорошо сохранившийся, хотя, по мнению С. Ф., он пролежал в земле не менее 2 000 лет. С. Ф. прочёл целую лекцию на разрытом кургане в присутствии множества публики, ему там поднесли огромный букет»¹.

Археологическая раскопка нашла отражение в местной прессе [15] и заметке А. А. Спицына, где археолог писал: «Профессор прочитал краткую лекцию сначала о способе разрытия курганов, а затем о времени погребения открытого скелета, характере погребения, к какому племени относится погребенный и пр.» [16, с. 131].

За последние годы к этим публикациям добавились крайне важные источники, составленные С. Ф. Платоновым: Короткий (черновой) отчёт о раскопках кургана на юге России 14 августа 1909 г.: схемы раскопанных предметов и расположения костей, перечневая опись предметов древности [8, с. 194, 320–322]. Обнаружена интересная фотография, сделанная на раскопе². Вот её описание: глубокий и довольно длинный раскоп, вдоль него с обеих сторон стоят большие группы людей, среди них чётко выделяются (по одежде и костюмам и форменной одежде) учителя, местные жители, представители власти, в частности хорошо видны более десятка полицейских. Присутствующие, их примерно было около 100 человек (что свидетельствует об огромном интересе к сделанным археологическим находкам, да и происходящему), отчётливо видна сидящая на краю траншеи женщина с огромным букетом (он то и будет вручен С. Ф. Платонову). В центре фотографии, в самой траншее стоит один из копальщиков с лопатой в руках. С правой стороны на переднем плане запечатлена группа мальчиков 12–14 лет, дети видны и дальше. Организатор раскопки на фотографии – третий слева – опирается на зонт. На фотографии рукой С. Ф. Платонова сделана надпись: «Валуйки. 1909». Эта фотография была представлена на выставке, посвящённой 150-летию со дня рождения С. Ф. Платонова, в Российской

национальной библиотеке (РНБ) с комментирующей надписью: «На раскопках кургана в г. Валуйки в Воронежской губернии со слушательницами Женского педагогического института и представителями общестственности. С. Ф. Платонов – третий слева. 1909 г.». Среди присутствовавших не могло быть слушательниц ЖПИ, за них приняли учительниц, бывших на курсах. Внимательно всмотревшись в лица группы женщин, которых и приняли за слушательниц, можно заключить, что это уже взрослые, некоторые даже бальзаковского возраста дамы. Следовательно, фотография в данном случае служит замечательным историческим источником, который помогает конкретизировать, уточнить малоизвестный факт биографии С. Ф. Платонова.

И, конечно, самый существенный и важный источник – это статья патриарха российской археологии А. А. Спицына, пролежавшая в рукописном виде более 100 лет и недавно опубликованная [17, с. 120]. Она позволяет увеличить количество опубликованных работ А. А. Спицына по воронежской археологии.

Таким образом, приведённые факты и сведения позволяют устранить ряд неточностей, допущенных при изучении как пребывания семьи С. Ф. Платонова в Валуйках, так и проведённой раскопки.

Несмотря на то, что С. Ф. Платонов искал отдыха, его переписка из «глуши» (так он характеризовал Валуйки в письме М. В. Муравьеву) была активной. А. Н. Акиншин указывал на семь «опубликованных» [2, с. 486] писем и одно цитировал: С. Д. Шереметеву – два, В. Г. Дружинину – четыре, И. А. Шляпкину – одно, Спицыну – два (одно, от 4 июля опубликовала Е. Ю. Захарова).

Можно утверждать, что письмо от 3 июля 1909 г. на имя графа С. Д. Шереметева было не первым, как думал А. Н. Акиншин. К перечисленным корреспондентам добавляется ещё М. В. Муравьев – председатель Новгородского общества любителей древности. От В. М. Муравьева же получено и первое письмо, оно датировано 14 июня. Ему были написаны два письма, 25 июня и 2 июля, следовательно, они первые. В одном С. Ф. Платонов писал: «Ваше письмо нашло меня в глуши, из которой я в Кострому (имеется ввиду Четвёртый областной Археологический съезд – В. М.) не попаду» [1, с. 118, 119]. 3 августа было написано письмо В. В. Майкову – сотруднику Археологической комиссии, если раньше его цитировали [8, с. 192], то сейчас есть возможность опу-

¹ ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 4. – Д. 5749. – Л. 13, 17, 19.

² Там же. – Л. 1.

бликовать полностью: «Дорогой Владимир Владимирович! Я до такой степени озадачен и расстроен всем напечатанным и наговоренным по поводу моей кандидатуры в библиотеку, что не имел духу тотчас поблагодарить Вас за Ваше доброе письмо.

Я ведь не ищу библиотеки, как “ищут” места. Вот уже семь лет, как со мной говорят о ней разные люди и как один из В[еликих] князей (ныне покойный) речь идёт о Владимире Александровиче (1847–1909) (президент Академии художеств – В. М.) назвал меня кандидатом Государю вместе с Кобеко. Моя вина лишь в том, что я не отказался. Не знаю, за что газеты и Кобеко с Лихачевым треплют мое имя в связи с библиотекой!

Я кончаю учебник и читаю в Валуйках курсы народным учителям и публике. Летом очень доволен, но учебника не кончу. Мои шлют Вам свой привет. Я крепко жму Вашу руку. Сердечно Ваш Платонов.

Теперь уже до скорого свидания, 20-го будем дома»¹.

Корреспонденции в Валуйки приходили даже из-за границы. На телеграмме, посланной В. А. Волкович, значится адрес, дата отправления и место отправления: «Валуйки. Платонову. 22/VI 1909 г. Из Geneve»². В письме от 10 августа (новому стилю) 1909 г. так же из Женевы В. А. Волкович объясняли поступок: «Простите, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, что мы обеспокоили Вас своей телеграммой во время Вашего отпуска. Знаем сами, как неприятно, к[ог]да беспокоят работой тогда, к[ог]да хочется отрешиться и отдохнуть от зимних забот и дел. Только крайность заставила нас на это решиться»³.

Выявлен ещё один корреспондент, писавший в Валуйки, и ответ С. Ф. Платонова, правда, неоконченный. Известно, что с И. А. Ивановым и его семьёй С. Ф. Платонова связывала многолетняя дружба. Переписка их продолжалась с 1898 по 1927 г. и насчитывает более 170 писем Иванова (готовятся к печати) и более 70 ответных [10]. Значительное количество писем С. Ф. Платонова после 1918 г. пока не выявлено или утрачено, как и часть И. А. Иванова.

Тверская губернская архивная комиссия, безусловно, самая не только титулованная (среди её членов было шесть князей, три графа и один барон [27, с. 55]), но и самая активная, и результативная по итогам

своей деятельности. С. Ф. Платонов избран членом комиссии в 1898 г., а в 1903 г. стал Почётным членом, принимал активное участие в мероприятиях, имевших общероссийский резонанс. Среди них Второй областной археологический съезд (1903), церковно-археологические курсы (1904, 1912) чествование героев Смутного времени (1910) и др.

В 1909 г. комиссия отмечала 25-летний юбилей. К этой дате была выработана специальная программа, о которой и писал в Валуйки И. А. Иванов 18 июля 1909 г.: «Дорогой и многоуважаемый Сергей Фёдорович!

М[ария] Д[митриевна]⁴ и я усердно просим Вас и Ваших милых спутниц приехать к нам в Тверь к 13 авг[уста], когда начнется юбилейное празднество нашей ком[иссии]. Только вчера установлена программа, в которой главную трудность представили экскурсии, их у нас три. Особенному Вашему вниманию могу рекомендовать Микулино-городище⁵ с его 500-летним собором⁶ и прекрасно сохранившимся земляным валом⁷. Надеюсь, Вы останетесь довольным и тремя остальными пунктами, входящими в Микулинскую часть наших экскурсий. Начнутся же они 14 августа непродолжительною прогулкой по Волге в Эдимово⁸ (40 в. на пароходе)»⁹.

Предложения для С. Ф. Платонова, любившего разного рода поездки и экскурсии, было более чем заманчивым. А И. А. Иванов, будучи знатоком исторических мест Тверской губернии, предложил для посещения интересные места.

С. Ф. Платонову, вероятно, было трудно отказаться, но он 21 июля пишет на фирменном бланке (Женский педагогический институт) ответ, который, по неуставленным причинам оказался незавершённым: «Многоуважаемый и дорогой Иван Александрович!

Очень благодарю Вас за любезное сообщение и приглашение. Только, к искреннему сожалению, нам невозможно им воспользо-

⁴ Жена Иванова.

⁵ Первое летописное упоминание о г. Микулине относится к 1163 г. В 1398 г. здесь был построен каменный собор (копия памятной доски которого вмурована в стену ныне существующего храма).

⁶ Церковь Михаила Архангела в Микулино – кирпичный четырёхстолпный пятиглавый трёхапсидный однопрестольный храм, выстроенный в конце 1550-х гг. на средства князя С. И. Микулинского.

⁷ Городище было окружено земляным валом с частоколом с башнями и тремя въездными воротами. В нынешнее время высота валов достигает 5,5 метров. Микулино окружал большой посад с торгом.

⁸ Первое упоминание о нём относится к 1215 г.

⁹ ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 2. – Д. 2983. – Л. 50–51 об.

¹ ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 4. – Д. 382. – Л. 2–2 об.

² Там же. – Д. 2552. – Л. 9.

³ Там же. – Л. 5–5 об.

ваться. Мы по некоторым обстоятельствам не можем выехать из Валук ране 16-го августа. Поэтому Тверь будем проезжать точно 18-го августа днем, ибо утром 20-го, или вечером в 19-го¹ должны быть уже в Петербурге. Мой расчет состоял в том, что, если у Вас 18–19 что-либо предположено, то....»². На этом письмо обрывается.

По всей видимости, письмо с объяснением причин невозможности посетить торжества, было отправлено, но не выявлено. Получив ответ, И. А. Иванов пишет в Валуйки снова, пытаясь все-таки склонить друга заехать на празднование комиссии: «6 авг. 1909 г. с. Сучки. Корч[евского] У[езда].

Дорогой Сергей Федорович!

Знаю, что Вы человек стойкий и Вас трудно отговорить от раз принятого решения. Однако попытаюсь склонить Вас к маленькой уступке, т. к. совсем лишиться Вас для нашего праздника было бы обидно. Нельзя ли Вам задержаться у нас в Твери хотя бы только на несколько часов?

Если Вы приедете раньше полудня 18-го августа, то было бы очень желательно свозить Вас на встречу экскурсантам в с. Каменку, к[ото]рая находится в 20 в[ерстах] от Твери, где есть кое-что интересное и для Вас из эпохи Ал[ександ]ра I-го. А Ваших милых барышень мы усердно просим участвовать вместе с Пашей в последней поездке в Калязин. По возвращению оттуда они погостили бы у нас, сколько полюбится, а в Петерб[ург] им сопутствовала бы Паша, которая поторапливается к своим оставшимся экзаменам.

Я застрял на Волге вблизи Корчевы по экстренному печальному случаю. Застрелилась Рендунэ³ в кр[естьян]ской избе маленькой приволжской деревеньки Плоски (Клинского у[езда] Моск[овской] губ[ернии]). Ничего подобного я не ожидал. Напротив, она казалась мне уравновешенною, счастливо устроившейся в жизни. В действительности же это б[ыла] скорбная, мечущаяся, одинокая душа. Сегодня будем хоронить Юл[ию] в с. Сучках в могиле, заботливо и красиво ("2-й л. 6 авг[уста] 1909 г.")⁴ только что убранной ею самою.

Ожидаю приезда М[ари] Д[митриевны], которая весьма любила покойную.

Послал приглашение на наш юбилейный праздник вел[ико]му кн[язю] Олегу Кон-

стантиновичу⁵ потому, что 19 февраля сего года б[ыл] у меня об этом разговор с вел[иким] кн[язем] Конст[антином] Констан[овичем]⁶, и он выразил согласие на приглашение. Но на приезд Его Высоч[ества] совершенно не рассчитываю. Обещали у нас быть: гр. Уварова⁷, Иловайский⁸, Соболевский⁹, Штюрмер¹⁰ и др.

Будьте здоровы и благополучны. Сердечно приветствую всю Вашу семью. Всею душою Вам преданный Ив. Иванов»¹¹.

Теперь уже И. А. Иванов пытается найти компромисс, просит задержаться на несколько часов, тем более будут известные люди. Ему было важно ещё и присутствие столь обожаемого в Твери С. Ф. Платонова, что, наверняка, поднимало бы и авторитет комиссии, и само мероприятие. Оба письма важны, т. к. имели шансы поколебать планы Платоновых о времени отбытия из Валук, а раскопка, к которой проявляется значительный интерес, могла бы не состояться.

Летний отдых С. Ф. Платонову в новых местах понравился, он с удовлетворением писал об этом в упомянутых письмах. Вероятно, планировал и следующее лето провести здесь, свидетельством чему является фрагмент из письма С. А. Блинова: «О будущем лете я уже мечтаю и надеюсь, что выраженное Вами расположение к Валуйскому уезду, Вы закрепите приездом на лето в наши края. Ежедневное сообщение с почтой устроить сравнительно просто, о прочих же деталях устройства надеюсь вскоре поговорить лично, т. к. в конце ноября собираюсь приехать в Пет[ербург]»¹².

Действительно, отдыхать в Валуйках было удобно. В письмах имеются указания на это обстоятельство. «Здесь всем нам

⁵ Олег Константинович (1892–1914) — князь императорской крови — правнук Николая I. Умер от раны, полученной в одном из сражений Первой мировой войны.

⁶ Константин Константинович (1858–1915) — великий князь, президент АН, поэт (поэтический псевдоним — К.Р.) — переводчик и драматург.

⁷ Уварова Прасковья Сергеевна (урождённая княжна Щербатова) (1840–1924) — графиня, русский учёный, историк и археолог.

⁸ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», редактор и издатель газеты «Кремль».

⁹ Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) — академик, лингвист, палеограф, историк литературы, славист, педагог, академик.

¹⁰ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — государственный деятель Российской империи. С 20 января по 10 ноября 1916 г. был председателем Совета министров.

¹¹ ОР РНБ. — Ф. 585. — Оп. 1, ч. 2. — Д. 2983. — Л. 48–50 об.

¹² Там же. — Д. 2295. — Л. 2.

¹ Текст курсивом вписан сверху строки.

² ОР РНБ. — Ф. 585. — Оп. 1, ч. 2. — Д. 1786. — Л. 1.

³ Известный археолог.

⁴ Так в письме — помета И.А. Иванова.

(думаю, что действительно *всем* (курсив – П. С.) нравится. Обстановка оригинальная и без «удобств»; но жить и питаться можно недурно», – писал С. Ф. Платонов В. Г. Дружинину. Однако пригласить его семью не решились, т. к. «негде было бы разместить гостей», хотя указывался вариант проезда «из Арзамаса в Валуйки прямой путь с пересадкой только в Пензе» [1, с. 126, 128].

«Наше лето вышло оригинальным и приятным.... Сидим в степи у «дивных» меловых гор, в плодовом саду, на тихих речках – и греемся», – из письма И. А. Шляпкину [1, с. 128]. Незадолго до отъезда впечатления не меняются: «... А сегодня (6 августа – В. М.) опять чудное синее небо, жемчужные облачка, тёплое солнце» [Там же, с. 130].

В полной мере отдыхать не позволяли разного рода неприятности, которые часто сопровождали С. Ф. Платонова. В это время он пытался добиваться новой службы – директорства в Публичной библиотеке. Как известно, вопрос имел давнюю историю, с 1902 г. Но даже содействие С. Д. Шереметева, как и великого князя Константина Константиновича, не способствовало успеху, т. к. вопрос решался на уровне императора. Об этом читаем в письме С. Д. Шереметеву от 12 июля [Там же, с. 127]. Вопрос директорства, пожалуй, самый важный в переписке с С. Д. Шереметевым, В. Г. Дружининым и В. В. Майковым.

Но этого не произошло, Платоновы в 1910 г. отдыхали снова в Свапуще. 9 марта 1910 г. в письме в стиле «звукоподражания» он писал И. А. Иванову: «Божиим изволением, паче же и нашим ретивым хотением, и промыслом и счастьем уллучихом на предстоящее лето найти рекомую «дачу», прямым же словом рещи – летний юрт, на бреже езера Селигера, у веси, именуемой Свапущи, в Покровской вотчине князя Якова княж Иванова сына Шаховского-Ярославского, иже в кровы небесныя переселися, а с велики ли прожитки оставил княгиню свою, и мне того не уметь сказать» [Там же, с. 133]. На что вскоре получает ожидаемый ответ (письма написано 13 числа): «Премного Вам благодарствую за радостную весть о Вашем к нам прибытии будущим летом... Переселяясь в «страну великих озер», Вы не могли избрать более очаровательного уголка, чем этот Селигерский «тупик»¹. И далее в ряде писем идёт обсуждение выбранного места со всех сторон. 7 мая И. А. Иванов рассеивает сомнения С. Ф. Платонова: «Да не смущается сердце Ваше отсутствием почты

в Свапущи. Адресуйте Вашу корреспонденцию на имя Осташк[инского] казначея (Павла Ив. Колычева) и Вы получите телеграммы и письма в течение суток по отправке их из Петерб[урга]. Желательно только, чтобы на конверте, требующих быстрой пересылки, стояла надпись «срочное» или «в[есьма] нужное». Во всяком случае Вы получите свою корреспонденцию не позднее двух суток с момента отправки из Петерб[урга], а поэтому расчету и из других мест. Относительно почты, мною уже дано указание Ост[ашкинскому] к[азначей]ству, кроме того, я пишу об этом и М. Ник. Савиной, Вашей будущей соседке»².

В Свапущу писал и С. А. Блинов 21 июля: «От души рад тому, что Вы этим летом как следует отдыхаете, но в то же время вместе с знакомыми и незнакомыми вам Валуйчанами очень огорчен, что нам не придется Вас послушать в этом году»³. Как следует из другого письма, С. А. Блинов встречался с С. Ф. Платоновым в марте 1910 г., и во время разговора был затронут вопрос об участии профессора в летних курсах учителей. В письме 10 июня 1910 г. по этому поводу читаем: «Прощаясь со мной в марте месяце, Вы сказали, что не исключаете возможность приехать в Валуйки и прочесть несколько лекций. Эта возможность столь привлекательна и для организаторов, и для слушателей, предстоящих у нас курсов, что я, сознавая что Вам летом необходим отдых, что ехать за 1 300 верст утомительно, все-таки не могу отказать себе в удовольствии надеяться на Ваш приезд к нам хотя на несколько дней. Хотелось бы мне очень познакомить слушателей с Московской и Петровской Русью и показать преемственную связь между этими периодами, а также и наиболее существенные различия. Наиболее удобное для нас время было бы с 25 про 30 июля включительно (курсы будут с 25.07 по 25.08). Если нашим мечтам суждено осуществиться, то будьте добры прислать мне в возможно непродолжительном времени самую кратенькую программу (с подразделением её на отдельные лекции) Вашего курса для своевременного прохождения по административным мытарствам»⁴.

В этой связи следует сказать о том, что С. Ф. Платонов рекомендовал лекторов на курсы – в 1911 г. среди них Н. К. Кульман, Ф. Е. Тур, в 1912 – С. А. Андрианов [8, с. 188].

² Там же. – Д. 2986. – Л. 26 об.–27 об.

³ Там же. – Д. 2295. – Л. 3.

⁴ Там же. – Л. 4-4 об.

¹ ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1, ч. 2. – Д. 2983.

Заключение. Таким образом, исправлены неточности, допущенные воронежскими исследователями. Число корреспондентов, писавших С. Ф. Платонову в Валуйки, увеличивается, как и количество писем, написанных им самим. Корреспонденция не вся ещё выявлена, об этом свидетельствует фраза С. Ф. Платонова из письма В. Г. Дружинину от 4 июля: «Получаем с самым живым чувством Ваши телеграммы и письма...» [1, с. 126]. Телеграммы не выявлены, как и пись-

ма до 4 июля. Есть упоминание и о полученной телеграмме от «Слона»¹ [1, с. 129], и от Константина Алексеевича [Там же, с. 130] (вероятно, Иванова – друга с университетских лет – В. М.). Архивные поиски следует продолжить и, возможно, узнаем другие подробности о валуйских днях С. Ф. Платонова.

Следовательно, отдых семьи Платоновых в Валуйках всё больше конкретизируется, архивные находки насыщают его ранее неизвестными подробностями.

Список литературы

1. Академик С. Ф. Платонов: переписка с историками: в 2 т. / ред. С. О. Шмидт; сост. В. Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. Т. 1. 388 с.
2. Акиншин А. Н. С. Ф. Платонов и воронежцы // Памяти академика Сергея Фёдоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011. С. 484–491.
3. Валуйки – форпост отечества: альбом-летопись. Белгород: Облтипография, 1999. 216 с.
4. Захарова Е. Ю. К вопросу об археологических занятиях Сергея Фёдоровича Платонова (раскопки 1909 г. в Валуйках) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2014. Вып. 29, № 1. С. 136–141.
5. Карагодин М. И. Среднее Поосколье. Исторический перекрёсток: сб. ист.-краев. науч.-популярных очерков: в 2 т. Белгород: Бел.Ру, 2008. Т. 1. 304 с.
6. Макарихин В. П. Губернские учёные архивные комиссии России. Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. 120 с.
7. Митрофанов В. В. Сотрудничество С. Ф. Платонова с историками Воронежского края // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4. С. 33–42.
8. Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и научно-исторические общества, архивные комиссии России. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. 322 с.
9. Митрофанов В. В. Археологические раскопки в Валуйках 1909 г. // Клио. 2015. № 6. С. 113–121.
10. Митрофанов В. В. : «...Благодаря Вам многие начинания Общества получали осуществление»: переписка М. В. Муравьева с С. Ф. Платоновым // Новгородский архивный вестник. 2015. Вып. 12. С. 102–160.
11. Митрофанов В. В. Отзыв С. Ф. Платонова на книгу Л. Б. Вейнберга «Распространение христианства на Украине» // Вестник Воронежского университета. 2019. № 1. С. 72–77.
12. Письма краеведу С. Е. Звереву (1888–1916) / публ. и прим. А. Н. Акиншина // Из истории Воронежского края: сб. ст. Воронеж: ВГУ, 2005. Вып. 13. С. 173.
13. Письма С. Е. Зверева к С. Ф. Платонову (1907–1917) / публ. В. В. Митрофанова, ком. А. Н. Акиншина и В. В. Митрофанова // Из истории Воронежского края: сб. ст. Воронеж: ВГУ, 2012. Вып. 19. С. 309–320.
14. Письма С. Н. Введенского к С. Ф. Платонову. 1922–1929 гг. / публ. В. В. Митрофанова; ком. А. Н. Акиншина и В. В. Митрофанова // Из истории Воронежского края: сб. ст. Воронеж, 2012. Вып. 19. С. 321–345.
15. По губернии. Город Валуйки // Воронежский телеграф. 1909. № 183.
16. Спицын А. А. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1910. Вып. 35. С. 131.
17. Спицын А. А. По поводу кургана, раскопанного в г. Валуйках / публ. В. В. Митрофанова // Клио. 2015. № 6. С. 120.
18. Степанов С. Л. Экскурсия женского Педагогического института в Константинополь и Афины // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 11. С. 51–61.
19. Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына: письма к С. Ф. Платонову // Советская археология. 1991. № 2. С. 265–275.
20. Тихонов И. Л., Платонов С. Ф. и Спицын А. А. // Памяти академика Сергея Фёдоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 347–361.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020; принята к публикации 28.06.2020

¹ В близком кругу друзья называли друг друга прозвищами: «Слон» – А. И. Шляпкин, «Комар» – С. Ф. Платонов [10, с. 129, 281, 285].

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС; 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, д.14/1; e-mail: Viktor-n1962@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>.

Библиографическое описание статьи

Митрофанов В. В. «Летом очень доволен...»: переписка С. Ф. Платонова из Валуек // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 114–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-114-122.

References

1. Academician, S. F. Platonov: Correspondence with historians: Vol. 2, t. 1. Moscow: Nauka, 2003. (In Rus.)
2. Akin'shin, A. N. S. F. Platonov and Voronezh. In memory of Academician Sergei Fedorovich Platonov: research and materials. St. Petersburg: Lyubavich, 2011: 484–491 (In Rus.)
3. Valuyki – an outpost of the fatherland. Chronicle album. Belgorod, 1999. (In Rus.)
4. Zaharova, E.Yu. On the question of the archeological studies of Sergei Fedorovich Platonov (excavations of 1909 in Valuyki). Scientific Bulletin of Belgorod State University, no. 1, pp. 136–141, 2014. (In Rus.)
5. Karagodin, M. I. Middle Poskolye. Historic crossroads. Collection of historical and local history popular science essays: vol. 2, t. 1. Belgorod: Bel.Ru, 2008. (In Rus.)
6. Makarihin, V. P. Provincial Scientists Archival Commissions of Russia. Nizhnij Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. (In Rus.)
7. Mitrofanov, V. V. Collaboration S. F. Platonov with historians of the Voronezh region. Bulletin of Nizhnevartovsk State Humanitarian University, no. 4, pp. 33–42, 2010. (In Rus.)
8. Mitrofanov, V. V. S. F. Platonov and scientific-historical societies, archival commissions of Russia. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU, 2011. (In Rus.)
9. Mitrofanov, V. V. Archaeological site of Valuyki, 1909 in Klio, no. 6, pp. 113–121, 2015. (In Rus.)
10. Mitrofanov, V. V.: "...Thanks to you, many of the Society's undertakings were implemented": Correspondence Muravyova with S. F. Platonov (Intro. Art. Public., Comment.). Novgorod Archival Bulletin, vol. 12, pp. 102–160, 2015. (In Rus.)
11. Mitrofanov, V. V. Review by S. F. Platonov on the book of L. B. Weinberg "The spread of Christianity in Ukraine" (intro. Art. Public, comment.). Voronezh University Bulletin, no. 1, pp. 72–77, 2019. (In Rus.)
12. Letters to the local historian S. E. Zverev (1888–1916). From the history of the Voronezh region. Collection of articles, vol. 13, p. 173, 2005. (In Rus.)
13. Letters S. E. Zvereva to S. F. Platonov (1907–1917). From the history of the Voronezh region, vol. 19, pp. 309–320, 2012. (In Rus.)
14. Letters S. N. Vvedensky to S. F. Platonov. 1922–1929. From the history of the Voronezh region, vol. 19, pp. 321–345, 2012. (In Rus.)
15. In the province. Mountains Valuyki. Voronezh Telegraph. 19 avgusta, no. 183. 1909. (In Rus.)
16. Spitsyn, A. A. Excavation of the mound in Valuyki. News of the Imperial Archaeological Commission, vol. 35, p. 131, 1910. (In Rus.)
17. Spitsyn, A. A. Regarding the mound excavated in Valuyki (Publ. podg. V. V. Mitrofanovym). Klio, no. 6, p. 120, 2015. (In Rus.)
18. Stepanov, S. L. Excursion of the Women's Pedagogical Institute in Constantinople and Athens in ZHMNP, no. 11, pp. 51–61, 1909. (In Rus.)
19. Tihonov, I. L. From the epistolary heritage of A. A. Spitsyn: (letters to S. F. Platonov). Soviet archeology, no. 2, pp. 265–275, 1991. (In Rus.)
20. Tihonov, I. L. S. F. Platonov and A. A. Spitsyn. In memory of academician Sergei Fedorovich Platonov: research and materials. St. Petersburg: Lyubavich, 2011: 347–361. (In Rus.)

Received: May 6, 2020; accepted for publication June 28, 2020

Information about author

Mitrofanov Victor V., Doctor of History, Professor, University at the EurAsEC Interparliamentary Assembly; 14/1 Smolyachkova st., St. Petersburg, 194044, Russia; e-mail: Viktor-n1962@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>.

Reference to the article

Mitrofanov V. V. "I'm Very Happy in the Summer...": S. F. Platonov's Correspondence From Valuyki // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 114–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-114-122.

УДК 130.123

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-123-131

Елена Людвиговна Яковлева,*Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова**(г. Казань, Россия),**e-mail: mifoigra@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1799-0883>*

В поисках города рождения Галы Дали

Целью исследования стал поиск места рождения Елены Ивановны (Дмитриевны) Дьяконовой, известной всему миру под именем Галы Дали. Документированные источники о городе её рождения до сих пор не найдены, что приводит к появлению противоречивой информации. Для достижения поставленной цели автор разыскивает косвенные документы, подтверждающие, что Гала Дали родилась в г. Казань. Впервые проблема исследуется на основе архивных данных её родителей – отца Дмитрия Ильича Гомберга, учившегося в Императорском Казанском университете с 1892 по 1895 г., и матери Антонины Петровны Дьяконовой. Анализ документов, найденных в Государственном архиве Республики Татарстан, статей Д. В. Малиновского, внука приёмного сына Д. И. Гомберга, мемуарных и исторических данных помог прояснить ситуацию о месте рождения музы Дали. Ключевым методом исследования выступил источниковедческий анализ делопроизводственных документов, их сопоставление с историческими данными о повседневности и фактами из биографии Галы. В результате исследовательского поиска было определено место её рождения – г. Казань, об этом свидетельствуют прямые и косвенные факты из биографий родителей и её самой. Раскрыта сложная жизненная ситуация родителей Елены Ивановны (Дмитриевны) Дьяконовой – связь с революционной деятельностью, упоминание в полицейских циркулярах – и выяснена причина того, почему женщина не любила вспоминать историю своего рождения и создавала многочисленные мифы о городе рождения, семье и условиях проживания. Полученные данные можно использовать для дальнейшей реконструкции истории семьи Галы и её биографии.

Ключевые слова: миф, Гала Дали, Казань, город рождения, революционная деятельность, делопроизводственные документы фонда Канцелярии Императорского Казанского университета Государственного архива Республики Татарстан, страх

Elena L. Yakovleva,*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov**(Kazan, Russia),**e-mail: mifoigra@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1799-0883>*

In Search of Gala Dali's City of Birth

The aim of the study was to find the birthplace of Elena Ivanovna (Dmitrievna) Dyakonova, known to the whole world under the name of Gala Dali. Documented sources about the woman's city of birth have not been found so far, which led to the emergence of conflicting information. To achieve this goal, the author is looking for indirect documents confirming that Gala Dali was born in Kazan. For the first time, the problem is investigated based on archival data of her parents – father Dmitry Ilyich Gomberg, who studied at the Imperial Kazan University from 1892 to 1895, and mother Antonina Petrovna Dyakonova. Analysis of documents found in the State Archives of the Republic of Tatarstan, articles by D. V. Malinovsky, grandson of the adopted son of D. I. Gomberg, memoirs and historical data helped to clarify the situation about the place of birth of the muse Dali and the plight of her family. The key research method is source study analysis of office documents, their comparison with historical data about everyday life and facts from the biography of Gala Dali. As a result of the research search, the place of birth of Elena Ivanovna/Dmitrievna Dyakonova was determined – the city of Kazan, as evidenced by direct and indirect facts from the biographies of the parents and Gala herself, as well as the difficult life situation of the woman's parents, their connection with revolutionary activities and mentioning in police circulars. This explains the reason why the woman did not like to remember the story of her birth and created numerous myths about the city of birth, family and living conditions. The data obtained can be used for further reconstruction of the history of the Gala family and her biography.

Keywords: myth, Gala Dali, Kazan, city of birth, revolutionary activity, clerical documents of the fund of the office of the Imperial Kazan University of the State Archives of the Republic of Tatarstan, fear

© Яковлева Е. Л., 2020

Введение. В жизни Елены Ивановны (Дмитриевны) Дьяконовой, известной всему миру в качестве жены Сальвадора Дали – *Галы*, обнаруживается много тайн, что обусловлено её тягой к мифотворчеству [3; 5; 7; 9; 10]. Сальвадор Дали с первой встречи интуитивно почувствовал её интерес к мифам¹: Гале «хотелось собственного мифа»². Тактики мифотворчества Елена Ивановна (Дмитриевна) усвоила от родителей, прибегая к ним на протяжении жизни. Женщина искусно создавала мифы, пряча в них подробности своей биографии [13; 14]. К числу мифов, до сих пор будоражащих умы современников, можно отнести легенду о городе рождения далианской музы, что актуализирует проблему. Целью исследования становится поиск города, в котором появилась на свет женщина. В качестве гипотезы выдвигается положение о том, что городом рождения Елены Ивановны (Дмитриевны) Дьяконовой предположительно был г. Казань.

Методология и методы исследования. В рамках статьи использовались методы источниковедческого анализа делопроизводственных документов фонда Канцелярии Императорского казанского университета Государственного архива Республики Татарстан. Данное исследование можно рассматривать в рамках историографического направления изучения «женской темы»³, что позволяет раскрыть слабоизученные сюжеты из жизни Д. И. Гомберга в Казани (1892–1895). Изучение и сравнение архивных материалов и мемуарной литературы, связанной с жизнью Д. И. Гомберга, а также сопоставление с историческими данными о повседневной жизни конца XIX в. в России и фактами из жизни Елены Ивановны (Дмитриевны) Дьяконовой дали возможность реконструировать некоторые биографические эпизоды, касающиеся семьи женщины, и назвать город её рождения.

Результаты исследования и их обсуждение. У Елены Ивановны (Дмитриевны), родившейся в 1894 г., эпизод рождения вызывал негативные эмоции. Он не удовлетворял её амбиции: статус и финансовое положение её семьи были не из лучших. В качестве родного города Гала называет Ка-

зань [15]: название «просто пришло в голову. Большой город, там легко затеряться и люди друг друга не знают, как в маленьких»⁴. В данной фразе обнаруживаются характерные для Галы тактики мифотворчества: приоткрывая, скрывать информацию. Казань не просто *пришла в голову* Гале. Возможно в Лихачевском родильном доме (родильное отделение Казанской губернской земской больницы) появилась на свет Елена Ивановна (Дмитриевна) Дьяконова. В метрических книгах казанских церквей не осталось записей о её рождении, но на данное обстоятельство указывает множество фактов.

Восстановим эпизоды жизни родителей далианской музы. До сих пор до конца не ясно, чем они занимались в молодости. Известно, что её отчим (официальная версия)/отец (реальная ситуация) Дмитрий Ильич Гомберг⁵ был адвокатом и профессором, создавшим ряд законов о лесах и земле. Студенческие годы Дмитрия Ильича растянулись на 15 лет. За это время он сменил несколько мест учёбы (университет Святого Владимира в Киеве, Московский и Казанский университеты). В них он обучался на медицинском факультете и отделении естественных наук – в Киеве и Москве, на юридическом факультете – в Москве и Казани. Официальной причиной смены факультетов в Москве была неуспеваемость, связанная со смертью отца. Дмитрий Ильич в прошении министру народного просвещения написал о бедственном положении его близких: «вся семья наша осталась без средств к существованию», поэтому он проводил время «в заботах о средствах к существованию» из-за «долга поддерживать семью»⁶. Усугубили ситуацию и изменения в личной жизни Д. И. Гомберга: он женился. Примерно в 1888 г. в Москве Дмитрий Ильич познакомился с Антониной Петровной Дьяконовой. По словам Д. В. Малиновского, занятие революционной деятельностью привело молодых людей под надзор полиции. Предположительно в «1889 г. Дмитрий Гомберг яв-

⁴ Дали Г. Жизнь, придуманная ею самой. – М.: Яуза-пресс, 2017. – С. 14.

⁵ Даже беглый взгляд на фотографии Дмитрия Ильича Гомберга и Елены Ивановны (Дмитриевны) Дьяконовой указывает на их физиогномическое сходство. Об этом пишет и Дмитрий Вячеславович Малиновский, внук приёмного сына Д.И. Гомберга [8].

⁶ Из «Дела Канцелярии инспектора студентов Императорского Казанского университета “О зачислении в число студентов Университета Дмитрия Ильича Гомберга”», начатого 24 октября 1892 и законченного 3 ноября 1895 г. См.: Государственный архив Республики Татарстан. ГА РТ. – Ф. 243. – Оп. 11. – Д. 32396. – Л. 9–10.

¹ Дали С. Дневник одного гения. – СПб.: Азбука, 2014. – С. 161.

² Дали С. Моя тайная жизнь. – Минск: Поппури, 2017. – С. 342.

³ Пушкарева Н.А. Русская женщина: история и современность: история изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. – М.: Ладомир, 2002. – 526 с.

лялся одним из руководителей Московского революционного студенческого кружка», а в 1890 г. «за участие в политической демонстрации даже содержался какой-то период в Бутырской тюрьме»¹. В делопроизводстве полиции и книге о деятелях революционного движения в России сохранились сведения и об Антонине Петровне Дьяконовой (в девичестве – Деулиной). В юности она общалась с политическими ссыльными, в 1885 г. привлекалась к дознанию за нелестные высказывания о царе, в 1889 г. за подстрекательство студенческой молодежи к беспорядкам находилась под арестом². «В 1891 г. «революционерка» Антонина Дьяконова вышла замуж гражданским браком за студента Гомберга» [8]. В молодой семье один за другим появились дети – Вадим и Николай. Учитывая, что Дмитрий Ильич Гомберг был студентом, то жизнь становилась нелёгкой. Мотивом к переезду в Казань стали финансовые трудности молодой семьи. Казань по отношению к Москве считалась провинциальным городом с более бюджетным уровнем жизни. Помимо этого, город славился своим университетом.

Согласно донесениям Департамента полиции, Антонина Петровна в 1894 г. приехала в Казань, где работала акушеркой («сыщики оставили нам свидетельства того, что женщина работала по специальности. В 1894–1895 гг. её взяли на службу в Лихачевский родильный дом Казани»³); в 1895 г. она переехала в Нижний Новгород, где также занималась акушерской практикой; с 1897 г. вместе с гражданским мужем Дмитрием Ильичом поселилась в Москве⁴. Но данные факты ошибочны. Ю. Бекичева утверждает, имея диплом акушерки, Антонина Петровна никогда по специальности не работала. В «Спутнике по Казани», изданной Н. П. Загоскиным в 1895 г., в списках рубрик «Акушерки г. Казани», «Акушерки-массажистки»,

«Лихачевский родильный приют» и «Лечебница женских болезней с родильным приютом (частная)» мы не нашли упоминаний фамилии А. П. Дьяконова/А. П. Деулина/А. П. Гомберг или сотрудников с такими же инициалами⁵.

Если проследить документированную на данный период историю жизни Дмитрия Ильича Гомберга, то выясняется: пребывание Антонины Петровны в Казани было продолжительным, и её переезд без мужа с тремя маленькими детьми на руках в 1895 г. в Нижний Новгород вызывает сомнения. Согласно документам, Дмитрий Ильич с 24 октября 1892 по 13 ноября 1895 г. жил в Казани, обучаясь на юридическом факультете Императорского Казанского университета (ныне – Казанский (Приволжский) федеральный университет), о чём свидетельствуют архивные документы. Так, в «Выписках из протоколов заседаний правления и переписки с попечителем Казанского учебного округа о студентах университета» находим сведения о дате зачисления Д. И. Гомберга в университет: «Имею честь уведомить правление Университета, что бывший студент Московского университета Гомберг Дмитрий, согласно его прошению, с разрешения министра народного просвещения, мною принят в число студентов Казанского университета на юридический факультет. 24 октября 1892 г.»⁶.

За студенческой молодёжью осуществлялся строжайший контроль, и малейшее подозрение в неблагонадёжности становилось поводом к отказу в приёме документов или отчислению из университета. При поступлении в Казанский университет со студентами, переводящимися из других городов, проводился инструктаж, в том числе касающийся их поведения. Практически одновременно с Д. И. Гомбергом переводился некто Илья Вечер, с которым была проведена разъяснительная работа: «Имею честь уведомить правление Университета, что бывший студент Московского университета Илья Вечер, согласно прошению, с разрешения г. министра народного просвещения, мною принят в число студентов Казанского университета на 5-й семестр медицинского факультета, с предупреждением его, Вечера,

¹ Малиновский Д.В. Дмитрий Гомберг – отец Галы, великой музы Сальвадора Дали. – Текст: электронный // Казанские истории: культурно-просветительская газета. – URL: <http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/17303-dmitrij-gomberg-otets-galy-velikoj-muzy-salvadora-dali> (дата обращения: 12.05.2020).

² Деятели революционного движения в России: библиографический словарь. Т. 3. Восьмидесятые годы. Вып. 2: Г–З / сост. Р. М. Кантор, П. Г. Любомиров, А. А. Шилов [и др.]. – М.: Общ-во бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – С. 1288–1290.

³ Брайловская С. Казанские корни жены Сальвадора Дали. – Текст: электронный // Российская газета. – 2016. – 18 августа. – URL: <https://rg.ru/amp/2016/08/18/reg-pfo/donosy-zhandarmov-pomogut-raskryt-tajnu-zheny-salvadora-dali.html> (дата обращения: 12.05.2020).

⁴ Там же.

⁵ Спутник по Казани: иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань: ДОМО «Глобус», 2005. – С. 823, 824, 832.

⁶ Из «Выписки из протоколов заседаний правления и переписка с попечителем Казанского учебного округа о студентах университета» 1892 г. См.: ГА РТ. – Ф. 977. – Д. 7469. – Л. 87.

что за первый хотя бы самый незначительный проступок он подвергается исключению из Университета. 10 октября 1892 г.»¹. Жёсткий контроль за студентами осуществлялся постоянно, о чём говорит дело «Циркуляра и секретного предписания попечителя Казанского учебного округа о политически неблагонадёжных студентах, учениках и преподавателях» от 1892 г. В письме «Господину Казанскому Губернатору» читаем: «Вследствие секретных отношений от 4 сего марта за номером 847 имею честь уведомить, что свидетельство о благонадёжности требуется от посторонних лиц перед началом каждого полугодия для документации их к слушанию лекций в университете на основании правил, утверждённых г. Министром Народного Просвещения 16 мая 1885 г.»². В списках неблагонадёжных студентов за период с 24 октября 1892 по ноябрь 1895 г. Д. И. Гомберг не фигурирует. Также в деле «Канцелярии Императорского Казанского университета по секретной переписке с Казанским жандармским управлением о политически неблагонадёжных студентах» имя Д. И. Гомберга не встречается³. Среди характеристик Дмитрия Ильича, данных ему тайным советником графом Капнистом, замечаний нет: «Гомберг за всё время пребывания в Московском университете поведения был отличного»⁴. Положительно характеризуют Д. И. Гомберга и в Казанском университете: «За время пребывания своего в Казанском университете г. Гомберг поведения был отличного»⁵.

Имя Дмитрия Ильича фигурирует и в списках студентов, плохо посещавших занятия. Официальной причиной данного обстоятельства было состояние здоровья мужчины, из-за которого он нередко пере-

носил сроки сессии. Так, в «Прошении Его Превосходительству Господину Декану юридического факультета Императорского Казанского университета» от 1893 г. читаем: «Представляя при сем медицинское свидетельство о невозможности для меня усиленных умственных занятий в настоящее время, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать пред факультетом о том, чтобы мне разрешено было отнести первую половину полукурсового испытания на второй, так чтобы я мог сдать полукурсовое испытание в полном объёме. Мая 8 дня 1893 г. Студент Дмитрий Гомберг»⁶. К данному прошению прилагается медицинское свидетельство, согласно которому, Дмитрий Гомберг «страдал сильно развитым малокровием и слабонервностью», а «усилившиеся за последнее время припадки малокровия, головокружение, скорое утомление не дают возможности больному всякие умственные занятия, ввиду чего необходимо больному прервать всякие умственные занятия, без чего нельзя придать скорого и полного поправления здоровья»⁷. Подобных документов от студентов в этот период встречаем достаточно: тяжёлые экономические условия жизни вынуждали молодых людей подрабатывать, поэтому они пропускали занятия. Чтобы избежать проблем с получением высшего образования, студенты обращались к врачам: справка об ухудшении состояния здоровья играла роль спасительного документа. Думаем, при составлении справки Д. И. Гомбергу помогло неоконченное высшее медицинское образование. Известно, что он «поступил в число студентов Университета Св. Владимира в августе месяце 1888 г. на Медицинский факультет, откуда по распоряжению г. Министра Народного Просвещения в ноябре месяце того же 1888 г. был перемещён в число студентов Московского Университета и слушал лекции в течение осеннего полугодия 1888 и весеннего и осеннего полугодий 1889 и 1890 г.»⁸.

Обратим внимание на один интересный факт. Несмотря на то, что Д. И. Гомберг был

¹ Из «Выписки из протоколов заседаний правления и переписка с попечителем Казанского учебного округа о студентах университета» 1892 г. См.: ГА РТ. — Ф. 977. — Д. 7469. — Л. 67.

² Из «Циркуляра и секретного предписания попечителя Казанского учебного округа о политически неблагонадёжных студентах, учениках и преподавателях» 1892 г. См.: ГА РТ. — Ф. 977. — Оп. номер ректор. — Д. 1996. — Л. 8.

³ Из «Дела Канцелярии Императорского Казанского университета по секретной переписке с Казанским жандармским управлением о политически неблагонадёжных студентах» от 25 февраля 1895 — 5 февраля 1896 г. См.: ГА РТ. — Ф. 977. — Д. 2000.

⁴ Из «Дела Канцелярии Инспектора студентов Императорского Казанского университета "О зачислении в число студентов Университета Дмитрия Ильича Гомберга"», начатого 24 октября 1892 и законченного 3 ноября 1895 г. См.: ГА РТ. — Ф. 243. — Оп. 11. — Д. 32396. — Л. 14.

⁵ Там же. — Л. 28.

⁶ Из «Дела Канцелярии юридического факультета Императорского Казанского университета "О производстве полукурсовых испытаний студентами юридического факультета" (с 1 апреля по 14 декабря 1893 г.)». См.: ГА РТ. — Ф. 977. — Оп. юрфак. — Д. 821. — Л. 65.

⁷ Там же. — Л. 66.

⁸ Из «Дела Канцелярии Инспектора студентов Императорского Казанского университета "О зачислении в число студентов Университета Дмитрия Ильича Гомберга"», начатого 24 октября 1892 и законченного 3 ноября 1895 г. См.: ГА РТ. — Ф. 243. — Оп. 11д. — Д. 32396. — Л. 16.

женат и у него на руках в 1893 г. было двое маленьких сыновей, материальной помощи он не просил¹. Более того, Дмитрий Ильич своевременно оплачивал обучение². Встаёт вопрос: на какие деньги жила молодая семья в Казани? Почему Д. И. Гомберг пропускал занятия? Только ли по причине плохого самочувствия или были другие причины? Ответов на данные вопросы в архивах найти, пока, не удалось. Возможно, Дмитрий Ильич подрабатывал, чтобы прокормить свою семью. На данный факт указывает один из более ранних документов, найденный в архиве. В прошении Министру Народного Просвещения от бывшего студента 1-го курса Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского Университета Дмитрия Ильича Гомберга, 23 лет³, указывается, что после смерти отца семья осталась без средств к существованию, поэтому он давал частные уроки³. Судя по всему, Д. И. Гомберг проводил время не в учебных аудиториях Казанского университета, а на работе, чтобы свести концы с концами и оплачивать обучение.

В 1895 г. Дмитрий Ильич принимает решение переехать в Москву и продолжить обучение в Московском университете. В качестве причины перевода Д. И. Гомберг ссылается на состояние своего здоровья, указывая в Прошении неблагоприятные климатические и почвенные условия города: «В течение настоящего и прошлого года я постоянно страдал сильно изнуряющей лихорадкой, и в этом году у меня развилась даже малярийная кахексия. Пользовавшийся меня профессор Казем-Бек, удостоверение которого я при сём представляю, пришёл к тому заключению, что болезнь вызвана нездоровыми местными климатическими и почвенными условиями, особенно неблагоприятными для меня, как недавно поселившегося в Казани, — почему и рекомендовал мне, как единственное радикальное средство, оставить Казань, если у меня есть воз-

можность. Ввиду этого я хотел бы перейти в Московский Университет»⁴. Прожив три года в Казани, Дмитрий Ильич понял, что город не подходит для его здоровья. Безусловно, можно обнаружить долю правды в справке, предъявленной администрации Казанского университета. Климатические условия Казани многими характеризуются не с лучшей стороны. Так, в «Иллюстрированном описании Российской Империи» Роберта Сирса, относящемуся к середине XIX в., о Казани читаем: «Примерно в конце мая затопление, длившееся почти месяц, начинает стихать. Воды не долго исчезают. Земля, которую они покрывали, становится грязной и скользкой после их ухода, но палящее солнце вскоре возвращает её в прежнее состояние. Трава появляется на равнинах, которые на короткое время выглядят свежими и зелёными; но эта зелень длится только до тех пор, пока земля остается влажной от последствий наводнения, и через несколько дней эти равнины становятся засушливыми и пересохшими, как это обычно бывает. Сам город, который вследствие таяния снега и нетронутой природы почвы превращается в идеальное болото, в котором лошади погружаются в самые бедра, теперь претерпевает изменения, ещё более невыносимые. Грязь, высушенная жаром солнца, сменяется плотными облаками пыли, которые несутся по улицам города, лишая несчастного пешехода средств дыхания и делая его одежду такой же белой и пудрой, как и у мельника. Затем, чтобы избежать удушья от жары и пыли, большая часть жителей города отступает от города»⁵.

Точную причину переезда молодой семьи сейчас установить трудно. Д. И. Гомберг меняет Казань не на южный город, а на Москву, где климатические условия были практически одинаковыми. В обоих городах господствует умеренно-континентальный климат с чётко выраженной сезонностью. Возможно, переезд молодой семьи с тремя малолетними детьми был обусловлен не столько состоянием здоровья Дмитрия Ильича, сколько бедственным положением в Казани и отсутствием дальнейших перспектив для самореализации. Хотя для сту-

¹ Из «Дела "О сохранении за студентами стипендий, о предоставлении им новых и об освобождении от платы за слушание лекций"», начатого 1 апреля и законченного 14 декабря 1893 г. См.: ГА РТ. — Ф. 977. — Оп. юрфак. — Д. 826.

² В документах канцелярии юридического факультета Императорского Казанского университета находим заявление, к которому прилагается квитанция об уплате за посещение учебных курсов [14, с. 2–7].

³ Из «Дела Канцелярии Инспектора студентов Императорского Казанского университета "О зачислении в число студентов Университета Дмитрия Ильича Гомберга"», начатого 24 октября 1892 и законченного 3 ноября 1895 г. См.: ГА РТ. — Ф. 243. — Оп. 11. — Д. 32396. — Л. 9, 10.

⁴ Из «Дела Канцелярии юридического факультета Императорского Казанского университета "О производстве полукурсовых испытаний студентами юридического факультета" (с 1 апреля по 14 декабря 1893 г.)». См.: ГА РТ. — Ф. 977. — Оп. юрфак. — Д. 821. — Л. 30.

⁵ Сирс Роберт. Иллюстрированное описание Российской империи. — URL: <https://www.facebook.com/groups/Kazan.nostalgiq/permalink/2340700029589152/> (дата обращения: 12.05.2020). — Текст: электронный.

денческой семьи, не имеющей поддержки и богатых родственников, сомнительно, что столичная жизнь могла быть более лёгкой и обеспеченной. Тем не менее, в дальнейшем Д. И. Гомберг успешно окончил Московский университет, стажировался с 1907 г. в Лейпцигском университете по специальности «Философия», преподавал и имел адвокатскую практику в Москве¹.

Безусловно, весь период жизни Дмитрия Ильича в Казани с ним была его гражданская жена. Ехать рожать третьего ребёнка в августе 1894 г. из Казани в Москву или в Сибирь к родственникам для Антонины Петровны, жены студента, было дорогим удовольствием. Если принять за истину, что Антонина Петровна работала акушеркой, то их семейный бюджет не позволил бы лишних расходов. Согласно статистическим данным, средняя зарплата фельдшера в конце XIX в. по России в земской больнице составляла 37–55 рублей в месяц², а в Медицинском отчёте Лихачевского родильного отделения Казанской губернской земской больницы от 1879 г. находим: «Врачу и акушерке определялась зарплата по 300 рублей в год каждому» [6]. Билет на поезд Казань – Москва даже в третьем классе стоил 11,60 рублей³. В письме сестры Д. И. Гомберга Сони из Елисаветграда обращает на себя внимание фраза о том, что «в Казани вам очень плохо жилось»⁴. Исходя из этого, можно предположить, что, получая минимальную зарплату, 25 рублей в месяц (возможно, и меньше ввиду непостоянного места работы Антонины Петровны), оплачивая расходы на жильё (5,43 р.), продукты питания (16,79 р.), одежду (5,52 р.), гигиену тела (1,55 р.) и прочее (обычный месячный бюджет в конце XIX в. по России на одного

человека составлял 36,34 р.)⁵, Антонина Петровна и Дмитрий Ильич с двумя сыновьями не могли позволить себе уехать из Казани: для этого у семьи не было средств. Перечисленное свидетельствует в пользу того, что Елена/Гала родилась именно в Казани, а её метрические данные были получены гораздо позже, в Москве, где семья обосновалась в конце 1895 г.

Гала характеризует Казань в качестве *большого города*, в котором можно *затеряться*. Женщина была права по поводу размеров города, в котором пропали следы её семьи: в этот период изменения в укладе жизни привели к тому, что «в городах распространялась все большая анонимность», «каждый был представлен самому себе» [2, с. 22]. В 1767 г. Екатерина II, побывавшая в Казани, воскликнула: «Сей город бесспорно первый в России после Москвы... во всем видно, что Казань столица большого царства» [4]. К концу XIX в. Казань считалась самым крупным городом Среднего Поволжья и Приуралья: в 1890-е гг. здесь жило около 130 000 человек⁶, насчитывалось 237 улиц и переулков, действовали Московско-Казанская железная дорога, пароходство, конно-железная городская дорога (конка), почта, телеграфная и телефонная станция, театры, библиотеки-читальни, многочисленные торговые точки, издавались массовые периодические издания и книги, функционировали множество образовательных учреждений, различных обществ и клубов⁷.

В документах канцелярии юридического факультета Императорского Казанского университета от 1892 г. читаем следующую запись Д. И. Гомберга: «Временное жительство имею в г. Казани, на Владимирской улице, в номерах Ратнера»⁸. В конце XIX в. в Казани «приметой времени стали мно-

¹ Малиновский Д. В. Дмитрий Гомберг – отец Галы, великой музы Сальвадора Дали. – Текст: электронный // Казанские истории: культурно-просветительская газета. – URL: <http://www.history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/17303-dmitrij-gomberg-otets-galy-velikoj-muzy-salvadora-dali> (дата обращения: 12.05.2020).

² О ценах и зарплатах в Российской Империи в конце XIX века. – URL: <https://www.kasli2.livejournal.com/4450.html> (дата обращения: 12.05.2020). – Текст: электронный.

³ Спутник по Казани: иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань: ДОМО «Глобус», 2005. – С. 775.

⁴ Малиновский Д. В. Дмитрий Гомберг – отец Галы, великой музы Сальвадора Дали. – Текст: электронный // Казанские истории: культурно-просветительская газета. – URL: <http://www.history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/17303-dmitrij-gomberg-otets-galy-velikoj-muzy-salvadora-dali> (дата обращения: 12.05.2020).

⁵ О ценах и зарплатах в Российской империи в конце XIX века. – URL: <https://www.kasli2.livejournal.com/4450.html> (дата обращения: 12.05.2020). – Текст: электронный.

⁶ Городское хозяйство и население Казани второй половины XIX века. – Текст: электронный // Моя Казань. – URL: https://www.kazan.ws/cgi-bin/culture/print.pl?action=view_cul&id_cul=165&id_razdel=3&id_sub=23&id_sub_sub=&wh=sub (дата обращения: 12.05.2020).

⁷ Спутник по Казани: иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань: ДОМО «Глобус», 2005. – 850 с.

⁸ Из «Дела Канцелярии Инспектора студентов Императорского Казанского университета “О зачислении в число студентов Университета Дмитрия Ильича Гомберга”, начатого 24 октября 1892 и законченного 3 ноября 1895 г. См.: ГА РТ. – Ф. 243. – Оп. 11. – Д. 32396. – Л. 9, 10.

гоквартирные доходные дома», в которых снимали жильё приезжие [2, с. 22]. Район, где находилась Владимирская улица, назывался Мокрой слободой. В конце XIX в. она считалась окраиной города, о которой шла не лучшая слава¹. О других местах проживания молодой семьи в Казани с 1892 по 1895 г. сведений пока не нашлось. Данный факт объясняется тем, что в конце XIX в. самыми распространёнными способами поиска квартиры для жилья считались реклама в газетах, на окнах домов или на воротах («билетики»), квартирное бюро или протекция². Семья, исходя из бюджета, могла снять любое жильё (частный дом, номера в фешенебельной гостинице, комнату в квартире). Дмитрий Ильич мог воспользоваться любым способом для поиска жилья в Казани: каждый из них был приемлем для него. Учитывая сложное финансовое положение, заключаем, что семья снимала небольшую квартиру или меблированные комнаты в доходных домах третьей категории. Поиск жилья и его съём предполагали анонимность, что и позволило семье Гомберг-Дьяконовой затеряться в Казани. Хотя квартиросъёмщики подписывали с домовладельцем контракт, но он носил частный характер. Если квартиросъёмщик подчинялся внутреннему распорядку, не нарушал никаких правил и вовремя платил, то сведения о нём не попадали к полицейским, а архив домовладельца мог затеряться за ненадобностью или незначимостью информации. Как мы выяснили, Дмитрий Ильич зарекомендовал себя во время учёбы с положительной стороны, никаких нареканий со стороны администрации Казанского университета в его адрес не было. Исходя из этого, можно предположить, что и во взаимоотношениях с домовладельцем у него проблем не возникало.

Судя по революционной деятельности Дмитрия Ильича и Антонины Петровны (возможно, случайной, связанной с юношеским увлечением романтизированными идеями преобразований), родителям Галы было, что скрывать. Молодая семья вела замкнутый образ жизни, что привело к трудностям в поиске материалов о ней. Более того, в силу ряда обстоятельств многие источники в архивах потерялись. Но факт укрывания и

мифизаций жизненных ситуаций Д. И. Гомбергом и А. П. Дьяконовой нельзя отрицать. В свете сказанного объясним страх Дмитрия Ильича Гомберга за судьбу любимой дочери: он представлял её окружающим в качестве падчерицы. Об этом упоминает Наталья Касаткина в небольшом рассказе о Дмитрии Ильиче: «У него была падчерица, которую он очень любил и воспитал ее как родную дочь»³.

Обратим внимание ещё на несколько интересных фактов. В начале жизненного пути далианская муза испытывала множество экзистенциальных страхов [11]. Её *страх-за* был «задет в задетости того соприсутствия, за которое он страшится» [12, с. 170]. Женщину ужасало собственное имя – Елена Ивановна (Дмитриевна) Дьяконова («провинциальная девица с провинциальной фамилией и отчеством») и внешность («просто беда»)⁴. Как только появлялись возможности, женщина быстро избавлялась от всего неприятного и обременительного в жизни, считая, что «при постоянной привязке к прошлому не может быть будущего», а «сожаление отнимает силы, мешает двигаться дальше»⁵. Так, при знакомстве с Эженом Гренделем, назвавшим её Галой («Ты похожа на праздник!»)⁶, Елена Дьяконова быстро согласилась с новым именем, перечеркнув без сожалений своё прошлое («семья Дьяконовых-Гомберг просто перестала для меня существовать»)⁷. Изменение имени (сначала женщина стала Галой Грендель, а позже – Галой Дали) позволило затеряться в Европе, стерев своё русское происхождение [1]. Заметим, в 1927 г. она «решила, что пришло время появиться в Москве»: «убедиться, что уехала не зря»⁸. Возможно, главной целью поездки была встреча с родственниками и особенно – горячо любимым отцом/отчимом. Но Гала скрыла данный факт, о нём косвенно говорит фотография женщины с новой семьёй Дмитрия Ильича, выдающая «их семейные чувства и взаимную близость» [8]. Помимо этого, Д. И. Гомберг всю жизнь хранил как самое дорогое воспоминание о любимейшей дочери – подаренную ею фотографию, сделанную во Франции [Там же].

³ Касаткина Н. Гомберг. – URL: <https://www.openklub.ru/events/680/> (дата обращения: 12.05.2020). – Текст: электронный.

⁴ Дали Г. Жизнь, придуманная ею самой. – М.: Яуза-пресс, 2017. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 206, 207.

⁶ Там же. – С. 34.

⁷ Там же. – С. 64.

⁸ Там же. – С. 123, 124.

¹ Буланов А. Мокрая слобода за 120 лет: от протитутков до первой массовой ликвидации «ветхого жилья». – URL: <http://www.prokazan.ru/news/view/114576> (дата обращения: 12.05.2020). – Текст: электронный.

² Правила съёма. Как арендовать квартиру в XIX веке. – Текст: электронный // Дилетант: исторический журнал для всех. 2016 г. – URL: <https://www.diletant.media/articles/29369870/> (дата обращения: 12.05.2020).

Всегда с Галой была икона Казанской Божией Матери, явившейся в 1579 г. в Казани и считающейся одной из почитаемых чудотворных икон Русской православной церкви. Упоминание об иконе находим у Аманды Лир, общавшейся с четой и числившейся подругой гения. Аманда пишет, что Гала попросила её об одном одолжении, «указав на икону Казанской Божией Матери: «Поклянитесь мне на этой иконе, что, если со мной что-нибудь случится, вы позаботитесь о нем. Поклянитесь!»... её тон не допускал никаких возражений. Я поклялась перед иконами, что никогда не брошу Дали, и Гала меня отпустила» [9, с. 523]. Икона Казанской Божией Матери свидетельствует не только о православной вере Галы, но и символизирует её Родину.

Заключение. Несмотря на то, что Елена Ивановна (Дмитриевна) Дьяконова скрывала подробности своей жизни и прошлое, связанное с Россией, тем не менее, многие

факты постепенно раскрываются. На основе анализа документов, найденных в Государственном архиве Республики Татарстан, статей Д. В. Малиновского, автобиографических записей Галы и исследования М. Нюридсани о творчестве Сальвадора Дали, можно сделать вывод: городом рождения музы сюрреалиста стал г. Казань. Елена Ивановна (Дмитриевна) стыдилась своего происхождения, социального статуса семьи, некоторых подробностей, связанных с революционной деятельностью родителей, что послужило поводом для укрывания информации. Тем не менее, в её памяти осталось место для России, г. Казани и родителей (особенно – отца/отчима), что так или иначе демонстрировалось в проявлениях, текстах и жизненных символах Галы Дали. Полученные благодаря архивным источникам новые данные о городе рождения Галы можно использовать для дальнейшего поиска информации и дополнения страниц биографии этой женщины.

Список литературы

1. Бенуа С. Гала. Как сделать гения из Сальвадора Дали. URL: <https://www.e-reading.club/www.book.php?book=1022403> (дата обращения: 25.05.2020). Текст: электронный.
2. Габдрафикова Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 367 с.
3. Гибсон Я. Безумная жизнь Сальвадора Дали. URL: <http://www.mir-dali.ru/library/bezumnaya-zhizn-salvadora-dali.html> (дата обращения: 25.05.2020). Текст: электронный.
4. Гилязетдинова Г. Х. Пространственные образы в названиях города Казани. Текст: электронный // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 84–86. URL: <http://old.kpfu.ru/f10/bibl/resource/articles.php?id=6&num=20000000> (дата обращения: 12.05.2020).
5. Делассен С. Гала для Дали. Биография супружеской пары. URL: <http://www.dali-genius.ru/library/gala-dlya-dali-biografiya-supruzheskoj-pari.html> (дата обращения: 25.10.2020). Текст: электронный.
6. Козлов Л. А., Яковлев Н. В., Скрыбина Е. В., Сабитова А. История становления стационарного родовспоможения в Казани (к 135-летию Лихачевского роддома). URL: <http://mfvt.ru/istoriya-stanovleniya-stacionarnogo-rodovspomozheniya-v-kazani-k-135-letiyu-lixachyovskogo-roddoma/> (дата обращения: 12.05.2020). Текст: электронный.
7. Литвинская Е. В. Гала. Муза Сальвадора Дали. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=598624&p=4> (дата обращения: 12.05.2020). Текст: электронный.
8. Малиновский Д. В. Моя тётя Гала, муза Сальвадора Дали. Текст: электронный // Родина. 2018. № 10. URL: <https://www.rg.ru/2018/09/27/domashnij-arhiv-rodina-moja-tyotja-gala-muza-salvadora-dali.html> (дата обращения: 12.05.2020).
9. Нюридсани М. Сальвадор Дали. М.: Молодая гвардия, 2018. 543 с.
10. Рожин А. И. Сальвадор Дали: миф и реальность. М.: Республика, 1992. 224 с.
11. Фрейд З. Истерия и страх. М.: Фирма СТД, 2006. 320 с.
12. Хайдеггер М. Экзистенция страха и бытие к смерти // Ж. Делюмо, Ж. Батай. Пустота страха. М.: Алгоритм, 2019. С. 168–229.
13. Яковлева Е. Л. К вопросу о сущности роковой женщины и её тактик (на примере Галы Дали) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 2. С. 394–398.
14. Яковлева Е. Л. Попытка демифологизации личности Галы Дали // Миф в истории, политике, культуре: сб. материалов Междунар. науч. междис. конф. Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 57–59.
15. Cebrià Costa J. Gala, molt mes que la musa, l'artista. URL: https://www.dugi-doc.udg.edu/bitstream/handle/10256/16872/CebriaCostaJulia_Treball.pdf?sequence=1 (дата обращения: 01.05.2020). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 02.06.2020; принята к публикации 25.09.2020

Сведения об авторе

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова; 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 42; e-mail: mifoigra@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1799-0883>.

Библиографическое описание статьи

Яковлева Е. Л. В поисках города рождения Галы Дали // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 123–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-123-131.

References

1. Benoit, S. Gala. How to make a genius out of Salvador Dali. Web. 25.05.2020. <https://www.e-reading.club/book.php?book=1022403> (In Rus.)
2. Gabdrafikova, L. Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change (second half of the 19th – early 20th centuries). Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2015. (In Rus.)
3. Gibson, J. The Crazy Life of Salvador Dali. Web. 25.05.2020. <http://www.mir-dali.ru/library/bezumnyaya-zhizn-salvadora-dali.html> (In Rus.)
4. Gilazetdinova, G. H. Spatial images in the names of the city of Kazan. Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskij aspekt. Kazan': Kazan. gos. un-t, 2004: 84–86. Web. 12.05.2020. <http://old.kpfu.ru/f10/bibl/resource/articles.php?id=6&num=20000000> (In Rus.)
5. Delassen, S. Gala for Dali. Biography of a married couple. Web. 25.10.2020. <http://www.dali-genius.ru/library/gala-dlya-dali-biografiya-supruzheskoy-pari.html> (In Rus.)
6. Kozlov, L.A., Yakovlev, N. V., Skryabina, E. V., Sabitova, A. The history of the establishment of inpatient obstetric care in Kazan (on the 135th anniversary of the Likhachev maternity hospital). Web. 12.05.2020. <http://www.mfvt.ru/istoriya-stanovleniya-stacionarnogo-rodovspomozheniya-v-kazani-k-135-letiyu-lixachyovskogo-roddoma/>. (In Rus.)
7. Litvinskaya, E. V. Gala. Muse of Salvador Dali. Web. 12.05.2020. <https://www.litmir.me/br/?b=598624&p=4> (In Rus.)
8. Malinovskiy, D. V. My Aunt Gala, Salvador Dali's Muse. Rodina, no. 10, 2018. Web. 12.05.2020. <https://rg.ru/2018/09/27/domashnij-arhiv-rodina-moia-tyotia-gala-muza-salvadora-dali.html>. (In Rus.)
9. Nyurdsani, M. Salvador Dali. M: Molodaya gvardiya, 2018. (In Rus.)
10. Rozhin, A. I. Salvador Dali: myth and reality. M: Respublika, 1992. (In Rus.)
11. Freud, Z. Hysteria and fear. M: Firma STD, 2006. (In Rus.)
12. Heidegger, M. The existence of fear and being to death. In Delumo J., Bataille G. Void of fear. M: Algoritm, 2019: 168–229. (In Rus.)
13. Yakovleva, E. L. To the question of the essence of the femme fatale and her tactics (on the example of Gala Dali). Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, no. 2, pp. 394–398, 2020. (In Rus.)
14. Yakovleva, E. L. An attempt to demythologize the personality of Gala Dali. Myth in history, politics, culture, Proceedings of the International Conference. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov in the city of Sevastopol, 2019: 57–59. (In Rus.)
15. Cebrià Costa J. Gala, molt mes que la musa, l'artista. Web. 1.05.2020. https://www.dugi-doc.udg.edu/bitstream/handle/10256/16872/CebriaCostaJulia_Treball.pdf?sequence=1

Received: June 2, 2020; accepted for publication September 25, 2020

Information about author

Yakovleva Elena L., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov; 42 Moskovskaya st., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan; e-mail: mifoigra@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1799-0883>.

Reference to the article

Yakovleva E. L. In Search of Gala Dali's City of Birth // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 123–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-123-131.

УДК 314.02:94

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-132-138

Татьяна Александровна Ярославцева,*Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС**(г. Хабаровск, Россия),**e-mail: mu322@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-1418-4002>*

Регистрация актов гражданского состояния: история и современность (на примере Хабаровского края)

В статье характеризуются различные аспекты истории создания и деятельности органов ЗАГС в советское время на примере Хабаровского края. Предлагается периодизация их истории. Отмечено, что несмотря на наличие определённого количества научных публикаций обобщающего характера по истории органов ЗАГС, а также работ, касающихся каких-либо отдельных аспектов названной истории, на сегодня остаются нерассмотренными такие составляющие, как региональная специфика деятельности органов ЗАГС. Автор характеризует историю создания и развития органов записи актов гражданского состояния в Хабаровском крае (на фоне их истории на Дальнем Востоке в целом) с учётом общегосударственных тенденций. Для разных этапов исторического развития органов ЗАГС выделяется специфика их деятельности. На разных временных отрезках функции органов ЗАГС были разными, так, в советское время они активно участвовали в общественно-государственных отношениях: ими проводились учёт естественного движения населения, обеспечение государственной поддержки многодетных семей, формирование советских принципов семейно-брачных отношений и др. В перестроечный период произошла трансформация системы управления отделами ЗАГС и порядка делопроизводства, внедрены элементы хозрасчёта и новые технологии. Анализ региональных особенностей деятельности ЗАГС на примере Хабаровского края и влияния реформ на качество услуг в данной сфере в период с 1917 по 2020 г. позволяют выявить особую роль органов ЗАГС, во-первых, во взаимодействии с органами власти всех уровней, во-вторых, во взаимоотношениях государства и общества.

Ключевые слова: услуги ЗАГС, акты гражданского состояния, учёт естественного движения населения, государственная поддержка многодетных семей, информационные технологии

Tatyana A. Yaroslavtseva,*Far Eastern Institute of Management, Branch of the Federal State Budgetary**Educational Institution of Higher Professional Education**"Russian Presidential Academy of National Economy**and Public Administration" (RANEPA)**(Khabarovsk, Russia),**e-mail: mu322@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-1418-4002>*

Registration of Acts of Civil Status: History and Modernity (The Case of Khabarovsk Territory)

The article describes various aspects of the history of the creation and operation of civil registry offices in the Soviet era on the example of the Khabarovsk region. A periodization of their history is proposed. It is noted that, despite the presence of a certain number of scientific publications of a generalizing nature on the history of civil registry offices, as well as works that consider any individual aspects of this history, today, there are no considered components. This is the regional specificity of the activities of civil registry offices. This determines the relevance of the stated research topic. The author describes the history of creation and development of civil registration bodies in the Khabarovsk region against the background of their history in the Far East as a whole, taking into account national trends. For different stages of historical development of civil registry offices, the specifics of their activities are highlighted. At different periods, the functions of the civil registry offices were different. In Soviet times, these institutions actively participated in public-state relations. This includes taking into account the natural movement of the population, providing state support for large families, forming the Soviet principles of family and marriage relations, etc. During the perestroika period, there was a transformation of the management system of civil registry offices and the order of office work; elements of self-financing and new technologies were introduced. Analysis of regional features of civil registry offices on the example of the Khabarovsk region and the impact of reforms on the quality of services in this area in the period from 1917 to 2020 allow us to identify the special role of civil registry offices, firstly, in interaction with authorities at all levels, and secondly, in relations between the state and society.

Keywords: civil registry office services, acts of civil status, accounting of natural population movement, state support for large families, information technology

© Ярославцева Т. А., 2020

Введение. История создания и деятельности органов ЗАГС нашла определённое научное освещение, однако нельзя сказать, что работ много. Есть обобщающие исследования и специальные труды, посвящённые отдельным аспектам. Среди авторов обобщающих работ можно назвать И. А. Алейникову, И. О. Берая, Д. В. Березовского, Л. А. Емелину, А. А. Тулинова, Я. А. Шаповалову и др. [1; 3; 4; 6; 14 и др.].

Нормативно-правовую основу заключения брака в её историческом развитии анализировали А. С. Буина, Н. Л. Пушкарева, О. Е. Казьмина, Я. Л. Салогуб, Е. В. Татаринцева, В. В. Фролов, В. Г. Шнайдер и др. [5; 10; 12; 13; 15 и др.].

Общая история становления и развития органов регистрации актов гражданского состояния в Советском Союзе и постсоветской России, а также частные вопросы нормативно правового регулирования деятельности органов ЗАГС и заключения браков, нашли отражение и на страницах зарубежных изданий [18; 19; 20, с. 54–62; 21; 22 и др.].

Следует отметить, что в некоторой степени на страницах научных публикаций нашло отражение развитие брачных отношений на территории Дальнего Востока. О них писали А. В. Дробница, Н. Г. Кулинич, М. С. Николенко, А. А. Савчук, Т. А. Ярославцева и др. [7; 8; 10; 11; 16; 17].

Несмотря на имеющиеся публикации, нельзя сказать, что история становления и деятельности органов ЗАГС в СССР, а позже в постсоветской России, проанализирована в полной мере.

История развития органов системы ЗАГС как важных государственных институтов, прошедших длительный и трудный путь преобразования, имеет региональную специфику.

Методология и методы исследования. Основу методологии исследования составили принципы исторической науки. Принцип объективности позволил, при работе с фактами, дистанцироваться от необоснованных оценок. Значительный объём использованных автором статьи архивных документов дал возможность составить как можно более полное представление о предмете изучения, не останавливаясь на случайной выборке каких-либо актов или статистических данных. Принцип историзма дал возможность проследить становление и развитие органов ЗАГС в их историческом развитии, с выявлением свойственных отдельным этапам особенностей.

Среди методов, использованных автором, можно назвать общенаучные методы сбора, анализа и синтеза материала, которые важны при работе с источниками и литературой. Также исследование опирается на специальные научные методы, такие как системно-функциональный и статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. За основу анализа были взяты периоды становления и развития загсовской системы на Дальнем Востоке, которые имеют свою специфику, обусловленную учреждением Дальневосточной Республики (ДВР).

Период становления характеризуется непродолжительными хронологическими рамками, обусловленными региональными особенностями: отдалённость от Центра и в условиях гражданской войны установление власти Советов до 1925 г. и др.

Старт для подготовки к государственным регистрационным действиям был дан в 1918 г. с передачи дел из вероисповедных учреждений органам советской власти. В октябре 1921 г. был принят Закон ДВР «О гражданском состоянии лиц; актах, его удостоверяющих; семейном и брачном праве». Согласно ему, ведение записей актов гражданского состояния было возложено на регистрационные камеры. При этом создавались они разного уровня. Верхний «этаж» иерархии заняла Центральная регистрационная камера при Министерстве внутренних дел в г. Чите. Далее шли областные камеры при областных управлениях. Нижнее звено – местные регистрационные камеры при городских, волостных, станичных, хошунных и иных, соответствовавших им, инородческих управлениях [2, с. 86]. В ноябре 1922 г., когда ДВР прекратила своё существование и её территория была включена в состав РСФСР, количество и рассредоточение местных регистрационных камер (без областных) выглядели следующим образом: в Забайкальской области – 107, Прибайкальской – 10, Амурской – 88, Приамурской – 11¹.

В результате административных преобразований Центральную регистрационную камеру ликвидировали, её дела передали в отдел управления Дальревкома для распределения между губернскими подотделами записи АГС. Изменения коснулись также областных и местных регистрационных камер. Первые стали губернскими подотделами ЗАГС отделов управлений губернских рев-

¹ Государственный архив Хабаровского края. ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 48.

комов. Вторые, в свою очередь, волостными столами ЗАГС отделов управлений волостных и иных ревкомов¹.

Формирующаяся государственная система регистрации АГС столкнулась с серьёзной проблемой – население, особенно сельское, к новым регистрационным действиям первоначально отнеслось отрицательно. Веками воспитанная традиция церковных браков и их фиксация в метрических книгах удерживали приоритет над декретами власти. Взимание же ЗАГС расценивалось как повинность². С целью изменения ситуации был принят циркуляр НКВД от 10 сентября 1924 г., отменивший гербовый сбор. Регистрацию АГС стали осуществлять бесплатно, и население начало воспринимать её как юридическое закрепление своих гражданских прав.

Ежегодный рост числа зарегистрированных АГС подтверждает, что сфера деятельности органов ЗАГС, несмотря на региональные особенности, сложности с кадрами, дефицит средств и суровость других условий, внедрялась в государственные и общественные процессы трудно, но активно. Если в 1923 г. было зарегистрировано 93 687 актов, то в 1924 – 116 733, в 1925 – 121 600, первое полугодие 1926 г. – 59 021³. В 1925 г. действовало 1 024 органов ЗАГС, в 1926 – 1 117, а в 1927 г. – уже 1 246⁴.

По мнению автора, начало периода развития загсовской системы на Дальнем Востоке относится к концу 1929 г.

С августа 1929 г. Постановление СНК РСФСР «Об обслуживании рабочих в нерабочее время» изменило режим работы госорганов. Так, двери ЗАГС закрывались «не ранее 20–00 и не позднее 22–00 часов»⁵. Принятые меры позволили жителям не только городов, но и сел, деревень осуществлять регистрацию важных фактов их жизни, не отрываясь от повседневных забот. Кроме того, ЗАГС являлись по существу «культурно-бытовыми органами», которые производили повседневную работу среди широких масс населения непосредственно в «борьбе с религиозными предрассудками» и культовыми обрядами. Культурно-массовую работу проводили в красных уголках и избах-читальнях⁶.

Органы ЗАГС были первыми учреждениями, которые практически с начала своего создания приступили к формированию информационной базы по естественному движению населения соответствующих территорий. Учитывая данные обстоятельства, в начале 1930-х гг. именно органы ЗАГС обязали составлять и представлять в плановую комиссию Далькрайисполкома ежемесячные отчеты по естественному движению населения⁷.

Сведения, представляемые в органы власти, отражали социально-политическое состояние соответствующих территорий. Так, анализ отчётов отделов ЗАГС позволял выявить рост рождаемости и тяжёлые периоды для населения, характеризовавшиеся большим количеством смертей, особенно детей. Например, в сведениях органов ЗАГС Камчатской области июнь–октябрь 1939 г. – это период, в котором произошла «вспышка инфекционных заболеваний (корь, воспаление лёгких), вызванная прибытием нового потока переселенцев». В отчётах рост смертности жителей (особенно, детей и участников войн) объяснялся тяжёлыми условиями труда, неустроенностью быта, участием военнотружеников в военных действиях, неразвитостью системы здравоохранения. Анализ данных ЗАГС показывает, что именно показатель по смертности существенно снижал показатели активного прироста населения в Хабаровском крае в предвоенный период. Если рождений зарегистрировано 81 947, а смерти – 32 685 и детской до года – 12 729, то прирост составил 48 513 человек⁸.

Начиная с 1937 г., одним из важных направлений деятельности органов ЗАГС стало оформление документов для получения государственного пособия многодетным матерям на седьмых и более детей. Если на начало 1937 г. поступили заявления от 3 518 многодетных матерей (из них по городам – 563, по сельской местности – 2 955), то на 1 апреля 1937 г. – 5 305 (город – 565, село – 4 740), а на октябрь того же года количество заявлений выросло до 7 030⁹.

Улучшение условий жизни дальневосточников способствовало увеличению числа браков, рождений и мотивировало к постоянному проживанию на дальневосточной земле. Актовые книги и учётные данные органов ЗАГС свидетельствуют, что с конца 1970-х гг. показатели регистрируемых браков и рожде-

¹ ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 48.

² Там же. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2.

³ Там же. – Ф. Р-137. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 18.

⁴ Там же. – Д. 25. – Л. 191.

⁵ Там же. – Д. 39. – Л. 3–3 об.

⁶ Там же. – Оп. 4. – Д. 15. – Л. 8–8 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – Ф. Р-750. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 1–18.

⁹ Там же. – Д. 5. – Л. 25–26.

ний выросли, а миграционный поток снизился. Этому также способствовало расширение объёма северных льгот, положительно отраз-

ившееся на динамике естественного движения населения. Сведения об этой динамике представлены в таблице.

Сведения о динамике естественного движения населения в Хабаровском крае в 1960–1980 годах¹

Год	Количество				Естественный прирост	Миграционный прирост / убыль
	браков	разво-дов	родившихся	умерших		
1960	14 696	1 399	22 634	5 813	16 821	109 686 / 3 602
В том числе город / село	–	–	16 308 / 6 328	4 317 / 1 496	11 989 / 4 832	Убыло 106 084
1970	14 684	4 435	20 151	8 267	11 884	119 314 / 118 85
В том числе город / село	–	–	15 994 / 4 157	6 470 / 1 797	9 524 / 2 360	Убыло 107 429
1980	15 588	7 499	26 256	12 758	134 99	109 335 / 12 759
В том числе город / село	–	–	20 721 / 5 535	10 512 / 2 245	10 209 / 3 290	Убыло 96 579

На начало 1986 г. численность населения Хабаровского края составляла 5 444 000 человек (город); 1 603 000 (село). В регионе были 57 городов, 256 рабочих посёлков и 1 016 сельских населённых пункта [16, с. 300, 301].

В период 1986–1990 гг. перед отделами ЗАГС крайисполкома была поставлена задача – «принять действенные меры по коренному улучшению юридического обслуживания граждан», одновременно потребовалось «установить строгий контроль за соблюдением порядка приёма посетителей». Для оперативного обслуживания граждан, широкого информирования населения о порядке работы и времени приёма в ЗАГС предлагалось не только «активнее использовать печать и радио», но и обеспечение всех учреждений стандартными вывесками с указанием режима приёма населения, стендами с образцами документов и другой необходимой информацией. Впервые обсуждался вопрос целевого улучшения жилищных условий работников органов ЗАГС².

Учитывая, что в органы ЗАГС ежедневно обращались сотни и тысячи граждан, органы власти рассматривали такие обстоятельства как реальную возможность задействовать ЗАГС не только для решения государственных задач по формированию советских традиций и новых культурных ценностей, но и в реализации демографической и семейной политики на Дальнем Востоке. В практику работы органов ЗАГС ввели обязанность организации гражданских обрядов, в частности регистрацию бракосочетания молодожёнов и рождений детей с вручением свидетельств в торжественной обстановке. Таким образом, органам ЗАГС

отводилась особая роль в решении таких значимых государственных вопросов, как создание новых семейных традиций, укрепление института семьи и брака в момент, когда церковь уже была отстранена от такой деятельности.

К концу 1980-х гг. очередные реформы в политической и экономической сфере повлекли изменение законодательства, в том числе в области семейно-брачных отношений. Перемены существенно снизили роль органов ЗАГС (например, в советский период в случае прекращения брака большое внимание уделялось судьбе детей).

Изменилась система управления органов ЗАГС. В ноябре 1991 г. полномочия исполкома Хабаровского краевого Совета народных депутатов, а в феврале 1992 г. утверждена структура администрации региона, в состав которой вошёл отдел ЗАГС, с 2000 г. – это управление ЗАГС.

Частично изменились и функции органов в системе ЗАГС. Реформирование государственного регулирования семейно-брачных отношений выразилось в отмене обязательности торжественной регистрации рождений в органах ЗАГС, в том числе выдачу свидетельств о рождении стали проводить непосредственно в учреждениях родовспоможения. Неактуальными стали комсомольские, заводские и студенческие свадьбы, при регистрации перестали участвовать руководители административных органов, депутаты и другие известные лица.

Важно то, что, несмотря на реформы, в перспективных планах 1990-х гг. сохранялись основные направления деятельности органов ЗАГС: регистрация фактов гражданского состояния населения и их учёт,

¹ Источник: Хабаровскому краю – 70 лет: сб. ст. – Хабаровск: Хабаровскстат, 2007. – С. 28, 35, 37.

² ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 22. – Д. 1946. – Л. 135.

систематизированный в актовых книгах; подготовка и направление ежегодных статистических отчетов о регистрации АГС в Минюст России и органы госстатистики; анализ ежемесячного состояния дел по своевременной и полной регистрации родившихся и умерших, заключению и расторжению браков; принятие мер по повышению качества оформления актовых записей, в том числе практики по соблюдению законодательства о браке и семье. По-прежнему в планах были комплексные проверки отделов ЗАГС при администрациях районов и городов региона, в частности архивов загсовской системы¹.

Вместе с тем, появилось и новое направление, которому уделяли особое внимание, – компьютеризация и формирование электронных архивов². В 1991–1992 гг. в отделах ЗАГС стали устанавливать персональные компьютеры, матричные принтеры, при регистрации АГС использовать текстовые редакторы. К 1993 г. 50 % отделов ЗАГС в Хабаровском крае были обеспечены персональными компьютерами³. Внедрение в деятельность органов ЗАГС процессов информатизации позволило повысить не только производительность труда специалистов, но и улучшить обслуживание населения, а также создать основу для формирования электронной базы данных.

Очередная реформа в системе управления ЗАГС была обусловлена изменением федерального законодательства в конце 1990-х гг. Произошли структурно-административные преобразования и в сфере ЗАГС. В частности, полномочия по государственной регистрации АГС были закреплены за органами местного самоуправления.

В 1999 г. завершалась работа по внедрению информационно-поисковой системы по программе «ЗАГС-АРКОМ», что повлекло за собой обеспечение отделов края новой версией программы, направленной на повышение качества загсовских услуг⁴.

Использование данной программы позволило ввести электронный архив. Программа способствовала также ускорению реализации принятого в 1998 г. решения о передаче книг с метрическими записями

церквей, миссий, приходов Дальнего Востока 1920–1922 гг. и актовых книг ЗАГС 1923 г. в Государственный архив Хабаровского края⁵. Новые бланки свидетельств были адаптированы под заполнение на принтере. Однако в поселениях края ЗАГС продолжали работать исключительно с бумажным носителем.

Заключение. Анализ архивных материалов показал, что системе регистрации актов гражданского состояния, в том числе в Хабаровском крае, более 100 лет. Постепенно расширилось и активизировалось присутствие органов регистрирующих акты гражданского состояния в рамках не только гражданского общества, но и взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления в правоохранительной и культурной сфере.

В конце второго десятилетия XXI в. органы ЗАГС страны и Хабаровского края вступили в очередную эпоху перемен. Они, как и в начале своего становления, стали непосредственными участниками государственного проекта по созданию реестра народонаселения Российской Федерации. Органы ЗАГС по-прежнему участвуют в реализации семейной политики, в сохранении семейных традиций и так далее фиксируя важные для каждого гражданина события от рождения до смерти.

По нашему мнению, изучение становления и развития органов ЗАГС в системе государственных органов на Дальнем Востоке России невозможно без объективного анализа и научного осмысления советского периода отечественной истории, в частности первых лет существования государства.

В истории российского государства комплексный анализ развития системы органов ЗАГС на Дальнем Востоке России имеет не только научное, но и практическое значение. Он обогатит современную науку и практику в области государственно-общественных отношений, позволит восполнить пробел истории по этому вопросу при подготовке трудов по истории взаимоотношения государства и общества как в целом по стране, так и на территории Дальневосточного федерального округа в частности.

Список литературы

1. Алейникова И. А. История создания и развития государственной службы органов ЗАГС в России // Форум молодых учёных. 2018. № 10. С. 35–38.

¹ ГАХК. – Ф. Р-750. – Оп. 3. – Д. 68. – Л. 1–23

² Там же. – Л. 14.

³ Там же. – Д. 57. – Л. 26.

⁴ Там же. – Л. 23.

⁵ Там же. – Л. 20, 26, 27.

2. Бакшеева Е. Б. Правовая база создания органов ЗАГС: содержание, практика применения на Дальнем Востоке (1921–1927 гг.) // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 85–92.
3. Берая И. О. Развитие института брака в России // Актуальные проблемы права: материалы IV Международ. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 162–165.
4. Березовский Д. В., Тулинова А. А. Эволюция организации и деятельности органов записи актов гражданского состояния в России // Вестник Международного института рынка. 2017. № 2. С. 83–88.
5. Буина А. С. Нормативно-правовые аспекты регистрации актов гражданского состояния // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 74/1. С. 73–76.
6. Емелина Л. А. Становление системы ЗАГС в первой половине XX века // Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния. Тверь: Изд-во А. Н. Кондратьева, 2017. С. 28–36.
7. Кулинич Н. Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2010. 375 с.
8. Кулинич Н. Г. «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1. С. 42–53.
9. Николенько М. С. Естественное движение населения, браки и разводы по ДВК в 1926 году // Дальневосточное статистическое обозрение. 1928. № 1/2. С. 1–14.
10. Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89.
11. Савчук А. А. Новое брачное законодательство и его влияние на изменение численности браков и разводов на советском Дальнем Востоке РФ в 1920-е гг. // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 3. С. 149–156.
12. Салогуб Я. Л., Фролов В. В. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». 2017. Т. 2, № 4. С. 5–17.
13. Татаринцева Е. А. Особенности регистрации рождения ребёнка родителями, состоящими в религиозных объединениях // Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния. Тверь: Изд-во А. Н. Кондратьева, 2017. С. 152–156.
14. Шаповалова Я. А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг.: традиции и новации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 354–359.
15. Шнайдер В. Г. Книги записей гражданского состояния 1920–1930-х гг., как исторический источник. Текст: электронный // Концепт: науч.-метод. элек. журнал. 2015. № 26. С. 51–55. URL: <https://www.e-koncept.ru/> (дата обращения: 25.05.2020).
16. Ярославцева Т. А. Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России в XX в. Хабаровск: Изд-во ДВНУ – филиала РАНХиГС, 2015. 367 с.
17. Ярославцева Т. А., Дробница А. В. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в России: становление и эволюция // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 4. С. 179–189.
18. Belli M. M., Jones D. R. Belli Looks at Life and Law in Russia. Indianapolis; New York: Bobbs-Merrill, 1963. 381 p.
19. Berman H. J. Justice in the USSR: an Interpretation of Soviet Law. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963. 450 p.
20. Civil Service Reform: Strengthening World Bank and IMF Collaboration. Washington: World Bank Publications, 2002. 84 p.
21. Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // The Journal of Modern History. 1990. Vol. 62, No. 4. P. 709–746.
22. Wolff M. M. Some Aspects of Marriage and Divorce Laws in Soviet Russia // The Modern Law Review. 2019. Vol. 12. P. 290–296.

Статья поступила в редакцию 10.09.2020; принята к публикации 15.10.2020

Сведения об авторе

Ярославцева Татьяна Александровна, доктор исторических наук, доцент, Дальневосточный институт управления – филиала РАНХиГС; 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33; e-mail: mu322@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1418-4002>.

Библиографическое описание статьи

Ярославцева Т. А. Регистрация актов гражданского состояния: история и современность (на примере Хабаровского края) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 132–138. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-132-138.

References

1. Aleynikova, I. A. History of creation and development of the civil service of civil registry offices in Russia. Forum of young scientists, no. 10, pp. 35–38, 2018. (In Rus.)
2. Baksheeva, E. B. Legal basis for creating civil registry offices: content, practice of application in the Far East (1921–1927). Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law, no. 2, pp. 85–92, 2016. (In Rus.)
3. Beraya, I. O. Development of the institution of marriage in Russia. Actual problems of law: Proceedings of the IV International Scientific Conference (Moscow, November 2015). M: Buki-Vedi, 2015: 162–165. (In Rus.)
4. Berezovsky, D. V., Tulinova A. A. Evolution of the organization and activity of civil registration bodies in Russia. Bulletin of the International market Institute, no. 2, pp. 83–88. 2017. (In Rus.)
5. Buina, A. S. Normative-legal aspects of civil registration. News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, no. 74/1, pp. 73–76, 2008. (In Rus.)
6. Emelina, L. A. Formation of the registry office system in the first half of the XX century. Theoretical and practical problems of state registration of civil status acts. Tver: A. N. Kondratev Publishing House, 2017: 28–36. (In Rus.)
7. Kulinich, N. G. Everyday culture of citizens of the Soviet Far East in the 1920s–1930s. Khabarovsk: TOGU Publishing house, 2010. (In Rus.)
8. Kulinich, N. G. “Free love” and Soviet marriage: family relations in the cities of the Far East (1920–1930). New History Bulletin, no. 1, pp. 42–53, 2010. (In Rus.)
9. Nikolenko, M. S. Natural movement of the population, marriages and divorces on DVK in 1926. Far East statistical review, no. 1/2, pp. 1–14, 1928. (In Rus.)
10. Pushkareva, N. L., Kaz'mina O. E. Russian system of laws on marriage in the twentieth century and traditional attitudes. The ethnographic review, no. 4, pp. 67–89, 2003. (In Rus.)
11. Savchuk, A. A. New marriage legislation and its impact on the change in the number of marriages and divorces in the Soviet Far East of the Russian Federation in the 1920s. Power and management in the East of Russia, no. 3, pp. 149–156, 2012. (In Rus.)
12. Salogub, Ya. L., Frolov V. V. the Code of laws on acts of civil status, marriage, family and guardianship law of 1918 as a stage of the Bolshevik experiment in the legal regulation of family and marriage relations. Historiography. Sources. Bulletin of the Volga State University after named V. N. Tatishchev. Series “Jurisprudence”, no. 4, pp. 5–17, 2017. (In Rus.)
13. Tatarintseva, E. A. Features of registration of a child's birth by parents who are members of religious associations. Theoretical and practical problems of state registration of civil status acts. Tver: A. N. Kondratev Publishing House, 2017: 152–156. (In Rus.)
14. Shapovalova, Ya. A. Soviet wedding ceremony in the 1950s–1980s: traditions and innovations. Theory and practice of social development, no. 11, pp. 354–359, 2013. (In Rus.)
15. Schneider, V. G. Books of civil status records of the 1920s–1930s, as a historical source. Scientific and methodological electronic journal Concept, no. 26, pp. 51–55, 2015. Web. <https://www.e-koncept.ru/> (In Rus.)
16. Yaroslavtseva, T. A. Housing and communal services in the Far East of Russia in the XX century. Khabarovsk: publishing house of DVIU-branch of Ranepa, 2015. (In Rus.)
17. Yaroslavtseva, T. A., Drobnitsa, A. V. Legal regulation of marriage and family relations in Russia: formation and evolution. Power and management in the East of Russia, no. 4, pp. 179–189, 2015. (In Rus.)
18. Belli, M. M., Jones D. R. Belli Looks at Life and Law in Russia. Indianapolis; New York: Bobbs-Merrill, 1963. (In Engl.)
19. Berman, H. J. Justice in the USSR: an Interpretation of Soviet Law. Cambridge, Mass: Harvard university press, 1963. (In Engl.)
20. Civil Service Reform: Strengthening World Bank and IMF Collaboration. Washington: World Bank Publications, 2002. (In Engl.)
21. Freeze, G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860. The Journal of Modern History, no. 4, pp. 709–746, 1990. (In Engl.)
22. Wolff, M. M. Some Aspects of Marriage and Divorce Laws in Soviet Russia. The Modern Law Review, vol. 12, pp. 290–296, 2019. (In Engl.)

Received: September 10, 2020; accepted for publication October 15, 2020

Information about author

Yaroslavtseva Tatyana A., Doctor of History, Associate Professor, Far Eastern Institute of Management, Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” (RANEPA); 33 Muravyova-Amurskogo st., Khabarovsk, 680000, Russia; e-mail: mu322@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1418-4002>.

Reference to the article

Yaroslavtseva T. A. Registration of Acts of Civil Status: History and Modernity (The Case of Khabarovsk Territory) // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 132–138. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-132-138.

СМИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

THE MEDIA: THE PAST, THE PRESENT, THE FUTURE

УДК 070.46

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-139-150

Наталья Олеговна Автаева,

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия),
e-mail: zhurnalistnngu@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>*

Василиса Александровна Бейнenson,

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия),
e-mail: beynenson@eduthon.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7128-0340>*

Ксения Александровна Болдина,

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия),
e-mail: olesova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4841-1581>*

Эволюция роли женщины в семье и общественной сфере (на примере отечественной женской периодики конца XIX – начала XXI века)

Целью статьи является рассмотрение процесса трансформации образа женщины и доминирующей модели семьи в рамках основных исторических периодов в отечественной женской периодике с конца XIX в. по настоящее время. Авторы отмечают, что образ женщины в гендерных СМИ претерпевает изменения в связи со сменой мировой и локальной повестки дня, в частности меняется положение женщины в семье, трансформируется структура семьи, сокращается численность её членов. Эти трансформации можно также объяснить сменой запросов государства на пропаганду определённого образа, к примеру, образа женщины-патриотки в период Второй мировой войны и женщины-матери в послевоенное время. Традиционными рубриками женских изданий на протяжении многих исторических периодов остаются рубрики, посвящённые обустройству быта, взаимоотношению полов, здоровью и красоте, материнству. За более чем двухсотлетнюю историю женских изданий образ женщины в них прошёл стадии от исконно патриархальных моделей через всплеск индивидуализации и самостоятельности до умеренного сочетания роли хранительницы домашнего очага и установки на автономию от мужчины. В статье также обозначены основные тенденции развития современных женских интернет-изданий, которые, с одной стороны, наследуют тематику и структуру традиционных женских журналов, с другой, имеют черты блогов. Если те или иные характерные образы женщины в прессе то обретают, то теряют актуальность, то изменения модели семьи в женских СМИ можно считать необратимыми: возврата к образу патриархальной многопоколенной семьи не происходит. Исследование проводилось на основе методов исторического обзора, тематического анализа и контент-анализа публикаций женских журналов различных исторических периодов.

Ключевые слова: женская периодика, история развития женской периодики, образ женщины в СМИ, медиаобразы, гендерная идентичность, модель семьи, женские интернет-СМИ

© Автаева Н. О., Бейнenson В. А., Болдина К. А., 2020

Natalia O. Avtaeva,*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: zhurnalistnngu@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>***Vasilisa A. Beynenson,***Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: beynenson@eduthon.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7128-0340>***Ksenia A. Boldina,***Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: olesova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4841-1581>*

The Evolution of the Role of Women in the Family and the Public Sphere (The Case of Domestic Women's Periodicals of the Late 19th – Early 20th Century)

The purpose of the article is to consider the process of transformation of the image of a woman and the dominant family model in the main historical periods in the national female periodicals from the end of the 18th century to the present days. The authors note that the image of a woman in the gender media is changing due to the changes in the global and local agenda, in particular, due to the changes in the position of a woman in the family, the structure of a family, and decreasing of the number of family members. These transformations can also be explained by the change in the state's requests for the promotion of a certain image, for example, the image of a patriotic woman during the Second World War and a mother woman in the post-war period. Over the course of many historical periods, rubrics devoted to the arrangement of everyday life, the relationship of the sexes, health and beauty, and motherhood remain the traditional rubrics of women's publications. During more than two hundred years of publications, the image of a woman in them has gone through stages from primordial patriarchal models through a surge of individualization and independence to a moderate combination of the role of the homemaker and the installation of autonomy from men. The article also outlines the main trends in the development of modern women's online publications, which, on the one hand, have inherited the theme and structure of traditional women's magazines, and on the other, have the features of blogs. If certain characteristic images of a woman in the press gain or lose relevance, the changes in the family model in women's media can be considered irreversible: there is no return to the image of a patriarchal multi-generational family. The study was based on the methods of historical review, thematic analysis and content analysis of publications of women's magazines of various historical periods.

Keywords: women's periodicals, the history of women's periodicals, the image of a woman in the media, media images, gender identity, family model, women's online media

Введение. Идеино-тематический контент медиа неразрывно связан с исторической и социокультурной обстановкой в обществе, поэтому проследить эволюцию моделей семьи и образа женщины в отечественной женской периодике представляется интересной исследовательской задачей. Для её реализации необходимо выявить условия развития женских газет и журналов в отечественной журналистике, рассмотреть основные этапы их функционирования в социально-историческом и культурном контексте, систематизировать результаты контент-анализа публикаций женских изданий, тиражирующих образ женщины на производстве и в семье.

Женская периодика как сегмент отечественной журналистики сформировалась ещё в конце XVIII в., когда Н. И. Новиков начал издавать журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета»,

но периодом расцвета принято считать XIX в. [3; 7]. На начальном этапе формирования женской прессы выходили два типа изданий, ориентированных на женскую аудиторию: литературный журнал и журнал мод. К литературным журналам для женщин можно отнести «Модное ежемесячное издание» (1779), «Журнал для милых, издаваемый юными людьми» (1804), «Кабинет Аспазии» (1815), «Дамский журнал» (1823–1883), «Лучи» (1850–1860). Сегмент модных журналов представлен «Модным вестником» (1816), «Гирляндой» (1846–1860) и др. [2, с. 29].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения трансформации модели женской периодики и её тематической направленности, а также изменений предметно-тематических особенностей, проблематики женских изданий и образа женщины в них в контексте отечественной журналистики.

Методология и методы исследования. Целью статьи является рассмотрение эволюции образа женщины и доминирующей модели семьи в рамках основных исторических периодов в отечественной женской периодике с конца XVIII в. по настоящее время. Особое внимание уделяется тематическим характеристикам женских изданий, обзору материалов в контексте социокультурных особенностей развития государства, выявлению функций изданий, связанных с удовлетворением познавательных интересов, просвещением, пропагандой необходимой в тот или иной период становления социальной роли женщины в обществе.

Методы исследования predetermined предметом и целью статьи: в её основе лежит исторический метод и историко-типологический анализ. Кроме того, при изучении публикаций женской периодики использовался метод качественного и количественного контент-анализа. Также исследователи опираются на принципы структурного и системного анализа.

На протяжении более чем двухсотлетней истории женских изданий образ женщины в них трансформировался в соответствии с актуальной повесткой дня и прошёл стадии от исконно патриархальных моделей через всплеск индивидуализации и самостоятельности до умеренного сочетания установки на автономию от мужчины и роли хранительницы домашнего очага. Женская отечественная периодика, начиная с XVIII в., транслирует гендерно-ролевые статусы женщин в семье и обществе в зависимости от конкретного исторического периода [12–14].

Для реализации целей исследования были выявлены условия развития женских газет и журналов в отечественной журналистике, рассмотрены основные этапы их функционирования в социально-историческом и культурном контексте, систематизированы результаты контент-анализа публикаций женских изданий, распространяющих актуальный образ женщины.

Результаты исследования и их обсуждение. Издания конца XVIII – середины XIX в. имели чёткую структуру: в литературных журналах существовали отделы прозы, поэзии, науки; в журналах мод – домоводства, рукоделия. Литературные женские журналы носили элитарный характер, т. к. понять и оценить материалы могли лишь образованные дамы, интересующиеся изящной словесностью, литературной критикой, науками. В научном разделе регулярно по-

являлись статьи по истории, реже – географии. Литературный раздел содержал рецензии, списки для чтения и непосредственно художественные тексты различных авторов. Примечательно, что литературные произведения в журналах данного периода преимущественно отражали тематику быта дворянской семьи, где статус женщины определялся положением в обществе её мужа или отца. Семья, представленная на страницах журналов этого периода, была патриархальной, многопоколенной, женщина выполняла традиционную функцию хранительницы домашнего очага, матери и жены, носительницы духовного уклада. Женщины интересовались литературой и модой, что считалось необходимым для поддержания светских бесед и выхода в свет.

Во второй половине XIX в. широко обсуждаемыми стали реформы в области женского образования, в связи с этим появляются издания, ориентированные на освещение именно этой проблематики. Например, в 1872 г. появился журнал «Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий» (1872–1875), который был впоследствии преобразован в «Женское образование» (1876–1889). Из этого типа изданий появляется сегмент периодики, который можно обозначить как педагогические издания.

Пионером здесь можно считать специальный педагогический журнал для женщин «На помощь матерям» (1894–1904), который издавали А. П. Пешкова-Толиверова и В. П. Воленс. Основные материалы были посвящены воспитанию и образованию, давались библиография педагогической и детской литературы, практические советы по уходу за детьми, описания игр, физических упражнений, сообщения о деятельности родительских кружков, яслей и детских садов. Постоянными авторами журнала стали педагоги и врачи: привлечение к сотрудничеству специалистов стало новым в женской журналистике. Например, научная статья врача М. Волковой «Что нужно делать для укрепления нервов наших девочек и девушек?» выходила по частям и публиковалась из номера в номер; Е. Литвинова освещала проблемы образования и давала практические советы в воспитании детей; М. Паскевич освещал тему материнства и защиты детей; А. Полторацкая писала о новостях зарубежья, успехах женского движения во всём мире.

Издание выходило девять раз в год. Было проанализировано семь номеров данного журнала (№ 2–8) за 1898 г., изучено

146 материалов (каждый номер содержит в среднем 25 материалов), анализировались все публикации. Цель исследования состояла в том, чтобы проследить, каким представлялся образ современницы на страницах женского издания данного периода, действительно ли данный журнал был обращён к женской аудитории и формировал образ «новой женщины». Журнал содержал от 30 до 50 страниц и печатался в формате А5. Издание было монохромным, иллюстрации не размещались. Как правило, на обратной стороне титульного листа публиковалась реклама книг или объявление от редакции и содержание номера.

Журнал «На помощь матерям» имел чёткую структуру. Редакцией обозначались следующие отделы: I отдел – помещались материалы разной направленности: статьи о воспитании и образовании детей, практические советы по уходу за детьми, описания физических упражнений и другие; II отдел – «Разные известия», где можно было найти информацию о женском движении и достижениях зарубежных современниц в борьбе за равноправие; III отдел – «Библиография», здесь давались рекомендации в выборе педагогической и детской литературы.

Журнал освещал острую на тот момент проблему – роль женщины в обществе и её положение в современном мире. Также журнал касался других актуальных женских вопросов: среди тематических приоритетов, прежде всего, обозначились проблемы материнства, женского образования, труда, правового положения женщины, достижения известных женщин. Центральным в издании является образ матери: материнство утверждается как главный удел женщины, т. к. от матери многое зависит в воспитании детей, в домашней атмосфере. Женщина-мать должна быть образованной, занимающейся самосовершенствованием, что положительно скажется на семейном быте и процессе воспитания детей.

Издание при этом также считало необходимым освещать деятельность женского движения, всё более и более расширяя присутствие такой информации на своих страницах. Журнал формировал образ сильной, независимой и самостоятельной женщины, во всём равной мужчине; призывал женщин бороться за свои гражданские права и право голоса, право жить, учиться и трудиться на равных с мужчинами, постоянно указывая на примеры достижений и успешной жизни западных женщин. Этот образ формировался прежде всего в отделе «Разные изве-

стия», где публиковались международные новости. Таким образом, необходимо отметить известную противоречивость позиции журнала, с одной стороны, проявляющего устойчивый интерес к западным процессам феминизации, с другой стороны, транслирующего традиционный образ женщины-матери как главный.

Во второй половине XIX в. произошли определённые трансформации женской периодики: дамский литературный журнал преобразовался в литературно-общественный тип издания, структура которого позволяла учитывать рост внимания в социуме к женщине как к личности, расширение кругозора читательниц и отражение в прессе процесса социализации современницы. Актуализируются на страницах дамских изданий проблемы женского образования, распространения труда среди женщин, внесемейной активности. Среди женских журналов данного типа можно выделить «Рассвет» (1859–1862), «Женский вестник» (1866–1868), «Друг женщины» (1882–1884), «Женское дело» (1899–1900; 1910–1916).

Проблемы положения женщины в обществе, её равноправия с мужчинами нашли отражение на страницах литературно-общественных журналов, что явилось следствием западной феминистической традиции; с данными аспектами были тематически связаны в журнале и художественные произведения. Женщина всё чаще изображалась во внесемейных ролях, но подобный контент не находил признания аудитории, которая не была готова к подобным изменениям, что сказалось на непродолжительности выхода подобного типа изданий, но они сумели оказать заметное влияние на дальнейшее развитие отечественной женской периодики уже в советский период.

Одним из типичных литературно-общественных журналов можно считать «Женское дело» (1910–1916), редактором которого был Л. Родионов, а издателем – А. Г. Галачёв. Было проанализировано семь номеров данного журнала (№ 2–8) за 1911 г., которые включают 156 материалов (каждый номер содержит около 22–26 материалов). Следует отметить, что журнал «Женское дело» был ориентирован на поддержание формирующегося образа сильной, успешной, независимой и образованной женщины.

Одна из самых распространённых тем в журнале – это проблема женского образования. Освещая эту тему, авторы формировали образ умной и просвещённой женщины как единственный способ стать социально

успешной личностью. Женщина с образованием – сильная, свободная, независимая от мужчин; без образования – остановившаяся в развитии, находящаяся ниже мужчины. Женское образование рассматривается как отправная точка в борьбе за гражданские и политические права.

Однако независимо от обстановки в обществе и стране, согласно концепции рассматриваемого журнала, женщина должна оставаться матерью и продолжательницей рода. При этом в качественном отношении образ матери этого периода отличается от образа предшествующих лет. Здесь мать уже выступает не только как родительница, но и как педагог, который может самостоятельно обучить своих детей. Материалы данной темы, как правило, носили дидактическую и практическую направленность; давались полезные советы по воспитанию детей, и здесь же присутствует призыв к самообразованию и самосовершенствованию матерей.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. у женской аудитории вызвали интерес и издания, носившие развлекательный и прикладной характер, например, «Дамский альбом рукодельных работ» (1856), «Сандрильона» (1857–1859), «Монитор. Журнал для дам и девиц, посвященный женскому хозяйству, рукоделиям и модам» (1860–1861), «Русская хозяйка» (1861–1862), «Модные выкройки» (1872–1882); «Женские работы» (1872–1874); «Моды и рукоделия» (1875–1880); «Женский труд» (1880–1882), «Вестник моды» (1885–1916) и «Венский шик» (1899–1908) [11]. В такие журналы помещалась самая разнообразная информация: литература, хроника светских и театральных новостей, хозяйственные советы, кулинарные рецепты, мода. Подчиняясь веяниям времени, эти журналы открывали библиографические отделы и публиковали материалы, посвященные вопросам женской общественной жизни.

Интересно отметить, что российские женские журналы конца XIX в. отличались большей универсальностью как тематической, так и социальной, чем европейские журналы. Те, в свою очередь, тяготели к разделению на издания о модных тенденциях и новинках для дам из элиты и журналы с выкройками и советами по рукоделию для небогатых модниц, которым самим приходилось создавать свой гардероб.

На рубеже веков особая роль в женских журналах стала отводиться качеству визуального компонента издания. Расцвет в эти

годы переживает и искусство модной иллюстрации, в котором соревнуются дамские журналы. Одни широко используют недавно появившуюся, но невероятно популярную фотографию, другие же привлекают к созданию иллюстраций известных художников. По второму пути пошел, например, художественный журнал мод и рукоделий «Парижанка», выделявшийся публикацией работ выдающихся художников Мстислава Добужинского и Константина Сомова.

Женская периодика начала XX в. тяготела к освещению общественной, семейной, религиозной, культурной жизни, с которыми наиболее часто соприкасается женщина. Самыми распространенными и влиятельными стали литературно-общественные журналы, тяготеющие к изданиям универсального характера и стремящиеся осветить самые разные стороны жизни женщины, в том числе и общественно-политическую, например, журналы «Женщина» (1907–1916), «Дамский мир» (1907–1916), «Журнал для хозяек» (1912–1926), «Журнал для женщин» (1914–1916).

Выделилась категория читателей, нуждавшихся в постоянной информации из мира моды, на что оперативно отреагировали видоизменившиеся модные издания: «Ворт» (1905–1913), «Домашняя портниха» (1906–1908), «Женское богатство» (1908–1909), «Женский мир» (1909–1911), «Парижанка» (1908–1910), «Модный курьер» (1900–1910), «Иллюстрированный журнал белья и рукоделия» (1901–1907), «Белье и вышивки» (1909–1916), «Моды для всех» (1910–1914). Возникли журналы для учениц при различных женских учебных заведениях: «Подснежник» (1907–1910, 1912), «Начало» (1906–1911), «Пчёлка» (1909–1915), «Колос» (1908–1910, 1912), «Ручеек» (1913–1914), «Наш друг» (1911–1914).

В тот же период можно говорить о зарождении феминистской прессы, например, журнал «Женский вестник» (1904–1917), предоставивший слово представителям феминистского движения. В нем не было привычных рубрик о моде, рукоделии и хозяйстве, не было рекламы и даже иллюстраций. Хотя исследователи отмечают «маргинальное положение издания в структуре женской периодики» [6, с. 75], журнал представлял собой новую модель журнала для женщин.

Следующим этапом в развитии женской прессы становится советский период. Модные журналы были закрыты. Новая идеология всеобщего равенства отменяла изысканные наряды, предполагала скромность

и удобство одежды. Правда, аскетичность костюмов того времени была продиктована ещё и бедственным положением, в котором оказалось население в 1917–1921 гг.

В первые годы советской власти (1917–1928) наблюдалось зарождение советских женских журналов нового типа как отдельной отрасли. Выходили такие женские общественно-политические издания, как «Коммунистка» (1920–1930), «Работница» (с 1914), «Крестьянка» (с 1922), «Батрачка» (1925–1929), «Общественница» (1936–1941). Массовые литературно-общественные журналы для домохозяек «Женский журнал» (1926–1930), «Журнал для хозяек» (1922–1926), которые издавались в этот период, просуществовали недолго, поскольку не соответствовали идеологическим требованиям советской печати.

Были проанализированы семь номеров «Женского журнала» (№ 3, 5–9, 12) за 1927 г. – 299 материалов (каждый номер содержит около 43 материалов). Цель исследования – проследить, каким представлялся образ современницы на страницах женского издания данного периода. Редактором журнала была Е. Швецова, а издателем – Акционерное издательское общество «Огонёк». Журнал состоял из 40 страниц и печатался в формате А3. «Женский журнал» был популярен в своё время: с одной стороны, он освещал важные политические изменения в стране и адаптировался под них; с другой, касался хозяйственно-практических и бытовых тем, востребованных широкой аудиторией домохозяек послереволюционного периода. Свою задачу журнал видел в оказании помощи женщине в различных сферах жизни, цель издания определялась как объединение женщин вокруг издания «под лозунгом лучшего устройства женской жизни, выработки лучших, наиболее совершенных форм женского быта»¹. Образ женщины-хозяйки находил своё отражение в таких рубриках, как «Уголок хозяйки», «Дом и хозяйство», «Кройка и шитьё», «Учитесь рукоделию», «Рукоделие», «Питание». При этом под словом «хозяйка» понималась не «мужняя жена», не выходящая за пределы своего дома, а современная, независимая от мужчины, активная женщина, что является отличным от понимания образа хозяйственной женщины XIX в. Этот образ хозяйки (появляется в 53 % публикаций) является для женской прессы переходного раннесоветского периода доминирующим.

¹ Задачи «Женского журнала» // Женский журнал. – 1926. – № 1. – С. 1.

Впоследствии в прессе его сменит образ женщины-труженицы, которому на страницах «Женского журнала» в обозначенном периоде отведены всего 2 % публикаций.

Теме материнства уделено достаточно внимания на страницах издания. В рамках данного тематического аспекта женщина рассматривается как ответственная любящая мать, заботящаяся о воспитании своих детей. Данный образ рисуется в публикациях, объединённых в рубрику «Мать и ребёнок» (21 % публикаций журнала).

«Женский журнал» довольно чётко формирует образ успешной женщины тех лет: ей необходимо быть образованной, умной хозяйкой, независимой от мужчин, принимать активное участие в политической и общественной жизни, но при этом оставаться любящей и заботливой матерью, не забывающей следить за собой и реализовывать себя в производственной сфере. Однако журнал с его ведущим образом женщины-хозяйки не отвечал интересам советской власти. Было принято решение закрыть журнал в 1930 г. как «обывательский и внеклассовый» [9, с. 49].

В обозначенный период трансформируется модель семьи, которая тиражируется отечественной периодикой, в женской прессе появляются материалы, разрушающие прежний традиционный образ патриархальной семьи: женщина рассматривается как равная мужчине, меняются задачи и роли женщины в общественной жизни и на производстве, акцент делается на реализацию внесемейной активности, поэтому в публикациях доминируют семьи малодетные и среднететные, уходит в прошлое изображение многопоколенной семьи.

Несколько иные акценты были обозначены ещё в одном издании советского периода – журнале «Работница и Крестьянка», он выпускался в период с 1932 по 1941 г. два раза в месяц. Данный журнал позиционировал себя как политическое издание, ответственный редактор В. Павлова. Были проанализированы семь номеров данного издания за 1937 г. (№ 1–7) – 140 материалов, (каждый номер состоит примерно из 20 публикаций).

Трудящаяся женщина – центральный образ в журнале (35 % публикаций), только через всеобщий труд можно прийти к коммунизму. Женщина обязана внести свой вклад в построение социализма, должна трудиться на благо общества. Ей также необходимо принимать активное участие в политической и общественной жизни Советского Союза.

Образ женщины-активистки и общественницы встречается в 14 % публикаций.

Образ женщины-матери также регулярно появлялся в журнале «Работница и Крестьянка» (17 % публикаций). Однако это не традиционный образ заботливой матери, а образ воспитательницы будущего советского общества.

Проблема равноправия женщины перестаёт быть ключевой. Материалы на эту тему посвящены преимущественно освобождению женщин Востока. Считается, что в советском обществе данная проблема решена и акцент переносится на трансляцию новой модели женского поведения: от ведущей роли матери и хозяйки к доминированию образа труженицы. Предполагается, что ряд бытовых вопросов, воспитание и образование детей берёт на себя государство.

В период Великой Отечественной войны новые женские издания не появились на рынке, поэтому рассмотрим содержание журнала «Работница», который начал свою работу в марте 1914 г. и выходит в свет до сих пор. Журнал был ежемесячным, он позиционировал себя как общественно-политический и литературно-художественный журнал, чем и обусловлено превалирование материалов, касающихся политической жизни общества, и обилие художественных произведений на страницах издания. Были проанализированы семь номеров данного издания (№ 1–7) за 1943 г., всего 99 материалов (каждый номер включает в себя примерно от 13 до 28 публикаций как следствие военного времени).

Главная цель издания в период Великой Отечественной войны – привлечение женщин к активному труду и координация работы тыла. Тема женского труда в военные годы была актуальна, журнал показывал вклад советских женщин в достижение победы над фашистскими захватчиками. Центральный образ издания в данный период – это женщина-патриотка, советская героиня, верная своей отчизне и готовая на боевые и трудовые подвиги. Соотечественницы изображаются как храбрые, хладнокровные к врагам, самоотверженные и не теряющие духа даже в самой трудной военной ситуации.

Изменяется в этот период и тиражируемый образ семьи: она изображается преимущественно неполной, однопоколенной, всё чаще представлен образ матери-одиночки, которая потеряла мужа или ждёт его с войны. Основные функции по воспитанию детей и обеспечению семьи ложатся на плечи женщины, она становится единственным

добытчиком. Образ женщины-матери в этот период трансформирован: советская мать должна работать, отдавать все силы, если хочет мирного неба над головой и светлого будущего для своих детей. В данном контексте любовь матери не касается конкретного ребёнка, а распространяется на каждого советского солдата, бойца, воина. Мать рисуется как собирательный коллективный образ женщины, заботящейся о советском народе.

В 1960–1980 гг. женская пресса продолжает традиции советской журналистики, в поствоенный период начинает выходить женский журнал «Советская женщина», до 1954 г. издание выходило один раз в два месяца, а затем с 1954 г. журнал становится ежемесячным. Были проанализированы семь номеров данного издания за 1969 г. (№ 1–7), включающих 250 материалов (в каждом номере от 32 до 39 публикаций).

Изучив рубрику издания, можно предположить, что основной задачей «Советской женщины» являлось формирование идеала женщины СССР и пропаганда её образа жизни среди иностранных читательниц.

Женщина выступает уже как борец за национальную независимость, демократию и мир, также в фокусе издания находятся экономические, социальные и культурные права женщин. Соотечественницы начинают интересоваться национальными проблемами и всем происходящим в мире: женщины выступали за прочный мир на земле, за право человека на достойную жизнь. В материалах, отражающих данный тематический блок, образ такой современницы формируется фразами: «советская женщина – борец за мир и человеческое счастье», «советские женщины идут в первых рядах поборников мира», «опыт советских женщин – великий пример для женщин многих стран в их борьбе за лучшую долю» и т. д.

Тема женского труда оставалась одной из ведущих на страницах отечественных женских журналов много лет, в «Советской женщине» она также находит своё отражение, но происходит её качественное изменение – физический труд, престижный ранее, теряет свою актуальность, и на смену ему приходит интеллектуальная работа – престиж смещается в сторону высоких постов на государственной службе [1, с. 75].

В публикациях часто делается акцент на том, что каким бы замечательным и образованным работником ни была женщина, она должна выстраивать свою карьеру не в ущерб материнству, пропагандируется об-

раз любящей, заботливой матери, верной жены и гостеприимной хозяйки. Тема быта, материнства, досуга и ухода за собой возвращается на страницы отечественной женской периодики.

Следующий этап развития отечественной женской периодики берёт своё начало с 1990-х гг. Пресса для женщин претерпела качественные изменения. Опираясь на работы исследователей [2, с. 102], можно выделить следующие типы женских изданий на российском рынке: семейно-бытовые («Лиза», 1995; «Домашний очаг», 1995; «Натали», 1995; «Женский клуб», 2009), элитарные (Cosmopolitan, 1994; Marie Claire, 1997; ELLE, 1996), социально-бытовые («Работница», 1914; «Крестьянка», 1922; «Мир женщины», 1992), феминистские («Диалог женщин», 1991; «Вы и мы», 1991), специализированные по интересам («Бурда моден», 1987; «Диана моден», 1996; «Золушка вяжет», 1996).

Важной чертой этого периода стал приход западных глянцевого журналов и издательских домов на российский рынок. Именно в этом сегменте прессы процесс глобализации проявился максимально заметно: западные образы и модели поведения приобретают национальные черты [10, с. 8], адаптируются, возникают новые российские бренды, созданные по зарубежным моделям. Примечательно, что процессу глобализации подвергается не только модель женского журнала как тип издания, его тематическое наполнение, рубрикация, полиграфическое исполнение, но и сам образ успешной или социально одобряемой современницы, который транслируется такими журналами.

Цели и задачи женских журналов стали определяться аудиторными интересами: личная жизнь женщины, улучшение её здоровья, ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, взаимоотношение полов. Другими словами, авторы женских изданий стали обращаться преимущественно к темам, связанным с личным миром женщины, её внутрисемейным бытом.

В качестве примера можно привести журнал «Между нами, женщинами», основанный в 2006 г. и представляющий собой своего рода «медианную», усреднённую модель, в полной мере вобравшую и западные веяния 1990-х и характерные запросы массовой российской женской аудитории. Были проанализированы семь номеров журнала (№ 14, 20, 23, 28, 33, 36, 42) за 2011 г. и 176 материалов (каждый номер содержит

около 25 публикаций). Издание выходило один раз в неделю. Изучив тематическое наполнение журнала «Между нами, женщинами», отметим, что издание затрагивает широкий спектр тем: большое внимание уделяется развлекательному сектору: всевозможным тестам, сканвордам, гороскопам, «занимательным новостям», жизни звёзд шоу-бизнеса. На страницах женского издания мы сталкиваемся с обсуждениями интимной жизни современницы, что берёт своё начало ещё с 1990-х гг. Авторы рассматривают сексуальные проблемы как физического, так и психологического характера. Формируется образ роковой женщины-обольстительницы, читательницам предлагается примерить на себя различные сексуальные образы зарубежных знаменитостей.

Тема образования не находит своего отражения в зеркале данного издания, а тематические приоритеты сдвигаются от престижа женской образованности в сторону внешней привлекательности. Моде и женской красоте уделяется большое внимание, помимо традиционных «секретов красоты», рассматриваются похудение и стремление к идеальным пропорциям фигуры.

Образ жены-хозяйки, жены и матери находит отражение в журнале: на её плечи возлагается забота о чистоте и порядке в доме и создании уютной атмосферы в нём, приготовлении пищи и экономии семейного бюджета. Но семья в издании представлена как «семья компаньонов»: внутрисемейные задачи распределены между супругами, оба вносят равный капитал и участвуют в воспитании детей. Семья, преимущественно малодетная, неполная, с отцом или матерью одиночкой, может быть как многопоколенная, так и однопоколенная. В этом смысле ещё более показательны перемены в концепциях советских брендов, выбравших вектор развития в направлении большей глянцевого и развлекательности. К примеру, в настоящее время постоянные рубрики одного из старейших отечественных журналов «Работница», рассмотренного ранее в другой исторический период и представленного в онлайн-формате, включают в себя следующие темы: факты биографии звёзд и известных личностей; важные культурные и общественно-политические события страны и мира; интервью с деятелями искусства, кино, значимыми фигурами отечественного спорта; вопросы психологии и взаимоотношения полов; советы для успешного выстраивания карьеры и истории успеха женщин из сферы бизнеса; рассмотрение типичных

семейных проблем; заметки о творчестве и здоровом образе жизни. В рубрике «Дом», свойственной большинству исторических периодов развития женской периодики, по-прежнему рассматриваются приёмы экономии семейного бюджета и кулинарные практики, но в то же время широко представлены материалы, посвящённые астрологии и эзотерике. Рубрика «Дети» представлена последней в списке и включает советы по воспитанию детей. Это может говорить о том, что данное издание в первую очередь, акцентирует внимание на личности женщины как самодостаточного индивидуума, её интересах в направлении получения актуальной информации о персонах и событиях, а уже потом на традиционной для женщины функции материнства и поддержания быта.

В этом отношении журнал «Крестьянка», также известный с начала советского периода и представленный ныне в том числе в онлайн-формате, сегодня имеет другие тематические приоритеты, отражённые в постоянных рубриках [4]. Читательницы издания могут познакомиться с материалами о здоровье и красоте, включая вопросы традиционной медицины и народных методов лечения, найти советы молодым мамам и рекомендации по выстраиванию семейных отношений и обустройству домашнего хозяйства. Примечательна рубрика с традиционным названием «Хозяюшка», где приведены материалы о вязании, рукоделии, домашней кулинарии, ведении сельского подворья. Рубрика «О разном» включает темы, посвящённые астрологии, новостям шоу-бизнеса, биографиям известных людей.

Необходимо отметить, что образ россиянки в женских журналах XXI в. можно считать заметно коммерциализированным, прагматическим, ориентированным на потребление, получение пользы, обретение социального успеха в семье, работе или отношениях.

Журнальные бренды на сегодняшний день успешно преодолели этап конвергенции и освоили режим мультиплатформенности. Большинство традиционных ведущих женских журналов отказались от концепции *printfirst* и перешли к относительно независимой от бумажной версии работе сетевых платформ (сайта и социальных медиа) под брендом издания.

Со второй половины 1990-х гг. также можно отметить возникновение и в дальнейшем бурное развитие женских сетевых изданий, не имеющих печатных аналогов. В. В. Смеюха в качестве доминирующего и

наиболее распространённого выделяет среди них тип «женского массового универсального журнала», к тематике которого относятся кулинария, секреты красоты, косметика, покупки, знакомства, отношения, рукоделие, полезные советы и др. Также она выделяет журналы модного стиля, медицинские, религиозные, литературные издания, интернет-журналы о рукоделии. Нельзя не согласиться с автором, что все эти типы изданий являются прямыми наследниками печатных изданий соответствующего типа [8, с. 79, 80], получившими своё развитие ещё в XIX в.

Обозначенные тенденции продолжились и во втором десятилетии XXI в. Подавляющее большинство современных женских интернет-журналов, которых в рунете можно отметить несколько десятков, принадлежат к типу массового универсального журнала. Их тематическая парадигма, как и образ женщины в них, остаются практически идентичными.

В. М. Зверкова отмечает сложности при попытке отделить интернет-СМИ для женщин от других типов ресурсов (блогов, форумов, соцсетей) [5, с. 675, 676]. Надо отметить, что в последние годы эта тенденция только усилилась. Можно говорить о развитии изданий переходного типа, занимающих промежуточное положение между профессиональным СМИ и блогом. На просторах рунета можно обнаружить десятки сайтов, заявленных как интернет-журнал для женщин и тематически соответствующих парадигме массового универсального журнала (*women-passion.ru*, *zhenskoe-mnenie.ru*, *missus.ru* и др.). При этом качество представленного в них контента может быть довольно сомнительным. Статьи могут выходить без подписи или за подписью одного автора на всём сайте, источники медицинских и психологических рекомендаций не указаны, темы статей однообразны, повторяют друг друга от издания к изданию, присутствует откровенный плагиат.

Однако уклон к блогерству и тенденция по привлечению непрофессиональных авторов может иметь и конструктивные проявления. Например, интернет-журнал «Матроны.ру», позиционирующий себя как издание для православных христианок, освещает широкий круг мирских вопросов, а большую часть авторов составляют женщины-блогеры.

Новые медиа не только предоставили для женских изданий новую цифровую площадку для создания журналов по традиционным моделям, но и предложили интерактивные возможности для собственных

высказываний в медиапространстве. Кроме того, развитие цифровой среды ещё более углубило сегментацию аудитории женских изданий. Несмотря на то, что доминирующим типом по-прежнему является массовое универсальное издание, пользователи могут выбрать для себя ресурс, соответствующий их мировоззрению или посвящённый узкой тематике. Например, среди изданий, тяготеющих к феминистскому крылу, можно выделить как умеренный, тематически универсальный *Wonderzine* «для свободомыслящих женщин и их друзей», так и более радикальный *Womention.org*, освещающий исключительно тему «женского освободительного движения».

Заключение. Таким образом, долгий путь развития отечественных женских изданий позволяет прийти к определённым выводам.

Женская отечественная периодика, начиная с XVIII в., выполняет две функции: отражает первостепенные интересы женщин, связанные с положением в семье и обществе, а также с разной степенью интенсивности, в зависимости от конкретного исторического периода, пропагандирует ту или иную социальную роль, будь то хранительница домашнего очага или строительница социализма.

Новые издания для женщин, возникшие в нынешнем веке, по сути, повторяют те же модели, что и традиционные журналы, существовавшие на протяжении более чем двух сотен лет. Наиболее распространённым и популярным типом на протяжении всей истории женских журналов является массовое универсальное женское издание, транслирующее образ женщины-хозяйки, умной, привлекательной, практичной. Исключением здесь можно считать лишь довоенное и военное время с доминирующим образом труженицы.

Образ сильной и независимой женщины, чаще всего воплощавшийся в изданиях феминистической или околофеминистической направленности, существовал в женской прессе практически в течение всего периода её существования, однако, лишь как некий периферийный образ, не получивший широкого распространения ни в одном историческом периоде.

Если образы женщины-хозяйки, женщины-труженицы, женщины-матери, женщины-модницы или независимой женщины существуют в том или ином виде на протяжении всей истории развития женской прессы, то модели семьи претерпевают на этом пути серьёзные и необратимые изменения.

Патриархальная многодетная многопоколенная семья, образ которой воплощался в женской прессе XVIII, XIX и начала XX вв. и являлся моделью для дальнейшего построения семейного уклада, в раннесоветской прессе была заменена на модель семьи среднедетной и малодетной. Женщина в таком типе семьи должна была переключиться на внесемейную активность, прежде всего трудовую. Период Великой Отечественной войны стал ещё одним переломным моментом в формировании семейной модели в прессе. По понятным причинам на страницах женских журналов появляется неполная семья, образы матерей-одиночек. Однако ни после войны, ни в более поздние периоды не произошло возврата к образу патриархальной многопоколенной семьи. Она перестала быть ценностью. Начиная со второй половины XX в., мы наблюдаем в женской прессе модель «семьи компаньонов» с распределением домашних обязанностей, совместным наполнением бюджета и воспитанием детей [15; 16]. Распространёнными остаются образы матерей и отцов-одиночек. Главной ценностью становится реализация женщины в социуме, семья очень часто отодвигается на второй план.

Таким образом, в процессе развития женских изданий можно выделить две группы аспектов: трансформирующиеся и неизменные.

К изменяющимся в ходе истории аспектам женской прессы можно отнести: трансформацию образа женщины внутри семьи, который перестраивается вместе с доминирующей моделью семьи на определённом историческом отрезке; рост количества публикаций, связанных с внесемейной активностью женщины; изменение политической составляющей в публикациях женских изданий в зависимости от исторического периода; увеличение вариантов дистрибуции контента журналов для женщин в связи с распространением цифровых платформ в нынешнем веке.

При этом характерными являются аспекты, задающие устойчивость и даже консервативность модели женской прессы, определяют её атрибутивные черты: прикладной характер женских изданий, их ориентация на практическую пользу, что удачно вписывается в социально одобряемую модель «полезного досуга», подobaющего женщине; многогранность доминирующего женского образа на каждом историческом этапе, акцентирование множественности женских ролей; доминирование на протяже-

нии всего периода развития женской прессы модели универсального массового издания, которая парадоксальным образом остаётся преобладающей даже в современной ситуации сегментации аудитории; неизменность

роли женской прессы как средства трансформации предпочтительного образа женщины в зависимости от политической или экономической конъюнктуры, меняющихся общественных ценностей.

Список литературы

1. Автаева Н. О., Пакова И. В. Информационная политика женской прессы в контексте трансформации семейных ценностей // Трансформация традиционных ценностей в зеркале СМИ в меняющемся мире: сб. науч. ст. кафедры журналистики. Н. Новгород: ННГУ, 2014. С. 72–80.
2. Боннер-Смеюха В. В. Отечественные женские журналы: историко-типологическое исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Ростов н/Д., 2001. 172 с.
3. Жукова А. В. Женская пресса как фактор социализации личности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. СПб., 1999. 174 с.
4. Захаров Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70–90 годы XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 205 с.
5. Зверкова В. М. Специфические особенности интернет-СМИ для женщин // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. № 4. С. 673–680.
6. Крадецкая С. В. «Женский вестник» (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 72–81.
7. Лу Мими. Женская печать: эволюция типологической структуры в условиях реформирования общества: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 1998. 22 с.
8. Смеюха В. В. Женские сетевые журналы: теоретико-типологическая характеристика // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 77–81.
9. Субботин А. «Женский журнал» // Книга и революция. 1929. № 24. С. 46–49.
10. Черменская С. М. Зарубежные женские гляцевые журналы в информационном пространстве России: трансформация коммуникативных моделей в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2006. 20 с.
11. Ямпольская Р. М. Женская пресса, её типологические особенности // Вестник Московского университета. 1995. № 1. С. 15–25.
12. Ceulemans, M., Fauconnier, G. Mass Media: The Image Role and Social Conditions of Women. Paris: UNESCO, 1979. 79 p.
13. Potuchek J. Who supports the family? Stanford: Stanford University Press, 1997. 249 p.
14. Shelton B. A. Women, Men, and Time: Gender Difference in Paid Work: Housework and Leisure. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1992. 200 p.
15. Walby S. Gender, Class, and Stratification: Toward a New Approach // Gender and Stratification / Ed. By R. Cromton and M. Mann. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 23–39.
16. West C., Zimmerman D. Doing Gender // Gender and Society. 1987. Vol. 1. P. 125–151.

Статья поступила в редакцию 15.06.2020; принята к публикации 20.07.2020

Сведения об авторах

Автаева Наталия Олеговна, кандидат политических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37; e-mail: zhurnalstnngu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>.

Бейненсон Василиса Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37; e-mail: beynenson@eduthon.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7128-0340>

Болдина Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37; e-mail: olesova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4841-1581>.

Вклад авторов в статью

Н. О. Автаева – основной автор, проводила контент-анализ публикаций женских журналов дореволюционного и советского периодов, оформляла статью.

В. А. Бейненсон – осуществляла анализ и систематизацию материалов и результатов исследования, редактировала статью.

К. А. Болдина – проводила контент-анализ публикаций женских журналов современного периода.

Библиографическое описание статьи

Автаева Н. О., Бейненсон В. А., Болдина К. А. Эволюция роли женщины в семье и общественной сфере (на примере отечественной женской периодики конца XIX – начала XXI века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 139–150. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-139-150.

References

1. Avtaeva, N. O., Pakova, I. V. Information policy of the women's press in the context of the transformation of family values. In *The transformation of traditional values in the mirror of the media in a changing world*. N. Novgorod: NNGU. 2014: 72–80. (In Rus.)
2. Bonner-Smeyukha, V. V. Domestic women's magazines: historical and typological study. Cand. philol. sci. diss. Rostov-na-Donu, 2001. (In Rus.)
3. Zhukova, A. V. Women's press as a factor in the socialization of personality. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 1999. (In Rus.)
4. Zakharov, D. V. Transformation of the image of a woman in the mass media of Russia in the 1970–1990 on the examples of the magazines *Rabotnitsa*, *Krest'yanka*, *Cosmopolitan*. Cand. histor. sci. diss. M., 2004. (In Rus.)
5. Zverkova, V. M. Specific Features of Online Media for Women. *Issues of theory and practice of journalism*, no. 4, pp. 673–680, 2016. (In Rus.)
6. Kradetskaya, S. V. *Zhenskiy vestnik (1904–1917). Experience of publishing a feminist magazine in Russia*. *Woman in Russian society*, no. 1, pp. 72–81, 2013. (In Rus.)
7. Lou, Mimi. Women's press: the evolution of the typological structure in the context of society reform. Cand. philol. sci. diss. abstr. M., 1998. (In Rus.)
8. Smeyukha, V. V. Women's online magazines: a typological and theoretical description. *Bulletin of the Adygea State University*, no. 4, pp. 77–81, 2011. (In Rus.)
9. Subbotin, A. *Zhenskiy zhurnal. Book and revolution*, no. 4, pp. 46–49, 1929. (In Rus.)
10. Chermenskaya, S. M. Foreign women's glossy magazines in the information space of Russia: the transformation of communicative models in the context of globalization. Cand. philol. sci. diss. abstr. M., 2006. (In Rus.)
11. Yampol'skaya, R. M. Women's press. Its typological features. *Bulletin of Moscow University*, no. 1, pp. 15–25, 1995. (In Rus.)
12. Ceulemans, M., Fauconnier, G. *Mass Media: The Image Role and Social Conditions of Women*. Paris: UNESCO, 1979. (In Engl.)
13. Potuchek, J. *Who supports the family?* Stanford: Stanford University Press, 1997. (In Engl.)
14. Shelton, B. A. *Women, Men, and Time: Gender Difference in Paid Work: Housework and Leisure*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1992. (In Engl.)
15. Walby, S. *Gender, Class, and Stratification: Toward a New Approach*. In Cromton, R., Mann, M. (eds.) *Gender and Stratification*. Cambridge: Polity Press, 1986: 23–39. (In Engl.)
16. West, C., Zimmerman, D. *Doing Gender*. *Gender and Society*, vol. 1, pp. 125–151, 1987. (In Engl.)

Received: June 15, 2020; accepted for publication July 20, 2020

Information about author

Avtaeva Natalia O., Candidate of Political Science, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 37 B. Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, 603000, Russia; e-mail: zhurnalistnngu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1090-5375>.

Beynenson Vasilisa A., Candidate of Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 37 B. Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, 603000, Russia; e-mail: beynenson@eduthon.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7128-0340>.

Boldina Ksenia A., Candidate of Political Science, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 37 B. Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, 603000, Russia; e-mail: olesova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4841-1581>.

Contribution of authors to the article

N. O. Avtaeva – the main author, who made content analysis of publications of women's magazines (the pre-revolutionary and Soviet periods), finalized the article.

V. A. Beynenson – analyzed and systematized the materials and results of the study, made editing.

K. A. Boldina – made content analysis of publications of women's magazines (the modern period).

Reference to the article

Avtaeva N. O., Beynenson V. A., Boldina K. A. The Evolution of the Role of Women in the Family and the Public Sphere (The Case of Domestic Women's Periodicals of the Late 19th – Early 20th Century) // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 139–150. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-139-150.

УДК: 94(520).033

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-151-161

Елена Александровна Горячева,*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН**(г. Владивосток, Россия),**e-mail: solo888@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-9357-5425>*

Становление и распространение общенационального телевизионного вещания в Японии (от экспериментального вещания до 60-х годов XX века)

В статье рассматривается и анализируется ранний период становления общенационального телевизионного вещания в Японии (с середины 20-х до конца 60-х гг. XX в.). Прежде эта проблема не рассматривалась в российском востоковедении, и в условиях функционирования в современной Японии сложившейся системы телевидения представляется необходимым с использованием историко-генетического и проблемно-хронологического методов выявить особенности генезиса и эволюции общенационального телевизионного вещания Японии на самом раннем его этапе. На основании впервые вводимых в российский научный оборот обзорных трудов, преимущественно японских историков СМИ, последовательно выявляются этапы зарождения и распространения телевидения по всей территории Японии: довоенный период экспериментального вещания, реформы медиасферы во время и после оккупации Японии Генеральным командованием оккупационных сил США, зарождение комплексной системы японского общественного и коммерческого телевидения Японии – *нигэн тайсэй*. Кроме того, делается вывод о важной роли телевидения в процессе распространения западных ценностей демократии, а также обновлённых ценностей института нуклеарной семьи в Японии, декларированной оккупационными властями США. По итогам исследования автор приходит к выводу, что фундаментальные основы современной многогранной и оригинальной культуры японского телевидения, а также модели взаимодействия конкуренции и сосуществования общественного и коммерческого телевидения были заложены именно в ключевой для истории телевидения Японии период – 1950–1960-е гг. Выводы исследования могут служить базой для изучения следующих этапов эволюции телевидения Японии вплоть до современности. Статья ориентирована на востоковедов, студентов схожих специальностей, а также широкий круг лиц, интересующихся историей японских СМИ.

Ключевые слова: Япония, история СМИ, история телевидения, телевидение Японии, общенациональное вещание

Elena A. Goryacheva,*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian**Academy of Sciences**(Vladivostok, Russia),**e-mail: solo888@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-9357-5425>*

History of Television Broadcasting Development in Japan (From Experimental Broadcasting to Nationwide Broadcasting in the 1960s)

The article views and analyzes the early period of the nationwide television broadcasting in Japan (from the mid 1920s to the end of the 1960s). Previously, this problem has not been a subject of research in Russian oriental studies, and taking into account the operation of established television broadcasting system in modern Japan, it seems necessary to identify the features of the genesis and evolution of the nationwide television broadcasting in Japan at its earliest stage, using both historical-genetic and problem-chronological methods. Based mainly on the media history research of Japanese media historians, which are introduced into the Russian scientific community for the first time, the stages of the genesis and nationwide spread of television broadcasting in Japan are consistently identified: the pre-war period of experimental broadcasting, the reform of the media sphere during and after the occupation of Japan by the GHQ, the origins of the integrated system of Japanese public and commercial television broadcasting *nigen taisei*. In addition, the author concludes that television played an important role in the process of spreading Western values of democracy, as well as the renewed values of the nuclear family institution in Japan, which were declared by the GHQ, US occupation authorities. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the fundamental foundations of the modern multifaceted and original culture of Japanese television, as well as the model of broadcasting companies' interaction: competition and coexistence of public and commercial television broadcasting, were laid precisely in the key period for the history of Japanese television – the 1950–1960s. The findings of this research can serve as a basis for studying

© Горячева Е. А., 2020

the next stages in the evolution of television broadcasting in Japan up to the present period. This paper is aimed at orientalists, students of similar specialties, as well as a wide range of people interested in the history of Japanese media.

Keywords: Japan, media history, television history, television in Japan, nationwide broadcasting

Введение. В современной Японии телевидение остаётся одним из самых популярных СМИ Японии с наибольшим охватом зрительской аудитории. Примечательно, что распространение телевизионного вещания в общенациональном масштабе в Японии произошло в крайне короткий срок – буквально за одно десятилетие, с начала 50-х до 60-х гг. XX в., чему предшествовал период экспериментального вещания 20–40 гг. XX в., и глобальной реформы системы СМИ Японии оккупационными властями США в 1945–1952 гг.

В 50–60-х гг. XX в. были заложены основы существующей и по сей день в Японии системы сосуществования двух типов вещания: *нигэнтэки хэйдзон хосо тайсэй* 二元的併存体制 или *нигэн тайсэй* 二元体制. Эта система подразумевает существование комплекса «общественное телевидение (одна корпорация) – коммерческое телевидение (пять ключевых телеведущих)» практически в неизменном виде и доныне. Общественная телерадиовещательная корпорация в Японии одна – *NHK* (日本放送協会 *Nippon Hōsō Kyōkai, Japan Broadcasting Corporation*). Помимо *NHK*, в Японии существуют пять основных коммерческих телевизионных компаний: *ANN (TV Asahi)*, *FNN/FNS (TV Fuji)*, *JNN (TBS)*, *NNN/NNS (NTV)*, *TXN (TV Tokyo)*.

Помимо этого представляется интересным проанализировать роль телевидения в жизни японского общества, в деле распространения новых ценностей демократического общества по образу и подобию США, а также в вопросах изменения паттерна семейного общения.

Методология и методы исследования. Основными методами при проведении исследования являлись историко-генетический и проблемно-хронологический. В частности для выявления факторов, влиявших на становление и распространение общенационального телевизионного вещания в Японии, а также формирования современной системы сосуществования двух типов вещания – *нигэн тайсэй* – данный феномен был проанализирован в контексте меняющейся внутри- и внешнеполитической ситуации в Японии, а также развития японского общества. Проблемно-хронологический метод был использован, во-первых, для после-

довательного рассмотрения особенностей заимствованных из-за рубежа, преимущественно из США, а также оригинальных, сформированных в Японии характеристик и особенностей развития и организации телевизионного вещания; во-вторых, для определения особенностей становления и осуществления деятельности общественного вещания (на примере *NHK*) и коммерческого вещания (на примере *Nippon TV*) в динамике; в-третьих, для выявления трансформаций во влиянии транслируемых телевидением ценностей и идеалов для японского общества.

Стоит отметить, что в российском востоковедении обзорные работы по становлению системы СМИ Японии, и в том числе телевидения, немногочисленны. К ним относятся исследования Д. В. Стрельцова [4], В. Э. Молодякова [3] и А. Г. Фесюна [5], анализирующих преимущественно аспекты современной системы СМИ Японии с отсылками к более ранним периодам истории. Непосредственно вопросам зарождения телевидения в Японии посвящён раздел в коллективной монографии А. М. Лазарева, Н. А. Поляковой, Б. В. Смирнова «Печать, радио и телевидение Японии», вышедшей в 1974 г., но в данном труде временные рамки ограничены 1974 г. [2]. Среди работ англоязычных историков СМИ, исследующий данный период (50–60-е гг. XX в.), прежде всего, стоит отметить работы, подробно рассматривающие взаимодействие государства и СМИ в Японии в эти годы (Г. Касза) [8], а также влияние и роль телевидения на жизнь японского общества (Дж. М. Чун) [6].

В связи с этим в качестве эмпирической базы исследования представляется целесообразным проанализировать, в том числе и новые, не введённые в научные оборот в российской науке новые труды японских исследователей истории СМИ. Так, труд С. Это «Расширенная хронология СМИ XX–XXI вв.» посвящён хронологии истории телевидения как одного из японских СМИ, и рассматривается параллельно с эволюцией сфер культуры и искусства Японии в период с 1953 по 2019 г. Т. Сато в 2018 г. опубликовал исследование истории японского телевидения в контексте общей истории СМИ Японии, рассмотрев этот процесс параллельно с развитием СМИ США, Германии

и Великобритании [20]. Коллективный труд исследователей *NHK* «Развитие телевидения: краткая история технического развития вещания в Японии» описывает становление и развитие телевидения с точки зрения внедрения и использования технологических новшеств [19]. В обобщающей работе М. Ида «Телевидение и семья: 50 лет вместе: смена паттерна семейного общения» история развития телевидения анализируется с точки зрения смены культурных ценностей японской семьи и норм и традиций общения в семье с 50-х гг. XX в. до начала XXI в. [11].

Результаты исследования и их об- суждение. В трудах японских историков даже вопрос стартовой точки зарождения и распространения телевидения в Японии вызывает дискуссии. Ряд исследователей говорит о том, что история телевидения восходит к эпохе до Второй мировой войны, когда в Японии были совершены первые попытки организовать систему общенационального вещания, но большинство исследователей истории СМИ днём рождения телевидения в Японии считают 1 февраля 1953 г., когда в эфир вышла первая регулярная телевизионная передача *NHK*.

Экспериментальное телевидение в Японии до конца Второй мировой войны (1926–1945). Первые эксперименты в области телевидения прошли задолго до 50-х гг. XX в. В декабре 1926 г. Кэндзи-ро Такаянаги из Высшей технологической школы Хамамацу провёл эксперимент по передаче видеосигнала и первым в мире при помощи электронно-лучевого прибора успешно спроецировал букву «и» катаканы (い) на экран [23, с. 54]. В Японии результаты эксперимента К. Такаянаги были высоко оценены императором Сёва, 31 мая 1930 г. посетившим эксперимент по передаче данных, и уже в июне 1930 г. на общем собрании руководства вещательной корпорации *NHK* было принято решение реализовать регулярное телевизионное вещание на территории Японии.

Однако претворение этого плана в жизнь началось только после 1940 г., когда в г. Токио было запланировано проведение XII Летних Олимпийских игр, следующих по порядку за Олимпиадой 1936 г. в г. Берлин. Трансляция берлинской Олимпиады велась в прямом эфире, имела огромный успех, и Япония, где в 1940 г. проходили торжества по случаю 2600-летия основания страны, стремилась повысить национальный престиж, проведя подобную трансляцию. Но из-за обострения обстановки на фронте во вре-

мя Японско-китайской войны 1937–1945 гг. игры в Токио были отменены, и планы начать прямое эфирное вещание также были приостановлены [20, с. 219].

Однако попытки развивать эфирное вещание продолжались. Так, 1940 г. был ознаменован выходом в эфир первого японского телевизионного фильма «Перед ужином» (夕餉前 *югэмаэ*) по произведению Харубэ Има. Всего с 13 апреля 1940 г. зрителям Японии были показаны три 12-минутных эпизода данного фильма¹.

Во время Второй мировой войны реализация дальнейших планов по развитию телевизионного вещания столкнулась с трудностями: все силы были брошены на ведение и обеспечение военных действий. В Японии, как и в США, во время Второй мировой войны телевизионное вещание не велось, технические исследования также были приостановлены. Результаты технических разработок японских инженеров: более компактные и лёгкие видеокамеры, а также более мобильные устройства для их перемещения, стали основой для бурного послевоенного развития телевидения в Японии².

Стоит отметить, что уже на этапе зарождения телевидения властями Японии был высоко оценён его потенциал не только как средства развлечения, но и инструмента пропаганды: изначально в этом ключе был рассмотрен и взят в качестве ориентира опыт телевидения в нацистской Германии. Однако этот вектор развития системы телевидения не получил своего развития в силу последовавшей за поражением Японии во Второй мировой войне оккупации США.

Реформирование медиасферы во время оккупации Японии Генеральным командованием оккупационных сил США. 15 августа 1945 г. проигравшая во Второй мировой войне Япония подписала Потсдамскую декларацию. Генеральное командование оккупационных сил США (*GHQ*), получившее власть над оккупированной Японией, выпустило ряд директив, регламентирующих деятельность вещательных и печатных СМИ Японии. Основной задачей США было по-

¹ テレビドラマのはじまり12分間の『夕餉前(ゆうげまえ)』 = Начало распространения телевизионных сериалов: 12-минутный фильм «Перед ужином» – Текст: электронный // The Evolution of TV. – URL: https://www.nhk.or.jp/str/aboutstr/evolution-of-tv/p09col_2.html (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

² 1940年の東京五輪テレビ中継が飛躍台に = Несостоявшаяся трансляция Олимпиады 1940 года становится прорывом вещания. – Текст: электронный // The Evolution of TV. – URL: <https://www.nhk.or.jp/str/aboutstr/evolution-of-tv/p09.html> (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

строение в Японии демократического общества в соответствии с базовыми ценностями стран Запада, но, как известно, создание настоящей демократии невозможно без наличия в стране независимых средств массовой информации. В рамках реформ прежде существовавшей медиасферы имперской Японии сначала, 19 сентября 1945 г., был принят «Кодекс прессы Японии» (*Press Code For Japan*)¹, где отмечалось, что информация, содержащаяся в японских СМИ, должна быть достоверной, свободной от пропаганды в любой её форме и полностью лишённой комментариев выпускающей редакции, представлять собой изложение фактов, соответствующих истинному положению дел, без каких-либо сокращений или умолчаний. Аналогичные положения, регламентирующие радиовещание, устанавливал принятый 22 сентября 1945 г. «Кодекс радио Японии» (*Radio Code for Japan*)². Под «пропагандой» в данном контексте подразумевалась трансляция новостных и информационных сюжетов в духе прежнего милитаристского правительства Японии [1, с. 99].

Становление системы телевидения Японии происходило в эпоху интенсивных социальных потрясений и зарождения новой культуры. Ряд исследователей считают, что поскольку в 50-х гг. XX в. Япония находилась в поиске новых ценностей и своего места в мире, зарождающееся телевидение внесло свой вклад в дело объединения японской нации и распространения новых культурных ценностей [6, с. 389; 9, с. 216].

В 1950 г. были приняты три закона о вещании: «Закон о радио» (電波法), «Закон об учреждении Комитета по радиочастотному контролю» (電波監理委員会設置法), а также действующий и в настоящее время в постоянно обновляемой редакции «Закон о вещании» (放送法), регламентирующий деятельность вещательных корпораций.

«Американская модель» вещания и «гонка вооружений» между общественным и коммерческим вещанием в Японии. «Закон о вещании» 1950 г. разграничил статус и основные принципы деятельности веща-

тельной корпорации NHK как общественно-го вещателя, и аналогичные принципы осуществления деятельности коммерческими вещателями. Так, в 1951 г. были открыты первые две частные вещательные станции. Японская телерадиовещательная отрасль вступила в новую эру, в которой сосуществовали общественное вещание в лице NHK, имеющей статус особого юридического лица, и финансируемой абонентской платой за приём телепередач, и коммерческое вещание, финансируемое за счёт прибыли от трансляции рекламы. 1 сентября 1951 г. начала деятельность первая коммерческая Центрально-Японская радиовещательная корпорация «JOAR», а к 1952 г. в стране насчитывалось уже 18 частных вещателей³. Эти изменения привели к росту дискуссии в японском обществе: каким должно быть японское телевидение – общественным, в русле политики NHK, или коммерческим?

Идеологом дальнейшего развития телевидения в Японии принято считать члена конгресса США Карла Эрла Мундта, который предложил концепцию «Видение США» (*Vision of America, VOA*), для распространения на территории Японии. Мацутаро Сёрики, один из крупнейших медиамагнатов Японии того времени, ранее возглавлявший газету «Ёмиури Симбун», опираясь на ресурсы и политическую поддержку К. Э. Мундта, создал первое в Японии коммерческое телевидение – *The Japan National Network Company* (日本テレビ放送網株式会社), получившее первую лицензию на телевидение в Японии⁴ [6, с. 45–48]. В настоящее время корпорация известна как *Nippon TV* (*Nippon Television Network Corporation, NTV*, 日本テレビ、日テレ).

Вслед за начавшими конкуренцию за зрительское внимание NHK и NTV, в Японии одна за другой появляются новые коммерческие телекомпании. В апреле 1955 г. была зарегистрирована «Телерадиовещательная компания Токио» ラジオ東京テレビ、в настоящее время известная как TBS⁵, и уже к 1957 г. в Японии временную лицензию на общенациональное телевидение получили 43 корреспондентских пункта (NHK

¹ SCAPIN-33: PRESS CODE FOR JAPAN 1945/09/19 – SCAPIN-33. Кодекс прессы для Японии (19 сентября 1945 г.). – Текст: электронный // Цифровой архив библиотеки Парламента Японии. – URL: <http://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/9885095> (дата обращения: 10.04.2020) (на англ. яз.).

² SCAPIN-43: RADIO CODE FOR JAPAN 1945/09/22 – SCAPIN-43. Кодекс радио для Японии (22 сентября 1945 г.). – Текст: электронный // Цифровой архив библиотеки Парламента Японии. – URL: <http://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/9885105> (дата обращения: 12.04.2020) (на англ. яз.).

³ 放送は、人々のために = Вещание для народа. – Текст: электронный // The Evolution of TV. – URL: <https://www.nhk.or.jp/str/aboutstr/evolution-of-tv/p10.html> (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

⁴ 日本テレビ略史 = Краткая история NTV. – Текст: электронный // NTV: [официальный сайт]. – URL: <http://www.ntv.co.jp/info/history/ryakushi.html> (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

⁵ The History of TBS // TBS: [официальный сайт]. – URL: http://www.tbs.co.jp/eng/about/cd_ht.html (дата обращения: 10.04.2020) (на англ. яз.).

принадлежали 7 из них, и ещё 34 коммерческих телекомпаний владели 36 представительствами) [21]. Этот процесс растущей популярности телевидения был настолько глобален, что был назван известным журналистом того времени Соитиро Ооя «идиотизацией ста миллионов японцев» (一億総白痴化): «Телевидение каждый день транслирует множество идиотских передач уровня театра *камисибаи*¹, или даже ниже этого уровня. Можно сказать, что наиболее развивающиеся сейчас СМИ, радио и телевидение, активно начали продвигать кампанию по идиотизации ста миллионов населения (Японии)» [18].

Вслед за TBS в 1959 г. в Японии число коммерческих телекомпаний, так называемых «ключевых станций телевидения» *キー局* *кикёку* увеличилось: в феврале начало работы Японское образовательное телевидение *日本教育テレビ* (в настоящее время – «ТВ Асахи», в марте – «ТВ Фудзи» (*フジテレビ*), существующее под тем же названием и в настоящее время). Последней из ныне действующих пяти крупнейших коммерческих телекомпаний в апреле 1964 г. начала вещание телекомпания «Японское научно-популярное телевидение» *日本科学技術振興財団テレビ事業本部*, сокращённое название *東京12チャンネル* – «12-й Токийский канал», в настоящее время – *東京テレビ TV Tokyo*. Условием выдачи лицензии на телевизионное вещание для Японского образовательного телевидения была трансляция свыше 53 % общеобразовательных и свыше 30 % программ о культуре, для «Японского научно-популярного телевидения» свыше 60 % эфирного времени должны были занимать научно-популярные программы и свыше 20 % – образовательные программы и программы о культуре. Телекомпании подходили к трактовке понятия «образовательных программ» достаточно гибко: к ним относили и спортивные программы, например, соревнования по бейсболу в средней школе, а к программам о культуре причисляли западные вестерны и зарубежные фильмы. Однако становление японского телевидения проходило под лозунгом: «Телевидение – для образования». В 1973 г. в связи с обновлением формата вещательной лицен-

зии образовательные телеканалы получили статус стандартных телеканалов, но до сих пор в рамках принципа «телевидение – для образования» все коммерческие телекомпании поддерживают процент образовательных программ на уровне 10 %, а программ о культуре 20 % в своей сетке вещания [20, с. 220].

Растущая популярность телевидения. Телевидение в жизни японской семьи. В начале 1950-х гг. промышленность Японии, преодолевшая трудности оккупации, получила новый импульс развития благодаря росту производства в связи с Корейской войной. Резкий экономический подъём и улучшение благосостояния населения сопровождалось столь же бурным развитием и распространением телевидения, что было бы невозможно без массового производства телевизионных приёмников. В середине 50-х гг. XX столетия в министерстве международной торговли и промышленности Японии было зарегистрировано 34 компании-производителя телевизионной техники, которые запустили производство недорогих телевизоров в соответствии с единым стандартом – патентным договором, разработанным вещательной компанией *Radio Corporation of America (RCA)* [Там же, с. 221].

С середины 1955 г. на волне роста популярности современной бытовой техники в Японии стиральная машина, холодильник и чёрно-белый телевизор стали иронически называться «тремя священными сокровищами» *三種の神器* *сансю-но дзинги*, по аналогии с одноимённой концепцией синтоизма, где этими сокровищами являлись регалии императора Японии: меч, зеркало и яшма (рис. 1)².

Телевидение в Японии 50–60-х гг. XX в. изменило повседневную рутину японской семьи, являясь объединяющим фактором для сбора семьи вместе за совместным просмотром и обсуждением телевизионных программ. Это было также связано со сменой культурного паттерна приёма пищи в Японии. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) в Японии было принято принимать пищу каждому члену семьи, сидя за низким, до 20 см высотой, индивидуальным миниатюрным столиком *銘々膳* *мэймэйдзэн*. Подобного рода трапеза не способствовала чувству единения семьи: даже если все её

¹ Камисибаи (紙芝居) – вид театрального представления с использованием плоских бумажных кукол, разновидность театра ёсэ, возникшая в середине эпохи Мэйдзи. Представления камисибаи проводились на городских ярмарках и фестивалях. См.: 紙芝居 = Камисибаи. – Текст: электронный // Weblio.jp. – URL: <https://www.weblio.jp/content/%E7%B4%99%E8%8A%9D%E5%B1%85> (дата обращения: 12.04.2020) (на яп. яз.).

² 三種の神器 = Три священных сокровища. – Текст: электронный // Kotobank.jp. – URL: <https://kotobank.jp/word/三種の神器-70816> (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

члены собирались вместе во время приёма пищи, каждый ел молча за отдельным столом, фактически уткнувшись в него. Затем, начиная со второй половины эпохи Мэйдзи, в эпоху Тайсё (1912–1926) и в первой половине эпохи Сёва до конца Второй мировой войны (1926–1945) распространение получила традиция принятия пищи за общим низким столом высотой примерно 30 см *チャブ台* *тябудаи*. Однако подобная трапеза тоже отличалась от объединяющей семью, на что указывали в своих исследованиях японские культурологи Н. Исигэ [13, с. 27] и

Т. Иноуэ [12]: разговоры за столом были запрещены для детей, и не приветствовались для взрослых. Время общения наступало после окончания трапезы. После окончания Второй мировой войны в планировке японских домов появляется кухня-гостиная, обязательным элементом которой являлись стандартный обеденный стол и стулья, и с конца 1950-х гг. – телевизор. Именно тогда в Японии появился и распространился западный паттерн приёма пищи – семья за столом обсуждает общие темы, и при этом все смотрит телевизор (рис. 2) [12].

Рис. 1. «Три священных сокровища» для японца 1950-х годов в экспозиции Токийского национального музея¹

Fig. 1. "Three Sacred Treasures" for a Japanese in the 1950s on display at the Tokyo National Museum

Рис. 2. Японская семья за просмотром телевизора (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)²

Fig. 2. A Japanese family watching TV (late 1950s – early 1960s)

¹ Фото автора статьи.

² Источник: Архив Публичной библиотеки Итабаси г. Токио = Itabashi Public Library Archives Tokyo. – URL: <https://www.itabashi.keizai.biz/headline/403/> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.

Благодаря упомянутой ранее политике удешевления производства телевизионных приёмников, на заре телевидения в 1953 г. телевизор с 14-дюймовым экраном стоил 175 000–180 000 иен, более чем в 10 раз превышая по стоимости среднюю заработную плату японского служащего тех лет (15 000–16 000 иен в месяц после вычета налогов). Вместе с тем уже в 1958 г. подобный телевизор стоил 60 000–69 000 иен, и в 1962 г. его стоимость снизилась до 45 000–60 000 иен. Всё это в совокупности с ростом доходов населения в три раза в 1962 г., по сравнению с 1953 г., привело к резкому росту числа телевизионных приёмников в домохозяйствах Японии (см. рис. 3) [11, с. 113].

Рис. 3. Одна из первых моделей японских чёрно-белых телевизоров "National" 17K-531 производства компании "Matsushita Electric" (современный "Panasonic") в 1952 году¹

Fig. 3. One of the first models of Japanese black-and-white TVsets "National" 17K-531 manufactured by "Matsushita Electric" (modern "Panasonic") in 1952

Общенациональное вещание в цветном формате начало осуществляться в Японии с 10 сентября 1960 г. в том же формате NTSC, что и в США, вслед за США и Кубой. Общий и образовательный каналы NHK

¹ Источник: Panasonic. – URL: <https://www.panasonic.jp/viera/history/1950.html> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный (на яп. яз.).

Tokyo / Osaka, Nippon Television (NTV), Radio Tokyo (в настоящее время телекомпания TBS), Asahi Broadcasting и Yomiuri Television Broadcasting все начали транслировать свои программы в цвете.

В первые дни эпохи цветного вещания возможности вещательных станций были ограничены вследствие дороговизны оборудования, которое в этот период в основном было импортным. Вещание осуществлялось за счёт трансляции в эфире иностранных цветных фильмов, спортивных мероприятий и кратких образовательных программ. Даже через семь месяцев после начала цветного вещания программа в цвете на основном телеканале NHK продолжалась один час в день, на NTV – 2 часа 42 минуты, и на TBS – около шести минут. В то время цветной телевизор с экраном диагональю в 21 дюйм стоил около 500 000 иен², поэтому рядовые японцы не могли их себе позволить. В начале эпохи цветного вещания в Японии существовало всего 1 200 цветных телевизоров, но уже в марте 1966 г. общенациональная телекоммуникационная компания Японии Nippon Telegraph and Telephone (NTT), существующая и в наши дни, завершила создание национальной сети цветного вещания, и охват населения Японии общенациональным цветным вещанием составил 93 % (рис. 4)³.

Успех общенационального вещания во многом был обусловлен желанием населения Японии быть в курсе мировых событий и наслаждаться «эффектом присутствия» на крупнейших спортивных мероприятиях того времени. Подобным мероприятием стали Летние Олимпийские игры 1964 г. в Токио, первая Олимпиада, состоявшаяся в Японии. Для освещения этого события промышленностью Японии были разработаны все составляющие системы трансляции: от передающих телевизионных трубок до спутниковых ретрансляторов.

Трансформация телевизионных программ. Первые японские новостные программы того времени по стилистике напо-

² В пересчёте на современный курс иены – около 2,1 млн иен, или около 19 000 долл. США. См.: 昭和40年の1万円を、今のお金に換算するとどの位になりますか? = Сколько в пересчёте на современные деньги в 1965 г. стоили 10 000 иен. – Текст: электронный // 日本銀行 = Банк Японии: [офиц. сайт]. – URL: <https://www.boj.or.jp/announcements/education/oshiete/history/j12.html/> (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

³ カラーテレビ本放送、東京五輪 = Настоящий телевизионный эфир, Токийская Олимпиада. – Текст: электронный // Evolution of TV. – URL: <https://www.nhk.or.jp/str/aboutstr/evolution-of-tv/p12.html> (дата обращения: 10.04.2020) (на яп. яз.).

минали одновременно и кинохронику, транслировавшуюся перед началом киносеанса, и по манере, и по структуре были похожи на газетную передовицу. Выглядело это следующим образом: на экране домашнего телевизора демонстрировалось изображение, и за кадром диктор начитывал сопровождающий текст. Однако со второй половины 50-х гг. XX в. подобная подача информации изменилась: помимо трансляции видеоряда, в кадре периодически начал появляться диктор, который для иллюстрации нарратива использовал карты и прочие иллюстрирующие материалы. Таким образом, у японского телевидения выработалась свойственная ему визуализированная подача новостной информации [16].

Рис. 4. Одна из первых моделей японских цветных телевизоров "National" K 21-10 производства компании "Matsushita Electric" (современный "Panasonic") в 1960 году¹

Fig. 4. One of the first models of Japanese color TVsets "National" K 21-10 manufactured by "Matsushita Electric" (modern "Panasonic") in 1960

В 50-е гг. XX в. телевизионные программы, как правило, транслировались в прямом эфире. Затем, в 1960-х гг., с развитием технологий стало возможно использование видеоряда, росло режиссёрское и продюсерское мастерство, что привело к возникновению жанрового многообразия программ: сериалы, программы-варьете, популярные и в XXI в. песенные конкурсы, аниме, а также разнообразные развлекательные программы. Самыми известными среди них стали жанр продолжающейся теленовеллы

¹ Источник: Panasonic. – URL: <https://www.panasonic.jp/viera/history/1960.html> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный (на яп. яз.).

連続テレビドラマ *рэндзоку тэрэби дорама*, а также ежегодные многомесячные исторические сериалы – 大河ドラマ *тайга дорама*. В 1963 г. вышел первый чёрно-белый телевизионный аниме-сериал «Могучий атом», после которого слово «аниме» стало известно всему миру как эстетика японского мультипликационного искусства [7].

В 1953–1974 гг. на фоне роста экономического благосостояния в японской семье, ставшей в тот период нуклеарной, телевидение становится фактором, объединяющим семью: оно предоставляет темы для общего обсуждения и транслирует образ «идеальной японской семьи», какой она должна была бы быть, в духе новых ценностей послевоенной Японии. Этот образ транслировался через сериалы производства США [10]. В стремлении повторить успех этих постановок, в Японии в начале 1960-х гг. активизируется производство собственных телесериалов (ホームドラマ *хо:му дорама*), благодаря чему эпоха развития японского телевидения середины 60–70-х гг. XX в. получила название «золотой век мыльной оперы» [11, с. 118]. Наряду с «мыльными операми» в этот период в японском обществе впервые получили распространение телевикторины (クイズ番組 *куидзу бангуми*). Японские исследователи истории телевидения Ц. Судзуки и К. Мурасэ сходятся во мнении о том, что просмотр подобных программ носил не только образовательный характер, но также способствовал трансляции новых ценностей демократического общества и объединял разные поколения японской семьи [15; 22, с. 42].

В эпоху начала и распространения вещания (1953–1959) телевидение не подвергалось жёсткой регуляции со стороны правительства Японии. Ситуация изменилась в 1960-е гг., когда в обществе Японии обострились дискуссии по ряду политических проблем. В этот период, с 1 апреля 1964 г. утром по будням в прямом эфире телеканала «Японское образовательное телевидение» (с 1977 – ТВ «Асахи») в Японии начала выходить первая информационно-аналитическая программа «Утреннее шоу Кидзима Норио», созданная по аналогии с аналогичной программой "Today" канала NBC (США). За ней последовали сходные по жанру программы на других телеканалах [17]. Со стороны правительства Японии в этот период растёт число инцидентов с запретом выхода программ в эфир. Так, Х. Мацуда в своём труде подсчитал количество программ, не выпущенных в эфир с 1959 по 1993 г., и вы-

яснил, что из 145 программ, подвергшихся такого рода мерам со стороны правительства Японии, 63 были сняты с эфира именно в 1960–1970-е гг. [14, с. 3].

Заключение. Становление и распространение телевизионного вещания по всей территории Японии произошло в 50–60-е гг. XX в. Образцом для технических стандартов японского телевидения изначально были США. Оккупационные власти США создали также новую законодательную базу для функционирования телевидения на основе новых демократических ценностей. В этот период под влиянием телевидения претерпели трансформации бытовые и ценностные установки японской семьи: закрепился новый паттерн общественного приёма пищи и обсуждения актуальных тем, предоставляемых телевидением, транслировавшим преимущества жизни западного демократического общества в противовес прежним идеалам имперской милитаристской Японии. Большую роль в распространении телевидения по всей территории Японии сыграли Олимпийские игры 1964 г. в Токио, благодаря которым состоялся технический прорыв в развитии телевизионных технологий, который изначально мог бы произойти и ранее, в 1940 г., если бы Олимпиада в Токио в тот год состоялась. В 50–60-е гг. XX в. в Японии зародилась система *нигэн тайсэй*, сбалансиро-

ванного сосуществования коммерческого и общественного вещания, но стоит отметить, что несмотря на конкурентную борьбу за внимание зрителя в тот период, и коммерческие телекомпании, и единственный общественный вещатель *NHK* транслировали похожую по жанру продукцию со сходными ценностными ориентировками.

Эффективная и сбалансированная система *нигэн тайсэй* в практически неизменном виде существует в Японии с момента своего зарождения до нынешнего времени. Поэтому изучение исторических обстоятельств её формирования играет важную роль при исследовании эволюции телевидения в Японии в контексте современной проблематики: вопросов независимости вещания, потенциальной возможности вмешательства государства и крупнейшего бизнеса в вещательный процесс, формирование общественного мнения и базовых ценностей путём селективного подбора информационного контента для влияния на общество Японии в целом. Представленные в статье результаты ставят следующую исследовательскую задачу: необходимость проследить процесс эволюции телевидения Японии вплоть до современности сквозь призму выявления роли телевидения в жизни японского общества и использования телевидения как инструмента трансляции важных приоритетов.

Список литературы

1. Горячева Е. А. Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 95–103.
2. Лазарев А. М., Полякова Н. А., Смирнов Б. В. Печать, радио и телевидение Японии. М.: Наука, 1974. 128 с.
3. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: Моногатори, 2011. 304 с.
4. Стрельцов Д. В. Японская теле- и радиовещательная корпорация NHK на перепутье // Япония-2009: ежегодник. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 176–188.
5. Фесюн А. Г. Язык японских СМИ. М.: ИД ВШЭ, 2013. 215 с.
6. Chun J. M. A Nation of a Hundred Million Idiots? A Social History of Japanese Television, 1953–1973 / Jayson Makoto Chun. East Asia: History, Politics, Sociology and Culture. Routledge, 2006. 369 p.
7. Clements J. Tezuka's Anime Revolution in Context. Mechademia Second Arc. Johns Hopkins University Press, 2013. P. 214–226.
8. Kacza G. J. The State and the Mass Media in Japan, 1918–1945. University of California Press, 1993. 356 p.
9. Kelly W. W. Finding a Place in Metropolitan Japan: Ideologies, Institutions, and Everyday Life, in Post-war Japan as History, ed. Andrew Gordon. Berkeley: University of California Press, 1993. 563 p.
10. 岩男壽美子. テレビドラマのメッセージ. 社会心理学的分析 = Ивао Сумико. Месседж телевизионного сериала: социопсихологический анализ. 東京、勁草書房、2000. = Токио: Кэйсо Сёбо, 2000.
11. 井田美恵子. テレビと家族の50年 "テレビ的"一家団らんの変遷 = Ида Мизэко. Телевидение и семья: 50 лет вместе: смена паттерна семейного общения // 日本放送出版協会 = Ежегодный бюллетень НИИ Культур NHK. 2004. № 48. С. 111–144.
12. 井上 忠司. 茶の間文化論 = Иноуэ Тадаси. О культуре *тя-но ма* // 現代日本文化における伝統と変容 1 暮らしの美意識. 東京、ドメス出版 = Традиция и трансформация в современной японской культуре. Токио: Изд-во Домэсу, 1984. 410 с.

13. 石毛 直道食卓文化論 = Исигэ Наомити. О культуре приёма пищи // 国立民族学博物館研究報告別冊 = Бюллетень Национального музея этнологии. 1991. № 16. С. 3–51.
14. 松田 浩. 戦後史に見るテレビ放送中止事件 = Мацуда Хироси. Инциденты с запретом выхода телевизионных передач в эфир после Второй мировой войны. 東京、岩波書店 = Токио: Иванами сётэн, 1994. 62 с.
15. 村瀬敬子. お茶の間という空間 クイズ番組と一家団欒//クイズ番組の社会学 = Мурасэ Кэйко. Пространство гостиной «тянома». Викторины и общение в семье // 東京、世界思想社 = Социология викторины. Токио: Сэкай сисо:ся, 2003.
16. 校條 諭. ニュースメディア進化論 = Мэндзё Сатоси. Новая теория новостных СМИ. 東京、インプレスR&D = Токио: Инпресс Эр энд Ди, 2019. 169 с.
17. 国民の番組!?ワイドショー = Народная передача?! Wide show. Текст: электронный // GALAC. 1999. Vol. 11. URL: <https://www.weblio.jp/> (дата обращения: 10.04.2020).
18. 大宅壮一. 言いたい放題 = Ооя Соитиро. Хочу высказаться до конца // 週刊東京 = Сюкан Токио, 1957. № 2. С. 23.
19. テレビは進化する: 日本放送技術発達小史 = Развитие телевидения: краткая история технического развития вещания в Японии. 東京、NHK放送技術研究所, 2002. = Токио: Изд-во техн. исследований вещания NHK, 2002. 21 с.
20. 佐藤卓己. 現代メディア史 = Сато Такуми. Современная история СМИ. 東京、岩波書店 = Токио: Иванами сётэн, 2018. 272 с.
21. 図説 日本のメディア 新版伝統メディアはネットでどう変わるか = СМИ Японии в таблицах (обновлённая редакция). Как изменятся традиционные СМИ из-за распространения интернета? 東京、NHK 出版、= Токио: Изд-во NHK, 2018. 312 с.
22. 鈴木常恭. テレビジョン番組研究序説//尚美学園大学芸術情報研究 = Судзуки Цунэясу. Введение в исследование телевидения // Бюллетень искусствознания Университета Сёби Гакуин. 2007. Т. 12. С. 37–55.
23. 江藤茂博. 増補20世紀メディア年表+21世紀. = Это Сигэхиро. Расширенная хронология СМИ XX–XXI вв. 東京、言視舎 = Токио: Гэнсися, 2019. 248 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2020; принята к публикации 21.07.2020

Сведения об авторе

Горячева Елена Александровна, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; 690090, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89; e-mail: solo888@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9357-5425>.

Библиографическое описание статьи

Горячева Е. А. Становление и распространение общенационального телевизионного вещания в Японии (от экспериментального вещания до 60 годов XX века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 151–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-151-161.

References

1. Goryacheva, E. A. Historical background of the formation of the modern media system of Japan. Problems of the Far East, no. 5, pp. 95–103, 2018. (In Rus.)
2. Lazarev, A. M., Polyakova, N. A., Smirnov, B. V. Press, radio and television in Japan. M: Nauka, 1974. (In Rus.)
3. Molodyakov, V. Japan. Japan in a changing world. Ideology. Story. Image. M: Monogatari, 2011. (In Rus.)
4. Strel'tsov, D. V. Japanese Broadcasting Corporation NHK at the Crossroads. Japan 2009. Yearbook. M: IFS RAS, 2009: 176–188. (In Rus.)
5. Fesyun, A. G. The language of the Japanese media. M: HSE Publishing, 2013. (In Rus.)
6. Chun, J. M. A Nation of a Hundred Million Idiots? A Social History of Japanese Television, 1953–1973. East Asia: History, Politics, Sociology and Culture. Routledge, 2006. (In Eng.)
7. Clements, J. Tezuka's Anime Revolution in Context. Mechademia Second Arc. Johns Hopkins University Press, 2013: 214–226. (In Eng.)
8. Kacza, G. J. The State and the Mass Media in Japan, 1918–1945. University of California Press, 1993. (In Eng.)
9. Kelly, W. W. Finding a Place in Metropolitan Japan: Ideologies, Institutions, and Everyday Life, in Postwar Japan as History, ed. Andrew Gordon. Berkeley: University of California Press, 1993. (In Eng.)
10. 岩男 壽美子. テレビドラマのメッセージ社会心理学的分析. [Iwao Sumiko. The message of the television series: sociopsychologic analysis] 東京、勁草 書房. = Tokyo: Keisho Shobo, 2000. (In Jap.)
11. 井田 美恵子. テレビと家族の50年"テレビ的"一家団らんの変遷 [Ida Mieko. Television and family: 50 years together: changing the pattern of family communication] // 日本放送出版協会 [Annual Bulletin of the NHK Culture Research Institute, no. 48, pp. 111–144, 2004. (In Jap.)

12. 井上 忠司.茶の間文化論 [Inoue Tadashi. On the culture of cha-no ma] // 現代日本文化における伝統と変容 暮らしの美意識.東京、ドメス出版[Tradition and transformation in modern Japanese culture. Tokyo: Domesu Publishing House, 1984. (In Jap.)
13. 石毛 直道.食卓文化論 [Ishige Naomichi. On the culture of food] // 国立民族学博物館研究報告別冊 [Bulletin of the National Museum of Ethnology, no. 16, pp. 3–51, 1991. (In Jap.)
14. 松田浩.戦後史に見るテレビ放送中止事件 [Matsuda Hiroshi. Incidents banning television broadcasts after World War II].東京、岩波書店 = Tokyo: Ivanami Shoten, 1994. (In Jap.)
15. 村瀬 敬子.お茶の間という空間 クイズ番組と一家団欒 // クイズ番組の社会学 [Murase Keiko. The living room is a chanoma. Trivia and family communication. Sociology of quiz programs. 東京、世界思想社 = Tokyo: Sekai Siso:sha, 2003. (In Jap.)
16. 校條 諭. ニュースメディア進化論 [Menjo Satoshi. The new theory of news media].東京、インプレス R & D . Tokyo: Impress R&D, 201. [E-book] (In Jap.)
17. 国民的番組!? ワイドショー [Popular TV program?! Wide show. GALAC, vol. 11, 1999. [E-book] (In Jap.)
18. 大宅 壮一.言いたい放題 [Ooya Soichiro. I want to speak out to the end]// 週刊 東京 = Shukan Tokyo, no. 2, pp. 23, 1957. (In Jap.)
19. テレビは進化する: 日本放送技術発達小史 [Television development: a brief history of the technical development of broadcasting in Japan].東京、NHK放送技術研究所, 2002. Tokyo: Publishing House of Technical Research Broadcasting NHK, 2002. (In Jap.)
20. 佐藤 卓己. 現代メディア史 [Sato Takumi. The modern history of the media].東京、岩波書店. Tokyo: Ivanami Shoten, 2018. (In Jap.)
21. 図説日本のメディア新伝 伝統メディアはネットでどう変わるか [Japanese mass media in the graphs (updated version). How will traditional media change because of widespread Internet?] 東京、NHK出版 . Tokyo, NHK Publishing House, 2018. (In Jap.)
22. 鈴木 常恭. テレビジョン番組研究序説 // 尚美学園大学芸術情報研究 [Suzuki Tsuneyasu. Introduction to Television Research] // Shobi Gakuin University Bulletin of Art Studies, vol. 12, pp. 37–55, 2007. (In Jap.)
23. 江藤 茂博. 増補 20世紀メディア年表 + 21世紀 [Eto Shigehiro. Extended media chronology of the 20th – 21st centuries]東京、言視舎 = Tokyo: Genshisha, 2019. (In Jap.)

Received: June 1, 2020; accepted for publication July 21, 2020

Information about author

Goryacheva Elena A., Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences; 89 Pushkinskaya st., Vladivostok, 690090, Russia; e-mail: solo888@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9357-5425>.

Reference to the article

Goryacheva E. A. History of Television Broadcasting Development in Japan (From Experimental Broadcasting to Nationwide Broadcasting in the 1960s) // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 151–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-151-161.

УДК 93/94;2-674;322.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-162-171

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: DRZZ@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

Иностранная пресса об изменении отношения советской власти к православию в 1943 году (по материалам ТАСС)

Анализируется подборка материалов иностранной прессы, сделанная Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС) в 1943 г. по вопросу реакции на изменение отношения советской власти к Русской православной церкви (РПЦ). Она представлена в одном из дел фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В названной подборке приводятся заметки и статьи самых разных изданий стран Европы, а также государств Северной и Южной Америки, Африки, Австралии. Заявленная проблематика не нашла до настоящего времени серьезного научного анализа. Автор отмечает, что негативные и позитивные оценки трансформации религиозной политики СССР четко разделились по двум лагерям: страны, поддерживавшие в 1943 г. СССР, и страны, находившиеся на противоположных позициях. Риторика прессы США, Канады и Англии значительно отличалась от таковой в странах Европы в целом, и, уж тем более, в фашистских Германии, Италии и Румынии. Пресса стран, находившихся далеко от происходивших событий, к примеру, государств Южной Америки или Австралии, отражала достаточно нейтральное отношение к происходившему. На этом фоне все действия советских властей оценивались как поверхностные, временные, «фальшивые». Они были, по мнению критиков, вынужденными. В свою очередь, пресса стран-союзниц относительно высоко оценивала изменения в политике советского государства. Очевидно, что проблематика, заявленная в названии статьи, требует дальнейшего серьезного научного анализа, что подразумевает большую по объему работу с зарубежными средствами массовой информации рассматриваемого времени и с архивными источниками.

Ключевые слова: религия, православие, свобода вероисповедания, патриарх, Совет по делам Русской православной церкви, средства массовой информации

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: DRZZ@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

The Foreign Press about the Change of Attitude of Soviet Power to Orthodoxy in 1943 (According to TASS)

The article analyzes a selection of materials of the foreign press, made by the Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS) in 1943 on the reaction to the change in the attitude of the Soviet government to the Russian Orthodox Church (ROC). It is presented in one of the files of the state archive of the Russian Federation (SARF). In the collection mentioned, there are notes and articles of various editions of the countries of Europe, and also the States of North and South America, Africa, Australia. The claimed problems have not been seriously analyzed from the scientific point of view so far. The author notes that the negative and positive assessments of the transformation of the religious policy of the USSR were clearly divided into the two camps: the countries that supported the USSR in 1943 and the countries that had opposite views. The rhetoric of the press in the United States, Canada and England differed significantly from that one in Europe as a whole, and even more in Nazi Germany, Italy and Romania. The press of countries that were far away from the events, for example, the States of South America or Australia, reflected a neutral attitude to what was happening. Against this background, all actions of the Soviet authorities were assessed as superficial, temporary, and "fake". According to the critics, they were forced. In reality, there was no question of freedom of religion in the USSR. In turn, the press of the allied countries relatively highly appreciated the changes in the policy of the Soviet state. It is obvious that the problems stated in the title of the article require further serious scientific analysis, which implies a large volume of work with foreign media of the time under consideration and with archival sources.

Keywords: religion, Orthodoxy, freedom of religion, Patriarch, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, mass media

© Дроботушенко Е. В., 2020

Введение. В 1943 г. произошло значимое для религиозной жизни в СССР событие. Речь идёт о кардинальном изменении отношения советской власти к религии и, прежде всего, к православию. Причины резкой трансформации взаимоотношений в паре «государство – религия» или в паре «государство – православная церковь» до сих пор являются спорными. Возможно, это весомый вклад православной церкви, её священнослужителей и верующих в борьбу с фашистской Германией. Может быть, понимание властью степени влияния церкви на общества и особой важности этого влияния в военное время. Свою роль могло сыграть то, что на 1943 г. значительная часть общества оставалась верующими. По некоторым данным, это около 1/3 городского населения и 2/3 сельского¹. Решение об изменении отношения к православной церкви могло быть продиктовано и геополитическими интересами в рамках военного времени. Разрешение на открытие молитвенных зданий и ведение служб могло повлиять на православное население стран Европы, которое однозначно отказалось бы поддерживать фашистский режим. Так или иначе, решение о смене вектора религиозной политики СССР состоялось. Оно нашло оценку в значительном количестве публикаций как общего, так и специального характера [3; 5; 6; 9; 12 и др.].

В то же время, несмотря на наличие определённого количества публикаций по проблематике трансформации отношения советской власти к Русской православной церкви (далее – РПЦ), не все аспекты истории проанализированы в полной мере. Так, на сегодня, не нашла серьёзного научного анализа проблема отражения в иностранных средствах массовой информации реакции на изменение политики советских властей в отношении РПЦ, да и в отношении религий, в целом. Исследователи, несомненно, обращались к газетным публикациям и радиовыступлениям при оценке религиозной политики СССР. Это можно увидеть в ряде обобщающих трудов по истории РПЦ, вышедших из печати как на русском языке, так и за границей, на иностранных языках, а также в некоторых небольших узконаправленных работах, однако это редкие, частные обращения, которые можно оценить, скорее, как исключение [7–9; 11–18 и др.]. В тоже время, нет специально объёмного исследования. Сказанное предопределило появление данной работы. Её основу состав-

вили документы Государственного архива Российской Федерации. Это дело 2154 описи 27 «Редакция иностранной справочной за 1940–1960 гг.» фонда Р-4459 «Телеграфное агентство Советского Союза при Совете Министров СССР (ТАСС). 1925–1992»².

Отметим, что в листе ознакомления с документом, на момент получения его автором данной статьи, не было ни одной записи. Это, на наш взгляд, говорит о том, что проблематика, которой посвящено исследование, не вызвала до настоящего момента серьёзного интереса учёных.

Цель исследования заключается в анализе собранных представителями Телеграфным агентством Советского Союза, газетных статей, заметок, радиовыступлений в иностранных средствах массовой информации, касающихся изменений в религиозной политике советского государства в 1943 г.

Методология и методы исследования. Основу работы составил один из традиционных подходов исторической науки – формационный. Его использование предопределено анализом аспектов советской действительности с точки зрения западного мира. Несмотря на то, что в настоящее время историческая наука в определённой степени отошла от использования этого подхода, в данном конкретном случае он необходим, поскольку в статье анализируются материалы СМИ разных формаций, социалистической и капиталистической. Цивилизационный подход позволил рассматривать значение православной церкви для государств с разными основами цивилизационной парадигмы.

Исследовательская работа опиралась на использование важнейших принципов исторической науки. Первый из них – принцип историзма – позволил рассматривать изменение отношения советской власти к православной церкви, избрание патриарха и создание Совета по делам РПЦ при СНК СССР через определение их значимости для исторического процесса сквозь призму зарубежных СМИ. Второй принцип – объективности – предопределил подход, опирающийся на факты, без лишних субъективных добавлений автора. С опорой на факты строились и оценки ситуации.

Методы исследования традиционно делились на общенаучные и специальные методы исторического познания. К первым относятся методы сбора, анализа и синтеза материала. Они важны при работе с подбор-

¹ Государственный архив Российской Федерации. ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 124.

² Там же.

кой материала, его анализе и выделении важнейших составляющих.

Специальный метод исторического познания — сравнительно-хронологический позволил анализировать материалы в зарубежных СМИ в разрезе проблемного поля статьи, в хронологический последовательности. Историко-сравнительный метод дал автору возможность на основе имеющегося материала провести сравнение СМИ разных сторон в сложной геополитической ситуации.

Исследование стало возможным только с учётом использования всех названных подходов, принципов и методов в комплексе.

Результаты исследования и их обсуждение. Трансформация государственной религиозной политики в СССР в 1943 г., которая заключалась в изменении отношения советской власти, прежде всего к православной церкви, с отрицания на принятие и относительную поддержку, не могла не найти реакции со стороны основной массы мировой общественности. Объектом данного исследования стали зарубежные средства массовой информации, газеты, журналы, радиопередачи, а точнее информационное поле, которое они создавали в связи новыми государственно-религиозными реалиями в СССР.

Телеграфное агентство Советского Союза на протяжении десятилетий собирало данные по публикациям в иностранных журналах и газетах, а также по радиовыступлениям. Они сводились в подборки, которые сегодня мы можем увидеть в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Одна из таких подборок ТАСС относится к сентябрю-декабрю 1943 г. и касается проблемы изменения отношения советской власти к православной церкви. Именуется данная подборка «Вестник иностранной информации ТАСС». С грифом «Секретно» и оттиском «рассекречено»¹.

За основу анализа мы взяли разделение всех приведённых заметок на два больших блока. Первый содержит материалы СМИ стран-союзниц СССР и нейтральных государств, второй, соответственно, профашистских СМИ. Риторика двух групп противоположная. Первые поддерживали происходившие в Советском Союзе изменения, доходя до похвалы советским властям. Вторые критиковали решение советских властей в отношении православной церкви, называя всё происходившее не иначе как фарсом.

Внутри двух названных групп использовался хронологический принцип появления публикаций и радиовыступлений, начиная с сентября и заканчивая декабрём 1943 г. Приведённые данные, на наш взгляд, достаточно показательно иллюстрируют ситуацию. В отдельных случаях авторы подборки не приводят название СМИ, ограничиваясь страной или городом выхода материалов. Есть заметки вообще без отсылки к изданию и месту выхода.

Отдельные из упоминавшихся изданий относительно широко известны, про иные найти информацию сложно. В статье мы приводим их в соответствии с источником либо опускаем, если таковых не было в документе.

Большое внимание изменению отношения советской власти к православной церкви, да и к религии в целом, а также к проблеме свободы вероисповедания в СССР было уделено западными средствами массовой информации осенью и в начале зимы 1943 г.: тогда появились ряд статей в газетах и журналах Северной Америки, Европы и иных континентов. Подборка ТАСС приводит также радиопередачи фашистских радиостанций.

Активное обсуждение происходившего в СССР в отношении православия шло на страницах СМИ, в радиорепортажах в октябре 1943 г. Следует сказать, что на этот месяц пришёлся, пожалуй, пик активности иностранных СМИ в оценке изменений в отношениях советской власти и православной церкви.

Средства массовой информации союзных и нейтральных СССР стран публиковали заметки хвалебного в адрес Советского Союза содержания или, как минимум, нейтрального.

В сентябре 1943 г. в газете «*Cabildo*» («Кабильдо»), выходившей, судя по всему, в Чили, было опубликовано заявление главы православной церкви Аргентины, Бразилии, Чили, Парагвая и Уругвая, управляющего всеми приходами Южной Америки протопресвитера Константина Изразцова (по его мнению, в 1934 г. Зарубежный синод передал управление всеми южноамериканскими церквями епископу Сан-Паульскому Феодосию (Самойловичу), под управлением К. Изразцова остались только приходы на территории Аргентины). Он, в принципе, приветствовал то, что происходило. Однако отмечал, что связей с Московской патриархией практически нет. Также он говорил, что «назначение» нового патриарха не означает

¹ ГА РФ. — Ф. Р-4459. — Оп. 27. — Д. 2154.

наступление реальной свободы вероисповедания¹.

Достаточно сдержано в том же сентябре ситуацию с православием в СССР оценила канадская газета *"Star"* («Стар»), издававшаяся в Торонто. Она опубликовала мысли по проблеме достаточно известного католического священника Чарльза Хьюстиса, который говорил о формальности свободы вероисповедания в Советском Союзе, однако священнослужители православной церкви в стране «были удовлетворены» [4, с. 20]. Другое канадское издание, франкоязычная *"Le Soleil"* («Ле Солейл») причину произошедшего в СССР увидела в снизошедшем на И. В. Сталина озарении².

Пафосно хвалебно высказалась австралийская *"Se"* («Се»), отметившая, что благодаря коммунизму и И. В. Сталину «церковь вновь приобрела то, что потеряла при Петре I». Решение о признании православной церкви, по мнению авторов, «вызвало за границей кривотолки», но факт есть факт³.

Швейцарский *"Journal de Genève"* («Журнал Дэ Женев») опубликовал статью Теодора Сбера «О советской конституции и свободе совести». В ней автор осторожно говорил: «...Нельзя утверждать, что свобода религии восстановлена», однако и не отрицая этого⁴.

Финская *"Suomen Sosialidemokraatti"* («Суомен социалистидемокраатти») писала, что И. В. Сталин стремился к поддержке народа и верующих⁵.

Достаточно показательной является статья во французской *"L'Action Française"* («Аксон Франсэз»). Несмотря на то, что в ней критикуется позиция позитивной оценки событий в СССР, отмечается, что во Франции достаточно много людей, поддерживающих преобразования в Советском Союзе. Значительная часть из них в околоцерковных кругах⁶.

Ажиотаж в западных СМИ вызвала поездка в Москву в 1943 г. архиепископа Йоркского доктора Сирила Гарбетта. В подборке материалов ТАСС приведено много самых разных заметок по этому поводу. Это текст выступления архиепископа по его поездке «в Россию», в котором он хвалит ситуацию в СССР в целом и процессы, связанные с Русской православной церковью

в частности. Он говорил: «В России настоящее рождение религии. У Сталина могли быть политические мотивы для признания патриарха, но правильное объяснение, все же, в том, что он видел, насколько религия укоренена в народе»⁷. Упоминается одно из его выступлений в пользу поддержки советских граждан на оккупированных территориях О. Ю. Васильева [3, с. 131].

В британской прессе появилась заметка Гарольда Кинга о пребывании в Москве архиепископа Йоркского, которое оценивалось великолепно⁸.

Помимо архиепископа Йоркского и иные представители английских религиозных кругов позитивно отзывались о ситуации с православием в СССР. Так, архиепископ Кентерберийский доктор Темпли на одном из совещаний клириков, заявил о возобновлении дружеских отношений между английскими церквями и русской церковью, находившейся в новой ситуации⁹.

В одной из газет Лондона была опубликована «Резолюция Английского совета Всемирного евангелического союза». В ней высказывалась благодарность в адрес советской власти за признание православной церкви и надежда, что скоро советское правительство разрешит уже «английскому и зарубежному библейскому обществу» возобновить распространение Библии в России. Названный Союз претендовал на то, что он являлся представителем всех протестантских церквей и государств¹⁰.

Аналогичная картина существовала в СМИ США. Так, в одном из изданий Сан-Франциско писалось, что в 1943 г. Русская православная церковь, как никогда, сблизилась с советским правительством, но при этом она осталась независимой¹¹.

Газета Чикагской епархии американских католиков писала, что Патриарх Сергей «престарелый», но в СССР наступила передышка от преследования церкви. Канадский же журнал католиков *"Commonwealth"* («Коммонвелс») писал, что в худшем случае церковь в СССР будет служить государству, но это лучше, чем атеизм¹².

"New York Herald Tribune" («Нью-Йорк Геральд Трибьюн») в самом начале октября опубликовала сообщение «Религиозного информационного агентства». Читаем: «Вос-

¹ ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 25.

² Там же. – Л. 20.

³ Там же. – Л. 21.

⁴ Там же. – Л. 31.

⁵ Там же. – Л. 29.

⁶ Там же. – Л. 25.

⁷ Там же. – Л. 94, 120.

⁸ Там же. – Л. 37.

⁹ Там же. – Л. 77.

¹⁰ Там же. – Л. 100.

¹¹ Там же. – Л. 55.

¹² Там же. – Л. 35.

становление Синода получило сильный отклик на Балканах. Миссия архиепископа Йоркского в Москву показывает, что русская церковь завязывает связи с иными церковными организациями¹. Американский еженедельный новостной журнал "Newsweek" («Ньюс уик») писал, что тысяча жителей города Скрантона в Пенсильвании собралась в масонском храме послушать видного католика-мирянина доктора Френсиса Мак Магона с его речью об укреплении связей с Россией².

В конце октября 1943 г. "New York Times" («Нью-Йорк Таймс») в заметке «О связи между американской и русской православной церквями», отмечала, что представители православной церкви в США не просто поддерживали происходившее в СССР, но во время утреннего и вечернего богослужения впервые упоминался Сергей³.

В декабре 1943 г. в Сан-Франциско вышла передача радиобозревателя Раймонда Суинга. В ней речь шла об открытии в СССР теологического института, что стало известно из сообщений Святейшего синода Русской православной церкви. Произошедшее автором называлось «событием», важнейшим сообщением о свободе религии, которое поступило «из России на протяжении многих лет». Предполагалось восстановить теологические школы. Это означало, что церковь в СССР получила существенное право – право обучать священников. Таким образом, свобода религии в СССР «гораздо более значительна, нежели утверждают некоторые критики»⁴.

Большая статья по положению религий в СССР вышла из печати декабре в 1943 г. в американском журнале "Time" («Тайм»). В ней давалась относительно высокая оценка нового Патриарха Сергея: «Признание советским правительством церкви не только превратило Москву в столицу религиозно-объединительной России, но и объединило дунайских и балканских славян внутри «континента славянской религии». Согласно авторам статьи, изменение положения церкви стало серьезной вехой в истории СССР. Изменения в стране обеспечили три человека: А. Гитлер, И. Сталин и Сергей. А. Гитлер полагал, что священники и верующие будут приветствовать помощь со стороны захватчиков против большевиков, преследовавших христиан. И. В. Сталин и Сергей

воспользовались данной ошибкой и совместными усилиями развернули ситуацию в нужную им сторону⁵.

В канадской "Gasett" («Газетт»), выходящей в Монреале в декабре 1943 г., опубликовано интервью с митрополитом Русской православной церкви в Северной Америке Феофилом (Пашковским). Он высказал удовлетворение по поводу «возрождения церкви в России», однако отмечал, что Патриарх Сергей сохранил верность советской власти, поэтому «наша автономия должна быть продолжена». Так, Феофил противопоставил себя епископу Вениамину (Федченкову), который «как представитель церкви Советского Союза призывал русскую церковь в Северной Америке присоединиться»⁶.

Швейцарская ежедневная газета "Neue Zürcher Zeitung" («Нейе Цюрих Цейтунг») говорила о новой эпохе в жизни православной церкви в СССР⁷. Опять же швейцарский "Journale de Geneve" («Журнал дэ Женев») писал об официальном признании церкви в СССР⁸.

Появилась заметка в одной из газет Браззавиля – столицы Французской Экваториальной Африки и Среднего Конго. В ней автор писал о том, что изменения в СССР всеми религиозными кругами мира приняты на ура⁹.

Наиболее серьезной выглядит объемная статья «О положении религии в Советском Союзе». К сожалению, составители подборки материалов ТАСС не привели ни издание, ни страну, где она появилась. По общей канве можно предположить, что это просоветское государство. В статье отмечалось, что в 1932 г. в СССР уже были некоторые идеологические уступки церкви. В 1935 г. разрешили продавать рождественские елки. Тогда же произошло закрытие исторического антирелигиозного музея, были изъяты из библиотек книги, которые издавались «Союзом воинствующих безбожников». В 1936 г. пришла новая волна антирелигиозной деятельности советской власти: аресты священнослужителей. Однако, в 1939 г. всякая антирелигиозная деятельность признана проявлением троцкизма. В 1942 г. закрыт журнал «Безбожник». И вот, наконец, в 1943 г. – установление нормальных отношений с церковью. Создан

¹ ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 45.

² Там же. – Л. 90.

³ Там же. – Л. 97.

⁴ Там же. – Л. 121, 122.

⁵ Там же. – Л. 124.

⁶ Там же. – Л. 120.

⁷ Там же. – Л. 110.

⁸ Там же. – Л. 116.

⁹ Там же. – Л. 62.

специальный орган (речь шла о Совете по делам РПЦ)¹.

К октябрю 1943 г. активно к характеристике изменений в Советском Союзе подключилась фашистская пропаганда. Представители ТАСС привели несколько примеров её оценок.

В комментариях о положении религии в СССР из немецкого Бреславля отмечалось, что мнение архиепископа Йоркского с похвалами Москвы является не единственным, есть и иные замечания по поводу происходившего с православием в Советском Союзе. Так, митрополит Литовский говорил о том, что советские власти готовы пойти на уступки церкви, но только технически².

Итальянское радио национального фашистского правительства с отсылкой на высказывание митрополита латвийского говорило о том, что советские власти вынуждены были идти на уступки православной церкви, но явление это временное³.

Здесь видим некоторую путаницу и, к сожалению, не совсем ясно, возникла ли она на страницах аналитических записок ТАСС или в радиовыступлении, на которое последние ссылаются. Дело в том, что в 1943 г. предстоятелем Латвийской православной церкви был епископ Рижский и Всея Латвии Иоанн (Гарклавс), но, отнюдь, не митрополит [4, с. 146; 10, с. 171]. Речь в обоих случаях, вероятно, шла о митрополите Виленском и Литовском, Экзархе Прибалтийского Экзархата (Литва, Латвия и Эстония) Сергие (Воскресенском)⁴.

В одной из передач немецкой радиовещательной корпорации *“Reichs-Rundfunk-Gesellschaft”* («Рейхсрундфунк») была оценена планируемая поездка Патриарха Сергия в Палестину. Воспринята она была негативно. Задавался вопрос: «Что случилось такое? Действительно ли переменились большевики». Ответ был очевиден: «Нет». Происходившее – это обман⁵. Эта же радиостанция, «с радостью» сообщила, что архиепископ Йоркский в оценке своей поездки в Москву среди слов похвалы, сделал неожиданное для СССР заявление о том, что в Советском Союзе остаётся много закрытых церквей⁶.

Аналогичная риторика была и в иных радиопередачах фашистских радиостанций, а также на страницах профашистских газет, к примеру, в Румынии. Так, в одной из радиотрансляций давалась оценка созданному Совету по делам РПЦ. Само его создание оценивалось как «трюк» советской власти⁷.

По поступившим данным из финского Хельсинки, в одной из трансляций радиостанции фашистского республиканского правительства говорилось, что создание Совета по делам РПЦ проведено для приказов И. В. Сталина Синоду. Синод – это не что иное, как политический и пропагандистский центр СССР⁸.

На том же радио вышла передача с оценкой происходившего в СССР с точки зрения французских католиков. Новая ситуация в СССР называлась фарсом⁹.

Общие тенденции восприятия событий в Советском Союзе были отражены в одном из выступлений митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде), который категорически отрицал возможность признания Сергия патриархом и в целом очень негативно оценивал происходившее в СССР¹⁰.

Одна из фашистских радиотрансляций в Румынии заявляла, что «...в реальности, большевики преследуют православную церковь», Сергей же был избран патриархом по политическим соображениям, И. В. Сталин пытался создать впечатление, что в стране с религией «всё хорошо»¹¹.

На южнофранцузском радио *“Vichy”* («Виши») вышла передача «Об осуждении Патриарха Сергия Собором Русской Православной Церкви». В ней говорилось о том, что, на самом деле, свободы религии в СССР нет. И. В. Сталин не поменял своих взглядов на религию: «Он временно стал союзником церкви»¹².

Вторила трансляциям на фашистских радиостанциях румынская националистическая газета *“Kurentul”* («Курентул»). В одной из статей оценивалась реакция на события в СССР английского радио, которое после поездки в Москву архиепископа Йоркского в своих передачах отзывалась о происходившем почти с восторгом. Корреспондент «Курентула» задавался вопросом, когда же

¹ ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 102.

² Там же. – Л. 42.

³ Там же. – Л. 36.

⁴ Сергей (Воскресенский) Виленский. – Текст: электронный // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. – URL: <https://drevo-info.ru/articles/5596.html> (дата обращения: 21.12.2019).

⁵ ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 58.

⁶ Там же. – Л. 87.

⁷ Там же. – Л. 55.

⁸ Там же. – Л. 50.

⁹ Там же. – Л. 49.

¹⁰ Там же. – Л. 54.

¹¹ Там же. – Л. 106.

¹² Там же. – Л. 123.

английское радио объявит И. В. Сталина святым¹.

Несколько позже на страницах «Курентула» появилась иная заметка, в которой заявлялось, что «...заигрывание Москвы с религией и признание свободы вероисповедания за православной церковью и за мусульманами преследует политические цели»².

Фашистская «*Donau-Zeitung*» («Донауцейтунг») в том же октябре опубликовала передовицу русского по происхождению публициста Анатолия Михайловского. Комментируя избрание Сергия патриархом, он писал, что произошедшее – это фарс³. Данных об А. Михайловском в истории осталось немного [2, с. 171], но известно, что даже после войны он продолжал писать для немецких СМИ⁴.

В немецком Бреславле в конце сентября был опубликован «Обзор положения религий в России» Вильяма Джойса, в котором давалась оценка происходившего. В. Джойс, в частности, назвал мошенником архиепископа Йоркского, хвалебно отзывавшегося об СССР, именую его «христианским государством». Цель И. В. Сталина, по мнению автора обзора, заключалась в одном – в желании обмануть народ⁵.

Аналогичную риторику фашистских СМИ можно встретить у разных православных архиереев Европы. Ранее приводилось мнение о событиях в СССР архиепископа Литовского (мнение Митрополита Берлинского и Германского Серафима не учитываем, т. к. он находился на фашистской территории и априори не мог говорить иначе), но не могли в стороне от публичного позиционирования своей оценки остаться и другие. Очевидно, что предопределено это было во многом усилением позиций РПЦ, как внутри страны, так и за её пределами, что, очевидно, не могло понравиться, действовавшим православным иерархам, понимавшим, что в таком случае, произойдёт определённое их ослабление. Примером сказанного является заявление «епископа Бухареста Николая», в котором он говорил: «...Уверения в том, что Советском Союзе прекратились гонения – это ложь. На самом деле церковь в СССР почти не имеет возможности отправлять богослужение из-за высоких налогов и других препятствий»⁶. Вероятно, речь о

Николае (Амассийском), в ноябре 1943 г. оказавшемся в Румынии [1].

Аналогичная негативная оценка событий в СССР встречается на страницах австрийских СМИ. Она отражает позицию представителей РПЦ вне СССР, которые на конференции, прошедшей в Вене, не признали избрание Сергия патриархом. Поддержали их церковные иерархи заграничного православия в китайском Шанхае и в Аргентине⁷.

Схожая информация была представлена фашистским радио в передаче «О положении церкви в СССР». В ней также отмечалось, что «на недавнем совещании епископов христианской церкви, они единодушно не признали Сергия Патриархом». Сергей назывался ставленником большевиков. Говорилось о том, в 1930-е гг. из 454 церквей в Москве было закрыто 421⁸.

Параллельно с названной конференцией в Австрии на польской территории прошёл Съезд в Варшаве православных епископов немецкого генерал-губернаторства (*Generalgouvernement*). Его позиция была отражена в сообщении вильнюсской газеты⁹.

Одна из турецких газет писала, что «белогвардейский «священный Синод» не признаёт избрания Сергия патриархом»¹⁰.

Как видим, фашистские СМИ в своих оценках происходившего в СССР выступали с одних позиций и часто пользовались одними источниками информации (речь о высказывании митрополита Литовского).

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что принятое советской властью в 1943 г. решение об изменении религиозной политики в целом и об изменении в её рамках отношения к Русской православной церкви, в частности, вызвало в самых разных странах бурную реакцию.

При этом следует отметить, что в стороне от обсуждения происходившего в Советском Союзе не остался ни один континент. Даже СМИ государств, находившихся, казалось бы, далеко от центра боевых действий Второй мировой войны в 1943 г. и, вроде бы, далёкие от проблем, с которыми столкнулся в те годы СССР, акцентировали внимание на новой политике советской власти в отношении религии.

Отношение к происходившему в Советском Союзе чётко разделилось на принятие, поддержку, похвалу и категорическое

¹ ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 45.

² Там же. – Л. 121.

³ Там же. – Л. 70.

⁴ Михайловский А. О мерзости солидаристской. – Мюнхен: [б. и.], 1948. – 10 с.

⁵ ГА РФ. – Ф. Р-4459. – Оп. 27. – Д. 2154. – Л. 34.

⁶ Там же. – Л. 123.

⁷ Там же. – Л. 99.

⁸ Там же. – Л. 101.

⁹ Там же. – Л. 97.

¹⁰ Там же. – Л. 111.

отрицание. Первое было свойственно странам-союзникам СССР, а также нейтральным государствам. Все газетные и журнальные заметки, которые приводились в подборке материалов ТАСС от сентября-декабря 1943 г., а также упоминавшиеся радиотрансляции высоко оценивали изменение отношения советской власти к православной церкви. При этом избрание Патриархом Московским и Всея Руси Сергия (Страгородского) в публикациях и радиотрансляциях государств-союзников СССР практически не затрагивалось, так же как практически не оценивалось создание Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Акцент делался на факте самого поворота в сторону религии, в сторону православия, на изменениях в религиозной политике Советского Союза.

В свою очередь, публикации и трансляции фашистских СМИ имели совершенно иную, противоположную риторику. Очевидное, в целом, позитивное решение советских властей об изменении отношения к православной церкви (без учёта возможной внутренней подоплеки), резко критиковалось. Во всём происходившем виделись обман, политические интриги, «фарс». Даже если у отдельных авторов и было понимание политической целесообразности принятых решений, характеризовались они только негативно.

Особое отторжение вызвал факт избрания Патриархом Московским и Всея Руси Сергия, которого иначе как ставленником И. В. Сталина не называли. Негативно оценивалось и создание Совета по делам РПЦ при СНК СССР. Он именовался «органом Сталина».

Фашистские СМИ активно транслировали позиции православных иерархов Европы, которые однозначно отрицательно оценивали происходившее в СССР. Их взгляды, очевидно, определялись потенциальным усилением (в связи с происходившим) позиций Русской православной церкви, а значит, и ослаблением их роли.

Автор считает, что корреспонденты профашистских средств массовой информации понимали, что изменение отношения советской власти к религии, в целом, и к православию как основному, по числу последователей религиозному учению, в частности, может привести к активной поддержке существовавшего режима со стороны верующих. Это, вероятно, предопределило резко критические высказывания.

На страницах газет стран, удалённых от СССР (речь не идёт о члене Британского содружества, Австралии, которая на страницах своих СМИ шла в контексте политики Великобритании – союзницы Советского Союза), информация до которых из страны Советов практически не доходила, оценка была осторожной.

Следует сказать, что проблема оценки изменений отношения советской власти к православной церкви, да и к религии в целом, в 1943 г. в зарубежных СМИ на сегодня изучена недостаточно. Обобщающие исследования дают общую картину. Для углублённого анализа оценки средств массовой информации разных стран требуется дальнейшая большая работа с зарубежными газетными публикациями рассматриваемого времени, а также архивными документами.

Список литературы

1. Амасийский Николай Васильевич. Текст: электронный // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. URL: http://www.martyrs.pstbi.ru/bin/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxlTYZCF2JMTcmZsS8iVu0eeyvbdOqcvru-cCWeeC1Vee1j660FYN*g68AiYyGU901Wvi1gf8-yV8Kfc5tjNK2iAnU* (дата обращения: 21.12.2019).
2. Базанов П. Н., Бардеева А. И., Брянкина Э. А., Шумова В. П. Издательская деятельность делийцев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1. С. 162–175.
3. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: РАН: Ин-т Рос. истории, 1999. 212 с.
4. Корнилов А. А. Архипастырь мятежного XX века: рецензия на: Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: Алаборг; Тихвин: Изд. служба Тихв. монастыря. 2009. 464 с. Серия «Странствия Чудотворной» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2. С. 145–149.
5. Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки. СПб.: Петроглиф, 2019. 376 с.
6. Назаров М. В. Сталин создаёт Московскую Патриархию. Текст: электронный // Издательство «Русская Идея». URL: <https://www.rusidea.org/25090406> (дата обращения: 17.12.2019).

7. Петров И. В. Избрание в Москве в 1943 г. патриарха: пропагандистский ответ по другую сторону фронта // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 220–231.
8. Петров И. В. Избрание в Москве в 1943 году Патриарха: реакция в Балтийском регионе // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству: материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. уч. Арзамас: Арз. филиал ННГУ, 2017. С. 44–54.
9. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
10. Цоя С. А. Историография истории православия в Латвии. Краткий очерк // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4. С. 162–199.
11. Цыпин Владислав (протоиерей). История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь: Православная энциклопедия, 1997. 832 с.
12. Шкаровский М. В. Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 годах. СПб.: Deano+Adia, 1995. 16 с.
13. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 1999. Кн. 24. 400 с.
14. Шкаровский М. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–1953 годах // Acta Slavica Laponica. 2009. Т. 27. С. 1–27.
15. Pospelovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 2. 302 p.
16. Shkarovskij M. Die Kirchenpolitik des Dritten Reiches gegenüber den orthodoxen Kirchen in Osteuropa (1939–1945). Münster: LIT Verlag, 2004. 286 s.
17. Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the XX Century. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.
18. Zernov N. The Russian and Their Church. London: James Clarke & Co. Ltd, 1978. 192 p.

Статья поступила в редакцию 11.02.2020; принята к публикации 20.03.2020

Сведения об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: DRZZ@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

Библиографическое описание статьи

Дроботушенко Е. В. Иностранная пресса об изменении отношения советской власти к православию в 1943 году (по материалам ТАСС) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 162–171. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-162-171.

References

1. Amasiyskiy, Nikolay Vasil'evich. New martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church of the XX century. Web. 21.12.2019. <https://www.map.mefodiy-kirill-hram.ru/person.php?id=158>. (In Rus.)
2. Bazanov, P. N., Bardeyeva, A. I., Bryankina, E. A., Shumova, V. P. Publishing activity of Delhians. Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts, no. 1, pp. 162–175, 2006. (In Rus.)
3. Vasil'eva, O. Yu. The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943–1948. M. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian history, 1999. (In Rus.)
4. Kornilov, A. A. The rebel Bishop of the twentieth century. Retz.: Gavrilin A. V. Under the cover of the Tikhvin icon. Pastoral way John (Garklavs). SPb: Alaborg; Tikhvin: Publishing service of the Tikhvin monastery, 2009. (Series "Wanderings of the miraculous"). Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's state-manitarian University. History of The Russian Orthodox Church, no. 2, pp. 145–149, 2014. (In Rus.)
5. Kurlandsky, I. A. Power and religious organizations in the USSR (1939–1953). Historical essays. Saint Petersburg: Petroglyph, 2019. (In Rus.)
6. Nazarov, M. V. Stalin creates the Moscow Patriarchate. Publishing House of t,he Russian Idea. Web. 17.12.2019. <https://www.rusidea.org/25090406>. (In Rus.)
7. Petrov, I. V. Election of the Patriarch in Moscow in 1943: propaganda response on the other side of the front. Proceedings of the historical faculty of St. Petersburg University, no. 21, pp. 220–231, 2015. (In Rus.)
8. Petrov, I. V. The election of a Patriarch in Moscow in 1943: reaction in the Baltic region. Patriarch Sergius and Church-state relations in the XX century: a difficult path to cooperation. All-Russian scientific and practical conference with international participation. Arzamas: Arzamas branch of Nizhny Novgorod state University, 2017: 44–54. (In Rus.)
9. Pospelovskiy, D. V. Russian Orthodox Church in the XX century. M: Publishing House of The Republic, 1995. (In Rus.)
10. Tsoya, S. A. Historiography of the history of Orthodoxy in Latvia (Short essay). Journal of Russian and Eastern European historical research, no. 4, pp. 162–199, 2017. (In Rus.)

11. Tsylin Vladislav, protoiyerey. History of the Russian Church. 1917–1997. M: Spaso-Preobrazhensky Valaam monastery, Orthodox encyclopedia, 1997. (In Rus.)
12. Shkarovskiy, M. V. The Russian Orthodox Church and the Soviet state in 1943–1964. SPb: Dean+Adia, 1995. (In Rus.)
13. Shkarovskiy, M. V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. Book 24. Moscow: Publishing house of the Krutitsky Patriarchal farmstead, 1999. (In Rus.)
14. Shkarovskiy, M. Stalin's religious policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953. Acta Slavica Iaponica, vol. 27, pp. 1–27, 2009. (In Rus.)
15. Pospelovsky, D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. 2 vol. New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. (In Engl.)
16. Shkarovskiy, M. Die Kirchenpolitik des Dritten Reiches gegenüber den orthodoxen Kirchen in Osteuropa (1939–1945). Münster: LIT Verlag, 2004. (In German)
17. Zernov, N. The Russian Religious Renaissance of the XX London: Century, Harper & Row Harper & Row, Great Britain, 1963. (In Engl.)
18. Zernov, N. The Russian and Their Church. London: James Clarke & Co. Ltd, 1978. (In Engl.)

Received: February 11, 2020; accepted for publication March 20, 2020

Information about author

Drobotushenko Evgeny V., Candidate of History, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: DRZZ@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

Reference to the article

Drobotushenko E. V. The Foreign Press about the Change of Attitude of Soviet Power to Orthodoxy in 1943 (According to TASS) // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 162–171. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-162-171.

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

ARCHEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

УДК 294.3 (94)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-172-179

Андрей Александрович Базаров,

*Бурятский государственный университет,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: bazarow_andr@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6837-7280>*

Владимир Владиславович Хартаев,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: buda2004@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5596-2416>*

Трактат Кенсур Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма»: генезис буддийской монастырской системы в Северо-Западном Китае

Статья посвящена анализу исторического генезиса буддийской монастырской системы в Северо-Западном Китае, описанной в трактате выдающегося бурятского схоласта Кенсур Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма». Эта работа является ярким примером буддийской исторической мысли, получившей развитие в традиционной культуре бурят в дореволюционный период. В результате изучения трактата авторы статьи находят, что «Светильник цитат» обладает ярко выраженной спецификой изложения, определяемой как личностью автора, так и историко-культурными обстоятельствами. Данная специфика связана с постклассическим периодом истории тибетоязычной буддийской схоластики, внутри которой создан трактат. Это был период, когда буддийская историческая мысль пыталась, базируясь на работах предшествующих поколений, осмыслить, прежде всего, итоги важнейших этапов распространения буддизма в обширнейшем регионе. Трактат можно охарактеризовать как сугубо схоластическое исследование, а Агван Ниму как выдающегося схоласта и теоретика своего времени. Анализ структуры произведения показал, что автор акцентируется, в первую очередь, на изложении истории школы гелук, к которой он принадлежал. Исходя из этого, большая часть текста посвящена биографии основателя школы – Чже Цзонкапе. Объем работы, непосредственно связанный с историей буддийских монастырей в Северо-Западном Китае, крайне мал. Агван Нима описывает генезис развития буддийских монастырей школы гелук: Чачюнг (тиб. *bya khyung*), Гумбум (тиб. *sku 'bum byams pa gling*), Гонлунг (тиб. *dgon lung byams pa gling*), Гандан дамчой линг (тиб. *lga ldan dam chos gling*), Ронпо (тиб. *rong bo dgon chen*), Лавран Ташичил (тиб. *bla brang bkra shis 'khyil*), Чоне (тиб. *cone dgon chen*) и др. Исследуемый фрагмент работы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма» является фундаментальным историческим свидетельством важнейших религиозных и культурных процессов, имевших место на обширных территориях Внутренней Азии в период с XIV до XX в.

Ключевые слова: буддизм, история монастырь, Бурятия Тибет, Северо-Западный Китай, Агван Нима

Andrey A. Bazarov,*Buryat State University,**Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),**e-mail: bazarow_andr@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-6837-7280>***Vladimir V. Khartayev,***Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),**e-mail: buda2004@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-5596-2416>*

Kensur Nawang Nima's Treatise "The Lamp of Collected Quotations from Classical Works of the Buddhist History": the Genesis of the Buddhist Monastic System in Northwest China

The article is devoted to the analysis of the Buddhist monastic history in Northwest China, described in the treatise of the Buryat scholar Kensur Nawang Nima "The lamp of collected quotations from classical works of the Buddhist history". This work is an example of Buddhist historical thought, which was developed in the traditional culture of the Buryats in the pre-revolutionary period. The authors of the article claim that "The lamp of collected quotations" has a specificity of presentation, determined by the author's personality, historical and cultural circumstances. This specificity is related to the post-classical period of the history of Tibetan scholasticism, within which the work was written. Buddhist historical thought tried to understand the results of the most important stages of the Buddhist history in the vast region based on the works of previous generations. The treatise can be described as a scholastic work and Nawang Nima as an outstanding scholar and theorist of his time. Analysis of the structure of the work has showed that the author focused primarily on the history of the Geluk School, which he belonged to. Due to this specificity, most of the text is devoted to the biography of the founder of the school Je Tsongkhapa. The volume of work directly related to the history of Buddhist monasteries in northwestern China is extremely small. Nawang Nima describes the Genesis of the Geluk Buddhist monasteries: Chacung (bya khyung), Kumbum (sku 'bum byams pa gling), Gonlung (dgon lung byams pa gling), Ganden (lga ldan dam chos gling), Rongwo (rong bo dgon chen), Labrang (bla brang bkra shis 'khyil), Chone (cone dgon chen), etc. This fragment of the work "The lamp of collected quotations from classical works of the Buddhist history" is a fundamental historical description of the most important religious and cultural processes in the territories of Inner Asia in the period from the 19th up to the 20th century.

Keywords: Buddhism, history, monastery, Buryatia, Tibet, Northwest China, Nawang Nima

Введение. Тибето-буддийская историческая литература «чойчжун» за тысячелетнюю историю своего развития, получив распространение на огромной территории Внутренней Азии, сформировала не одну, а несколько традиций¹. Одна из традиций образовалась в Монголии и Бурятии², где благодаря усилиям монгольских и бурятских учёных-лам были созданы собственные оригинальные работы в области изучения истории распространения буддизма на территории Азии (Южной, Восточной и Внутренней). В Бурятии буддийская историческая мысль на тибетском языке фактически не выделяется из традиций Тибета и Монголии. Слабая степень изученности бурятских тибетоязычных сочинений по истории буддизма в современной науке имеет своим

следствием ту необоснованную точку зрения, что авторы буряты не создавали исторические сочинения на тибетском языке вообще. Один из актуальных замыслов данной работы состоит в том, чтобы подвергнуть это мнение критическому пересмотру на основе обращения к тибетоязычному труду «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма» (тиб. chos 'byung lung rigs sgron me) [15] крупнейшего бурятского учёного Кенсур Агван Нимы (тиб. mkhan zur ngag dbang nyi ma 1907–1990).

Основной проблемой нашего исследования является определение и компаративистский анализ специфики данного произведения на конкретном примере – генезис буддийской монастырской системы в Северо-Западном Китае.

Методология и методы исследования. Для сравнительно-исторического анализа привлечены методы конкретного описания текстов, аналитического сопоставления с аналогами, их содержательной классификации и хронологической периодизации. Обращение к определённому разделу указанного произведения продиктовано

¹ Тибетская историческая литература представлена в переводах Е. Е. Обермиллера [2], Ю. Н. Рериха [6] и Р. Е. Пубаева [10]. О жанре и традиции тибетской исторической науки работы А. Вострикова [5], Р. Пубаева [11] и коллективную монографию "Tibetan Literature: Studies in Genre" [17].

² О бурятской традиционной исторической литературе на тибетском и старомонгольском языках работы Ц. Ванчиковой, Ш. Чимитдоржиева [3; 4].

прежде всего той исторической ролью, которую играл Северо-Запад Китая (современные китайские провинции Гяньсу и Цинхай) в развитии буддизма в Монголии и Бурятии. Кенсур Агван Нима в своём сочинении, посвящённом проблеме распространения буддизма во Внутренней Азии, не мог оставить без исследовательского внимания столь важный исторический регион, традиционно называемый Амдо.

Результаты исследования и их об- суждение. Изложение исторического гене- зиса буддизма в Амдо начинается с того, что автор упоминает кадампинского монаха Дондуба Ринчена (тиб. chos rje don grub rin chen, 1309–1385) – учителя Чже Цзонкапы. Этот монах основал монастырь Чачюнг (тиб. bya khyung)¹ в 1349 г., который был одним из первых в Амдо². Середина XIV в. – сложный и важный период в развитии буддизма во Внутренней Азии. Тибетский буддизм яв- ляется де-факто государственной религией в империи во время правления монгольской династии Юань (1271–1368) и благодаря поддержке императорской власти получает возможность для своего широкого распро- странения по всей стране. Тем не менее, ос- новное направление его развития – это Се- веро-Западный Китай, территория «фронти- ра» тибетской и монгольской культур.

Следующие записи в источнике касают- ся монастыря Гумбум (тиб. sku 'bum byams pa gling)³, находящегося в провинции Цин- хай. Данный монастырь был построен на ме- сте рождения Чже Цзонкапы. Это место ста- ло объектом поклонения в виде ступы ещё при жизни великого реформатора буддизма в Тибете, монастырь образовался позднее⁴. Традиционно говорится, что в 1576 г. ту- метский Алтан-хан (1507–1583) пригласил буддийского монаха Соднома Жамсо (тиб. bsod nams rgya mtsho, 1543–1588) – буду- щего третьего Далай-ламу – для распро- странения буддизма в Монголию. Когда мис-

сия только начиналась, на пути в Монголию монах остановился у озера Цинхай (около дерева, отмечающего место рождения Чже Цзонкапы) для медитации. После успешного завершения миссии Алтан-хан становится инициатором строительства на этом месте крупного монастырского строительства. Мо- настырь был полностью построен в 1583 г. и получил название «Гумбум», что означает «100 000 просветляющих тел Будды». Он назван в честь 100 000 изображений, про- являющихся на листьях дерева. Согласно легенде, это дерево произросло из капель родовой крови Чже Цзонкапы.

Автор пропускает множество истори- ческих подробностей и обращается исклю- чительно к проблеме строительства обра- зования в данном монастыре. Он пишет: «По рекомендации третьего (далай ламы) Гьялва Содном Жамсо, мастер по винае (монашеской дисциплине) Одсер Жамсо основал (в Гумбуме) факультет Цангон (тиб. gtsan dgon). После ухода (смерти) несколь- ких перерожденцев, (в монастыре) было на- чато обучение и слушание на факультетах философии (цанид) и тантры⁵. Затем обра- зовался факультет по тибетской медицине. Количество (монахов) в буддийской общине (сангхе) на постоянной (основе) насчиты- валось приблизительно 3 700 (человек)» [15, с. 255].

Далее автор обращается к созданию монастыря Гонлунг (тиб. dgon lung byams pa gling) [7; 10; 12], одного из крупнейших в Се- веро-Западном Китае (провинция Цинхай), традиционно являвшегося резиденцией многочисленных перерожденцев, в том чис- ле и Чжанчжа хутукт (тиб. lcam skya ho thog thu). Об основании монастыря Агван Нима пишет: «Четвертый победоносный (далай лама) Ёндон Жамсо и сын победоносно- го Донид Чойжи Жамсо установили учение (дхарму) в Амдо. Драгоценный сын победо- носного основал монастырь Гонлунг чампа линг, дав толчок слушанию и размышлению. Первоначально был создан факультет фило- софии (цанид). Затем Гунчен Жамьянг Шад- па основал факультет тантры» [15, с. 256]. В данном отрывке речь идёт о четвёртом далай-ламе Ёндон Жамсо (тиб. Yon tan rgya mtsho, 1589–1617). Данный далай-лама был монголом по происхождению. О его участии в основании монастыря Гонлунг в 1604 г. фактически нет информации. Основателем

¹ Речь идёт о выдающемся гелукпинском мо- настыре (тиб. bya khyung theg chen yon tan dar rgyas gling), расположенном в настоящее время в провинции Цинхай.

² «В Амдо учитель дхармы Дондуб Ринчен в мо- настыре Ча кюн браг основал обучение дхарме» [15, с. 255].

³ «В местности, где родился Второй Будда вели- кий Цонкапа, в месте нахождения ступы – Гумбуме, организовалась многочисленная сангха из разных де- ревень» [15, с. 255].

⁴ В 1560 г. некий Зонду Жалцан (тиб. brtson 'grus rgyal mtshan) построил там небольшой монастырь под названием Гонпалунг для интенсивной медитации. Первоначально в нём было семь монахов, но вскоре община увеличивается до пятнадцати человек.

⁵ Система традиционного буддийского образова- ния в монастырях Тибета обладает тысячелетней исто- рией. О данной системе см. работы Б. Барадина [1] и Дж. Дрейфуса [14].

монастыря считается буддийский монах из Центрального Тибета Донйо Чойжи гьяцо (тиб. *don yod chos kyi rgya mtsho*, годы жизни неизвестны). Третий персонаж данного эпизода – это выдающийся буддийский учёный Гунчен Жамьян Шадпа Агван Зондуй (тиб. *kun mkhyen 'jam dbyangs bzhad pa ngag dbang brtson 'grus*, 1648–1722) [7].

Большое значение в истории буддизма в Амдо автор приписывает деятельности Занпо Дондуб Жамсо (тиб. *btsan po don grub rgya mtsho*, 1613–1665) – седьмому руководителю монастыря Гумбум и десятому руководителю монастыря Гонлунг: «Занпо Дондуб Жамсо – десятый хамбо монастыря Гонлунг чампа линг, в (местности) Серког основал монастырь Гандан дамчой линг. Бывший преподаватель Гоман факультета Агван Принлай Лудуп – монгол по происхождению, продолжал (в монастыре) развитие двух факультетов философии (цанид): верхнего и нижнего. Вместе с Нагпа и Менпа факультетами (их в монастыре Гандан дамчой линг было в общем количестве) четыре. Перерожденцы линии Миндол номохан амка оказывали поддержку традиции обучения Гоман факультета» [15, с. 256]. В данном эпизоде речь идёт об основании в 1650 г. в современной провинции Цинхай известного гелукпинского монастыря Гандан дамчой линг (тиб. *lga ldan dam chos gling*). В этом монастыре, согласно автору, было четыре факультета: два философских, медицинский и тантрический. О монгольском ученом (тиб. *hor dka 'bcu*) Агван тинлай лхундуп (*ngag dbang 'phrin las lhun grub*, ?–1699) известно, что он за свою образованность получает титул «Миндол номо хан» (тиб. *smin grol po mo han*) и от него происходит линия преемственности перерожденцев «зан номо хан» (тиб. *btsan po mo han*) [16, с. 162].

Следующий отрывок даёт представление о том, как образовалась знаменитая тантрическая традиция в монастыре Ронпо (тиб. *rong bo dgon chen*) в провинции Цинхай: «Галдан Жамсо всю свою жизнь уделял большое внимание практикам [основанных на] биографии Выдающегося Миларепа. [Он] достиг высших реализаций. На месте практики своего учителя [ученики] создали [центр для] уединения [ретрита]. В монастыре Ронпо установилось обучение. Впоследствии построили факультетские здания: Дуйнхор (Калачакра) и Жуд (тантра). Они до сих пор существуют. Ученики Кадан Гьяцо основали восемь медитационных центров. Сейчас большинство из них процветает» [15, с. 256.]. Галдан Жамсо (тиб. *Skal ldan rgya*

mtsho, 1607–1677) – это выдающийся тибетский поэт, философ и йог из Амдо. Хотя он принадлежал традиции гелук, тем не менее, славу ему принесла деятельность по распространению во Внутренней Азии эзотерического учения Миларепа – представителя школы кагью. Галдан Жамсо был первым в важнейшей для Амдо линии преемственности перерожденцев – Ронгво дубчен (тиб. *rong bo grub chen*). Он сам и его преемники были популярны в монгольском буддизме.

Агван Нима не мог оставить без внимания в своей «Истории буддизма» один из самых известных монастырей в Амдо – Лавран Ташичил (тиб. *bla brang bkra shis 'khyil*), основанный в провинции Ганьсу в 1709 г.: «На юге Амдо монастырь Чойде ченпо Ташичил был построен алмазными руками Гунчен Жамьян шепы. Буддийская община [монастыря] насчитывала 3 700 человек на постоянной основе. В этом монастыре было шесть факультетов [дацанов]: один философский, два тантрических, Калачакры, Жедо и медицины. Позже монастырь развивался благодаря [деятельности] «Царя Учения Манжурши» Гончог Жигме вампо – Второго Гунчен: амьян шепы и (представителей) других линий перерожденцев. В этом монастыре было 108 классов (зинда) для обучения» [Там же]. Сведения о монастыре Лавран Ташичил в качестве центрального буддийского образовательного учреждения на территории Северо-Запада Китая, Монголии и Юга Сибири мы можем обнаружить в работах известного отечественного востоковеда Базара Барадина: «Сначала Жамьян шадбе был построен маленький дом «Лавран», что значит дом ламы, и монастырь впоследствии стал называться «Лавран даши-кыл»... Лавран особенно обязан своим возвышением двум лицам: Жамьян шадбе II – Жигмед-вамбо (перерожденец первого), человеку весьма деятельного и практического ума, и его ученику Гунтан Данби Донмэ, который своими высокоталантливymi сочинениями по философии буддизма и преподавательской деятельностью поставил Лавранскую школу Цанида в блестящее положение в ряду прочих школ в других монастырях. В это время и монгольские ламы, затем и буряты (со второй половины XIX в.) во множестве стали посещать Лавран, так что в настоящее время духовное влияние Лаврана на всю Монголию и на бурят во всяком случае не уступает самой Лхасе» [8, с. 133].

Далее Агван Нима обращается к рассмотрению происхождения монастыря

Чоне, расположенного в провинции Ганьсу: «Правители [княжества] Чоне, которые постоянно перерождались в качестве [монаха] Чойже Ринчен лхумпо, основали монастырь Чоне. Позже там [в этом монастыре] распространилась теория и практика обучения [дхарме], также был организован тантрический факультет (дацан). В этом монастыре были [вырезаны] доски для печатания Гаджура и Данжура. Также существовало много отделений монастыря» [15, 257]. Главный монастырь княжества Чоне, широко известный как Великий монастырь Чоне (тиб. *cone dgon chen*), также известный как Гандан шедуп линг (тиб. *dga 'ldan bshad sgrub gling*) или Тидзин даргя линг (тиб. *ting 'dzin dar rgyas gling*), имеет долгую историю. Первоначально монастырь был основан по инициативе знаменитого Пагба ламы (тиб. *'phags pa blo gros rgyal mtshan*, 1235–1280) и его монгольского покровителя Хубилай-хана в 1269 г. как принадлежащий школе сакья. Имя сына местного правителя Чойже Ринчен лхумпо (тиб. *chos rje rin chen lhun po ba*, XV в.) связано с передачей монастыря под покровительство школы гелуг в 1459 г. Он считается основателем монастыря и линии перерожденцев. Помимо сведений об обучении в монастыре автор указывает на факт издания в нём буддийского канонического собрания. Данное издание Ганжура и Данжура было популярным в Монголии и Бурятии¹.

В тексте упоминается настоятель монастыря Цако (тиб. *tsha kho dgon pa*) Агван Дагпа (тиб. *tsha kho mkhan chen ngag dbang grags pa*), о нём говорится: «Агван Дагпа из Цако построил 108 монастырей в Амдо» [Там же]. Гелукпинский монастырь Цако находится в провинции Сычуань (до XIV в. он принадлежал традиции бон). В современной литературе практически отсутствует информация относительно буддийского монаха Агван дагпа. Известно, что он был приверженцем Цзонкапы. Вероятно, Агван дагпа был незаурядной личностью для своего времени, поскольку существуют сведения о наличии довольно обширной биографической работы (намтар), посвящённой его жизни [13, с. 178].

После перечисления названий 130 буддийских монастырей, расположенных в Северо-Западном Китае (Амдо), автор переходит к завершению изложения истории буддизма на данной территории: «Кроме этих монастырей в Амдо существует довольно

много (монастырей) и здесь мы не будем их описывать. Во всех этих монастырях занимались теорией и практикой [дхармы], обучением и слушанием. О других монастырях, не отмеченных здесь, можно узнать в [работах] «Пагсам джонсан» Сумба Хамбо Еше Бальжора и «Амдо чойчжун дебтер»» [15, с. 259].

Рассмотрение генезиса буддийской монастырской системы в Северо-Западном Китае (провинции Цинхай и Ганьсу), изложенной в трактате Кенсур Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма», обнажает специфику исторического исследования знаменитого бурятского автора.

Для современного источниковедческого изучения данного произведения необходимо прежде всего считаться с постклассической спецификой того периода (исторического развития тибетоязычной буддийской схоластики), внутри которого осуществилось написание исследуемой работы. Это был период, когда буддийская историческая мысль пыталась, базируясь на работах предшествующих поколений, осмыслить итоги важнейших этапов распространения буддизма в обширнейшем регионе, не акцентируясь на поиск новых научных фактов. Исходя из этого, становится понятным во многом компилятивный характер данного произведения. Автор в своём сочинении воспроизводит целые параграфы из предшествующих работ. Исходя из сказанного, данный трактат можно охарактеризовать как сугубо схоластическое исследование, а Агван Ниму в качестве выдающегося схоласта и теоретика своего времени. В ходе изучения заинтересовавшего нас фрагмента был выявлен факт того, что упор в работе делался не на расширение исторического знания, а на его специфическую подачу в традициях тибето-буддийской схоластики, что проявилось, прежде всего, в особенностях авторского структурирования текста.

Анализ структуры произведения показал, что авторская мысль направлена, прежде всего, на изложение истории школы гелук, к которой он принадлежал. Исходя из этого, большая часть текста посвящена биографии основателя школы – Чже Цзонкапе. Объём работы, связанный с историей буддизма в Северо-Западном Китае, крайне мал. В данном фрагменте упоминаются основные гелукпинские монастыри и их создатели. Поскольку Агван Нима был представителем буддийского образования, его внимание сосредоточено на формировании

¹ В Центре восточных рукописей и киелогографов ИМБ СО РАН хранится единственный полный экземпляр чонэского Кангьюра в России.

учебных факультетов (дацанов) в монастырях региона. Необходимо заметить, что незначительный объем фрагмента о развитии буддийской монастырской системы в Амдо по сравнению с фрагментами, связанными с историей буддизма в Монголии и Бурятии¹, можно объяснить бурято-монгольским происхождением автора. Однако не следует считать данную работу сугубо субъективной. Авторское рассмотрение генезиса буддийской монастырской системы в северо-западных районах Китая с точки зрения тибето-монгольского взаимодействия вполне объективно с позиции фундаментальной исторической мысли. Хочется подчеркнуть, что поскольку данная идея зачастую нивелируется в науке (как в традиционной тибетской, так и в современной западной), заслуга Агван

Нимы заключается прежде всего в том, что он наглядно доказывает сказанное на примере истории буддизма в регионе Амдо.

Заключение. В результате необходимо подчеркнуть, что фрагмент относительно генезиса буддийских монастырей в Северо-Западном Китае в работе выдающегося бурятского учёного Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма» является фундаментальным историческим свидетельством о важнейших религиозных и культурных процессах, имевших место на обширных территориях во Внутренней Азии в период с XIV в. до XX в. Данный трактат обладает ярко выраженной спецификой изложения, определяемой как личность автора, так и историко-культурными обстоятельствами.

Список литературы

1. Барадин Б. Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.) / подг. к публ., предисл. и ком. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 256 с.
2. Будон Ринчендуб. История буддизма (Индия и Тибет) / пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера; пер. с англ. А. М. Донца. СПб.: Евразия, 1999. 336 с.
3. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Изд. БНЦ, 1995. 197 с.
4. Ванчикова Ц. П. Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 2000. Вып. 4. С. 85–101.
5. Востриков А. М. Тибетская историческая литература. М.: Изд-во Вост. лит. 1962. 425 с.
6. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись. История буддизма в Тибете VI–XV вв. / пер. с тиб. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедилы и Б. Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 768 с.
7. Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже, могущественного учёного и сиддха, называющееся «Брод, ведущий к удивительно благому уделу» / введ., пер., ком. Н. В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с.
8. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. СПб.: Наука, 1998. 344 с.
9. Кенсур Агван Нима. Переправа через реку сансары: автобиография / пер. ламы Б. Очинова. Улан-Удэ: Центр. духовное управление буддистов РФ, 1996. 41 с.
10. Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета: пер. с тиб. Новосибирск: Наука, сиб. отд., 1991. 264 с.
11. Пубаев Р. Е. «Пагсам-Чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
12. Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии: сб. ст. / пер. с англ. А. Л. Барковой; пер. с фр. А. А. Соболевой; пер. с тиб. В. С. Дылыковой-Парфионович. М.: Междунар. центр Рерихов, 2002. 128 с.
13. Burnett D. Rgyal Rong Conservation and Change: Social Change on the Margins of Tibet. Morrisville (US): Lulu Publishing Services, 2014. 232 p.
14. Dreyfus G. The Sound of Two Hands Clapping: the Education of a Tibetan Buddhist Monk. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2003. 460 p.
15. Ngepa dongyi mkhas grub chen pod pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa rje btsun ngag dbang nyi ma'i gsung 'bum bzhugs so. Vol. 1, 2 (ka, ga). Delhi: Drepung Gomang library, Mundgod. 2003. 710 p.
16. Smit G., Schaeffer K. Among Tibetan Texts: History and Literature of the Himalayan Plateau. Boston: Wisdom Publications, 2001. 386 p.
17. Tibetan Literature: Studies in Genre / Ed. by Jose Ignacio Cabezón and Roger R. Jackson. Ithaca; New York: Snow Lion, 1996. 551 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2020; принята к публикации 21.06.2020

Сведения об авторах

Базаров Андрей Александрович, доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный университет; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; ведущий научный сотрудник, Институт мон-

¹ Он в шесть раз меньше фрагмента, связанного с историей буддизма в Монголии и Бурятии.

головедения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: bazarow_andr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6837-7280>.

Хартаев Владимир Владиславович, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: buda2004@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5596-2416>.

Вклад авторов в статью

А. А. Базаров – основной автор, концепция исследования, сбор и обработка материала, написание и редактирование текста.

В. В. Хартаев – сбор и обработка материала, написание текста.

Источники финансирования статьи

Статья подготовлена в рамках двух государственных заданий: проекта XII.187.1.4. № AAAA-A17-117021310267-5 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России» и проекта № AAAA-A19-119111300043-4 «Памятники письменности народов Внутренней Азии: исследование, перевод и презентация».

Библиографическое описание статьи

Базаров А. А., Хартаев В. В. Трактат Кенсур Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма»: генезис буддийской монастырской системы в Северо-Западном Китае // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 172–179. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-172-179.

References

1. Baradin, B. B. Life in the Tangut Monastery Lavran: Diary of a Buddhist Pilgrim (1906–1907 gg.). Ulan-Ude: BNTS SO RAN, 2002. (In Rus.)
2. Budon Rinchendub. History of Buddhism (India and Tibet). SPb: Yevraziya, 1999. (In Rus.)
3. Buryat Chronicles. Compilers Chimitdorzhiev, Sh. B., Vanchikova, Ts. P. Ulan-Ude: Izd. BNTS, 1995. (In Rus.)
4. Vanchikova, Ts. P. Tibetan and Mongolian sources on the activities of the first abbots of the Tsugolsky dastan. Culture of Central Asia: written sources, vol. 4, pp. 85–101, 2000. (In Rus.)
5. Vostrikov, A. M. Tibetan historical literature. M: Izd. Vostochnoy literatury 1962. (In Rus.)
6. Goy-lotsava Shonnupel. Blue Chronicle. History of Buddhism in Tibet, VI–XV centuries. Sankt- Peterburg: Izd. Yevraziya, 2001. (In Rus.)
7. Gonchog-Chzhigmed-Vanbo. A story about the life of the Omniscient Chjamyan-Shadbi-Dorje, a powerful scientist and siddha, called “A Broad Leading to a Surprisingly Good Destiny”. Ulan-Ude: Izd. BNTS SO RAN, 2008. (In Rus.)
8. Yermakova, T. V. Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the 19th and first third of the 20th centuries. SPb: Nauka, 1998. (In Rus.)
9. Kensur Agvan Nima. Crossing the samsara river. Autobiography. Translated by Lama Ochirov, B. Ulan-Ude: Tsentral'noye dukhovnoye upravleniye buddistov RF, 1996. (In Rus.)
10. Pagsam-dzhonsan. History and chronology of Tibet. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdeleniye, 1991. (In Rus.)
11. Pubayev, R.Ye. “Pagsam-Chzhonsan” monument of Tibetan historiography of the 18th century. Novosibirsk: Nauka, 1981. (In Rus.)
12. Rerikh, Yu. N. Buddhism and Cultural Unity of Asia. Collection of articles. M: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov, 2002. (In Rus.)
13. Burnett, D. Rgyalrong conservation and change: social change on the margins of Tibet. Morrisville (US): Lulu Publishing Services, 2014. (In Engl.)
14. Dreyfus, G. The sound of two hands clapping the education of a Tibetan Buddhist monk. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2003. (In Engl.)
15. Ngepa dongyi mkhas grub chen pod pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa rje btsun ngag dbang nyi ma'i gsung 'bum bzhuks so. Vol. 1, 2 (ka, ga). Delhi: Drepung Gomang library, Mundgod. 2003. (In Tibetan)
16. Smit, G., Schaeffer, K. Among Tibetan texts: history and literature of the Himalayan Plateau. Boston: Wisdom Publications, 2001. (In Engl.)
17. Tibetan Literature: Studies in Genre. Ed. by Jose Ignacio Cabezon and Roger R. Jackson. Ithaca, New York: Snow Lion, 1996. (In Engl.)

Received: May 10, 2020; accepted for publication June 21, 2020

Information about author

Bazarov Andrey A., Doctor of Philosophy, Professor, Buryat State University; 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; Leading Researcher Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: bazarow_andr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6837-7280>.

Khartayev Vladimir V., Junior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: buda2004@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5596-2416>.

Contribution of authors to the article

A. A. Bazarov – main author, research concept, collection and processing of material, text writing and editing.

V. V. Khartaev – collection and processing of material, writing text.

Sources of article funding

The research was carried out within two state assignments: projects: XII.187.1.4. No. AAAA-A17-117021310267-5 “The cultural heritage of the Transbaikalia peoples and neighboring regions of East Asia in the system of spiritual values of Russia”; No. AAAA-A19-119111300043-4 “Monuments of scripts of Inner Asia nations: research, interpretation and presentation”.

Reference to the article

Bazarov A. A., Khartayev V. V. Kensur Nawang Nima's Treatise “The Lamp of Collected Quotations from Classical Works of the Buddhist History”: the Genesis of the Buddhist Monastic System in Northwest China // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 172–179. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-172-179.

УДК 947.085

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-180-188

Оксана Николаевна Полянская,*Бурятский государственный университет**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: PolGrab@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>***Монголоведение в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов**

Статья посвящена истории монголоведения СССР в годы Отечественной войны 1941–1945 гг. Основой для публикации стала переписка ведущих монголоведов России начала XX в., успешно продолживших монголоведческие исследования в 1920–1940-е гг., Н. Н. Поппе и В. Л. Котвича. Письма из архива Польской академии наук и знаний содержат сведения о задачах, стоящих перед советским монголоведением, план работы на 1941 г. и сведения о проделанной работе Монгольского кабинета Института востоковедения АН СССР за предыдущий период (30-е гг. XX в.). Важным источником для изучения деятельности востоковедов, а также для знакомства с их личностными качествами являются опубликованные в 2003 г. воспоминания Лидии Леонидовны Викторовой, участницы Великой Отечественной войны (переводчик в 1943–1944), преподавателя кафедры монгольской филологии восточного факультета ЛГУ (с 1956), а в годы войны 1940–1943 и в первые послевоенные 1945–1948 гг. – студентки факультета. Автор публикации, рассказывая об основных вехах деятельности института и судьбах монголоведов, делает вывод, что эвакуированный Институт востоковедения продолжает свою работу в Ташкенте, ориентируясь, в основном, на требования, выдвигаемые войной и эвакуацией. Монголоведение получает новый импульс своего развития в Улан-Удэ, в Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте языка и литературы и истории, Бурят-Монгольском педагогическом институте, а также в Иркутском государственном университете. С началом Великой Отечественной войны, в результате эвакуации и реорганизации центральных вузов страны, согласно условиям военного времени, в национальные республики СССР и Сибири приезжают на работу ведущие специалисты в области востоковедения, истории, языкознания. В статье отражена деятельность в годы войны таких монголоведов, как С. А. Козин, Т. А. Бурдукова, К. М. Черемисов, Г. Н. Румянцев, Н. П. Шастина, Д. Д. Амоглонов, Д. А. Абашеев и др.

Ключевые слова: монголоведение в СССР, Институт востоковедения АН СССР, Ленинградский государственный университет, Бурят-Монгольский педагогический институт, Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт языка и литературы и истории, Великая Отечественная война

Oksana N. Polyanskaya,*Buryat State University**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: PolGrab@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>***Mongolian Studies in the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945**

The article is devoted to the history of Mongolian studies in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. This research is based on the correspondence of the leading Russian specialists in Mongolian studies of the early 20th century N. N. Poppe and V. L. Kotvich, who successfully continued their research work in the 1920s–1940s. The paper makes reference to letters from the Polish Academy of Learning (Krakow) that contain aims of Soviet Mongolian studies, a work plan for 1941 and the scientific results of Mongolian cabinet of the USSR Institute of Oriental studies of the Academy of Sciences in the 1930s. It also focuses on memoirs by Lydia Leonidovna Viktorova published in 2003 as an important source for studying the activities and personal qualities of the Orientalists of the stated period. Lydia Leonidovna was a participant of the Great Patriotic War (an interpreter – 1943–1944), a lecturer of Mongolian Philology Department and the Faculty of Oriental Studies at Leningrad State University (since 1956). She was a student of that faculty during the war (1945–1948) and in the first post-war years (1945–1948). The analysis of the correspondence makes it possible to conclude that the evacuated Institute of Oriental Studies continued its work in Tashkent, focusing mainly on the requirements put forward by the war. Mongolian studies were given renewed momentum in Buryat-Mongolian Research Institute of Language, Literature and History, Buryat-Mongolian Pedagogical Institute in Ulan-Ude, as well as in Irkutsk State University. As a result of evacuation and reorganization of the country's central universities during the Great Patriotic War, leading orientalists, specialists in history and linguistics came to work in the national republics of the USSR and Siberia. The article reflects the wartime activity of such specialists in Mongolian stud-

© Полянская О. Н., 2020

ies as S. A. Kozin, T. A. Burdukova, K. M. Cheremisov, G. N. Rumyantsev, N. P. Shastina, D. D. Amogolonov, D. A. Abasheev and others.

Keywords: Mongolian studies in the USSR, Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, Leningrad State University, Buryat-Mongolian Pedagogical Institute, Buryat-Mongolian Research Institute of Language, Literature and History, the Great Patriotic War

Введение. Начиная с 1920-х гг. в СССР шло становление советской науки, советского востоковедения, одной из приоритетных задач которого было изучение современной истории, языка, культуры стран Востока. В результате реорганизации Лазаревского института сначала был создан Институт живых восточных языков, и как продолжение реформ в 1921 г. образован Московский институт востоковедения (МИВ). В 1930 г. в Ленинграде создан Институт востоковедения АН СССР из прежних востоковедных учреждений Академии наук: Тюркологического кабинета, Института буддийской культуры и Азиатского музея с Коллегией востоковедов в Ленинграде. В 1940-е гг. советская наука прошла ещё период новой реорганизации, законы военного времени (1941–1945) коснулись не только исследовательских институтов, учебных учреждений, университетов, но и коренным образом поменяли судьбы учёных.

Методология и методы исследования. Статья посвящена одному из периодов отечественной школы монголоведения времён Великой отечественной войны. Становление и развитие советской школы монголоведения основывалось на традициях, заложенных в предыдущий период: у истоков советского монголоведения стояли учёные, получившие востоковедное образование и начавшие свою исследовательскую деятельность ещё в дореволюционное время (до 1917). Рассмотрение биографий востоковедов, продолживших свою исследовательскую деятельность после окончания войны, позволило наметить дальнейшие векторы развития научного монголоведения. Всё это стало возможным благодаря принципам историзма, который способствует изучению истории монголоведения в развитии, а основы анализа и сравнения помогли сделать выводы о том, что деятельность монголоведов в 1941–1945 гг. – закономерный результат предшествующего периода. Историко-антропологический подход позволил значительное внимание уделить биографиям монголоведов в целом и, в частности, их научной деятельности в годы Великой Отечественной войны, показать, как события военного времени оказали влияние

на жизнь и судьбу учёных, на дальнейшее развитие монголоведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Годы Второй мировой войны (1939–1945), а также канун войны – период повышенного интереса к странам Азии и Африки со стороны молодого советского государства и западных держав. В то время происходили изменения в мировой колониальной системе, с одной стороны, в связи с образованием независимых государств в афро-азиатском мире, с другой, с сохраняющимся интересом к региону со стороны европейских держав. Поэтому начинает наблюдаться востребованность востоковедов, а востоковедные исследования занимают приоритетные позиции как в научном плане, так и в государственном, и в СССР, и на Западе [13, с. 26–30]. Кроме изучения истории, экономики, политической ситуации в странах зарубежного Востока востоковеды занимаются созданием научных работ по истории и культуре союзных республик. С 1920-х гг. берут начало своей истории большинство Советских Социалистических и Автономных Советских Социалистических Республик. «...План Академии составляется исходя из практических запросов республик. Практическими актуальными работами признаются: грамматики и словари (литературного языка и диалектологические), исследования по истории и фольклору. Выбор, как видите, большой», – писал монговед, заведующий Монгольским кабинетом Николай Николаевич Поппе (1897–1991) из Ленинграда в декабре 1940 г. своему учителю и коллеге Владиславу Людвиговичу Котвичу (1872–1944) в Польшу¹. В связи с этим, в планы монголоведов Ленинграда в 1941 г. входило продолжение начатой работы по изучению письменного наследия монгольских народов, их народного творчества, составление грамматик и словарей по монгольским языкам. К концу 1940 г. была фактически закончена работа по составлению монгольско-русского словаря «письменного языка объёмом 167 печатных листов»². Сло-

¹ Rps. PAN Kł. Архив библиотеки Польской академии наук и знания в г. Краков. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 17.

² Словарь не был издан из-за ряда причин: вопросов транскрипции в частности, что мы и читаем в переписке, а также начало Великой отечественной войны приостановило многие научные проекты. Однако рабо-

варь был сдан в типографию, однако его набор всё время откладывался из-за многих нерешённых вопросов по его изданию, один из которых связан с транскрипцией. Здесь «...дело, действительно, обстояло неблагоприятно. Причиной служит частая смена алфавитов. По новому варианту монголы тоже переходят на русский алфавит. Издавая словарь, мы, между прочим, ставим своей целью внести стабильность в транскрипцию», – особенно подчёркивал в переписке с В. Л. Котвичем Н. Н. Поппе в апреле 1941 г.¹ Над словарем работали все ведущие монголоведы: Н. Н. Поппе, Б. И. Панкратов, К. М. Черемисов, С. Д. Дылыков, Г. Д. Санжеев, С. А. Козин, А. В. Бурдуков². Одним из составителей монгольско-русского словаря был Константин Михайлович Черемисов (1899–1982), в 1938–1940 гг. – сотрудник ИВ АН СССР и автор «Монгольско-русского словаря (по современной прессе)», изданного в 1937 г. совместно с Г. Н. Румянцевым³. Со слов автора-составителя, словарь необходим был «для чтения современной прессы на монгольском языке... справочника-словаря – нет, и предлагаемая работа является попыткой удовлетворить настоящую нужду в этой области, в частности для студентов наших востоковедных вузов...»⁴. В годы войны и

та над его составлением способствовала созданию в дальнейшем других словарей. См.: Rps. PAN Kr. Архив библиотеки Польской академии наук и знания в г. Краков. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 15.

¹ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 30.

² Там же. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 15.

³ Румянцев Георгий Никитич (1903–1966) – монголовед, востоковед. Выпускник историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета 1931 г. Сотрудник Института востоковедения АН СССР 1935–1939 гг., Монгольского кабинета. С 1939 г. работал в Бурят-Монгольском НИИ языка, литературы и истории научным сотрудником, затем заведующим сектором истории, заведующим отделом зарубежного Востока. См.: Милибанд, С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь: в 2 кн. – М.: Вост. лит., 2008. – Кн. 2: Н–Я. – С. 279, 280.

⁴ Подготовка кадров ориенталистики велась по-прежнему на восточном факультете Ленинградского университета. В Москве востоковедов готовили в Центральном институте живых восточных языков, образованном в 1920 г. на базе Лазаревского института. Его первым ректором стал видный военный востоковед, генерал русской армии А. Е. Снесарев. В 1927 г. было принято решение о реорганизации института, и он стал называться Московским институтом востоковедения (МИВ) им. Нариманова. Выпускники МИВ в развитии востоковедения 1930–1940-х гг. играли основополагающую роль. Специалистов по Востоку подготавливали и в Академии Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В годы войны восточный факультет был открыт в Военном институте иностранных языков Наркомата обороны. Все эти факты говорят о преемственности заложенных в востоковедении тради-

К. М. Черемисов (с 1940), и Г. Н. Румянцев (с 1939) работали в Улан-Удэ в Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, на долгие годы связав себя с Бурятией. Приехав в Улан-Удэ, Константин Михайлович Черемисов начинает работу по сбору словарного материала по бурятскому языку, результатом которой стал краткий «Русско-бурятский словарь» (12 000 слов). Издаёт его в 1941 г. В течение 1940-х гг. К. М. Черемисов выезжает в районы республики для сбора материала, публикует статьи по вопросам грамматического строя бурятского языка, переводы с русского языка на бурятский и изучаем языки бурятского языка. За исследования в области языкознания в годы войны К. М. Черемисов был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Исследования проводились совместно с бурятскими коллегами-филологами, не только сотрудниками Бурят-Монгольского НИИ, но и преподавателями Бурятского педагогического института Даниилом Алтаевичем Абашеевым (1890–1966), Даша Доржиевичем Амоголоновым (1912–1982) и др. Д. А. Абашеев в 1944 г. возглавил организованную пединститутом диалектологическую экспедицию в Тункинский район Бурятской АССР с целью изучения бурятских говоров. Д. Д. Амоголонов вернулся с семьёй в Улан-Удэ в 1942 г. из осаждённого Ленин-

ций ещё в XIX – начале XX в., когда подготовка военных востоковедов была одним из основных направлений. Так, Восточный институт во Владивостоке выпускал военных специалистов по Востоку, а его многие сотрудники продолжили свою преподавательскую деятельность и в годы Второй мировой войны. В Москве важным центром востоковедных исследований был Тихоокеанский институт СССР, учреждённый в 1934 г., в ноябре 1942 г. он был передан Академии наук СССР. Директором Тихоокеанского института (1943–1950) был Жуков Евгений Михайлович (1907–1980), японист, выпускник Ленинградского восточного института (ЛВИ) (1927), доктор исторических наук (1941), профессор (1944), академик (1958). Вторую мировую войну встретил научным сотрудником Института истории (1939–1941), начальником отдела и заместителем председателя Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР (1941–1943). Ряд публикаций, подготовленных востоковедами, был посвящён проблемам экономики этого региона, а также вопросам международных отношений на Дальнем Востоке. Одним из сотрудников института военного периода был Алексей Степанович Перевертайло (1897–1990), который в 1935 г. окончил МИВ, общественно-политический факультет, а в годы войны защитил кандидатскую диссертацию по теме «Народное хозяйство современного Китая» (1941). Работал научным сотрудником МИВ в годы войны, где заведовал Дальневосточным кабинетом. См.: Полянская О. Н. Советское востоковедение в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 26–30.

града, когда началась эвакуация научных и учебных учреждений. 1942 г. стал временем централизованной эвакуации научных и учебных заведений из Москвы и Ленинграда. Эвакуировали в различные города страны – Ташкент, Алма-Ату, Казань, Саратов, Елабугу. В Ташкент были направлены сотрудники ЛО Института истории, Этнографического института, Института литературы, Института востоковедения, согласно распоряжению СНК СССР [10]. Д. Д. Амоголонов до войны был аспирантом ИВ АН СССР. В первые годы войны, с осени 1941 г. вплоть до лета 1942 г. Д. Амоголонов являлся участником ополчения [2, с. 248]. Д. Д. Амоголонов – активный участник процесса реформирования в бурятском языкознании, он разработал проект нового алфавита на базе русского языка, утверждённый Верховным Советом БМССР. Учёными-филологами Д. Абашеевым и Д. Амоголоновым были подготовлены и опубликованы методические пособия, справочники и «Орфографический словарь» [3, с. 65–67]. В работе над орфографическим словарём принимал участие преподаватель кафедры бурятского языка и литературы Бурятского педагогического института Д. Д. Дугар-Жабон [13, с. 105]. В 1941 г. вышла работа преподавателя этой же кафедры пединститута, выпускника Ленинградского университета Дмитрия Андриановича Алексеева (1908–1973) «Наречие в бурят-монгольском языке» [12, с. 105]. После окончания войны вернулся в Ленинградский университет, возглавил кафедру монгольской филологии восточного факультета (1945–1973) [11, с. 35]. На кафедре бурятского языка и литературы в Улан-Удэ, кроме Д. А. Алексеева, работал с 1943 г. Трофим Алексеевич Бертагаев (1905–1976), в дальнейшем научный сотрудник Института языкознания АН СССР (с 1953) авторитетный исследователь монгольских языков. В 1946 г. защитил докторскую диссертацию «Лексика монгольских языков: опыт исследования слов и фразеологических сочетаний в их номинативной функции на материалах бурятского, халхаского и других монгольских языков» [Там же, с. 145].

Следует отметить, что с началом Великой Отечественной войны, в результате эвакуации и реорганизации центральных вузов страны, согласно условиям военного времени, происходит усиление потенциала учебных и исследовательских учреждений национальных республик СССР. Прибытие в Бурят-Монгольский педагогический институт профессоров и доцентов позволило создать

новые кафедры: истории (1941), истории СССР (1943), где также разрабатывалась востоковедная тематика, отражающая вопросы истории бурят-монгольского народа. В годы войны преподавали в пединституте и вели исследовательскую работу известные учёные историки и этнографы, монголоеды: Евгений Михайлович Залкинд (1912–1980) работал над монографией «Общественный строй бурят-монголов» [12, с. 139]. Г. Н. Румянцев занимался источниковедческой работой, собирал и систематизировал документы по истории Бурятии, ставшие в будущем основой его фундаментальных работ; изучая бурятские летописи, и занимался их выявлением и описанием [14, с. 8–23].

В письме от 10 января 1941 г. Н. Н. Поппе сообщал В. Л. Котвичу, что «...уже в ближайшее время естественно приступить к составлению общего очерка истории калмыков, начиная с ойратов, древнейших времен и до Октябрьской революции, примерно листов на 12–15, по типу книги Кудрявцева¹, которая удостоена положительной рецензии в газете «Правда» за 27 октября 1940 г.»². «Очерк бурят Кудрявцева³ (издана в 1940) – хорошая книга, по типу которой можно было бы написать историю калмыков. Это стандартный у нас тип истории народов СССР»⁴. «Дело в том, что материалы и документы представляют большую ценность для учёных-специалистов, но самим калмыкам они будут мало доступны, между тем, им чрезвычайно необходима⁵ книга общего характера...»⁶.

Кудрявцев Фёдор Александрович с 1940 г. работал в Иркутском государственном университете. В том же году была опубликована его фундаментальная работа «История бурят-монгольского народа: очерки» в издательстве АН СССР, которую автор защитил в 1942 г. в Иркутском университете в качестве кандидатской диссертации. Выходу этого труда предшествовали годы исследовательской работы по вопросам истории Бурятии. Во второй половине 1920-х гг. Ф. А. Кудрявцев жил и работал учителем, затем научным сотрудником Архивного управления Бурят-Монгольской АССР в

¹ Кудрявцев Фёдор Александрович (1899–1976) – доктор исторических наук, профессор, с 1940 г. – преподаватель Иркутского госуниверситета.

² Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 22.

³ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа: очерки. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – Кн. 1: от XVII в. до 60-х гг. XX в. – 242 с.

⁴ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 19.

⁵ Калмыцкая АССР была образована в 1935 г., поэтому обозначенные Н. Поппе задачи были весьма актуальны.

⁶ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 22.

г. Верхнеудинске (ныне – г. Улан-Удэ) [5, с. 6–10].

В 1942 г. в Иркутск из Ленинграда¹ приехала Нина Павловна Шастина (1898–1980), где она работала сотрудником библиотек Академии наук и Института этнографии СССР с 1937 по 1942 г. и одновременно изучала историю и культуру Монголии, страны в которой она жила и работала в течение 13 лет, с 1924 г. В 1943–1945 гг. преподавала в Иркутском госуниверситете и исследовала проблему «Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии», ставшую темой её кандидатской диссертацией [9, с. 15–25].

Таким образом, в годы войны 1941–1945 гг. монголоведное направление развивалась в большей степени в национальных исследовательских институтах и вузах Бурят-Монгольской и Калмыцкой АССР, а также Иркутском государственном университете, где вопросами монголоведения занимались с момента открытия университета (1918) ввиду его близости к Монголии.

Н. Н. Поппе делился планами (письмо от 2 декабря 1940 г.) с В. Л. Котвичем на 1941 г.: «В 1941 г. наш кабинет будет работать над следующими темами: 1) А. С. Козин – II том «Сокровенного сказания»²; 2) языковые особенности «Сказания» пишу я; 3) перевод и исследования бурятского «Гэсэра» (я); 4) С. Д. Дылыков пишет работу о «Халха Джируме»; 5) А. В. Бурдуков и его дочь составляют калмыцко-русский словарь; 6) дочь А. В. Бурдукова пишет работу «Хаван Ширабе»³; 7) Г. Д. Санжеев в Москве пишет сравнительную грамматику монголь-

ских языков»⁴. Солидная программа, и только на один год. В своих письмах учёный также выражал надежду, что удастся всё это реализовать, желал и В. Л. Котвичу, и себе с коллегами спокойного года, чтобы плодотворно работать⁵. Однако война внесла свои существенные коррективы. Все названные в письме монголоведы с началом Великой Отечественной войны окажутся в разных регионах, по-разному сложится их дальнейшая научная деятельность.

Поппе Николай (Николлас) Николаевич (1897–1991) лингвист, этнограф, монголовед, до войны одновременно с работой в Институте востоковедения преподавал на восточном факультете ЛГУ. Студентка факультета по кафедре монгольской филологии в 1940–1943 и 1945–1948 гг., в дальнейшем (с 1956) – преподаватель кафедры монгольской филологии восточного факультета ЛГУ, учёный Лидия Леонидовна Викторова, участница Великой Отечественной войны (переводчик 1943–1944) так пишет в своих воспоминаниях о Н. Н. Поппе: «Заведующий кафедрой член-корреспондент АН СССР Н. Н. Поппе еще в начале лета [1941] уехал со своей аспиранткой по Институту востоковедения Митрясовой в Калмыкию, откуда они не вернулись к началу занятий. Как мы позднее узнали, они попали в плен к немцам. Немецкое происхождение помогло Н. Н. Поппе получить должность в немецких войсках. Его назначили специалистом по вывозу в Германию музейных ценностей. Позднее он жил в Германии, преподавал, а потом перебрался в США, где снова занялся монголоведением. Митрясова же после долгих мытарств, измученная в оккупации страданиями, в том числе и предательством своего учителя, вернулась после войны в Ленинград психически больной и уже неспособной к занятиям наукой. Это ещё одна из многочисленных судеб, искалеченных войной» [4, с. 157–167]. Поппе Н. Н., таким образом, кардинально поменял свою жизнь в годы войны [1].

Сергей Андреевич Козин (1879–1956) – известный монголовед, преподаватель Ленинградского госуниверситета и научный сотрудник ИВ АН СССР уехал в эвакуацию вместе с университетом в Саратов, где и находился с лета 1942 – до лета 1944 г. До эвакуации Сергей Андреевич один из немногих преподавателей ЛГУ в течение 1941 г. проводил лекционные и практические занятия со студентами старших курсов, имеющих

¹ В 1942 г. во время эвакуации Института востоковедения из Ленинграда в Ташкент Н. П. Шастина получила разрешения от заместителя директора Института (1941–1942) Пигулевской Нины Викторовны (1894–1970) поехать в Иркутск, к родственникам. См.: Марахонова С. И. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.): по архивным материалам // Письменные памятники Востока. – 2010. – № 2. – С. 247–262.

² Первый том «Сокровенного сказания» был готов уже в декабре 1940 г. В письме от 2 декабря Н. Поппе В. Котвичу, сообщая о завершённых работах Монгольского кабинета, писал: «Готово «Сокровенное сказание» С. А. Козина. Первый том уже выходит на днях в свет». См.: Архив библиотеки Польской Академии наук в Кракове. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 15. Однако работа вышла в начале 1941 г. См.: Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

³ Хроника Шираб Нимбо Хобитуева // Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г. – Ташкент: Ин-т востоковед., 1944. – С. 38–41.

⁴ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 16.

⁵ Там же. – Л. 15–30.

бронь от призыва в армию. По воспоминаниям студентки Л. Л. Викторовой «1 сентября [1941 г.] занятия в университете почти не возобновились на нашей кафедре [монгольской филологии]. Из всего преподавательского состава остался один профессор С. А. Козин». «...Невысокого роста, полный, круглолицый, с коротко подстриженными волосами, тогда еще темными, и аккуратной щеточкой усов, он создавал в аудитории атмосферу спокойной доброты, в которой уче- нье шло в охотку, и самые сложные разделы курса с интересом и легко усваивались» [4, с. 157–167]. В эвакуации университет продолжал жить, преподаватели проводили занятия, студенты учились. Наряду с другими студенты восточного факультета с большой благодарностью вспоминают профессора С. А. Козина, трепетно относившегося к ученикам. Из-за холода студенты часто болели, помещение хореографического училища (многие жили в репетиционном зале) Саратова и общежитие, где проходили занятия, не отапливались. Преподаватели часто навещали больных «...и даже, по необходимости, принимали у них экзамены. Тут мне хочется помянуть добром нашего ректора университета Александра Алексеевича Вознесенского. Без преувеличения можно сказать: университет выжил благодаря ему. Он умел заботиться о вверенных ему людях – преподавателях, студентах, служащих. Помню, я тяжело заболела, для лечения нужен был сахар, а его не было. А. А. Вознесенский отдал мне свой месячный паек сахара, полученного по карточкам», – вспоминала Л. Л. Викторова [Там же].

В 1944 г. был воссоздан восточный факультет (осенью 1944 г. начался новый учебный год университета в Ленинграде), где и продолжил свою работу Сергей Андреевич Козин. Несмотря на трудности и лишения военного времени, годы войны стали результативными в его научной деятельности, в 1941 г. ему была присвоена ученая степень доктора филологических наук, по итогам опубликованных работ, 1943 г. – учёное звание профессора и в том же году он избирается действительным членом АН СССР [11, с. 653]. В годы войны им были опубликованы основополагающие работы в монголоведении: научный перевод героической поэмы калмыков «Джангар» и текста монгольского классического историко-литературного памятника «Хроники 1240 года», он первым осуществил его публикацию с научными комментариями [6; 7]. В годы Великой отечественной войны вышли в свет работы

Гармы Данцарановича Санжеева (1902–1982) (родился в с. Тайшин Балаганского уезда Иркутской губернии), в 1928 г. окончил Ленинградский восточный институт (ЛВИ, прежнее название – Ленинградский институт живых восточных языков). Профессор с 1935 г., преподаватель МИВ с 1931 по 1954 г., где работал заведующим дальневосточного факультета), в 1940 г. написаны «Грамматика калмыцкого языка», статья «Грамматические приемы в монгольских языках» и монография «Синтаксис бурят-монгольского языка», в 1941 г. – «Грамматика бурят-монгольского языка» [11, с. 304].

Бурдуков Алексей Васильевич (1883–1943) и его дочь Таисия Алексеевна Бурдукова (1912–1987) – сотрудники Монгольского кабинета ИВ АН СССР в 1930-е гг. и одновременно преподаватели ЛГУ. «Алексей Васильевич Бурдуков – высокий, чуть сутуловатый, с остатками отросших седых волос на голове и длинными пышными усами – вёл практические занятия по разговорному монгольскому языку по составленному им разговорнику, а также много времени уделял нашему студенческому научному обществу...». Его дочь Таисия Алексеевна, «...молодая, тоненькая, изящная женщина с темными глазами и чуть монгольского типа прелестным лицом преподавала нам язык современной прессы (хотя ещё и на старой графике, новый алфавит на основе кириллицы ввели позже)» [4, с. 157–167].

Таисия Алексеевна пережила годы войны в эвакуации в Ташкенте вместе с ИВ (в китайско-монгольском кабинете работали Л. С. Пучковский, Г. Ф. Смыкалов, Т. А. Бурдукова, аспирант М. К. Максимов (с 1 октября 1944 г. – сотрудник) А. Е. Глускина (до отъезда Московской группы осенью 1943 г.) [10], там и закончила работу над хроникой Ширав Нимбо Хобитуева, материалы которой опубликовала там же, в Ташкенте¹, подготовила кандидатскую диссертацию², которую защитила в 1945 г. [11, с. 202].

Судьба же Бурдукова Алексея Васильевича в годы войны оборвалась, он был арестован в июле 1941 г., приговорён к высшей мере наказания, но казнь была заменена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, СибЛлага, где и умер от болезней в марте

¹ Хроника Ширав Нимбо Хобитуева // Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г. – Ташкент: Ин-т востоковед., 1944. – С. 38–41.

² Бурдукова Т. А. Историческая хроника Ширав Нимбо Хобитуева: история бурят XVII–XIX вв. – Ташкент: Ин-т востоковед., 1945. – 222 с.

1943 г.¹ В годы войны, в результате репрессий 1930-х гг. погиб (умер в лагере) монголовед, фольклорист, этнограф Цыбен Жамцарано (1880–1942).

Письмо Н. Н. Поппе от 2 декабря 1940 г., на наш взгляд имеет историческую ценность, т. к. оно показывает определённую высоту советского монголоведения, которое уже достигло успеха, основанного на сотрудничестве более старшего поколения востоковедов, которые получали образование у классиков российского монголоведения, и молодого поколения исследователей языка, истории монгольских народов, перенимающего опыт. Однако годы войны разорвали отчасти эту преемственность. Судьбы востоковедов фактически развивались по двум сценариям: 1) либо под эгидой советского государства для сохранения научного потенциала страны учёных эвакуировали из Ленинграда и Москвы в разные уголки Советского Союза, что их спасало, хотя наложило определённый отпечаток на организацию деятельности учреждений, филиалы которых были «разбросаны» по стране; 2) либо годы войны стали последними в жизни востоковедов и не только потому, что они воевали на фронтах войны, а потому, что погибали в лагерях, в результате репрессивной политики 1930-х гг.

Многие из сотрудников Института востоковедения ушли на фронт, часть осталась в Ленинграде. В боях и блокаде погибли 37 сотрудников института. Востоковеды являются участниками Великой Отечественной войны, в том числе монголоведы – уроженцы Бурятской АССР. Сандже Данцикович Дылыков (1912–1999) (родился в с. Харашибирь Хоринского аймака Бурятской АССР) – монголовед, в начале войны был в рядах Советской Армии, служил до 1950 г., участник ВОВ [11, с. 452]. Дашинима Галданович Дамдинов (родился в с. Токчин Читинской области) – участник ВОВ, награждён медалями СССР и РФ [Там же, с. 401]. Аристарх Тихонович Якимов (1895–1976) родился в Селенгинске Забайкальской области. В 1940 г. окончил МИВ. Служил в Советской Армии с 1940 г. Участник ВОВ [Там же, с. 716]. Первые работы по монголоведению написал в канун и во время войны [15–17], кроме того, он является одним из составителей специального русско-мон-

гольского военно-политического словаря и справочных изданий по географии и административно-территориальному делению Внутренней Монголии и Манчжоу Го². Михаил Петрович Хомонов (родился в 1913 г. в Балаганском уезде Иркутской области) в 1941 г. окончил монгольское отделение восточного факультета ЛГУ, ушёл добровольцем на фронт, участник ВОВ [11, с. 582]. Воевал на Ленинградском фронте, командуя взводом артиллерийского полка; в 1945 г. участвовал в разгроме Квантунской армии³. Георгий Иванович Мордвинов (1896–1966) (родился в деревне Бурнашово Верхнеудинского уезда Забайкальской области) в 1935 г. окончил МИВ, в 1938 г. – восточное отделение Института красной профессуры (ИКП). Руководил восточным сектором исполкома Коминтерна (1938–1940), участник ВОВ [11, с. 953]. Николай Цырендоржиевич Мункуев (1922–1985) – монголовед, участник ВОВ (1942–1945), служил в Советской Армии с 1942 по 1953 г. [Там же, с. 954].

Заключение. С началом Великой Отечественной войны, как и все граждане Советского Союза, востоковеды, учёные, исследователи стали жить и работать в условиях военного времени. Ситуация осложнялась блокированием Ленинграда войсками Германии, где в основном находились востоковедные и другие научно-исследовательские институты, что определило обязательную эвакуацию и сотрудников, и институтов. Институт востоковедения из Ленинграда был переведён в Ташкент, но не все сотрудники были отправлены в Ташкент, часть из них уехала с университетами, где они преподавали, некоторым было разрешено эвакуироваться в частном порядке.

Институт востоковедения осенью 1942 г. начал свою работу в Ташкенте, где востоковеды, в основном, занимались изучением вопросами истории Узбекской ССР, независимо от своего профиля. Сотрудничали в изучении истории Ташкента, в целом Республики, с другими институтами, эвакуированными в Среднюю Азию из Ленинграда, прежде всего с Ленинградским отделением института истории АН СССР. Таким образом, учёные, находившиеся в эвакуации,

¹ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – СПб.: Петер. востоковед., 2003. – С. 82.

² Географические названия и административно-политические термины: по материалам монгольской прессы Внутренней Монголии и Манчжоу Го. – Улан-Удэ: Седьмой отдел Политуправления 17-й армии, 1942. – Вып. 1. Для служебного пользования. – Экз. № 22. – 23 с.

³ Межархивный справочник по фондам личного происхождения (на 1 января 2015 г.). – Улан-Удэ: [б. и.], 2015. – С. 121, 122.

продолжали работу над исследованиями, но лишь по некоторым ранее запланированным темам, в основном же отвечали на требования времени, выдвинутые войной и эвакуацией. Важную роль в исследованиях истории и культуры монгольских народов стал играть

центр в Улан-Удэ, представленный Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом и Бурят-Монгольским педагогическим институтом, потенциал которых был значительно усилен учёными, приехавшими в БМАССР накануне и в годы войны.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Николай – Николас Поппе. М.: Вост. лит., 1996. 144 с.
2. Будаев Ю. И. Наставление учителя учителей (Д. Д. Амоголонов, 1912–1982) // Российское монголоведение: хрестоматия / сост. Е. К. Шаракшинова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 247–253.
3. Будаев Ю. И. Даша Амоголонов // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ: Нац. библиот. Бурятии, 2005. Вып. 6. С. 65–67.
4. Викторова Л. Л. Мне довелось служить военным переводчиком // Из истории Кунсткамеры 1941–1945. Слово тем, кто сохранял музей. Слово тем, кто воевал. Слово детям блокады / отв. ред. А. С. Мыльников; сост. В. Н. Володина. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2003. С. 157–167.
5. Дамешек Л. М., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Признанный авторитет в сибирской историографии (к 110-летию со дня рождения профессора Ф. А. Кудрявцева) // «Патриарх» исторической науки Сибири: к 110-летию со дня рождения Фёдора Александровича Кудрявцева (1899–1976). Иркутск: Оттиск, 2009. С. 6–10.
6. Козин С. А. Джангариада (введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 252 с.
7. Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием «Юань чао би ши» // Монгольский обыденный сборник (введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарий). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. 619 с.
8. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа: от XVII века до 60-х годов XIX века: очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.
9. Кузьмин Ю. В. Н. П. Шастина – историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии // Вестник международного центра азиатских исследований. 2008. № 5. С. 15–25.
10. Марахонова С. И. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.): по архивным материалам // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 247–262.
11. Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь: в 2 кн. М.: Вост. лит., 2008. Кн. 1: А–М. 968 с.; кн. 2: Н–Я. 1005 с.
12. Осинский И. И. Alma Mater. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 1999. 642 с.
13. Полянская О. Н. Советское востоковедение в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 26–30.
14. Чимитдоржиев Ш. Б., Лыскова В. Ц. Георгий Никитич Румянцев – учёный-востоковед: очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 68 с.
15. Якимов А. Т. Буддизм и его роль в истории монголов. Чита: Чит. кн. изд-во, 1945. 123 с.
16. Якимов А. Т. Из монгольского народного эпоса // Труды Московского института востоковедения. 1939. Сб. 1. С. 235–242.
17. Якимов А. Т. К вопросу об общественном строе дореволюционной Монголии и роли ламаизма // Труды Московского института востоковедения. 1940. Сб. 2. С. 139–151.

Статья поступила в редакцию 16.08.2020; принята к публикации 20.09.2020

Сведения об авторе

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

Библиографическое описание статьи

Полянская О. Н. Монголоведение в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 180–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-180-188.

References

1. Alpatov, V. M. Nikolai – Nicholas Poppe. M: Vostochnaya literatura RAN, 1996. (In Rus.)
2. Budaev, U. I. Teacher guidance for teachers (D. D. Amogolonov. 1912–1982). Russian Mongolian Studies: Irkutsk: Izdat-vo IGU, 2012: 247–253. (In Rus.)
3. Budaev, U. I. Dasha Amogolonov. Outstanding Buryat personalities, vol. 6, pp. 65–67, 2005. (In Rus.)
4. Viktorova, L. L. I happened to serve as a military translator. From the history of the Kunstkamera 1941–1945. The floor is given to those who kept the museum. Word to those who fought. A word to the children of the blockade. SPb: Izdatelstvo MAE RAN, 2003: 157–167. (In Rus.)
5. Dameshek, L. M., Kuznetsov, S. I., Petrushin, Yu. A. Recognized authority in Siberian historiography (to the 110th anniversary of the birth of professor F. A. Kudryavtsev). "Patriarch" of the historical science of Siberia: to the 110th anniversary of the birth of Fedor Aleksandrovich Kudryavtsev. Irkutsk: Ottisk, 2008: 6–10. (In Rus.)
6. Kozin, S. A. Dzhangariada (introduction to the study of the monument and translation of its Torgut version). M.-L: Izdatelstvo AN SSSR, 1940. (In Rus.)
7. Kozin, S. A. Secret legend: Mongolian chronicle of 1240 called "Yuan chao bi shi". Mongolian everyday collection (introduction to the study of the monument, translation, texts, glossary). Vol. 1. M.-L: Izdatelstvo AN SSSR, 1941. (In Rus.)
8. Kudryavtsev, F. A. History of the Buryat-Mongolian people: from the 17th century to the 1860s. Essays. M.-L: Izdatelstvo AN SSSR, 1940. (In Rus.)
9. Kuz'min, U. V. N. P. Shastina – historian, source researcher, historiographer of modern and recent history of Mongolia. Bulletin of the International Center for Asian Studies, no. 5, pp. 15–25, 2008. (In Rus.)
10. Marakhonova, S. I. Activities of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences in evacuation (Tashkent, 1942–1945). Based on archival materials. Written monuments of the East, no. 2, pp. 247–262, 2010. (In Rus.)
11. Miliband, S. D. Orientalists of Russia: XX – early XXI century: biobibliographic dictionary: in 2 volumes. M: Vost. lit., 2008. Kn. I: A-M. 968 p. V. II: N-Ya. 1005 p. (In Rus.)
12. Osinskiy, I. I. Alma mater. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo gosuniversiteta, 1999. (In Rus.)
13. Polyanskaya, O. N. Soviet oriental studies during the Great Patriotic War. Bulletin of the Buryat State University, no. 7, pp. 26–30, 2010. (In Rus.)
14. Chimitdorziev, Sh. B., Luksokova, V. C. Georgy Nikitich Rummyantsev is a scientist – orientalist. Essays. Ulan-Ude: Izdat-vo BNC SO RAN, 2003. (In Rus.)
15. Yakimov, A. T. Buddhism and its role in the history of the Mongols. Chita: Chitinskoe kn. Izdat-vo, 1945. (In Rus.)
16. Yakimov, A. T. From the Mongolian folk epic. Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies, vol. 1, pp. 235–242, 1939. (In Rus.)
17. Yakimov, A. T. On the question of the social structure of pre-revolutionary Mongolia and the role of Lamaism. Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies, vol. 2, pp. 139–151, 1940. (In Rus.)

Received: August 16, 2020; accepted for publication September 20, 2020

Information about author

Polyanskaya Oksana N., Buryat State University; 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; e-mail: PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Sources of article funding

This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-59-44008 "World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities").

Reference to the article

Polyanskaya O. N. Mongolian Studies in the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945 // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 180–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-180-188.

УДК 1(031)+221

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-189-197

Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов,*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: chts17@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>*

Четыре высших клана эпохи Восточная Цзинь (317–420 гг. н. э.)

В статье показана история расцвета и заката четырёх высших кланов южнокитайской династии (Ван, Се, Юй и Хуань), которые поочередно (с разной степенью успеха) выступали в качестве второго по силе и влиянию клана во всей империи Восточной Цзинь, когда центральная власть перестала быть самодовлеющей силой и остро нуждалась в поддержке знатных кланов (сильных домов). Цель исследования – выявление главных факторов политического долголетия высших кланов рассматриваемого периода. Методология данного исследования включает метод просопографического и историко-генетического анализа четырёх высших кланов эпохи Восточной Цзинь, между которыми шла непрерывная и беспощадная политическая борьба за высшие гражданские и военные посты в империи. Перспектива проблематики кланов и межклановых связей в цзиньской истории заключается в возможности детальной реконструкции конкретно-исторического контекста важнейших событий в истории Китая IV–V вв. н. э. и позволит внести вклад в развитие элитологии раннесредневекового Китая. В результате анализа истории развития четырёх кланов сделан вывод о том, что наибольшего успеха в период Восточной Цзинь добился клан Ван, который смог выйти с локального уровня политики на уровень империи. Сам фактор клановых структур китайского общества оказал значительное двойное воздействие на историко-политический процесс периода империи Цзинь, а также эпохи Южных и Северных династий в целом. С одной стороны, непрерывные распри региональных ветвей клана Сыма (мятеж восьми ванов) подорвали основу могущества всекитайской империи Западной Цзинь изнутри, а с другой стороны, те же самые клановые структуры в комплексе с довольно прочными земляческими связями дали правящему дому Сыма возможность сохранить высшую власть и минимизировали потери китайского этноса в смутную и турбулентную эпоху. Сама система высших кланов эпохи Цзинь, фактически, сложилась в результате отказа от ханьского института экзаменов на чиновничьи должности.

Ключевые слова: Западная Цзинь, Восточная Цзинь, Южный Китай, высшие кланы, институт экзаменов, девятиранговый табель, просопографический анализ

Chingis Ts. Tsyrenov,*Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: chts17@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>*

The Four Highest Clans of the Eastern Jin Era

The article shows the history of the heyday and decline of the four highest clans of the Southern Chinese Eastern Jin dynasty (Wang, Xie, Yu and Huan clans), which alternately with varying degrees of success acted as the second most powerful clan in the entire Eastern Jin Empire when the central power ceased to be a self-sufficient force and badly needed the support of noble clans (strong houses). The purpose of the study is to identify the main factors of the political longevity of the highest clans of the period under review. The methodology of this study includes the method of prosopographic and historical-genetic analysis of the four highest clans of the Eastern Jin era, between which there was a continuous and merciless political struggle for the highest civil and military posts in the Eastern Jin Empire. The perspective of clan issues and inter-clan relations in Jin history lies in the possibility of a detailed reconstruction of the specific historical context of the most important events in the history of China in the 4th–5th centuries AD and will contribute to the development of elitology of early medieval China. As a result of the analysis of the history of the development of the four clans, it was concluded that the Wang clan achieved the greatest success during the Eastern Jin period, which was able to move from the local level of politics to the level of the Eastern Jin Empire. The very factor of the clan structures of Chinese society had a significant double impact on the historical and political process of the period of the Jin Empire, as well as the era of the Southern and Northern dynasties in general. The duality lies in the fact that, on the one hand, the continuous strife between the regional branches of the Sima clan (the revolt of the eight princes) undermined the basis of the power of the all-Chinese empire of Western Jin from the inside, and on the other hand, the same clan structures in combination with rather strong compatriot ties (the alliance of the regional branch of the ruling Clan Sima and the local noble clan Wang) allowed the ruling house of Sima to retain supreme power and minimized the loss of the Chinese ethnos in a troubled and turbulent era. The system of the highest clans of the Jin era, in

© Цыренов Ч. Ц., 2020

fact, developed as a result of the abandonment of the Han institute of examinations for officials, which prevented the highest clans from distributing among themselves the most important posts in the empire.

Keywords: Western Jin, Eastern Jin, South China, higher clans, examination institute, nine-rank report card, prosopographic analysis

Введение. Создание династии Западной Цзинь произошло благодаря тому, что служилый клан Сыма в лице генерала Сыма Яня сверг последнего правителя северокитайского царства Цао-Вэй по имени Цао Хуань. Следует отметить, что царство Цао-Вэй (220–265 гг. н. э.), созданное после гибели империи Восточной Хань, было основано чиновником и удачливым генералом из незнатного рода, в котором не было сановников-конфуцианцев. Тогда как в активе клана Сыма, служившего правившему тогда клану Цао в царстве Цао-Вэй, были сановники-конфуцианцы эпохи Восточной Хань.

В условиях коллапса и распада недолговечной всекитайской империи Западной Цзинь (265–317 гг. н. э.) институт высших кланов стал страховочным каркасом китайской государственности. В 317 г. под ударами степной конницы северных кочевых народов остатки правящего дома Сыма, западно-цзиньской элиты, даосских и буддийских монахов, а также огромные массы простого народа хлынули за реку Янцзы и укрылись в Южном Китае. Это была «первая волна» северных переселенцев на Юг, при этом северная знать, не имея военного превосходства, смогла подчинить себе южные элиты и основала в г. Цзянькан южнокитайскую династию Восточная Цзинь (317–420 гг. н. э.). Факторы адаптации и возвышения северных беженцев-аристократов с остатками императорской армии в Южном Китае заслуживает, по нашему мнению, более подробного рассмотрения. Одним из важных факторов успеха северян было то, что они кооптировали часть южных кланов в новый госаппарат посредством сложной системы девяти чиновных рангов (цзю пинь чжи).

Изучение структуры общества любого общества предполагает анализ значимости, структуры и динамики формирования сообщества людей. Ещё философы Античности занимались вопросом, каким закономерностям подвластно слияние индивидуумов в общность. На наш взгляд, понятие «клан» является уникальной научной категорией, которая прошла сквозь века и не утратила свой глубинный смысл. Феномен «клана» является целостным социокультурным наследием общества. В этой связи анализ представлений о сущности категории «клан» представляется невозможным в отрыве от

социально-философского и культурно-исторического знания. Категория «клан» приобретает фундаментальное значение для анализа содержания социальной сферы жизни общества как в плане исторического освещения данной научной категории, так и актуального состояния социальной общности людей. Именно в социальной сфере происходит распределение и потребление материальных и духовных благ, производимых в обществе.

Среди отечественных историков-китаеведов, работавших по проблемам феномена клана и по периоду Восточной Цзинь, необходимо упомянуть Л. С. Васильева, М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Софронова, В. С. Таскина и М. Е. Кравцову [1, с. 175–183; 3, с. 111–124; 4, с. 85–89; 5, с. 19–24; 6, с. 47–55; 7, с. 20–42; 8, с. 275–277], а также монографию О. Е. Непомнина и Н. А. Иванова [9, с. 214–222]. В западной научной литературе историю и культуру данного периода изучали Чарльз Холкомб, Эрик Цюрхер [10, с. 96–118; 12, с. 110–154] и др. В китайской научной литературе периодом Восточной Цзинь занимались Тянь Юйцин, Ван Чжунло и Фэн Эркан [13, с. 88–152; 14, с. 296–353; 15, с. 113–116]. Несмотря на сравнительно большое количество работ по данной тематике в отечественной и зарубежной научной литературе, существует настоятельная необходимость систематизации во многом разрозненных сведений о высших кланах смутного периода Восточной Цзинь.

В китайской культуре есть несколько терминов, так или иначе отражающих феномен клана на протяжении всей его истории. Речь идёт о термине цзу (族), который переводится как «клан», и термин ши (氏), который является почётной фамильной приставкой для аристократов, владевших уделом-кланом, начиная с эпохи Чуньцю и Чжаньго, т. е. в доимперский период истории Древнего Китая. Более подробно история зарождения и развития этих терминов рассмотрена в работе Л. С. Васильева [1, с. 180–183].

В период Шести династий (222–589 гг. н. э.) на первый план в статусе слоя служилых людей выходит не наличие земельного удела (хотя и он имел немало важное значение), как это было в период

Чуныцю (722–479 гг. до н. э.), но именитость, т. е. момент социального престижа, трансформирующийся со временем в наследственную привилегию.

Методология и методы исследования. В ходе изучения истории четырёх высших кланов эпохи Восточной Цзинь мы опирались на просопографический метод. В терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» под редакцией А. О. Чубарьяна в статье под названием «Просопография» даётся следующая характеристика данного термина: «Просопографический метод – это выявление определенного круга лиц, постановка ряда однотипных вопросов (например, о датах рождения и смерти, о браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т. д.)»¹.

Кроме того, в ходе исследования применялся историко-генетический метод, который И. Д. Ковальченко определил как «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе её исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта» [2, с. 170].

Главным источником сведений по кланам Восточной Цзинь является официальная династийная хроника «История династии Цзинь» («Цзинь шу»). Окончательная версия хроники в объёме 130 глав была составлена в 648 г. н. э. придворным историком всекитайской династии Тан по имени Фан Сюаньлин (578–648 гг. н. э.).

Результаты исследования и их обсуждение. Система высших кланов возникла в период всекитайской династии Восточной Хань (25–220 гг. н. э.), сформировалась в период династий Цао-Вэй (220–265 гг. н. э.) и развилась в эпоху династии Западной Цзинь (265–317 гг. н. э.). После династии Восточной Цзинь эта система высшей власти достигла своего апогея, а в конце периода Южных династий система власти кланов постепенно утратила своё значение. Зарождение этой системы связано с тем, что сильные региональные кланы эпохи Восточной Хань стремились быстрее овладеть важнейшими имперскими постами в обход системы конкурсных экзаменов, которая всё же затрудняла наследственную передачу высокой долж-

ности своим детям. В новой постимперской системе девяти чиновных рангов карьерный рост чиновников зависел от протекции и рекомендаций высших кланов в столице и в регионах, что и привело к быстрому формированию института высших кланов.

Следует отметить, что после того, как имперская система государственных экзаменов была воссоздана при всекитайской династии Суй, система высших кланов пришла в упадок.

Необходимо сказать о том, что знатные патриархальные кланы сыграли важную роль в сохранении высокого духа древнекитайской культуры в период распада Цзиньской империи. Клан спасли драгоценные свитки и предметы культуры китайской древности. В то время главным носителем информации была не бумага, хотя она было изобретена ещё в середине династии Поздняя Хань евнухом Цай Лунем (50–121 гг. н. э.), а шёлк, который стоил очень дорого. Бумага получила большое распространение уже начале V в. н. э., т. е. в конце династии Восточной Цзинь.

Приводим карту расположения владений знатных кланов Центральной равнины по областям Китая эпохи Западной Цзинь.

Как показано на карте, наследственные владения всех четырёх знатных кланов, сыгравших большую роль в истории Восточной Цзинь, располагались в Центральном и Восточном регионах Китая. Можно предположить, что такая близость к Южному Китаю позволила им опередить северные знатные кланы, относительно безболезненно переселиться на южный берег Янцзы и создать основу для будущей династии Восточная Цзинь. Все остальные кланы либо остались на Севере и лишились своих привилегий, либо перебрались на Юг позже центральных кланов и утратили свой политический вес.

Итак, рассмотрим поочерёдно четыре высших клана данной династии.

Клан Ван из области Ланъя, расположенной в районе современной приморской провинции Шаньдун (к северо-западу от знаменитой Ланьцзунской стелы, в г. Цзяонань). Основателем рода Ван был второй сын чжоуского Хуань-вана (?–697 гг. до н. э.), по имени Ванцзы Чэнфу (717–? гг. до н. э.). Первоначально его фамилия была Цзи, но ему пожаловали фамилию Ван за изгнание племени чи-ди (досл. – «красные ди»). В эпоху Чжаньго из рода Ван вышел один крупный генерал, а именно, знаменитый генерал царства Цинь по имени Ван Цзянь, пришедший на смену циньскому генералу по имени Бай

¹ Петрова М. С. Просопография // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – С. 419.

Ци (332–257 гг. до н. э.). Среди предков генерала Ван Цзяня было три поколения, прославленные великими военными подвигами во время покорения Центральной равнины Цинь Шихуаном. Позже правнук Ван Цзяня по имени Ван Юань перебрался в область Ланъя. В период династии Западная Хань в клане Ванов из Ланъя был известный деятель по имени Ван Цзи (?–48 гг. н. э.), кото-

рый получил учёную степень эрудита-боши и был назначен на должность сановника по увещанию (цзянь дафу 諫大夫), а потомки в качестве сановников «обладали превосходством в течение многих поколений» («Ханьшу»), создавая основу для высокого положения клана ланъяеских Ванов. Все потомки семьи ланъяеских Ванов процветали весь период Западной и Восточной Хань.

中原世族郡望的分布

Расположение владений знатных кланов Центральной равнины по областям империи Западной Цзинь¹:

1 – клан Лу (округ Фаньян); 2 – клан Цуй (округ Болин); 3 – клан Хуа и Мин (округ Пин-юань); 4 – клан Ван (округ Тайюань); 5 – клан Ли (округ Лунси); 6 – клан Су (округ Фуфэн); 7 – клан Фу (округ Бэйди); 8 – клан Пэй и Вэй (округ Хэдун); 9 – клан Ли (округ Чжаоцзюнь); 10 – клан Цуй (округ Цинхэ); 11 – клан Ван (округ Ланье, вариант – Ланъя); 12 – клан Ду (округ Цзинчжао); 13 – г. Лоян (столица Поздней Хань и первая столица Западной Цзинь); 14 – клан Чжэн (округ Синъян); 15 – клан Чи (округ Гаопин); 16 – клан Ван (округ Дунхай); 17 – клан Чжун, Сюнь и Юй (округ Инчуань); 18 – клан Се (округ Чэньцзюнь); 19 – клан Хуань (округ Цяого); 20 – г. Цзянькан – столица империи Восточная Цзинь

Location of the domains of the noble clans of the Central Plains by regions of the Western Jin Empire:

1 – Lu Clan (Fanyang County); 2 – Tsui Clan (Bolin County); 3 – Clan Hua and Ming (Ping-yuan district); 4 – Wang Clan (Taiyuan County); 5 – Li Clan (Lunxi County); 6 – Su Clan (Fufeng District); 7 – Fu Clan (Beidi County); 8 – Pei and Wei Clan (Hedong County); 9 – Li Clan (Zhaojun County); 10 – Tsui Clan (Qinghe District); 11 – Wang Clan (Langye County, option – Langya); 12 – Clan Du (Jingzhao District); 13 – Luoyang city (capital of the Late Han and the first capital of Western Jin); 14 – Zheng Clan (Xingyang County); 15 – Chi Clan (Gaoping District); 16 – Wang Clan (Donghai County); 17 – Zhong, Xun and Yu Clan (Yingchuan District); 18 – Xie Clan (Chenjun County); 19 – Huan Clan (Qiaogo County); 20 – Jiankang City – Capital of the Eastern Jin Empire

¹ Источник: [11, с. 169].

Но поистине золотой век клан Ван из Ланье пережил во времена династии Восточной Цзинь, когда «Ван и Ма вместе управляли Поднебесной». В этом знаменитом выражении фамильный знак Ма была сокращённым обозначением фамилии Сыма Жуя, шаньдунского аристократа, который стал императором-основателем династии Восточной Цзинь и принял тронное имя Юань-ди. А фамильный знак Ван относился к шаньдунскому клану Ван, из которого вышли двоюродные братья Ван – младший брат Ван Дао стал канцлером, а старший брат Ван Дунь – генералом. Изначально в конце династии Западной Цзинь Сыма Жуи получил надел в области Ланье и получил полную поддержку местного клана Ван. В конце Западной Цзинь, когда началась смута, сановник Ван Дао поддержал Сыма Жуя в установлении династии Восточной Цзинь за р. Янцзы в г. Цзянькан (совр. Нанкин). Можно без преувеличения сказать, что весь успех Сыма Жуя в данном случае был неразрывно связан с кланом Ван из Ланье. Поэтому на церемонии возведения Сыма Жуя на престол он попросил канцлера Вана сесть на трон вместе с ним. Сановник Ван Дао был политическим долгожителем, он занял должность канцлера и служил при первых трёх императорах Восточной Цзинь – Юань-ди, Мин-ди и Чэн-ди – и стал фактическим архитектором всей политики раннего периода династии Восточной Цзинь.

В военном плане Ван Дао контролировал важные посты, его политический статус был непоколебим, что оказало глубокое влияние на всю историю Восточной Цзинь. Его двоюродный брат Ван Дунь, руководил войсками в областях Цзинчжоу и Янчжоу и таким образом располагал крупными силами в важнейших городах империи, расположенных на берегах главной водной артерии – р. Янцзы. Позднее он восстал и пытался свергнуть клан Сыма, что также говорит о могуществе семейства Ван. Но даже провал этой попытки практически не отразился на престиже этого клана.

В среде людей искусства клан Ван также достаточно известен. Известные каллиграфы Ван Сичжи и Ван Сяньжи были выходцами из данного клана. Во времена Восточной Цзинь из клана Ван вышло 8 императриц и более 20 принцесс, вышедших замуж за представителей правящего дома.

Известно, что в общей сложности на протяжении всего периода Шести династий 161 представитель шаньдунского клана Ван

поднялись по карьерной лестнице, состоявшей из 9 рангов, до 5-го ранга и выше. Из них 15 человек достигли уровня сановников 1-го ранга. По этому показателю во всём Древнем Китае клан Ван можно сравнить только с шаньсийским кланом Пэй из области Вэньси, у которого в роду было 59 канцлеров и 59 генералов.

Вторым по значимости кланом был клан Се из области Чэньлю. Также этот клан известен как клан Се из местности Янся в области Чэнь (совр. – уезд Тайкан, провинция Хэнань). Во времена династий Вэй Цзинь, а также в эпоху Южных и Северных династий этот клан был единственным, кого можно было сравнить с кланом Ванов из Ланье. Как говорится в стихотворении позднетанского поэта Ян Шиэ (762–819 гг. н. э.): «Глаза разбегаются от обилия упоминаний о плеяде талантов из кланов Ван и Се в Цзиньшу» («Два стихотворения о воспоминаниях про Цзяньнань»). Клан Се начал своё восхождение на придворный олимп относительно поздно, но при этом он смог быстро достичь больших высот. Самой выдающейся фигурой в истории клана Се был сановник, меценат и генерал Се Ань, который отразил в 383 г. н. э. вторжение северокитайской варварской державы Ранняя Цинь в исторической битве на р. Фэйшуй. С этой исторической личности и началось возвышение клана Се. После того, как старший двоюродный брат Се Аня по имени Се Шан и его младший брат Се Вань пошли на чиновничью службу, клан начал процветать и достиг своего пика во время государственной службы Се Аня при дворе. Се Ань поручил своему племяннику Се Сюаню сформировать Северную ставку войск (кит. бэйфубин), которая внесла большой вклад в победу над войсками державы Ранней Цинь и тем самым оказала глубокое влияние на судьбу династии Восточной Цзинь. Позже генерал-простолюдин Лю Юй, сын писаря, лидер армии Северной ставки войск сконцентрировал всю военную власть в империи Восточной Цзинь и сверг в 420 г. правящий дом Сыма, чтобы установить свою династию Лю-Сун.

Знаменитые китайские поэты эпохи Шести династий Се Линъюнь (385–433 гг. н. э.) и Се Тяо (464–499 гг. н. э.) также происходили из клана Се. Более того, бабушка Се Линъюня по материнской линии была единственной дочерью каллиграфа Ван Сичжи.

Третьим сильным кланом был клан Хуань, который вёл свою историю от отца известного генерала Хуань Вэня (312–373 гг. н. э.) по имени Хуань И (276–328 гг. н. э.). Хуань

И был родом из местности Лункан в области Цяо (территория совр. г. Лункан уезда Хуайюань провинции Аньхой). В начале карьеры Хуань И служил в должности главного воеводы кавалерии при цисском ване по имени Сыма Цзюн (?–302 гг. н. э.). При восточно-цзиньском Юань-ди он был удостоен звания генерала-умиротворителя востока (аньдун цзянцзюнь). Позже он «несколько раз подряд получал повышение по службе и должность чжуншулана и либулана». Хуань Вэнь, сын сановника Хуань И, стал зятем второго восточно-цзиньского императора Мин-ди и пользовался покровительством южнокитайского сановника-чжуншулина по имени Хэ Чун (292–346 гг. н. э.). Позже он был назначен на должность губернатора области Цзинчжоу, а также получил титул генерала умиротворителя запада. Хотя Хуань Вэнь и входил в число родственников правящего клана, но при этом, строго говоря, его последующая карьера была основана на его личных организаторских способностях. В тот момент северное царство Поздней Чжао (319–351 гг. н. э.) заключило договор с юго-западным царством Чэн-Хань, что представляло для Восточной Цзинь угрозу быть наполовину окружённой. Хуань Вэнь, посчитав, что надо выбрать меньшее из зол, уничтожил государство Чэн-Хань в 346–347 гг. н. э. Этой победой он снискал громкую славу при дворе Восточной Цзинь. Позже он дослужился до должности советника по военным делам (да сыма) и долгое время был одним из высших руководителей Восточной Цзинь. Три северных похода Хуань Вэня заложили основу могущества Восточной Цзинь, хотя они и закончились в конечном итоге поражением.

Первый поход (в 354 г. н. э.) Хуань Вэнь предпринял против царства Ранней Цинь. Цзиньская армия быстро вступила в район Гуаньчжуна. Области Гуаньчжуна стали сдаваться одна за другой, народ несил победоносному войску мясо и вино, мужчины и женщины встречали его, толпами стоя вдоль дорог. Несмотря на то что Фу Цзянь, правитель Ранней Цинь, заперся в крепости и не решался на вылазку, Хуань Вэнь не воспользовался победой, чтобы переправиться через р. Башуй и с ходу взять город Чанъань, а остановился лагерем. В конце концов, не получая продовольствия для армии и будучи связанным по рукам придворными интригами, Хуань Вэнь был вынужден отступить из Гуаньчжуна. Во время второго похода на север (в 356 г. н. э.) Хуань Вэнь разбил Яо Жана при Ишуйе (около г. Лоян) и

вернулся, оставив войска для охраны Лояна. Во время третьего похода (в 369 г. н. э., в годы Хайсигун правления цзиньского Фэйди), предпринятого против Янь, он дошёл до Фантоу (уезд Цзюньсянь провинции Хэнань), но потерпел поражение и, испытывая недостаток в продовольствии, отвлёк войска назад. После неудачных походов Хуань Вэня Северный Китай был постепенно завоёван усилившимся царством Ранней Цинь.

Имея в активе удачный поход на царство Чэн-Хань, а также успешные поначалу три северных похода, Хуань Вэнь рассчитывал узурпировать высшую власть в Восточной Цзинь. В официальной династийной истории «Цзинь шу» («Жизнеописание Хуань Вэня») сохранилась известная фраза Хуань Вэня про правящий дом Восточной Цзинь: «Этого нельзя ни передать будущим поколениям, и недостаточно, чтобы оставить дурную славу о себе в веках». Хотя Хуань Вэнь не смог свергнуть клан Сыма при жизни, он занял прочные позиции в рамках своего клана. Его сын, влиятельный региональный лидер Хуань Сюань восстал в 398 г. н. э. и заставил императора Ань-ди отречься от престола в свою пользу. В 404 г. н. э. Хуань Сюань и основал династию Хуанчу, но она была разгромлена армией генерала Лю Юя из ставки Бэйфубин. Но остальная часть клана Хуань, тем не менее, все ещё продолжала бороться против правящего клана Сыма. Восстание клана Хуань также ускорило упадок и без того ослабшей династии Восточная Цзинь, и в итоге её сменила Лю Сун.

Четвёртым высшим кланом эпохи Восточная Цзинь был старый служилый клан Юй. Клан Юй происходил из области Инчуань (совр. территория уезда Сюйчан провинции Хэнань) и был известным кланом местных магнатов. Первый известный представитель этого клана – сановник Юй Лян (289–340 гг. н. э.), который внёс большой вклад в создание административной системы Восточной Цзинь. Юй Лян получил высокий пост чжуншулина благодаря тому, что смог сосватать свою сестру по имени Юй Вэньцзюнь замуж за второго восточно-цзиньского императора Мин-ди, и потому держался на равных со своим врагом Ван Дао. После смерти императора Мин-ди Юй Лян стал регентом третьего императора Чэн-ди на правах брата императрицы и дяди молодого императора. Сразу после провала мятежа генерала Ван Дуня он унаследовал должность канцлера, которую до этого занимал брат Ван Дуня – сановник Ван

Дао. После смерти Юй Ляна пост канцлера занял его младший брат по имени Юй Бин (296–344 гг. н. э.). Помимо этого, младший брат Юй Бина по имени Юй И (305–345 гг. н. э.) добился назначения на должность губернатора области Цзинчжоу, стратегически важного региона всей империи Восточной Цзинь, расположенного в среднем течении р. Янцзы, что укрепило влияние клана Юй. Фактически, Юй И управлял войсками шести областей – Цзянчжоу, Цзинчжоу, Сичжоу, Юнчжоу, Лянчжоу и Ичжоу, одновременно являясь при этом губернатором области Цзинчжоу, и в основном контролировал военную и политическую власть династии Восточной Цзинь. Однако, хотя братья Юй и были выдающимися государственными деятелями, век их не был долгим, и потому они не смогли закрепить властные позиции своего клана. Все они умерли в возрасте 40–50 лет. Это также стало основной причиной того, что репутация и продолжительность процветания семьи Юй уступала трём другим кланам.

В результате анализа истории четырёх кланов сделан вывод о том, что наибольшего успеха в период Восточной Цзинь добился клан Ван, который смог выйти с локального уровня политики на столичный уровень южнокитайской империи. Авторитет этого клана бы настолько незыблем, что даже после подавления мятежа генерала Ван Дуня, второго человека в клане Ван эпохи Восточной Цзинь, клан Ван не был подвержен поголовному истреблению, как это бывало ранее, во времена династии Хань и в доимперский период, несмотря на все старания врагов клана Ван в лице сановников Юй Ляна и Юй Бина. Такой исход оказался возможным благодаря высоким заслугам клана Ван при реставрации империи Цзинь в Южном Китае, а также благодаря высокому авторитету и значительному символическому капиталу клана Ван в высшем обществе эпохи Цзинь.

Заключение. Таким образом, на основе приведённых историко-биографических сведений можно сделать следующие выводы. Можно сказать, что фактор клановых структур оказал значительное двойное воздействие на историко-политический процесс периода империи Цзинь и эпохи Южных и Северных династий в целом. Эта двойность заключается в том, что, с одной стороны, непрерывные распри региональных ветвей клана Сыма (мятеж восьми ванов) подорвали основу могущества империи Западной Цзинь изнутри, а с другой

стороны, те же самые клановые структуры в комплексе с довольно прочными земляческими связями (союз регионального ветви правящего клана Сыма и местный знатный клан Ван) не дали правящему дому Сыма окончательно утратить власть и укрыться в Южном Китае за р. Янцзы. Большая часть высших кланов эпохи Восточная Цзинь смогли пережить саму эту династию, несмотря на все тяжелейшие потрясения, восстания и интриги, хотя и утратили ведущие позиции при дворе. Речь идёт о кланах Ван из Ланье, Се из Чэньлю и Юй из Инчуань. Что же касается собственно правящих кланов южных династий, то их судьба была менее завидной из-за того, что сама смутная и нестабильная эпоха не давала правящему клану достаточного времени, чтобы закрепиться на вершине властной пирамиды, а после очередного переворота правящий клан подвергался сильным репрессиям со стороны нового клана.

Отметим, что сама система высших кланов эпохи Цзинь сложилась в результате отказа от ханьского института экзаменов на чиновничью должность и принятия таблицы из девяти рангов, в которой карьерный рост чиновника зависел от протекции и рекомендаций высших кланов в столице и в регионах. Отказ от относительно прогрессивной ханьской практики экзаменов после крушения Восточной Хань был результатом ослабления монопольных позиций правящего дома и центральной власти эпохи политической раздробленности.

Можно сделать вывод о том, что возвышение и процветание северокитайского шаньдунского клана Ван из области Ланье в южнокитайской империи Восточная Цзинь были обусловлены особыми отношениями между аристократом Сым Жуем (первым императором Восточной Цзинь) и потомственным аристократом Ван Дао – патриархом клана Ван. Особые отношения между ними сложились благодаря конкретно-историческим и геокультурным факторам того смутного периода китайской истории. Земляческие связи двух кланов и личные достоинства будущего канцлера Ван Дао привели к формированию особого альянса между кланами Ван и Сыма в виде шаньдунской земляческой группировки, которая смогла эффективно осуществить реставрацию и перенос столицы рухнувшей империи в южнокитайский г. Цзянькан. Одним из важнейших итогов начального периода Восточной Цзинь стало создание модели кланового дуумвиата.

Список литературы

1. Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 1. Предыстория. Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). М.: Вост. лит., 1995. 379 с.
2. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
3. Кравцова М. Е. Династия Восточная Цзинь (317–420) // История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М.: Наука, 2014. 991 с.
4. Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М.: Наука, 1967. 201 с.
5. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
6. Крюков В. М. Текст и ритуал: опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники ист. мысли, 2000. 464 с.
7. Малявин В. В., Костяева А. С. Аристократия раннесредневекового Китая и её историческое значение // Социальные организации в Китае. М.: Наука, 1981. С. 20–42.
8. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны / пер. с кит., предисл. и ком. В. С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1992. 432 с.
9. Непомнин О. Е., Иванов Н. А. Типология азиатских обществ. М.: Вост. лит., 2010. 440 с.
10. Holcombe C. Eastern Jin. In A. Dien & K. Knapp (Eds.). The Cambridge History of China. The Cambridge History of China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. Vol. 2. The Six Dynasties. P. 96–118.
11. Illustrated history of China (中华上下五千年) by Xing Tao (邢涛), Ji Jianghong. Beijing: Beijing publishing house, 2003. Vol. 2. P. 169.
12. Zürcher E. (Erik) The Buddhist conquest of China: the spread and adaptation of Buddhism in early medieval China / by E. Zürcher; with a foreword by Stephen F. Teiser. LEIDEN, 2007. 3d ed. p. cm. 472 p.
13. 田余庆. 东晋门阀政治. 北京: 北京大学出版社. 2000. 375 页 = Тянь Юйцин. Политика знатных кланов Восточной Цзинь. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2000. 375 с.
14. 王仲荦. 魏晋南北朝史. 上海: 上海人民出版社. 2003. 第 296–353 = Ван Чжунло. История Вэй, Цзинь, а также Южных и Северных династий. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 296–353.
15. 冯尔康. 中国宗族史. 上海人民出版社, 2008 = Фэн Эркэн. История патриархальных кланов Китая (Чжунго цзунцзу ши). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. 上海人民出版社. 468 с.

Статья поступила в редакцию 16.09.2020; принята к публикации 20.10.2020

Сведения об авторе

Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич, кандидат исторических наук; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: chts17@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>.

Источники финансирования статьи

Статья подготовлена в рамках государственного проекта XII.191.1.2. № AAAA-A17-117021310264-4 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Библиографическое описание статьи

Цыренов Ч. Ц. Четыре высших клана эпохи Восточная Цзинь (317–420 гг. н. э.) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 189–197. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-189-197.

References

1. Vasil'ev, L. S. Ancient China. Vol. 1: Prehistory, Shang-Yin, Western Zhou (before the 8th century BC). M: Vostochnaya literatura RAN, 1995: 180–183. (In Rus.)
2. Koval'chenko, I. D. Historical research methods. M: Nauka, 1987. (In Rus.)
3. Kravtsova, M. E. Eastern Jin dynasty (317–420 AC). The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century in 10 v. Vol. 3. Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern dynasties, Sui, Tan (220–907 AC). M: Nauka, 2014: 111–124. (In Rus.)
4. Kryukov, M. V. Forms of social organization of the ancient Chinese. M: Nauka, 1967. (In Rus.)
5. Kryukov, M. V., Malyavin, V. V., Sofronov, M. V. Chinese ethnos on the threshold of the Middle Ages. M: Nauka, 1979. (In Rus.)
6. Kryukov, V. M. Text and ritual: The experience of interpreting ancient Chinese epigraphs of the Yin-Zhou era. M: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2000. (In Rus.)
7. Malyavin, V. V. The aristocracy of early medieval China and its historical significance. Social organizations in China. M: Nauka, 1981. (In Rus.)

8. Materials on the history of nomadic peoples in China of the III–V centuries / transl. from Chinese, preface and comment. V. S. Taskin. Vol. 3. Murong. M: GRVL, 1992. (In Rus.)
9. Nepomnin, O. E., Ivanov, N. A. Typology of Asian societies. M: Vost. lit. RAN, 2010. (In Rus.)
10. Holcombe, C. (2019). Eastern Jin. In A. Dien & K. Knapp (Eds.). The Cambridge History of China: Volume 2, The Six Dynasties. The Cambridge History of China. Cambridge: Cambridge University Press: 96–118. (In Eng.)
11. Illustrated history of China (中华上下五千年) by Xing Tao (邢涛), Ji Jianghong. Beijing: Beijing publishing house, 2003. Vol. 2. p. 169. (In Chin.)
12. Zürcher, E. (Erik) The Buddhist conquest of China: the spread and adaptation of Buddhism in early medieval China / by E. Zürcher; with a foreword by Stephen F. Teiser. LEIDEN, 2007. (In Eng.)
13. 田余庆. 东晋门阀政治. 北京: 北京大学出版社. 2000. 375 页 = Tian Yuqing. Eastern Jin Noble Clan Policy. Beijing, "Beijing university press", 2000. (In Chin.)
14. 王仲荦. 魏晋南北朝史. 上海: 上海人民出版社. 2003. 第 296–353 = Wang Zhongluo. Wei Jin Southern and Northern Dynasties. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2003: 296–353. (In Chin.)
15. 冯尔康. 中国宗族史. 上海人民出版社, 2008 = Feng Erkang. History of the patriarchal clans of China. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2008. 上海人民出版社. (In Chin.)

Received: September 16, 2020; accepted for publication October 20, 2020

Information about author

Tsyrenov Chingis Ts., Candidate of History, Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: chts17@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-0625>.

Sources of article funding

The article was prepared within the framework of a state assignment (project XII.191.1.2 No. AAAA-A17-117021310264-4 "Intercultural relationships, ethnic and sociopolitical processes in Central Asia").

Reference to the article

Tsyrenov Ch. Ts. The Four Highest Clans of the Eastern Jin Era // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 189–197. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-189-197.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. СУДЬБЫ

PEOPLE. EVENTS. FATES

УДК 001(571.54)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-198-202

Леонид Владимирович Курас,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(г. Улан-Удэ, Россия),

e-mail: kuraslv@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0003-4507-249X

От концепции фатума к теории поколений

(к 75-летию со дня рождения профессора Цымжит Пурбуевны Ванчиковой)

В очерке рассматривается творческий путь доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия Цымжит Пурбуевны Ванчиковой, чей 75-летний юбилей будет отмечать научная общественность. Ц. П. Ванчикова отдала 52 года родному институту, подготовив множество монографий, статей, рецензий и выучив десятки учеников. Является руководителем многих научных проектов и международных грантов, постоянным участником международных форумов, проводимых в Монголии, Китае, Японии, Англии, Германии, Таиланде и других странах. Особенность биографии исследователя показана не через призму династии учёных-востоковедов, а через концепцию фатума: её творчество рассматривается как предопределённость и логическое продолжение творческого пути её отца, известного источниковеда, историографа и археографа, кандидата исторических наук Пурбо Балданжапова, с которым у юбиляра имеются и совместные публикации. В свою очередь, эта семейная традиция и предопределённость передались и дочери юбиляра Татьяне Сергеевне, которая входит в 100-летний цикл теории поколений. Фигурирует в статье и будущий юрист, любимый внук юбиляра Арсений.

Ключевые слова: профессор Цымжит Пурбуевна Ванчикова, Центр восточных рукописей и ксилографов, источниковедение, историография, археография, монголоведение

Leonid V. Kuras,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies,

Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

(Ulan-Ude, Russia)

e-mail: kuraslv@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0003-4507-249X

From the concept of Fate to the Theory of Generations

(to the 75th Anniversary of the Professor Vanchikova Tsymzhit Purbuevna)

The article examines the creative path of Tsymzhit Purbuevna Vanchikova, doctor of historical sciences, professor, chief researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the SB RAS, an Honored researcher of the Republic of Buryatia, whose 75th anniversary will be celebrated by the scientific community. Ts. P. Vanchikova gave 52 years to her native Institute, having prepared many monographs, articles, reviews and dozens of graduates, being the head of many scientific projects and international grants, a regular participant of numerous international forums. At the same time, the peculiarity of the researcher's biography is shown not through the prism of a dynasty of Orientalists, but through the concept of fate. That is, her work is considered as a predetermined and logical continuation of the creative path of her father, a well-known source scholar, historiographer and a specialist in the study and publication of medieval texts, candidate of historical sciences Purbo Baldanzhapov, with whom the hero of the day has joint publications. In turn, this family tradition and predestination, which has been passed on to the daughter of the hero of the day, Tatyana Sergeevna, which fits perfectly into the 100-year cycle of the theory of generations. That is why the article also features the future lawyer-the favorite grandson of the anniversarian.

Keywords: Professor Vanchikova Tsymzhit Purbuevna, the Center of Oriental manuscripts and xylographs, source studies, study and publication of medieval texts, historiography, Mongolian studies

© Курас Л. В., 2020

Истинная наука не знает ни симпатий, ни антипатий:
единственная цель её – истина.
Уильям Роберт Гроф

Цымжит Пурбуевна Ванчикова
Tsymzhit Purbuevna Vanchikova

Начало пути. 12 декабря 2020 г. выпускающему редактору «Гуманитарного вектора» профессору Цымжит Пурбуевне Ванчиковой исполняется 75 лет.

В жизни доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, к творчеству которой мы уже обращались [6], концепция фатума сыграла определяющую роль. Концепция фатума была выдвинута в конце 2019 г. академиком Украинской академии наук О. В. Мальцевым на Международном научном симпозиуме «Жизненный триумф» в качестве философской концепции о существовании predeterminedности высшей волей, судьбой событий в природе, обществе и в жизни каждого человека.

Жизнь Цымжит Пурбуевны и её служение востоковедению, а точнее – монголоведению и буддологии, а ещё точнее – источ-

никоведению и археографии была predetermined с её рождения.

Путь, достойный преклонения. Отец Цымжит Пурбуевны, Пурбо Балданжапов [7], имея за плечами исторический факультет Иркутского государственного университета, после окончания аспирантуры Института востоковедения АН СССР (г. Москва) в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Монгольская летопись «Эрдэни-йин эрик» как историко-правовой памятник XIII–XVI веков». В течение 15 лет его трудовая деятельность была связана с Бурятским институтом общественных наук СО РАН (ныне – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), где он работал по проблеме «История культуры Центральной Азии». В рамках проблемы он занимался разработкой трёх крупных тем: «Монгольское источниковедение и историография Монголии», «Источниковедение индо-тибето-монгольской медицины» и «Изучение Ганджура и Данджура, выборочная публикация и перевод сочинений из них». Именно его перу принадлежат первые публикации «Белой истории» [1; 4]. Особенно ценным является тот факт, что учёный передал дочери темы, как спортсмены передают эстафетную палочку. Сейчас Цымжит Пурбуевна продолжает исследования по темам, начатым П. Б. Балданжаповым: исследование монголоязычного буддистского канона; изучение и переводы с классического письменного монгольского языка исторических сочинений по истории и истории монгольского и бурятского буддизма; анализ и публикации фольклорного наследия; обращение к наследию восточной медицины, истории и культуры монголоязычных народов и мн. др. [2].

Продолжатель дела. Цымжит Пурбуевна после окончания историко-филологического факультета Бурятского государственного педагогического института более полувека трудится в Бурятском институте общественных наук Сибирского отделения АН СССР (БИОН) – Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ИМБТ СО РАН). Из них четверть века она возглавляла Отдел памятников письменности Востока – Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Уже в 1983 г. она заявила о себе, защитив в Институте востоковедения АН СССР (г. Москва) кандидатскую диссертацию на тему «Памятники монгольской агиографии как источники по истории буддизма в Монголии». В 2001 г. в диссертационном

совете при ИМБТ СО РАН Ц. П. Ванчикова прошла защита докторской диссертации на тему «Чаган тэукэ – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI веков», в дальнейшем изданной в качестве монографии [2]. О серьезности

и скрупулёзности исследования говорит тот факт, что этой работе предшествовал многолетний труд по переводу источника, составлению комментариев к тексту, критический анализ источника и его приложений [1; 2; 4].

Пурбо Балданжапов с Индирой Ганди

Purbo Baldanjabov with Indira Gandhi

Сегодня перу Цымжит Пурбуевны принадлежат более 250 публикаций, в том числе 23 авторских и коллективных монографии. Она грантодержатель и участник грантов РГНФ и РФФИ, участник международных форумов КНР, Монголии, Кореи, Польши, Венгрии, Швейцарии, Англии, Германии, Таиланда и Японии. Ею подготовлены 12 кандидатов и 4 докторов исторических наук.

Теория поколений. В 1991 г. американские учёные Уильям Штраус и Нил Хоув разработали теорию поколений, в которой на примере истории США и других стран описали схожие поколенческие циклы (четыре поколения по 20–25 лет составляют один цикл) и повторяющиеся модели поведения. Два года назад, отмечая 100-летний юбилей Иркутского государственного университета и исторического факультета ИГУ, мы использовали этот поколенческий цикл, который нашёл понимание у профессионального сообщества историков (эту точку зрения высказал автор статьи в выступлении на конферен-

ции, посвящённой 100-летию исторического факультета Иркутского государственного университета). На наш взгляд, теорию поколений можно с полным основанием приложить к семье профессора Ц. П. Ванчиковой и рассмотреть её через призму личностного восприятия.

Поколенческий цикл семьи Цымжит Пурбуевны Ванчиковой начался с Пурбо Балдановича Балданжаповича, который не просто предопределил научное будущее семьи, но и в соответствии с теорией поколений стал первым звеном этого цикла. Второй поколенческий цикл связан с именем юбиляра, которая достигла сияющих вершин востоковедения, но главные вершины, надеемся, у неё ещё впереди. Следующий поколенческий цикл – дочь Татьяна Сергеевна, которая закончила физико-математический факультет, отделение математики и информатики БГПИ им. Доржи Банзарова. С 2002 г. она работает в Центре восточных рукописей и ксилографов инженером-исследователем (далее – ЦВРК). Будущее современного источниковедения

и археографии Востока сегодня в её руках. В настоящее время деятельность ЦВРК направлена на составление цифровых баз данных наиболее ценных памятников письменности на тибетском и классическом монгольском языках и архивных документов, что сохранит культурное наследие Востока для будущих поколений. В задачи Татьяны Сергеевны входит оцифровка объектов историко-культурного наследия с применением новейших информационных технологий и в соответствии с едиными международными стандартами. Это позволяет улучшить сохранность книжных памятников и обеспечить возможность их восстановления в случае утраты, существенно повысить эффективность работы исследователей; способствует распространению информации о коллекциях за пределы ЦВРК путём предоставления оперативного доступа к удалённым ресурсам. Тем самым выполняет важную миссию по сохранению письменного наследия, продолжая труд своих предшественников Пурбо Балдановича и Цымжит Пурбуевны – деда и мамы.

Четвёртый поколенческий цикл – внук юбиляра Арсений, магистрант юридического факультета Бурятского государственного университета. В 2017 г. он принял участие в ежегодной Международной научно-практической конференции молодых учёных,

аспирантов, магистрантов, студентов «Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – VIII» с докладом «Происхождение Великой Ясы», который был отмечен дипломом и стал темой его выпускной работы.

Сегодняшним источниковедам, занимающимся введением в научный оборот монгольских историко-правовых памятников, очень и очень не хватает знаний в области права и, особенно, в области обычного права монгольских народов. Так что путь, избранный внуком Цымжит Пурбуевны, в соответствии с концепцией фатума, предначертан, и путь этот – Центр восточных рукописей и ксилографов.

ЦВРК как точка притяжения. ЦВРК как раз то место, где родилась династия востоковедов-монголоведов. То место, где родилась сказка, которая стала былью, а Хранилище восточных рукописей и ксилографов превратилось в место преклонения и, дай волю (свободный доступ), станет местом паломничества.

Семью профессора Ц. П. Ванчиковой, в соответствии с теорией поколений, ждут новые поколенческие циклы, новые достижения и новые открытия. Дорога эта долгая, неизведанная, но необычайно интересная. Счастливого пути! И с Днём рождения!

Список литературы

1. Балданжапов П. К вопросу изучения и публикации «Белой истории» // Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 23. 1974. С. 170–178.
2. Балданжапов П., Ванчикова Ц. П. . *ᠰᠡᠪᠠᠨ ᠲᠡᠭᠡ* – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI веков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2001. 198 с.
3. Балданжапов П., Пурбуева-Ванчикова Ц. П. О двух дополнениях к Ганданскому списку «Белой истории» // Материалы советской делегации к V Международному конгрессу монголоведов. М.: Наука, 1987. 216 с.
4. Балданжапов П. Списки «Белой истории» // Востоковедные исследования в Бурятии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1981. С. 30–54.
5. Ванчикова Ц. П. Шаstra, проповеданная ханом-чакравartiном // Материалы Всесоюзной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова. М.: Ин-т языкозн. РАН, 1984. 376 с.
6. Курас Л. В. Брак с бесконечностью (к 70-летию со дня рождения профессора Ц. П. Ванчиковой) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 4. С. 258–263.
7. Учёные-исследователи Бурятского института общественных наук СО РАН (к 75-летию института): биобиблиографический справочник. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 29–31.

Статья поступила в редакцию 24.09.2020; принята к публикации 20.10.2020

Сведения об авторе

Леонид Владимирович Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: kuraslv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4507-249X>.

Библиографическое описание статьи

Курас Л. В. От концепции Фатума к теории поколений (к 75-летию со дня рождения профессора Цымжит Пурбуевны Ванчиковой) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 195–202. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6195-202.

References

1. Baldanzhapov, P. On the issue of studying and publishing "White history». Proceedings of BION, no. 23, pp. 170–178, 1974. (In Rus.)
2. Baldanzhapov, P., Vanchikova, Ts. P. Chayan teüke - "White history" - Mongolian historical and legal monument of the XIII-XVI centuries. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. nauch. tsentra SO RAN, 2001. (In Rus. and Mong.)
3. Baldanzhapov, P., Purbuyeva-Vanchikova Ts. P. About two additions to the Gandan version of "White history». Proceedings of the Soviet delegation to the V international Congress of Mongol studies. Moscow, 1987. (In Rus.)
4. Baldanzhapov, P. Versions of "White history". In Oriental studies in Buryatia. Novosibirsk: Nauka, 1981: 30–54. (In Rus.)
5. Vanchikova, Ts. P. Shastra preached by Khan-chakravartin. Proceedings of the all-Union scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of B. Ya. Vladimirtsov. Moscow, 1984. (In Rus.)
6. Kuras, L. V. Marriage with infinity (to the 70th anniversary of the birth of Professor Ts. P. Vanchikova). Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, no 4(20), pp. 258–263, 2015. (In Rus.)
7. Kuras, L. V. Irkutsk University and the theory of generations. Papyrus. To the 100th anniversary of the history Department of Irkutsk state University. 09.10. 2018. (In Rus.)
8. Scholars of the Buryat Institute of social Sciences SB RAS (to the 75th anniversary of the Institute). The biobibliographic reference guide. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. nauch. tsentra SO RAN, pp. 29–31, 2001 (In Rus.)

Received September 24, 2020; accepted for publication October 20, 2020.

Information about authors

Leonid V. Kuras, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: kuraslv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4507-249X>.

Reference to the article

Kuras L. V. From the Concept of Fate to the Theory of Generations (to the 75th Anniversary of the Professor Vanchikova Tsymzhit Purbuevna) // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 195–202. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-195-202.

Редакция журнала
горячо поздравляет юбиляра,
нашего выпускающего редактора,
талантливого ученого и яркого профессионала!
Крепкого здоровья и счастья Вам,
Цымжит Пурбуевна!
Новых творческих свершений на благо российской науки!

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/ основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – **на русском языке** строчными буквами (не заглавными), **на английском языке** – с заглавной буквы пишутся все слова названия, кроме артиклей: a, an, the; союзов: and, but, nor, or, предлогов короче пяти букв, частицы to перед инфинитивом.

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы.

Название блоков выделяется полужирным шрифтом.

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить References согласно следующим требованиям:

- автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);
- название работы/ источника (перевод на английский язык);
- выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация);
- указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объем цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объема статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170 × 240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объема статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Тел. +7(3022) 35-24-79

SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared should not exceed 40,000 characters with spaces.

Genre	Minimum length
Research article (theoretical or empirical articles that contain the main results obtained by the author)	0.5 printer's sheet (20,000 characters)
Scientific reports and papers	0.3 printer's sheet (12,000 characters)
Reviews	0.2 printer's sheet (8,000 characters)

SUBMISSION PACKAGE

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's surname and the title of the article.
2. Electronic version of publishing agreement.
3. Information about the author.

THE STRUCTURE OF THE PAPER SUBMITTED TO THE EDITORIAL BOARD

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Author's name, patronymic (middle name), surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (permanent place of work or place of a research project) in Russian and English.

Mail address (in Russian and English).

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in Russian (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, as, that*, etc. – when fewer than 5 letters are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of research and should include background, aims, methods, results, and conclusion but should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7) are separated by a comma (in Russian and English).

The body text of the paper should include the parts: Introduction, Methods, Results, Discussion, Conclusion. **The names of the parts should be in bold type.**

The paper should include in-text references to the works cited. References are given in square brackets, indicating the source number and the page number, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon [1; 3; 4].

References are arranged in alphabetical order and should include no less than 15 sources including no less than 5 foreign sources. References in foreign languages should follow references in Russian.

Textbooks, social and political essays, archives, reference, dictionary and legislative materials are mentioned after "References" in the section "**Sources**", they are continuously numbered or are given in the text of the paper as footnotes (in the bottom of the page). A footnote marker is the Arab figure, per page numbering.

The list of references is made out according to state standard specification (GOST) P. 7.0.5-2008. For each source the publishing house, total of pages are surely specified.

References in Russian should be translated into English and meet the following requirements:

- author (s) (transliteration in BSI, BGN formats);
- title of the work/source (English translation);
- imprint: city, publishing house, year of publishing, volume/issue, pages (transliteration);
- source language (in Rus.).

Selfcitations should not exceed 20 %.

Citations should not exceed 30 %.

ARTICLE FORMAT REQUIREMENTS

Languages of publications: Russian, English, China.

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

If using additional languages in a manuscript, a PDF copy should be submitted.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s (authors’) names.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. **All captions in Russian and English** should be attached as a separate list to the article.

Figures must not exceed 1/4 length of the text.

Papers that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to zab-nauka@mail.ru

Address of the Editorial Board

129 Babushkina st., Chita, 672007, Transbaikali Territory, Russia
Transbaikali State University, The Editorial Board (Room 126)

Executive Secretaries

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7(3022) 35-24-79